

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 16, № 3, 2025

**Язык – Дискурс – Корпус
К 95-летию со дня рождения Юрия Сергеевича Степанова**

Приглашенный редактор номера Фещенко В.В.

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2025

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Головко Е.В., чл.-кор. РАН, д-р филол. наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, Россия;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Ключкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Кронгауз М.А., д-р филол. наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковleva A.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты докторских диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНИТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich's Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пушкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 30.09.2025

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 16, No. 3, 2025

**Language – Discourse – Corpus:
To the 95th Anniversary of Yuri Stepanov's Birth**

Guest Editor V.V. Feshchenko

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2025

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Wang Jiaxing, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Evgenny V. Golovko, corresponding member of RAS, Dr.Sc. (philol.), prof., Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Maxim A. Krongauz, Dr.Sc. (philol.), prof., HSE University, Moscow, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФС77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 30.09.2025

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2025

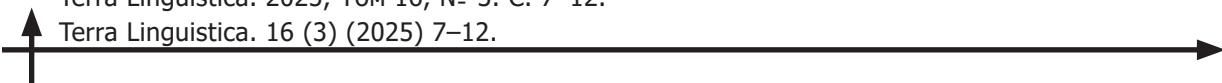
Содержание

Фещенко В.В. Язык – дискурс – корпус: ключевые векторы лингвистической прагматики	7
Вилинбахова Е.Л., Зевахина Н.А. Прагматика употреблений глагола <i>resultar</i> ‘оказываться’ для выражения эвиденциальных значений и нового знания в испанских академических текстах	13
Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Вопрос о цели вопроса и метакоммуникативные средства языка (немецко-русские соответствия)	31
Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов)	46
Казаковская В.В. Субъект модальных высказываний в русской детской речи (анализ случая)	66
Никуличева Д.Б. Выражение перспективы наблюдателя посредством «рассогласования времен» в датских художественных и медиийных текстах	87
Радбиль Т.Б. Прагматика оценки в свете корпусно-дискурсивного анализа: модель «тот еще / еще тот Х» в русской разговорной речи	102
Северская О.И. Прагматические переменные поэтического текста: индекс референции метареальности	116
Соколова О.В. “ <i>Loquor ergo sum</i> ”: корпусно-прагматический анализ глаголов говорения в поэтическом дискурсе и разговорной речи	128
Фещенко В.В. Поэтика эгоцентрического слова: корпусно-дискурсивный анализ частицы <i>мол</i>	146
Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Ответ на благодарность в русской лингвокультуре: «не за что» как прагматическая переменная	166
Киосе М.И. Прагматикализация пространственного дейксиса в полимодальном устном дискурсе	183

Contents

Feshchenko V.V. <i>Language – discourse – corpus: key vectors in linguistic pragmatics</i>	7
Vilinbakhova E.L., Zevakhina N.A. <i>The pragmatics of the Spanish verb resultar ‘turn out’ for expressing evidentiality and new knowledge in academic texts</i>	13
Dobrovolskij D.O., Levontina I.B. <i>Questioning the purpose of questions: Metacommunicative devices in language (a contrastive study of German and Russian)</i>	31
Zykova I.V. <i>Parameters of pragmatic analysis of phraseology in multimodal discourse (the case study of feature films)</i>	46
Kazakovskaya V.V. <i>Subject of modal utterances in Russian child speech (case study)</i>	66
Nikulicheva D.B. <i>Expressing observer perspective through “misalignment of tenses” in Danish fiction and media texts</i>	87
Radbil T.B. <i>Pragmatics of evaluation in the aspect of the corpus-discourse analysis: the model “tot yeshche / yeshche tot X” in russian colloquial speech</i>	102
Severskaya O.I. <i>Pragmatic variables of poetic text: metareality reference index</i>	116
Sokolova O.V. <i>“Loquor ergo sum”: A corpus-pragmatic analysis of verbs of speaking in poetic discourse and colloquial speech</i>	128
Feshchenko V.V. <i>Egocentric particulars in poetry: a corpus-based discourse analysis of the russian particle mon</i>	146
Chernyakov A.N., Tsvigun T.V. <i>The response to gratitude in Russian linguoculture: “you’re welcome” (ne za chto) as a pragmatic variable</i>	166
Kiose M.I. <i>Pragmatization of spatial deixis in multimodal spoken discourse</i>	183

Редакторская заметка

УДК 800

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16301>

EDN: <https://elibrary/VNCUSY>

ЯЗЫК – ДИСКУРС – КОРПУС: КЛЮЧЕВЫЕ ВЕКТОРЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ

В.В. Фещенко

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

takovich2@gmail.com

Аннотация. В статье обозреваются краткая история и современное состояние лингвопрагматических исследований. Демонстрируется, что в отечественном контексте получила распространение именно лингвистическая ветвь прагматических исследований. Обсуждается определение прагматики у Н.Д. Арутюновой. Отмечается роль академика Ю.С. Степанова в становлении отечественной семиотической традиции прагматики. Указываются новые направления исследований и важнейшие современные российские издания по лингвистической прагматике. В последние годы, в связи с возросшей ролью компьютерных технологий, в лингвистике и в других гуманитарных науках отмечается переход от антропоцентристической парадигмы, в которой говорящий индивид – основной объект изучения, к датацентризму, когда в фокусе внимания оказывается обработка больших данных, отвлеченных от индивидуальных особенностей говорящего. Возникает исследовательский вопрос: как при этом меняется «проблема субъекта», являющаяся основной для прагматического измерения языка, согласно известной статье Ю.С. Степанова «В поисках прагматики: проблема субъекта» 1981 года. Цель данного тематического выпуска журнала Terra Linguistica – обсудить современное состояние исследований по лингвистической прагматике во взаимодействии с актуальными и перспективными областями лингвистики. Выпуск приурочен к 95-летию академика Юрия Сергеевича Степанова (1930–2012), выдающегося российского лингвиста и семиотика, пионера в исследованиях дискурса, прагматики и философии языка в нашей стране.

Ключевые слова: язык, дискурс, корпус, лингвопрагматика, семиотика, Ю.С. Степанов.

Для цитирования: Фещенко В.В. Язык – дискурс – корпус: ключевые векторы лингвистической прагматики // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 7–12. DOI: 10.18721/JHSS.16301

Editorial note

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16301>

LANGUAGE – DISCOURSE – CORPUS: KEY VECTORS IN LINGUISTIC PRAGMATICS

V.V. Feshchenko

Institute of Linguistics, RAS,
Moscow, Russian Federation

takovich2@gmail.com

Abstract. The article reviews the history and current state of linguopragmatic research. It reveals that in the Russian research context it is the linguistic branch of pragmatic research that has become widespread. The definition of pragmatics by Arutyunova is discussed. The role of Yuri Stepanov, full member of the Russian Academy of Sciences, in the development of the Russian semiotic tradition of pragmatics is noted. New research areas and the most important modern Russian publications on linguistic pragmatics are indicated. In recent years, due to the increased role of computer technology, linguistics and other humanities have seen a transition from the anthropocentric paradigm oriented towards the individual as the main object of study – to data-centrism with its focus on processing big data, abstracted from the individual characteristics of the speaker. The research question arises: how does the “problem of the subject” change in this case, which is the basis for the pragmatic dimension of language, according to the well-known article by Yuri Stepanov “In Search of Pragmatics: the Problem of the Subject” 1981. The purpose of this thematic issue is to discuss the current state of research in linguistic pragmatics in interaction with current and promising areas of linguistics. The issue is dedicated to the 95th anniversary of Yuri Sergeevich Stepanov (1930–2012), an outstanding Russian linguist and semiotician, a pioneer in the study of discourse, pragmatics and philosophy of language in Russia.

Keywords: language, discourse, corpus, linguopragmatics, semiotics, Yu.S. Stepanov.

Citation: Feshchenko V.V., Language – discourse – corpus: key vectors in linguistic pragmatics, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 7–12. DOI: 10.18721/JHSS.16301

Прагматика как метанаучное понятие не является исключительной собственностью какой-либо из дисциплин, будь то философия, семиотика, лингвистика, психология, социология и т.п. Это термин междисциплинарного характера, и притом, что в каждой из дисциплин принято свое понимание «прагматики», существует нечто «общее» в прагматической проблематике всех заинтересованных наук и научных направлений. *Лингвистическая прагматика* стала полноценной научной дисциплиной, начиная с 1980-х годов. Тогда вышли основополагающие и до сих пор хрестоматийные обобщающие труды Дж. Лича *Principles of Pragmatics* (1983) и С. Левинсона *Pragmatics* (1983). Образовались Международная прагматическая ассоциация (в 1986-м) и ранее, в 1977-м, периодическое издание *Journal of Pragmatics* (и ассоциация, и журнал функционируют до наших дней). На основе социологических концепций интеракционизма возникла теория вежливости (*politeness theory*), а на базе когнитивной психологии – теория релевантности (*relevance theory*). Прагматические теории стали тесно увязываться с семантикой и синтаксисом. В лингвистике термин «прагматика» используется уже для обозначения не только частной дисциплины (раздела теперь не только семиотики, но и лингвистики), но и самого отношения между средствами языка и теми, кто ими пользуется (прагматика понимается как «измерение языка»).

В отечественном контексте получила распространение именно лингвистическая ветвь прагматических исследований. Термин «прагматика» появляется в русскоязычной научной литературе, по-видимому, впервые в переводе книги Р. Карнапа «Значение и необходимость» (1959). Одним из первопроходцев прагматики как семиотической дисциплины в советском языкознании был

Юрий Сергеевич Степанов. В статье [1] «прагматика» (со ссылками на Ч.У. Морриса) вводится в лингвистический оборот; семиотические проблемы прагматики обсуждаются в дальнейших изданиях Ю.С. Степанова. В монографии [2] прагматика анонсируется, в частности, как область исследования модальности и дейксиса: «...с категорией модальности мы вступаем в сферу прагматики языка» [2, с. 243]. В 1985 году появляется целый ряд важнейших публикаций по прагматике языка на русском языке: сборник «Новое в зарубежной лингвистике», посвященный лингвистической прагматике (за ним последовал выпуск, посвященный теории речевых актов); книга Ю.С. Степанова [3], в которой прагматическая координата языка исследуется на обширном материале философии, поэтики, семиотики; и книга Е.В. Падучевой [4] о прагматике высказывания в связи с референцией. В этом же десятилетии зарождается цикл научных встреч «Логический анализ языка», в котором вопросы прагматики (дейксис, оценка, экспрессивность, модальность) являются одними из приоритетных.

Данный этап прагматических исследований (1970–1980-е годы) был суммирован в энциклопедической статье Н.Д. Арутюновой. Прагматика в ней определяется весьма широко: «...область исследований в семиотике и языкоznании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи»¹. При этом отмечается, что лингвистическая прагматика «не имеет чётких контуров, в ней включается комплекс вопросов, связанных с говорящим субъектом, адресатом, их взаимодействием в коммуникации, ситуацией общения»². Здесь же указывается, что прагматика имеет «обширные области пересечения исследовательских интересов» в рамках многих дисциплин лингвистического круга, от риторики и стилистики до социолингвистики и теории коммуникации³.

За последние годы и десятилетия на русском языке вышло несколько учебных пособий по лингвистической прагматике, в которых по-разному определяется объем и содержание этой дисциплины. Например, в книге⁴ к прагматике ее авторы относят лишь то, что непрямо высказывается в языке и речи⁵; в результате сфера прагматических исследований сужается до изучения импликатур и пресуппозиций. В курсе лекций Б.Ю. Нормана «Лингвистическая прагматика» (2009) на материале текстов русской художественной литературы освещаются вопросы связи прагматики и грамматических категорий. Более широкий спектр проблем прагмалингвистики представлен в пособиях И.П. Сусова «Лингвистическая прагматика» (2006) и А.Ю. Масловой «Введение в прагмалингвистику» (2023)⁶.

Распространение прагматического метода и прагматической терминологии в лингвистике, философии языка и общественных науках было и остается результатом межнаучных трансферов. Взаимодействующие в поле прагматики дисциплины включают риторику и стилистику, философию языка и логическую философию, психологию и социологию, культурологию и этнологию, кибернетику и теорию информации, лингвистику и теорию коммуникации, литературоведение

¹ Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 391. Ю.С. Степанов добавляет к этому определению ключевой термин «дискурс»: «Прагматику теперь можно определить как дисциплину, предметом которой является связный и достаточно длинный текст в его динамике – *дискурс*, соотнесенный с главным субъектом, с “Эго” всего текста, с творящим текст человеком» [5, с. 708]. В последние десятилетия все исследования по лингвопрагматике неразрывно связываются с дискурс-анализом.

² Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 392.

³ О роли прагматики в кругу лингвистических дисциплин см. работы [6; 7].

⁴ Долгоруков В.В., Зевахина Н.А., Попова Д.П. Введение в лингвистическую прагматику: учебник. М.: Ленанд, 2021. 312 с.

⁵ «Прагматика изучает те компоненты смысла, которые подразумеваются говорящим, но не были сказаны явно». Там же. С. 13. Под такое узкое понимание прагматики не подпадают ни дейксис (координаты говорящего в коммуникативном акте), ни даже «речевые акты», ведь во многих речевых актах *явным* образом совершается действие, обозначаемое иллокутивным глаголом.

⁶ См. также работы о дисциплинарных границах и содержательном поле современной прагматики [8] и прагмалингвистики [9]. В статье [10] представлено тезаурусно-сетевое моделирование терминологического поля «лингвистическая прагматика». На английском языке существуют обобщающие коллективные труды по различным аспектам лингвопрагматики: Huang Y. Pragmatics. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2014. 464 p.; The Routledge Handbook of Pragmatics / ed. by A. Barron, Y. Gu, G. 1st ed. London: Routledge, 2017. 18 p. DOI: 10.4324/9781315668925

и теорию искусства⁷. Прагматика как направление в изучении языка и дискурса имеет к настоящему времени прочные дисциплинарные и междисциплинарные традиции⁸. Вместе с тем в последнее время развиваются новые направления прагматических исследований: прагматическая стилистика [11], когнитивная прагматика и полимодальная прагматика [12], корпусная прагматика [13]⁹, прагмасемантика [9], визуальная прагмасемиотика [16], поэтическая прагматика [17], а также экспериментальная прагматика, межкультурная прагматика, прагматика перевода и другие. На пересечении лингвистики, лингвофилософии и теорий литературы формируется особое направление, которое можно назвать «прагматикой художественных дискурсов»¹⁰, включающее в себя изучение лингвопрагматических параметров дискурсов прозы, поэзии, драмы, театра, кино, перформанса, песни и т.д.

В Институте языкознания РАН неоднократно проводились конференции по лингвопрагматике. Первая конференция была проведена еще в 1980 году силами Ю.С. Степанова и его коллег. Последняя же по времени – последователями Ю.С. Степанова в 2024 году на тему «Язык – дискурс – корпус: в поисках прагматики». В последние годы, в связи с возросшей ролью компьютерных технологий, в лингвистике и в других гуманитарных науках отмечается переход от антропоцентрической парадигмы (говорящий индивид как основной объект изучения) к dataцентризму (в фокусе внимания обработка больших данных, отвлеченных от индивидуальных особенностей говорящего). Возникает исследовательский вопрос: как при этом меняется «проблема субъекта», являющаяся основной для прагматического измерения языка (согласно известной статье Ю.С. Степанова «В поисках прагматики: проблема субъекта» 1981 года [18]). Цель данного тематического выпуска журнала *Terra Linguistica* – обсудить современное состояние исследований по лингвистической прагматике во взаимодействии с актуальными и перспективными областями лингвистики. Выпуск приурочен к 95-летию академика Юрия Сергеевича Степанова (1930–2012), выдающегося российского лингвиста и семиотика, пионера в исследованиях дискурса, прагматики и философии языка в нашей стране.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю.С. О предпосылках лингвистической теории значения // Вопросы языкознания. 1964. № 5. С. 66–74.
2. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения (семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.
3. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 335 с.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 272 с.
5. Степанов Ю.С. Язык и Метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.

⁷ При этом даже в лингвистике предметное содержание прагматики остается крайне дискуссионным. В этой связи приведем суждение из статьи М.К. Тимофеевой: «Общеизвестное сравнение данной области с „мусорной корзиной“ (wastebasket, И. Бар-Хиллел), а также менее известные сравнения с „мешком для обрезков“ (rag-bag, Дж. Лич) и „всякой всячиной“ (hodge podge, С. Левинсон), акцентировали внимание на том, что прагматика остро нуждается в наведении порядка, поскольку она образовалась из разнотипных явлений, не вписавшихся в традиции исследования других языковых уровней» [8, с. 6]. Добавим, что в недавней книге *The Dark Matter of Pragmatics* (2024) С. Левинсон сравнивает прагматику с «темной материей», в которой больше непознанного, чем уже изученного.

⁸ При всем при том в отечественной традиции прагматика до сих пор не включается в начальный курс «Введение в языкознание», а в русскоязычной «Википедии» на данный момент статья «Прагматика» крайне скучна по содержанию и сводится лишь к десяти строкам.

⁹ Обзор современного состояния корпусной прагматики и принципы корпусно-дискурсивного анализа применительно к поэтическому и обыденному дискурсам даны в [14]. О применении корпусных методов в дискурсивном анализе текстов см. [15]. См. также специальные выпуски № 2 и 3 издания «Слово.ру. Балтийский акцент» за 2025 год, посвященные прагмалингвистике и корпусным исследованиям.

¹⁰ См. статьи специального выпуска издания «Критика и семиотика» (№1, 2025) на тему «Прагматика художественных дискурсов».

6. Демьянков В.З. Прагматические основы интерпретации высказывания // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т.40, № 4. С. 368–377.
7. Которова Е.Г. Прагматика в кругу лингвистических дисциплин: проблемы дефиниции и классификации // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. № 1. С. 98–115. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
8. Тимофеева М.К. О границах и содержании прагматики // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 5–18. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18
9. Золян С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е. Прагмасемантика и философия языка / под ред. С.Т. Золяна. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 328 с.
10. Петрякова М.С. Тезаурусно-сетевое моделирование семантического поля термина pragmatics ‘лингвистическая прагматика’ // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). С. 142–151.
11. Киклевич А.К. Эстетика и прагматика. Эстетические речевые акты. СПб.: Алетейя, 2025. 400 с.
12. Ирисханова О.К. Когнитивная прагматика как прагматика полимодальная: анализ интэрсубъективного позиционирования в устном диалоге // Слово.ру. Балтийский акцент. 2025. № 3. С. 54–72. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-3-4
13. Рахилина Е.В., Пюласарян С.М., Бычкова П.А. Прагматика в цифровую эпоху: база данных «Рутиникон» // Слово.ру. Балтийский акцент. 2025. № 2. С. 28–52. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-2
14. Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
15. Чернявская В.Е., Хохлова М.В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: Ленанд, 2024. 224 с.
16. Чернявская В.Е. Прагматика визуальных средств в создании положительной репутации университета (на материале текстов, опубликованных на сайтах российских университетов) // Terra Linguistica. 2022. № 13 (4). С. 63–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405
17. Соколова О.В., Захаркив Е.В. Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 328 с.
18. Степанов Ю.С. В поисках прагматики: Проблема субъекта // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 325–332.

REFERENCES

- [1] Stepanov Yu.S., O predposylkakh lingvisticheskoy teorii znacheniya [On the prerequisites of the linguistic theory of meaning], Voprosy yazykoznanija (Topics in the Study of Language) 5 (1964) 66–74.
- [2] Stepanov Yu.S., Names, predicates, sentences (semiological grammar), Nauka, Moscow, 1981.
- [3] Stepanov Yu.S., In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art, Nauka, Moscow, 1985.
- [4] Paducheva E.V., Utterance and its Correlation with Reality, Nauka, Moscow, 1985.
- [5] Stepanov Yu.S., Language and Method. Toward a modern philosophy of language, Yazyki russkoy kul'tury, Moscow, 1998.
- [6] Dem'yankov V.Z., Pragmatic foundations of the interpretation of utterances, Bulletin of the Academy of Sciences of the Soviet Union: Studies in language and literature, 40 (4) (1981) 368–377.
- [7] Kotorova E.G., Pragmatics in the Circle of Linguistic Disciplines: Problems of Definition and Classification, Russian Journal of Linguistics, 1 (2019) 98–115. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-1-98-115
- [8] Timofeeva M.K., On the Borderlines and the Scope of Pragmatics, Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 16 (3) (2018) 5–18. DOI: 10.25205/1818-7935-2018-16-3-5-18
- [9] Zolyan S.T., Tul'chinskiy G.L., Chernyavskaya V.E., Pragmasemantika i filosofiya yazyka [Pragmasemantics and philosophy of language], ed. by S.T. Zolyan, Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2024.

- [10] **Petryakova M.S.**, Thesaurus-Net Modelling of the Sematic Field of the Term Pragmatics, I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin, 4 (84) (2014) 142–151.
- [11] **Kiklevich A.K.**, Estetika i pragmatika. Esteticheskiye rechevyye akty [Aesthetics and pragmatics. Aesthetic speech acts], Aleteyya, Saint Petersburg, 2025.
- [12] **Iriskhanova O.K.**, Cognitive pragmatics as multimodal pragmatics: an analysis of intersubjective positioning in spoken dialogue, Slovo.ru. Baltic accent, 3 (2025) 54–72. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-3-4
- [13] **Rakhilina E.V., Gyulasaryan S.M., Bychkova P.A.**, Pragmatics in the digital age: the Routinicon database, Slovo.ru. Baltic accent, 2 (2025) 28–52. DOI: 10.5922/2225-5346-2025-2-2
- [14] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, Russian Journal of Linguistics, 28 (3) (2024) 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [15] **Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody [Discourse analysis of text and corpus methods], Lenand, Moscow, 2024.
- [16] **Chernyavskaya V.E.**, Pragmatic charge of visual resources in constructing positive university reputation: based on texts at university websites, Terra Linguistica, 13 (4) (2022) 63–71. DOI: 10.18721/JHSS.13405
- [17] **Sokolova O.V., Zakharkiv E.V.**, Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics. Poetic discourse in new media], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, 2025.
- [18] **Stepanov Yu.S.**, V poiskakh pragmatiki: Problema subyekta [In search of pragmatics: The problem of the subject], Bulletin of the Academy of Sciences of the Soviet Union: Studies in language and literature, 40 (4) (1981) 325–332.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Фещенко Владимир Валентинович

Vladimir V. Feshchenko

E-mail: takovich2@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Поступила: 10.08.2025; Одобрена: 11.09.2025; Принята: 17.09.2025.

Submitted: 10.08.2025; Approved: 11.09.2025; Accepted: 17.09.2025.

Научная статья

УДК 81-114.2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16302>

EDN: <https://elibrary/ZDWOSQ>

ПРАГМАТИКА УПОТРЕБЛЕНИЙ ГЛАГОЛА *RESULTAR* ‘ОКАЗЫВАТЬСЯ’ ДЛЯ ВЫРАЖЕНИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ И НОВОГО ЗНАНИЯ В ИСПАНСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Е.Л. Вилинбахова^{1,2} , Н.А. Зевахина¹

¹ Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

elenavilinb@yandex.ru

Аннотация. Настоящая работа посвящена исследованию употреблений испанского глагола *resultar* ‘оказываться’ в рамках эвиденциального подхода и подхода возникновения нового знания, представленных в литературе. Согласно первому подходу, глагол *resultar* передает инферентивное значение: субъект оценки делает умозаключение на основании наблюдаемых результатов. Сторонники второго подхода считают основным компонентом семантики глагола возникновение нового знания, а инферентивное значение объясняется воздействием других элементов контекста. В работе каждый из подходов обсуждается в более широкой теоретической перспективе с учетом сведений о категориях эвиденциальности и адмиративности и далее проверяется применимость обоих подходов к анализу глагола в синтаксической конструкции *resultar* + прилагательное, которая пока остается наименее изученной в рамках подхода возникновения нового знания. В качестве материала был выбран корпус примеров из испанских научных статей: поскольку жанр академического дискурса предполагает описание процесса получения нового знания в силу тематической направленности, ожидается, что значение возникновения нового знания для *resultar* получит дополнительную поддержку. Была проведена аннотация по параметрам: (i) оценочное/неоценочное прилагательное как носитель оценочного значения и (ii) возникновение/отсутствие нового знания. Было выявлено, что, хотя случаи использования глагола *resultar* с оценочными прилагательными более распространены, чем случаи употребления с неоценочными прилагательными, *resultar* может использоваться в качестве эвиденциальной стратегии без контекстуальной поддержки, что свидетельствует в пользу эвиденциального подхода. Далее демонстрируется, что далеко не во всех случаях употребления глагол *resultar* транслирует новое знание. Таким образом, на рассматриваемом материале можно сделать вывод о полной применимости эвиденциального подхода и ограниченной применимости подхода возникновения нового знания и о возможностях дальнейшей разработки последнего с привлечением других адмиративных значений.

Ключевые слова: эвиденциальность, адмиративность, новое знание, оценочные прилагательные, испанский язык, академический дискурс.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 25-18-00938.

Для цитирования: Вилинбахова Е.Л., Зевахина Н.А. Прагматика употреблений глагола *resultar* ‘оказываться’ для выражения эвиденциальных значений и нового знания в испанских академических текстах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 13–30. DOI: 10.18721/JHSS.16302

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16302>

THE PRAGMATICS OF THE SPANISH VERB **RESULTAR ‘TURN OUT’ FOR EXPRESSING EVIDENTIALITY AND NEW KNOWLEDGE IN ACADEMIC TEXTS**

E.L. Vilinbakhova^{1,2} , N.A. Zevakhina¹

¹ The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation;

² St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

elenavilinb@yandex.ru

Abstract. In this study, we examine the uses of the Spanish verb *resultar* ‘to turn out’ in the light of two approaches: the traditional evidential approach and the more recent emergence-of-new-knowledge approach. According to the evidential approach, *resultar* is an evidential marker: it conveys an inferential meaning acquired by the speaker through the process of evaluation. The emergence-of-new-knowledge approach suggests that the inferential meaning arises due to the context in which *resultar* is used and its core meaning is emergence of new knowledge. We firstly discuss both approaches within the broader theoretical frameworks of evidentiality and mirativity and then turn to our corpus study. We look at the uses of *resultar* in the syntactic pattern *resultar* + adjective, which is the most common pattern for *resultar* in written discourse but remains understudied within the emergence-of-new-knowledge approach. Our data comes from Spanish academic texts; since the process of acquiring new knowledge and the ways to describe it are central to the academic discourse, it is expected that the emergence-of-new-knowledge interpretation for *resultar* will obtain additional support. Annotation was carried out according to the following parameters: (i) evaluative/non-evaluative adjectives used with *resultar* and (ii) emergence/absence of new knowledge. The study showed that although the verb *resultar* appears more often with evaluative adjectives than with non-evaluative adjectives, it can still be used as an evidential strategy on its own, which provides support to the evidential approach. Furthermore, it demonstrated that the verb *resultar* does not always convey new knowledge in our corpus. Thus, we conclude that the evidential approach provides a better analysis of *resultar* in the examined syntactic pattern, while emergence-of-new-knowledge approach still requires further development possibly taking into account other mirative meanings.

Keywords: evidentiality, mirativity, new knowledge, evaluative adjectives, Spanish, academic discourse.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the Russian Science Foundation grant No. 25-18-00938.

Citation: Vilinbakhova E.L., Zevakhina N.A., The pragmatics of the Spanish verb *resultar* ‘turn out’ for expressing evidentiality and new knowledge in academic texts, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 13–30. DOI: [10.18721/JHSS.16302](https://doi.org/10.18721/JHSS.16302)

Введение

В статье рассматриваются употребления полусвязочного глагола *resultar* ‘оказываться’ в испанских научных текстах, см. (1).

(1) *La distinción básica entre predicados de individuo y predicados de estadio resulta extraordinariamente relevante desde el punto de vista gramatical ya que permite explicar de manera unitaria una gran cantidad de fenómenos gramaticales aparentemente no relacionados [1].*

‘Базовое различие между предикатами индивидного уровня и предикатами стадиального уровня **оказывается** необыкновенно важно с точки зрения грамматики, поскольку позволяет дать единое объяснение многим, казалось бы, не связанным между собой грамматическим явлениям’.

Глагол *resultar* относится к классу глаголов со значением ‘оказываться’ (англ. ‘turn out’ verbs), куда входят также глаголы *s'avérer* (фр.) ‘оказываться, выясняться’, *blijken* (нидерл.) ‘оказываться, выясняться’, *ispasti* (серб.) ‘выясниться’ и пр., см. (2–4).

(2) *Comme tu vois, ton sacrifice s'est avéré superflu* [2].

‘Как видишь, твоя жертва оказалась напрасной’.

(3) *Al snel bleek dat er geen camping was* [3].

‘Вскоре выяснилось, что кемпинга не было’.

(4) *Kada smo dosli tamo na lice mesta, ispostavilo se da ski pass za 6 dana košta [...] 145€* [3].

‘Когда мы прибыли на место, оказалось, что абонемент стоит 145 евро’.

При их анализе традиционным является эвиденциальный подход, согласно которому глаголы передают инферентивное значение: субъект оценки делает умозаключение на основании наблюдаемых результатов [4–8]. Тем не менее в недавних работах [9, 3] предлагается отказаться от эвиденциального анализа, поскольку инферентивное значение объясняется взаимодействием глаголов с другими элементами контекста, а в качестве основного компонента семантики глаголов постулируется факт возникновения нового знания, что соответствует, как мы видим, одному из значений категории адмиративности, однако авторы про это эксплицитно не пишут.

В статье обсуждается, насколько оба подхода применимы к анализу испанского глагола *resultar*. Мы рассматриваем синтаксическую конструкцию *resultar* + прилагательное, как в (1), которая активно изучалась в рамках эвиденциального подхода, но пока не получила достаточного внимания у сторонников подхода возникновения нового знания. В качестве материала используется корпус примеров употреблений глагола из научных статей лингвистического журнала *Revista Española de Lingüística* за 2017–2023 гг. Поскольку для исследователей – авторов научных текстов – создание нового знания является одной из основных целей работы [10–12], можно ожидать, что анализ глагола *resultar* как лексического средства, способствующего данной цели, что соответствует анализу в рамках подхода возникновения нового знания, получит дополнительную поддержку. Была проведена аннотация 172 употреблений глагола *resultar* + прилагательное по параметрам: (i) оценочное/неоценочное прилагательное и (ii) возникновение/отсутствие нового знания – с опорой на лексические и контекстуальные маркеры соответствующих значений из [3]. Параметр (i) согласуется с эвиденциальным подходом, в то время как параметр (ii) – с подходом возникновения нового знания.

Демонстрируется, что, по нашим данным, для конструкции *resultar* + прилагательное лучше работает анализ в рамках эвиденциального подхода, а подход возникновения нового знания применим не для всех случаев и нуждается в дополнительной разработке с привлечением сведений о категории адмиративности.

Глагол *resultar* в контексте эвиденциальности и адмиративности

Поскольку, согласно сказанному во Введении, испанский глагол *resultar* в литературе изучается с точки зрения двух подходов, уместно рассмотреть каждый из них в более широкой теоретической перспективе. Кроме того, важно отметить, что испанский глагол *resultar* является лексической, а не грамматической единицей, и в этом отношении, а также в семантическом отношении напоминает лексическую единицу *оказывается* в русском языке, поэтому мы также вкратце приводим анализ этой единицы.

Эвиденциальность

Начнем с эвиденциального подхода и, соответственно, с понятия эвиденциальности. Эвиденциальность (evidentiality) – это семантическая категория, которая выражает источник получения информации. Выделяют два основных значения этой категории: (i) прямая засвидетельствованность и (ii) косвенная засвидетельствованность, или заглазность (подробнее см.,

прежде всего, [13] и работы, которые там цитируются). Первая разновидность (i) может быть проиллюстрирована примером (5), когда говорящий мог непосредственно удостовериться в истинности пропозиции, а вторая (ii) – примерами (6) и (7), когда говорящий может судить об истинности пропозиции только косвенно (например, со слов другого человека или по косвенным признакам).

(5) *Вижу, музей отремонтировали* [говорящий непосредственно наблюдает ситуацию].

(6) *Должно быть, музей отремонтировали* [есть свидетельства, косвенные признаки в пользу гипотезы говорящего].

(7) *Говорят, музей отремонтировали* [у говорящего нет прямого доступа к ситуации, может судить о ней со слов другого человека].

Как видно из примеров (5)–(7), в русском языке эвиденциальность выражается лексически. В (6) представлено инферентивное значение косвенной засвидетельствованности, в то время как в (7) – репортативное значение косвенной засвидетельствованности. Эвиденциальность может маркироваться и грамматически, ср. (8)–(10) из кусканского кечуа.

(8) *Paramushan=mi* [14].

дождит=видеть

‘Вижу, идет дождь’.

(9) *Paramushan=chá* [14].

дождит=должно.быть

‘Должно быть, идет дождь’ (инфэрентив).

(10) *Paramushan=si.* [14]

дождит=говорят

‘Говорят, идет дождь.’ (репортатив)

В знаменитой типологической работе [15] подробно описываются данные различных языков в отношении категории эвиденциальности, а также разновидности эвиденциальных показателей и их комбинации в языках.

В литературе были предложены следующие теоретические подходы к изучению эвиденциальности. Во-первых, эвиденциально-модальный подход [16, 17 и др.], согласно которому эвиденциальность мыслится как субкатегория модальности. Во-вторых, дискурсивно-динамический подход [14, 18 и др.], согласно которому семантико-прагматическое содержание высказывания состоит из двух компонентов: основное и вспомогательное содержание высказывания (at-issue vs. non-at-issue content of utterance). Основное содержание высказывания также называется предлагаемым (proposal), в то время как вспомогательное содержание высказывания является разновидностью импозиций (imposition). Предлагаемое – это неавтоматическое обновление диалогического дискурса, поскольку говорящий предлагает обсудить его содержание со своими собеседниками, в то время как импозиция – автоматическое обновление дискурса, поскольку говорящий навязывает какую-либо информацию (предлагает принять без обсуждения) своим собеседникам [19].

Пропозициональное содержание высказывания с эвиденциальным показателем (например, репортативом) – это основное содержание высказывания, или предлагаемое, его можно оспорить в ходе диалога, например, отменить. Собственно эвиденциальное значение (например, репортативное) – вспомогательное содержание высказывания, или импозиция, его невозможно оспорить в ходе диалога или отменить, ср. (11) и (12).

(11) *Говорят, идет дождь, но, на самом деле, не идет.*

(12) #*Говорят, идет дождь, но, на самом деле, не говорят.*

В-третьих, есть субъективный подход [20], согласно которому эвиденциальные высказывания выражают субъективность, которая заключается в ориентации эвиденциального компонента высказывания на говорящего, описание ментального состояния только говорящего, не других людей.

Адмиративность

Есть еще одна грамматическая категория – категория миаративности, или адмиративности ((ad)mirativity), которую вплоть до работы [21] рассматривали как разновидность категории эвиденциальности, см. также [13, 15]. Адмиративность выражает идею о том, что полученная говорящим информация является новой для него и поэтому неожиданной, вызывающей удивление. Другими словами, адмиративность отражает неподготовленность сознания говорящего к получению новой информации. Адмиративность может быть проиллюстрирована (13) из турецкого языка, где она выражается грамматически, и (14) из русского языка, где она выражается лексически.

(13) *Kemal gel-miš* [22, цит. по 21].

Кемал прийти-MIR

‘Кемал пришел.’

(14) *Оказывается, музей отремонтировали.*

Так, в турецком языке имеется перфективная конструкция с суффиксом *-miš-*, представленная в (13). Она может употребляться в следующих контекстах: а) говорящий видит куртку Кемала, висящую в прихожей, но не видит самого Кемала (инфэрентивное значение перфективной конструкции); б) говорящему сообщают, что Кемал приехал, но он его не видел (цитативное/репортативное значение перфективной конструкции); в) говорящий слышит, как кто-то приближается, открывает дверь и видит Кемала, которого совершенно не ожидал увидеть (миративное значение перфективной конструкции). Авторы работы [22] полагают, что первичным значением является миаративное, а вторичными – цитативное/репортативное и инферентивное значения, содержащие помимо миаративности источник получения информации, т.е. выражающие эвиденциальность.

Что касается русского языка, В.С. Храковский рассматривает *оказывается* как показатель адмиративности (или адмиратив) и при этом подчеркивает, что источник информации может быть любым: информация может быть получена от третьих лиц, с помощью анализа наблюдаемых фактов, с помощью собственного умозаключения или с помощью непосредственного наблюдения события [23]. Другими словами, В.С. Храковский показывает, что адмиратив (в частности, в русском языке) представляет собой отдельную категорию, не идентичную эвиденциальности.

Е.В. Падучева выделяет два компонента в лексической семантике *оказывается*: оказывается ($X, P = X$ узнал, что P ; X удивился, что P) [24]. Из этого следует, что значение адмиратива включает в себя не только получение новой для говорящего информации, но и эффект неожиданности, удивления: описываемая ситуация не соответствует ожиданиям говорящего и/или противоречит его картине мира [13, 21].

Любопытно отметить роль первого лица (т.е. говорящего) в контексте адмиратива: ситуация, которую говорящий не ожидал, приводит к тому, что говорящий как будто бы теряет контроль над происходящим [13, 15].

В работе [25] убедительно показано, что с помощью диагностических контекстов можно различить разновидности адмиративной семантики, представленной в [26]. Так, в юкатекском языке майя реализуется разновидность адмиратива, которую автор обсуждаемой работы описывает как вспоминание, осознание говорящим забытого им факта, но не нарушение ожиданий или удивление. Такой адмиратив, во-первых, обновляет общее знание говорящего и слушающего (Common Ground) и, во-вторых, обновляет множество/набор обязательств говорящего (commitments), которые говорящий публично на себя накладывает, а следовательно, считает истинными и которые в ходе диалога говорящему сложно отменить (поскольку это обязательства).

А. Айхенвальд отмечает, что показатели адмиратива могут диахронически восходить к показателям эвиденциальности [15]. Автор отмечает следующие пути диахронического развития адмиративных показателей: (i) отсутствие информации из первых рук – неучастие говорящего

и отсутствие контроля неподготовленное сознание говорящего и новое знание миративная интерпретация; (ii) намеренное неучастие говорящего в ситуации эффект дистанцирования представление информации как новой, неожиданной и, следовательно, удивляющей говорящего; (iii) отсроченная реализация: говорящий видит или изучает ситуацию, но интерпретирует ее *post factum* понимаемая по-новому ситуация является неожиданной и поэтому удивляет говорящего. Согласно [27], во многих языках эвиденциальные показатели развивают адмирвативную семантику вместо косвенной засвидетельствованности.

Эффект удивления семантически роднит категорию адмирвативности с семантикой восклицаний (exclamatives) [15]. Как отмечается в [28], восклицание (например, *Какой у тебя большой дом!*) выражает удивление, которое влечет суждение говорящего, что данная ситуация неконечнона, т.е. нарушает ожидание говорящего¹. Помимо оказывается, есть и другие лексические показатели адмирвативности, а именно русское *ого* (ср. английское *wow*), *ничего себе* и т.д. Восклицательные конструкции являются «первичными эгоцентриками» в терминах Е.В. Падучевой [29], более точно – выражают отношение говорящего к наблюдаемому им положению дел в мире и дейктически ориентированы на говорящего, т.е. на первое лицо.

Согласно², адмирвативность представляет собой разновидность категории модальности в силу того, что адмирвативность выражает субъективную оценку ожиданий говорящего. Показатели адмирвативности относятся к показателям «эпистемического ожидания» и «могут квалифицировать ситуацию как маловероятную, возможную или высоковероятную»³. Чаще всего в языках мира встречаются показатели, маркирующие маловероятную ситуацию, т.е. показатели «эпистемической неожиданности».

Отнесение адмирвативности к категории оценочной модальности (и ее подвиду – эпистемической оценке) устанавливает связь между другими оценочно-модальными компонентами, а именно интенсивностью как одним из основных видов качественной оценки. Поскольку эпистемическая оценка является разновидностью субъективно-оценочной модальности, адмирвативные показатели также относятся к субъективно-модальным. Так, в работе⁴ утверждается, что турецкие предикативные формы на *-imiş-/ -tiş-* выражают субъективную модальность: *al-iyor-miş-im / al-iyor-miş-im* ‘я, по-видимому/говорят/кажется... беру (в данный момент)’.

Таким образом, мы видим, что в литературе отмечалось, что свойства адмирвативности схожи со свойствами таких семантических категорий, как эвиденциальность, модальность, оценочность и даже со свойствами восклицательных конструкций.

Интерпретация *resultar* в рамках эвиденциального подхода

Эвиденциальный анализ испанского глагола *resultar* ‘оказываться’, изложенный в [4, 5, 8, 30], состоит в том, что информация, представленная в высказывании, имеет в качестве источника говорящего, который оценивает объект или ситуацию. Говорящий может быть представлен как единственный субъект оценки, так и совместно с другими субъектами оценки, которые могут быть эксплицитно выражены, например, дативом, или подразумеваться в конкретной коммуникативной ситуации. Так, в примере (15a) говорящий оценивает позицию лица, о котором говорится в предложении, как достойную восхищения, но в то же время предполагается, что другие члены его референтной группы согласились бы с этой оценкой, т.е. оценка подается как объективная. В модификации примера (15b) говорящий как субъект оценки выражен эксплицитно дативной ИГ, что, по сравнению с (15a), делает оценку более субъективной.

¹ См. также Michaelis L.A. Exclamative constructions // Language Typology and Language Universals: An International Handbook. Vol. 2. / ed. by M. Haspelmath, E. Koenig, W. Oesterreicher, W. Raible. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2001. P. 1038–1050. DOI: 10.1515/9783110194265-016

² Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 384 с.

³ Там же. С. 311.

⁴ Гениш Э. Грамматика турецкого языка: фонетика, морфология, этимология, семантика, синтаксис, орфография, знаки препинания: учебное пособие. Т. 2. М.: URSS, 2008. 232 с.

(15) a. *Su actitud resulta admirable* [5].

‘Его позиция представляется (букв. оказывается) достойной восхищения’.

b. *Su actitud me resulta admirable*.

‘Его позиция мне представляется (букв. для меня оказывается) достойной восхищения’.

Ю. Моримото и В. Павон Лусеро приводят фрагмент толкования глагола *resultar* из словаря современного испанского языка: «быть [о человеке или вещи] [чем-то] с определенной точки зрения или с учетом определенных факторов» [5, с. 66], и подчеркивают, что предикация свойства происходит в результате предшествующего ей процесса оценки, или, в их формулировке, когнитивного фильтра, когда по результатам анализа релевантных факторов говорящий приходит к соответствующему умозаключению.

Б. Корниль анализирует употребление глагола *resultar* в различных типах синтаксических конструкций, применяя тест на приемлемость возможных продолжений фраз с данным глаголом, и также приходит к выводу о том, что ориентация на говорящего является неотъемлемым компонентом его значения, а способ получения информации является инферентивным, т.е. полученным в результате умозаключения. Высказывания с глаголом *resultar* не могут иметь продолжение *pero yo no lo veo así* ‘но я так не считаю’ (букв. ‘но я не вижу это таким образом’), в отличие от некоторых употреблений другого полусвязочного глагола *parecer* ‘казаться’. Б. Корниль рассматривает в первую очередь конструкции с сентенциальными актантами и инфинитивом, однако В. Павон Лусеро в своей более поздней работе 2013 г. приводит также примеры с интересующей нас конструкцией с прилагательным.

(16) #*Lo que hizo resulta admirable, pero yo no lo veo así* [30].

‘То, что он сделал, представляется (букв. оказывается) достойным восхищения, но я так не считаю’.

Следует отметить, что В. Павон Лусеро в этой же работе 2013 г. отмечает еще одно свойство, которое характерно для целого ряда полусвязочных испанских глаголов, в числе которых оказывается и *resultar* (а также *parecer* ‘казаться’, *antojarse* ‘казаться, думаться’, *presentarse* ‘представляться’, *mostrarse* ‘показываться’), а именно: высказываемое суждение не должно вступать в противоречие с предполагаемым мнением большинства представителей референтной группы или культурно-языкового коллектива говорящего. В. Павон Лусеро, как и Б. Корниль, применяет тест на приемлемость возможных продолжений фраз с рассматриваемыми глаголами, и оказывается, что продолжение *pero nadie pensaría tal cosa* ‘но никто бы так не подумал’ неприемлемо. Таким образом, получается, что *resultar*, с одной стороны, указывает на результат субъективного процесса оценки говорящего, но, с другой стороны, предполагает, что эта оценка будет совпадать с общим мнением референтной группы говорящего.

(17) #*Lo que hizo resulta admirable, pero nadie pensaría tal cosa* [30].

‘То, что он сделал, представляется (букв. оказывается) достойным восхищения, но никто бы так не подумал’.

Наконец, В. Павон Лусеро отмечает, что при использовании глагола *resultar* говорящий принимает на себя обязательство предполагаемой достоверности суждения (англ. *compromise with the truth of the predication*): продолжение фразы с *resultar*, в котором содержится опровержение высказанного утверждения ведет к ее неприемлемости.

(18) #*Lo que hizo resulta admirable, pero realmente es insignificante* [30].

‘То, что он сделал, представляется (букв. оказывается) достойным восхищения, но на самом деле это несущественно’.

В последних работах, посвященных эвиденциальному анализу глагола *resultar*, авторы обращаются также к дискурсивно-динамическому подходу, см. [8] и ссылки в данной работе. С. Гумиель-Молина и Н. Морено-Кибен, опираясь на наблюдения из [30], отмечают, что для *resultar* основным содержанием (*at-issue content*) является предикация свойства (*X* обладает

свойством Y), а процесс оценки говорящего является вспомогательным содержанием (non-issue content), которое сохраняется в контекстах отрицания, вопроса и антецедента условного предложения, см. (19) с отрицанием.

(19) *Eva no le resultó molesta a Elena. #Así es, no se dio cuenta de que fuera molesta/Así es, no fue molesta* (“Eva did not turn to be annoying to Elena. #That is, she did not realize that she was annoying/ In fact, she wasn’t annoying at all”).

- a. Projective content: Elena has evidence and forms a self-directed opinion about the behavior of Eva.
- b. Asserted content: Eva is not annoying [устное сообщение].

Таким образом, в рамках эвиденциального анализа полусвязочного глагола *resultar* источником получения информации является говорящий, а предикация свойства представлена как результат процесса его оценки, иногда совместно с другими субъектами оценки.

Интерпретация *resultar* в рамках подхода возникновения нового знания

Анализ глагола *resultar*, альтернативный эвиденциальному, был предложен П. Дендалем, который обозначил его как подход возникновения нового знания (англ. emergence of new knowledge), см. [3, 9]. Согласно его трактовке, класс глаголов со значением ‘оказываться’ (англ. ‘turn out’ verbs), куда наряду с *resultar* входят также глаголы *s'avérer* (фр.) ‘оказываться, выясняться’, *rivelarsi* (ит.) ‘оказаться’, *ispasti* (серб.) ‘выясниться’, не относится к эвиденциальным показателям, поскольку источник информации при употреблении данных глаголов не конкретизирован и может быть не только инферентивным, т.е. полученным в результате умозаключений говорящего, но и репортативным – со слов другого человека или же данные могут быть получены в ходе непосредственного восприятия (эвиденциальное значение прямого доступа) [9]. По его мнению, инферентивное прочтение, о котором писали сторонники эвиденциального подхода, возникает в результате взаимодействия таких глаголов с окружающим контекстом и не является их единоличным вкладом в общую интерпретацию. П. Дендаль предлагает отказаться от эвиденциального анализа и считать такие глаголы маркерами возникновения нового знания, что, как мы видели выше, соответствует одному из значений в рамках категории адмиративности. Следует отметить, что в большинстве примеров, приводимых П. Дендалем и его коллегами, использовались конструкции с сентенциальными актантами, а конструкции с прилагательными, для которых разрабатывался эвиденциальный подход на испанском материале в [5], оказываются на периферии, хотя изредка можно встретить и их тоже, см. (2) из [2].

П. Дендаль указывает, что возникновение нового знания включает: а) подготовительную fazу, когда знание отсутствует, не является достоверным в достаточной мере или оно ошибочно; б) промежуточную fazу получения информации; в) финальную fazу установления истинного и достоверного знания, что отражается в контекстах употребления конструкции [3], и описание одной или нескольких соответствующих faz можно найти в сопутствующем контексте. Так, для первой fazы, в рамках которой происходит противопоставление прежнего и нового знания, характерны эпистемические маркеры: *I (wrongly) thought that..., but...;* *à première vue... mais....* Для второй fazы в качестве показателей получения нового знания используются наречия (*al final* ‘наконец’), которые связаны с классом достижений (по Вендлеру) (англ. *linked to the achievement status of discovery verbs*), а также для ее описания характерно отсутствие конкретизации способа получения информации. При указании на третью fazу подчеркивается достоверность нового знания [3].

Подход возникновения нового знания в целом получил одобрение лингвистического сообщества, включая испанских лингвистов. На Конференции Европейского лингвистического общества (SLE 2025) представители двух испанских научных коллективов – Д. Искьердо Алегрия, с одной стороны, и Ю. Моримото и В. Павон Лусеро, с другой стороны, высказывают поддержку предложенной П. Дендалем трактовки. В своем докладе Ю. Моримото и В. Павон Лусеро

отмечают, что мы имеем дело с двумя разными употреблениями глагола *resultar* – предикативным употреблением в конструкции с сентенциальным актантом <*resultar* + nominal subordinate clause>, как в (20), и полусвязочным употреблением в конструкции с прилагательным, как в (21).

(20) *Resulta que ahora soy yo quien tiene la culpa* [31].

‘Оказывается, что виноват я’.

(21) *El documento resultó falso* [31].

‘Документ был (букв. оказался) фальшивым’.

Авторы утверждают, что если *resultar* в употреблениях первого типа, несомненно, поддается анализу в рамках подхода возникновения нового знания, то для употреблений второго типа такая трактовка тоже возможна, однако не для всех случаев. Поскольку тип синтаксической конструкции, в которой употребляется глагол, тесно связан с его возможными интерпретациями, о чем писал еще Б. Корниль, представляется, что справедливость подхода возникновения нового знания для конструкций с прилагательными нуждается в дополнительной проверке на эмпирическом материале.

Корpusное исследование

Гипотеза и материал исследования

Гипотеза настоящего исследования заключается в том, что оба подхода к анализу *resultar* – эвиденциальный и подход возникновения нового знания – будут работать для конструкций с прилагательными в научных статьях. Основанием для выдвижения данной гипотезы являются наблюдения в литературе [3–5, 8, 9, 30, 31,]. В соответствии с эвиденциальным подходом ожидается, что отсылка к процессу оценки является вкладом глагола *resultar*, а значит, другие элементы контекста не всегда будут содержать оценку, т.е. в нашем случае в конструкции *resultar* + прилагательное не все прилагательные будут оценочными. В соответствии с подходом возникновения нового знания ожидается, что конструкции с *resultar* будут транслировать соответствующее значение. Кроме того, поскольку жанр научных статей предполагает описание процесса получения нового знания в силу тематической направленности (авторы готовят научные статьи, чтобы поделиться с научным сообществом новыми наблюдениями и результатами, см. [10–12]), предполагается, что значение возникновения нового знания для *resultar*, постулируемое П. Дендалем, получит дополнительную поддержку.

Материалом исследования послужили 172 употребления глагола *resultar* с прилагательными из академического корпуса⁵, составленного авторами из научных статей лингвистического журнала *Revista Española de Lingüística* за 2017–2023 гг. Выбор данного издания объясняется широтой охвата рассматриваемых тем и областей: с 1971 г. в журнале публикуются статьи по всем направлениям лингвистических исследований, выполненные в рамках различных традиций и школ (генеративной, функциональной и пр.), также приветствуется применение широкого спектра методологических инструментов. В выборку включались работы, где по крайней мере один из соавторов был носителем полуостровного испанского языка. Иллюстративные примеры, цитаты и другие фрагменты, не относящиеся к авторскому тексту, не учитывались. Следует еще раз подчеркнуть, что в центре внимания настоящей работы находятся только употребления с прилагательными (*resultar* + AdjP), которые, согласно наблюдениям в [4], составляют 77% всех употреблений глагола в письменных текстах, а конструкции с сентенциальными актантами не учитываются. Объем рассматриваемого материала – 172 контекста употребления глагола *resultar* с прилагательными – соответствует практике корпусных исследований полусвязочных глаголов [32, 33] и дает возможность проверки выдвинутой гипотезы и следующих из нее предсказаний: используется ли глагол *resultar* с неоценочными прилагательными; встречаются ли употребления, где глагол *resultar* не выражает новое знание.

⁵ Авторы выражают благодарность за помощь Исабель Перес-Хименес и Гонсало Эскрибано.

Оценочные и неоценочные прилагательные и их употребления

Оценочность прилагательных понимается в данной работе как аксиологическая шкала «хорошо» — «плохо», или положительная — отрицательная оценка⁶ [34]. В качестве критериев оценочности прилагательных были использованы следующие критерии из работы⁷: градуальность (gradability; способность прилагательного семантически быть разложенным на степени, что проявляется в наличии сравнительной степени у прилагательного, а также в сочетаемости прилагательного с модификатором *очень*); размерность, или «измерительность» (dimensionality; способность прилагательного употребляться в сочетании, например, с такими выражениями, как *во всех/многих/некоторых аспектах/отношениях*); наличие экспериенцера (experiencer; человека, который воспринимает свойство, выраженное прилагательным); собственно оценочность (evaluativity; положительная vs. отрицательная оценка говорящего). В работе⁸ утверждается, что для некоторых прилагательных оценочность — это лексико-семантическая характеристика, в то время как для других оценочность контекстуально обусловлена. Например, прилагательное простой может иметь положительную оценку (*Приготовление супа было простым и не отняло у меня много времени*) и отрицательную оценку (*Задача была простой, а мне хотелось подумать подольше*).

Важно отметить, что, на наш взгляд, не все вышеперечисленные критерии должны быть применены для отнесения прилагательного к классу положительной или отрицательной оценки. При анализе примеров из нашей выборки, разумеется, мы применяли все критерии для определения статуса прилагательного, но решающим был критерий оценочности. Если можно продолжить предложение, например, с помощью фразы ...и я оцениваю это положительно/отрицательно, прилагательное считалось оценочным. Кроме того, оценка, по всей видимости, зависит от вида текста [35]. Поскольку мы работали с научными, академическими текстами, прилагательные были категоризованы по виду оценки исходя из свойств научного дискурса.

Таким образом, к оценочным были отнесены следующие 68 испанских прилагательных и 2 причастия, которые встретились в нашей выборке: *aceptable* ‘приемлемый’, *accesible* ‘доступный’, *acertado* ‘точный’, *anómalo* ‘аномальный, странный, неприемлемый’, *anulado* ‘анулированный’ (причастие), *atractivo* ‘привлекательный’, *bueno* ‘хороший’, *chocante* ‘шокирующий, вызывающий шок’, *clarificador* ‘дающий объяснение’, *clave* ‘ключевой’, *compatible* ‘совместимый’, *complejo* ‘сложный’, *completo* ‘полный, законченный’, *comprendible* ‘понятный’, *contradicitorio* ‘противоречивый’, *conveniente* ‘удобный’, *costoso* ‘затратный’, *cuestionable* ‘вызывающий вопросы, спорный’, *curioso* ‘любопытный’, *decisivo* ‘принципиально важный, решающий’, *difícil* ‘трудный, сложный’, *dudable* ‘сомнительный’, *dudosos* ‘сомнительный’, *engañoso* ‘обманчивый’, *equívoco* ‘ошибочный’, *evidente* ‘очевидный’, *extraño* ‘странный’, *facil* ‘легкий, простой’, *factible* ‘возможный, реализуемый’, *fundamental* ‘ключевой’, *iluminador* ‘проливающий свет (на что-то)’, *imprescindible* ‘необходимый, критично важный’, *inabordable* ‘недоступный’, *inaceptable* ‘неприемлемый’, *incompleto* ‘неполный, неоконченный’, *incongruente* ‘непоследовательный’, *indudable* ‘несомненный’, *inesperado* ‘неожиданный’, *informativo* ‘информационный’, *innecesario* ‘необязательный, ненужный’, *insuficiente* ‘недостаточный’, *interesante* ‘интересный’, *invalidado* ‘сведенный к нулю, обесцененный’ (причастие), *hilarante* ‘смешной, уморительный’, *legible* ‘разборчивый, доступный’, *llamativo* ‘привлекательный’, *lógico* ‘логичный’, *natural* ‘естественный’, *nutritivo* ‘питательный’, *necessario* ‘необходимый’, *obvio* ‘очевидный’, *ofensivo* ‘обидный, оскорбительный’, *patente* ‘явный, очевидный, ясный’, *pertinente* ‘подходящий, релевантный’, *plausible* ‘правдоподобный’, *possible* ‘возможный’, *predecible* ‘предсказуемый’, *preferible* ‘предпочтительный’, *problemático* ‘проблематичный’, *recomendable* ‘желательный, рекомендуемый’, *relevante* ‘релевантный’, *rico* ‘вкусный’, *saliente* ‘значимый, важный’, *sencillo* ‘простой’, *sorprendente*

⁶ Soria Ruiz A., Cepollaro B., Stojanovic I. The Semantics and Pragmatics of Value Judgments // The Cambridge Handbook of Philosophy of Language / ed. by P. Stalmaszczyk. Cambridge University Press, 2021. P. 434–449. DOI: 10.1017/9781108698283

⁷ Там же.

⁸ Там же.

‘удивительный’, *suficiente* ‘достаточный’, *sugerente* ‘наводящий на размышления, привлекательный, перспективный’, *útil* ‘полезный’, *valioso* ‘ценный’, *verosímil* ‘правдоподобный’.

Всего было найдено 141 вхождение оценочных прилагательных, что составляет около 82% от общего количества рассматриваемых употреблений глагола *resultar* в контексте с прилагательными в корпусе.

К неоценочным были отнесены следующие 18 испанских прилагательных, которые встретились в нашей выборке: *agramatical* ‘неграмматичный’, *amplio* ‘широкий’, *apegado* ‘связанный’, *aplicable* ‘применимый’, *característico* ‘характерный’, *comutable* ‘взаимозаменимый’, *dependiente* ‘зависимый’, *dispar* ‘различный’, *familiar* ‘знакомый’, *forzado* ‘вынужденный, искусственный’, *equivalente* ‘эквивалентный, равнозначный’, *homogéneo* ‘однородный’, *indicativo* ‘показательный, свидетельствующий’, *manejable* ‘постижимый’, *marcado* ‘маркированный’, *representativo* ‘репрезентативный’, *sensible* ‘чувствительный’, *significativo* ‘значимый’.

Всего было найдено 31 вхождение оценочных прилагательных, что составляет около 18% от общего количества рассматриваемых употреблений глагола *resultar* в контексте с прилагательными в корпусе.

Теперь перейдем к примерам. В контексте (22) употребляется оценочное прилагательное *dudoso* ‘сомнительный’, в то время как в контексте (23) используется неоценочное прилагательное *agramatical*. Наконец, в контексте (24) употребляется неоценочное прилагательное *amplio* ‘широкий’, однако контекст навязывает оценочное употребление этого прилагательного. И действительно, в этом контексте *amplio* имеет отрицательную оценку.

(22) *Tenemos serias dudas sobre la grammaticalidad de la traducción española, pero en cualquier caso la construcción en sí resulta dudosa como RP y parece más bien un caso de predicativo preposicional, puesto que admite la anteposición del SP y un posesivo con el antecedente* [36].

‘У нас есть серьезные сомнения в грамматичности испанского перевода, но в любом случае сама конструкция **сомнительна** как RP и больше похожа на случай препозитивного предикатива, поскольку допускает антепозицию SP и посессив с антецедентом’.

(23) *Para terminar, cabe decir que los estados también resultan agramaticales si se subordinan al poner causativo. Esto puede explicarse atendiendo a dos factores, el aspecto y el papel temático del argumento externo del infinitivo* [37].

‘Наконец, следует отметить, что состояния также **неграмматичны**, если они подчинены какузативному положению. Это объясняется двумя факторами – аспектуальной и тематической ролью внешнего аргумента инфинитива’.

(24) *La falta de conceptos delimitados en la descripción de la polaridad de los aproximativos trae al frente los siguientes problemas: a. En primer lugar, en la bibliografía anglosajona sobre aproximativos (Horn 2002, p. 63, 2009, p. 3), el uso del término «Inductor de Polaridad Negativa» (Negative Polarity Item, en los originales en inglés; v. Carlson 1981 o Horn 2002) resulta demasiado amplio y, en algunos casos, excede su definición original mente gramatical* [38].

‘Отсутствие разграниченных понятий в описании полярности аппроксимативных выражений выдвигает на первый план следующие проблемы: а. Во-первых, в англосаксонской литературе по аппроксимативным выражениям (Horn 2002, p. 63, 2009, p. 3) термин «предмет отрицательной полярности» (см. Carlson 1981 или Horn 2002) используется слишком широко и в некоторых случаях выходит за рамки своего первоначального грамматического определения’.

В целом, несмотря на то, что случаи употребления *resultar* с оценочными прилагательными оказываются более частотными, чем случаи употребления с неоценочными прилагательными, можно сделать вывод, что *resultar* может быть самостоятельным носителем инферентивного значения процесса оценки, выступая как эвиденциальный маркер, что свидетельствует в пользу эвиденциального подхода.

Интерпретация *resultar* в рамках подхода возникновения нового знания

На основании разметки примеров из выборки можно заключить, что не во всех контекстах глагол *resultar* выражает новое знание. Приведем примеры, когда глагол *resultar* выражает новое знание и когда не выражает.

В контексте (25) утверждается параллелизм между конструкцией и глаголами, и это то новое знание, которым делится с читателями автор академического текста. Следует отметить, что хотя оценочное значение в этом фрагменте также присутствует, автор прежде всего привлекает внимание читателей к замеченному им факту. В контексте (24) выше к новому знанию для читателей относится авторская оценка предшествующих подходов к аппроксимативным выражениям. Напротив, в контексте (26) новое знание не формируется, поскольку выражение *интересно работать* не является новым знанием в академическом тексте. В контексте (27) делается комментарий в скобках, который носит метатекстовый характер, поскольку с помощью него автор обращается к своим читателям.

(25) *En <llegar a + SN>, no existe el contenido de desplazamiento y se denota el paso a pertenecer a una clase tras un proceso previo. A este respecto, resulta interesante el paralelismo que existe entre la construcción <llegar a + SN> y los verbos pseudocopulativos hacerse y volverse. Como se afirma en Morimoto y Pavón Lucero 2007, pp. 38–41, ambos verbos se combinan con predicados que solo son compatibles con ser, al igual que <llegar a + SN> (18a), y que no pueden combinarse con SD definidos con referencia específica, no genérica (18b)* [39].

‘В конструкции <llegar + SN> отсутствует содержание перемещения и обозначается переход к принадлежности к классу после предшествующего процесса. В этом отношении **интересен** параллелизм между конструкцией <llegar a + SN> и полусвязочными глаголами *hacerse* и *volverse*. Как отмечается в Morimoto y Pavón Lucero 2007, р. 38–41, оба глагола сочетаются с предикатами, которые совместимы только с *ser*, как и <llegar a + SN> (18a), и которые не могут сочетаться с определенными СД с конкретной, а не родовой референцией (18b)’.

(26) *El interés de abordar este estudio desde este enfoque y no desde la Teoría de la Gramaticalización responde a tres factores. En primer lugar, [...]. En segundo lugar, en este caso particular, en el que analizamos la formación de estructuras que, si exceptuamos la focalizadora, no llegaron a gramaticalizarse del todo, resulta interesante trabajar con un modelo teórico que permite considerar que, en tanto que construcciones gramaticales, son parte de la gramática. Por último, y en estrecha conexión con el aspecto anterior, la Gramática de Construcciones Diacrónica posibilita tratar acerca de la gradualidad del proceso que llevó a la formación de todas estas construcciones* [40].

‘Интерес к тому, чтобы подойти к исследованию именно с этой точки зрения, а не с точки зрения теории грамматикализации, объясняется тремя факторами. Во-первых... Во-вторых, в данном конкретном случае, когда мы анализируем формирование структур, которые, за исключением фокализатора, не стали полностью грамматикализованными, **интересно** работать с теоретической моделью, которая позволяет нам считать, что, будучи грамматическими конструкциями, они являются частью грамматики. Наконец, в тесной связи с предыдущим аспектом, диахроническая грамматика конструкций позволяет рассмотреть постепенность процесса, который привел к формированию всех этих конструкций’.

(27) *Por el contrario, parten del supuesto de que una cláusula es una red de relaciones gramaticales (que, en Gramática Relacional, son primitivos) y argumentan que la forma correcta de definir la «pasivización» es en relación a qué sucede con estas relaciones gramaticales: específicamente, la «pasivización» afecta las relaciones «objeto-de» y «sujeto-de», de manera tal que el objeto-de en un estrato sn (piense el lector en el concepto de «nivel de representación» generativo si le resulta conveniente; véase Perlmutter y Postal 1983, p. 13) pasa a ser «sujeto-de» en el estrato sn+1. En otras palabras, la definición de «pasiva» es inseparable de la de «diátesis», y la de «diátesis», de la de «función gramatical»* [41].

‘Напротив, они исходят из предположения, что клауза – это сеть грамматических отношений (которые в реляционной грамматике являются примитивами), и утверждают, что правильный способ определения «пассивизации» связан с тем, что происходит с этими грамматическими отношениями: в частности, «пассивизация» влияет на отношения «объект» и «субъект», так что объект в... (если удобно, вспомните понятие генеративного «уровня представления»; см. Perlmutter у Postal 1983, р. 13) становится «субъектом» в... Иными словами, определение «пассива» неотделимо от определения «диатезы», а определение «диатезы» – от определения «грамматической функции»’.

Всего было найдено 124 примера употребления нового знания, что составляет около 72% от общего количества рассматриваемых употреблений глагола *resultar* в контексте прилагательных. К новому знанию мы отнесли следующее: новое знание автора текста (в том числе мнение автора; новый анализ; предложение по тому, как можно анализировать обсуждаемый эмпирический материал; постановка исследовательского вопроса; обращение автором внимания читателей на какую-либо опубликованную работу; противоречие ожиданиям автора), а также новое знание цитируемого источника. Любопытно отметить, что с синтаксической точки зрения новое знание фигурирует не только в главной клаузе, но и в подчиненной клаuze (прежде всего, в относительных клаузах, а также в клаузах причины или следствия). Соответственно, остальные 48 примеров (около 28%) – предложения, в которых не усматривается новое знание. Таким образом, с одной стороны, можно заключить, что, несмотря на жанровые особенности академического дискурса, благоприятные для подхода возникновения нового знания, анализ в рамках данного подхода работает на нашем материале только частично и нуждается в дополнительном развитии. С другой стороны, в 72 % случаях интерпретация глагола *resultar* может быть объяснена в рамках обоих подходов: в них одновременно присутствует значение оценки и возникновения нового знания. Одним из решений могли бы стать интеграция обоих подходов и создание комбинированной модели, в которой содержательные компоненты оценки и возникновения нового знания взаимодействуют друг с другом⁹. Представляется, что данные компоненты могут находиться в различных иерархических отношениях в зависимости от интенции говорящего. Например, в (25) возникновение нового знания является первичным компонентом, при этом оценочное значение является вторичным компонентом, а в (24), наоборот, первичным оказывается оценочное значение. Подобная модель позволила бы получить более точное и глубокое описание языкового материала.

Заключение

В ходе нашего исследования была предпринята попытка ответить на вопрос о том, насколько представленные в литературе подходы к анализу испанского глагола *resultar* – эвиденциальный подход и подход возникновения нового общего знания – работают на реальном языковом материале. Для более глубокого понимания обоих подходов были рассмотрены понятия эвиденциальности – категории, которая дает сведения об источнике информации в высказывании, – и административности – категории, которая указывает на то, что сообщаемая информация является новой и неожиданной. Далее были изложены основные положения обоих подходов к интерпретации глагола *resultar*. В рамках традиционного эвиденциального подхода при употреблении *resultar* происходит отсылка к говорящему как к источнику информации, причем говорящий выступает как субъект оценки, а транслируемое эвиденциальное значение является инферентивным. В рамках подхода возникновения нового знания эвиденциальная интерпретация не является вкладом собственно глагола *resultar*, а возникает в общем контексте его употребления, сам же глагол указывает на то, что происходит обнаружение нового знания (ср. русский глагол *оказываться*), что соответствует одному из значений в категории административности.

⁹ Авторы выражают благодарность анонимному рецензенту, который обратил внимание на эту особенность.

На основе изложенных подходов была сформулирована гипотеза об их применимости в конструкциях *resultar* + прилагательное в научных статьях. Соответствующая синтаксическая конструкция была выбрана, потому что, хотя в литературе существует консенсус по поводу эвиденциальной интерпретации высказываний, в которых она используется (т.е. информация получена в результате процесса оценки ситуации говорящим), в рамках рассматриваемых подходов вклад глагола *resultar* оценивается в по-разному. Сторонники эвиденциального подхода рассматривают сам глагол *resultar* как эвиденциальную стратегию, что допускает возможность отсутствия других элементов с эвиденциальным (в нашем случае оценочным) значением. Подход возникновения нового знания, напротив, предполагает, что за эвиденциальное значение отвечает не *resultar*, а другие элементы, и они должны присутствовать в окружающем контексте. Дополнительным основанием для выбора конструкции стала ее недостаточная изученность в исследованиях в рамках подхода возникновения нового знания.

Научные статьи в качестве материала исследования были выбраны потому, что их тематическая направленность является фактором, благоприятным для подхода возникновения нового знания: одной из ключевых целей создания научных текстов является описание новых результатов, а значит, можно ожидать использование глагола *resultar* в соответствующем адмиративном значении.

Результаты проведенного исследования свидетельствуют о полной применимости эвиденциального подхода и ограниченной применимости подхода возникновения нового знания на рассматриваемом материале. С одной стороны, хотя случаи использования глагола *resultar* с носителями оценочного значения – оценочными прилагательными – более распространены, чем случаи употребления с неоценочными прилагательными (141 vs. 31 случаев употребления), можно утверждать, что *resultar* способен выступать в качестве эвиденциальной стратегии самостоятельно, без контекстуальной поддержки. С другой стороны, далеко не во всех случаях употребления глагол *resultar* транслирует новое знание (124 vs. 48 случаев употребления). Квантитативный анализ примеров позволил выявить для *resultar* контексты возникновения нового знания, как в примерах (24), (25), и контексты, где возникновения нового знания не происходит, как в (26), (27). Таким образом, можно сделать вывод о том, что для синтаксических конструкций *resultar* + прилагательное анализ в рамках подхода возникновения нового знания нуждается в дополнительной разработке, поскольку в настоящей версии не позволяет описать все существующие потребления даже на тематически благоприятном языковом материале.

Возможные направления развития включают интеграцию обоих подходов с учетом особенностей интерпретации синтаксических конструкций разных типов (конструкции с сентенциальными актантами vs. конструкции с прилагательными). Также в рамках второго подхода кажется перспективным расширение и уточнение спектра значений с привлечением описанных в литературе сведений об адмиративных показателях, включая противоречие ожиданиям говорящего vs. слушающего, новый статус фрагмента знаний, новую интерпретацию известных фактов и другие значения. В качестве перспективы дальнейших исследований могут быть изучены особенности употреблений глагола *resultar* в текстах других жанров и других временных периодов, а также его функционально-эквивалентные фрагменты в параллельных корпусах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Escandell-Vidal M.V. Ser y estar con adjetivos. Afinidad y desajustes de rasgos // Revista Española de Lingüística. 2018. Vol. 48. P. 57–114. DOI: 10.31810/RSEL.48.3
2. Treikelder A. A contrastive view of the French verb *s'avérer* and its Estonian counterparts // 58th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts. Bordeaux, 2025. P. 1010–1011.

3. **Dendale P., Izquierdo Alégria D., Stulic A.** ‘Turn out’ verbs in European languages: Are they evidentials or something else? // 57th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts. Helsinki, 2024. P. 259–260.
4. **Cornillie B.** Evidentiality and Epistemic Modality in Spanish (Semi-)Auxiliaries: A Cognitive-Functional Approach. Berlin; New York: De Gruyter Mouton, 2007. 326 p. DOI: 10.1515/9783110204483
5. **Morimoto Y., Pavón Lucero M.** Los verbos pseudo-copulativos del español. Madrid: Arco Libros, 2007. 88 p.
6. **Miecznikowski-Fuenschilling J.** Evidential and Argumentative Functions of Dynamic Appearance Verbs in Italian: The Example of Rivelare and Emergere // Argumentation and Language-Linguistic, Cognitive and Discursive Explorations / ed. by S. Oswald, T. Herman, J. Jacquin, Springer, 2018. P. 73–104.
7. **Mortelmanns T.** Blijken: een evidentieel-miratieve outsider: Een corpusanalyse op basis van het CGN // Nederlandse Taalkunde. 2022. Vol. 27. Iss.3. P. 293–327. DOI: 10.5117/NEDTAA2022.3.001. MORT
8. **Gumié-Molina S., Moreno-Quibén N., Pérez-Jiménez I.** Variación sintáctica en español con verbos no predicativos desde una perspectiva microparamétrica: construcciones existenciales, copulativas y semicopulativas // Revista Española De Lingüística. 2024. Vol. 54. Núm. 2. P. 63–110. DOI: doi: <https://doi.org/10.31810/rsel.54.2.2>
9. **Dendale P.** ‘Non-evidentials’: the case of verbs like s'avérer, turn out, blijken, resultar // 16th International Pragmatics Conference. Book of abstracts. Hong Kong, 2019. P. 104.
10. **Hyland K.** Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press, 2004. 232 p. DOI: 10.3998/mpub.6719
11. **Nkemleke D.** “It is scanty, therefore, rarely have scholars paid attention to...”: knowledge claim in articles’ introductions in scientific journals // Brno Studies in English. 2023. Vol. 49. Iss. 2. P. 83–100. DOI: 10.5817/BSE2023-2-4
12. **Vilinbakova E., Escribano G., Pérez-Jiménez I.** Spanish pseudo-copular verbs in academic research articles // LI Международная научная филологическая конференция им. Л.А. Вербицкой: Избранные доклады. СПб., 2025. С. 328–341.
13. **Майсак Т.А., Татевосов С.Г.** Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о себе самом // Вопросы языкоznания. 2000. № 5. С. 68–80.
14. **Faller M.** The discourse commitments of illocutionary reportatives // Semantics and Pragmatics. 2019. Vol. 12. Art. no. 8. DOI: 10.3765/sp.12.8
15. **Aikhenvald A.Y.** Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 452 p.
16. **Van der Auwera J., Plungian V.** Modality’s semantic map // Linguistic Typology. 1998. Vol. 2. Iss. 1. P. 79–124.
17. **Matthewson L., Davis H., Rullmann H.** Evidentials as epistemic modals: Evidence from St'át'imcets // Linguistic Variation Yearbook. 2007. Vol. 7. Iss. 1. P. 201–254. DOI: 10.1075/livy.7.07mat
18. **Murray S.** Varieties of update // Semantics and Pragmatics. 2014. Vol. 7. Art. no. 2. DOI: 10.3765/sp.7.2
19. **Попова Д.П.** Место импозиции в типологии значений // Вопросы языкоznания. 2022. № 6. С. 111–122. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.111-122
20. **Korotkova N.** Evidential meaning and (not-)at-issueness // Semantics and Pragmatics. 2020. Vol. 13. Art. no. 4. DOI: 10.3765/sp.13.4
21. **DeLancey S.** Mirativity: the grammatical marking of unexpected information // Linguistic Typology. 1997. Vol. 1. Iss. 1. P. 33–52. DOI: 10.1515/lity.1997.1.1.33
22. **Slobin D., Aksu A.** Tense, Aspect and Modality in the Use of the Turkish Evidential // Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics / ed. by P. Hopper. Amsterdam: Benjamins, 1982. P. 185–200. DOI: 10.1075/tsl.1.13slo
23. **Храковский В.С.** Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии: Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / отв. ред. В.С. Храковский. СПб: Наука, 2007. С. 600–632.
24. **Падучева Е.В.** Вводные глаголы: речевой и нарративный режим интерпретации // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 498–515.
25. **AnderBois S.** Illocutionary Revelations: Yucatec Maya Bakáan and the Typology of Miratives // Journal of Semantics. 2018. Vol. 35. Iss. 1. P. 171–206. DOI: 10.1093/jos/ffx019

26. Aikhenvald A.Y. The essence of mirativity // *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. Iss. 3. P. 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017
27. Rett J., Murray S. A semantic account of mirative evidentials // *Proceedings of SALT 23*. Los Angeles, CA, 2013. P. 453–472. DOI: 10.3765/salt.v23i0.2687
28. Rett J. Exclamatives, degrees and speech acts // *Linguistics and Philosophy*. 2011. Vol. 34. Iss. 5. P. 411–442. DOI: 10.1007/s10988-011-9103-8
29. Падучева Е.В. Семантические исследования. М.: Языки русской культуры, 1996. 480 с.
30. Pavón Lucero M.V. El dativo con los verbos pseudocopulativos no aspectuales // *Verba*. 2013. Vol. 40. P. 7–40.
31. Morimoto Y., Pavón Lucero M. Spanish ‘turn out’ verb resultar in its predicative and attributive constructions // 58th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts. Bordeaux, 2025. P. 1044–1045.
32. Bybee, J.L., Eddington D. A Usage-Based Approach to Spanish Verbs of ‘Becoming’ // *Language*. 2006. Vol. 82. No. 2. P. 323–355. DOI: 10.1353/lan.2006.0081
33. Edo M. Los verbos copulativos y pseudocopulativos en la traducción del italiano al español. Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. 2014. Vol. 60. P. 62–121. DOI: 10.5209/rev_CLAC.2014.v60.47444
34. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М.: Наука 1988. 338 с.
35. Чернявская В.Е. Язык оценок в научном дискурсе: терминологическое поле и методологические подходы // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. Т. 14, № 3. С. 44–55. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55
36. Villalba X., Planas-M.S. Complementantes preposicionales en las relativas de infinitivo // *Revista Española de Lingüística*. 2020. Vol. 50/2. P. 83–106. DOI: 10.31810/RSEL.50.2.4
37. Vivanco M. ¿Qué hay entre el control y la reestructuración? Sobre la construcción <poner algo — a alguien a +infinitivo> // *Revista Española de Lingüística*. 2020. Vol. 50/2. P. 213–242. DOI: 10.31810/RSEL.50.2.9
38. Pardo Llibrer A. Tres niveles de polaridad en casi y apenas. *Revista Española de Lingüística*. 2017. Vol. 47(2). P. 71–98.
39. Gómez Rubio J. Perífrasis verbales y predicción: <llegar a ser + SN> vs. <llegar a + SN> // *Revista Española de Lingüística*. 2019. Vol. 49/1. P. 101–118. DOI: 10.31810/RSEL.49.5
40. Garachana Camarero M. De cuando <ir a + infinitivo> no se dirige al futuro. Construcciones gramaticales de pasado, sentido completivo y focalizador. Una aproximación desde la gramática de construcciones // *Revista Española de Lingüística*. 2019. Vol. 49/1. P. 119–146. DOI: 10.31810/RSEL.49.6
41. Krivochen D., Bravo A. Pasivas adelantadas, dobles pasivas y auxiliares de pasiva léxicos // *Revista Española de Lingüística*. 2019. Vol. 49/1. P. 73–100. DOI: 10.31810/RSEL.49.4

REFERENCES

- [1] Escandell-Vidal M.V., Ser y estar con adjetivos. Afinidad y desajustes de rasgos [To be and to be with adjectives. Affinity and mismatch of traits], *Revista Española de Lingüística*, 48 (2018) 57–114. DOI: 10.31810/RSEL.48.3
- [2] Treikelder A., A contrastive view of the French verb s'avérer and its Estonian counterparts, 58th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts, Bordeaux, 2025, pp. 1010–1011.
- [3] Dendale P., Izquierdo Alégría D., Stulic A., ‘Turn out’ verbs in European languages: Are they evidentials or something else?, 57th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts, Helsinki, 2024, pp. 259–260.
- [4] Cornillie B., Evidentiality and Epistemic Modality in Spanish (Semi-)Auxiliaries: A Cognitive-Functional Approach, De Gruyter Mouton, Berlin, New York, 2007. DOI: 10.1515/9783110204483
- [5] Morimoto Y., Pavón Lucero M., Los verbos pseudo-copulativos del español [Semicopulative verbs in Spanish], Arco Libros, Madrid, 2007.
- [6] Miecznikowski-Fuenfschilling J., Evidential and Argumentative Functions of Dynamic Appearance Verbs in Italian: The Example of Rivelare and Emergere, *Argumentation and Language*

Linguistic, Cognitive and Discursive Explorations, ed. by S. Oswald, T. Herman, J. Jacquin. Springer, 2018, pp. 73–104.

[7] **Mortelmans T.**, Blijken: een evidentiële-miratieve outsider: Een corpusanalyse op basis van het CGN [Blijken ‘turn out’: an evidential-mirative outsider: corpus analysis based on the Spoken Dutch Corpus], Nederlandse Taalkunde, 27 (3) (2022) 293–327. DOI: 10.5117/NEDTAA2022.3.001.MORT

[8] **Gumié-Molina S., Moreno-Quibén N., Pérez-Jiménez I.**, Variación sintáctica en español con verbos no predicativos desde una perspectiva microparamétrica: construcciones existenciales, copulativas y semicopulativas [Syntactic variation in Spanish with non-predicative verbs from a microparametric perspective: existential, copulative and semicopulative constructions], Revista Española De Lingüística, 54 (2) (2024) 63–110. DOI: 10.31810/rsel.54.2.2

[9] **Dendale P.**, ‘Non-evidentials’: the case of verbs like s’avérer, turn out, blijken, resultar, 16th International Pragmatics Conference. Book of abstracts, Hong Kong, 2019, p. 104.

[10] **Hyland K.**, Disciplinary discourses: Social interactions in academic writing, The University of Michigan Press, Ann Arbor, MI, 2004. DOI: 10.3998/mpub.6719

[11] **Nkemleke D.**, “It is scanty, therefore, rarely have scholars paid attention to...”: knowledge claim in articles’ introductions in scientific journals, Brno Studies in English, 49 (2) (2023) 83–100. DOI: 10.5817/BSE2023-2-4

[12] **Vilinbakhova E., Escribano G., Pérez-Jiménez I.**, Spanish pseudo-copular verbs in academic research articles, Proceedings of 51st Ludmila Verbitskaya International Philological Conference, Saint Petersburg, 2025, pp. 328–341.

[13] **Maisak T.A., Tatevosov S.G.**, The “space” of the speaker as expressed in categories of grammar: what is impossible to say of one’s own self, Topics in the Study of Language, 5 (2000) 68–80.

[14] **Faller M.**, The discourse commitments of illocutionary reportatives, Semantics and Pragmatics, 12 (2019) 8. DOI: 10.3765/sp.12.8

[15] **Aikhenvald A.Y.**, Evidentiality, Oxford University Press, Oxford, 2004.

[16] **Van der Auwera J., Plungian V.**, Modality’s semantic map, Linguistic Typology, 2 (1) (1998) 79–124.

[17] **Matthewson L., Davis H., Rullmann H.**, Evidentials as epistemic modals: Evidence from St'át'imcets, Linguistic Variation Yearbook, 7 (1) (2007) 201–254. DOI: 10.1075/livy.7.07mat

[18] **Murray S.**, Varieties of update, Semantics and Pragmatics, 7 (2014) 2. DOI: 10.3765/sp.7.2

[19] **Popova D.P.**, The place of impositions in the meaning typology, Topics in the Study of Language, 6 (2022) 111–122. DOI: 10.31857/0373-658X.2022.6.111-122

[20] **Korotkova N.**, Evidential meaning and (not-)at-issueness, Semantics and Pragmatics, 13 (2020) 4. DOI: 10.3765/sp.13.4

[21] **DeLancey S.**, Mirativity: the grammatical marking of unexpected information, Linguistic Typology, 1 (1) (1997) 33–52. DOI: 10.1515/lity.1997.1.1.33

[22] **Slobin D., Aksu A.**, Tense, Aspect and Modality in the Use of the Turkish Evidential, Tense-Aspect: Between Semantics and Pragmatics, ed. by P. Hopper, Benjamins, Amsterdam, 1982, pp. 185–200. DOI: 10.1075/tsl.1.13slo

[23] **Khrakovskiy V.S.**, Evidentsialnost, epistemicheskaya modalnost, (ad)mirativnost [Evidentiality, epistemic modality, mirativity], Evidentsialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreyevny Kozintsevoy [Evidentiality in the Languages of Europe and Asia: A Collection of Articles in Memory of Natalia Andreevna Kozintseva], ed. by V.S. Khrakovskiy, Nauka, Saint Petersburg, 2007, pp. 600–632.

[24] **Paducheva Ye.V.**, Vvodnyye glagoly: rechevoy i narrativnyy rezhim interpretatsii [Introductory verbs: speech and narrative modes of interpretation], Verenitsa liter. K 60-letiyu V. M. Zhivova [A String of Letters. On the 60th Anniversary of V.M. Zhivov], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2006, pp. 498–515.

[25] **AnderBois S.**, Illocutionary Revelations: Yucatec Maya Bakáan and the Typology of Miratives, Journal of Semantics, 35 (1) (2018) 171–206. DOI: 10.1093/jos/ffx019

[26] **Aikhenvald A.**, The essence of mirativity, Linguistic Typology, 16 (3) (2012) 435–485. DOI: 10.1515/lity-2012-0017

[27] **Rett J., Murray S.**, A semantic account of mirative evidentials, Proceedings of SALT 23, Los Angeles, CA, 2013, pp. 453–472. DOI: 10.3765/salt.v23i0.2687

[28] **Rett J.**, Exclamatives, degrees and speech acts, Linguistics and philosophy, 34 (5) (2011) 411–442. 10.1007/s10988-011-9103-8

- [29] **Paducheva Ye.V.**, Semanticheskiye issledovaniya [Semantic studies], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1996.
- [30] **Pavón Lucero M.V.**, El dativo con los verbos pseudocopulativos no aspectuales [Dative with non-aspectual semicopulative verbs], Verba, 40 (2013) 7–40.
- [31] **Morimoto Y., Pavón Lucero M.**, Spanish ‘turn out’ verb resultar in its predicative and attributive constructions, 58th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea. Book of abstracts, Bordeaux, 2025, pp. 1044–1045.
- [32] **Bybee, J.L., Eddington D.**, A Usage-Based Approach to Spanish Verbs of ‘Becoming’, Language, 82 (2) (2006) 323–355. DOI: 10.1353/lan.2006.0081
- [33] **Edo M.**, Los verbos copulativos y pseudocopulativos en la traducción del italiano al español [Copulative and semicopulative verbs in translation from Italian into Spanish], Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación, 60 (2014) 62–121. DOI: 10.5209/rev_CLAC.2014.v60.47444
- [34] **Arutyunova N.D.**, Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka, sobytiye, fakt [Types of language meanings. Evaluation, event, fact], Nauka, Moscow, 1988.
- [35] **Chernyavskaya V.Ye.**, Evaluative Language in Scientific Discourse: Terminological Framework and Methodological Perspectives. Perm University Herald. Russian and Foreign Philology, 14 (3) (2022) 44–55. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-44-55
- [36] **Villalba X., Planas-M.S.**, Complementantes preposicionales en las relativas de infinitivo [Prepositional complements in the relative infinitive], Revista Española de Lingüística, 50/2 (2020) 83–106. DOI: 10.31810/RSEL.50.2.4
- [37] **Vivanco M.**, ¿Qué hay entre el control y la reestructuración? Sobre la construcción <poner algo – a alguien a +infinitivo> [What's the difference between control and restructuring? On the construction <poner algo – a alguien a +infinitive>], Revista Española de Lingüística, 50/2 (2020) 213–242. DOI: 10.31810/RSEL.50.2.9
- [38] **Pardo Llibrer A.**, Tres niveles de polaridad en casi y apenas [Three levels of polarity in almost and barely], Revista Española de Lingüística, 47(2) (2017) 71–98.
- [39] **Gómez Rubio J.**, Perífrasis verbales y predicación: <llegar a ser + SN> vs. <llegar a + SN> [Verbal periphrases and preaching: <llegar a ser + SN> vs. <llegar a + SN>], Revista Española de Lingüística, 49/1 (2019) 101–118. DOI: 10.31810/RSEL.49.5
- [40] **Garachana Camarero M.**, De cuando <ir a + infinitivo> no se dirige al futuro. Construcciones gramaticales de pasado, sentido completivo y focalizador. Una aproximación desde la gramática de construcciones [When <ir a + infinitivo> is not directed toward the future. Past-tense grammatical constructions, completive and focalizing meanings. An approach from construction grammar], Revista Española de Lingüística, 49/1 (2019) 119–146. DOI: 10.31810/RSEL.49.6
- [41] **Krivochen D., Bravo A.**, Pasivas adelantadas, dobles pasivas y auxiliares de pasiva léxicos [Fronted passives, double passives and lexical passive auxiliaries], Revista Española de Lingüística, 49/1 (2019) 73–100. DOI: 10.31810/RSEL.49.4

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Вилинбахова Елена Леонидовна
Elena L. Vilinbakhova
E-mail: elenavilinb@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0539-6230>

Зевахина Наталья Александровна
Natalia A. Zevakhina
E-mail: natalia.zevakhina@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1187-0680>

Поступила: 31.07.2025; Одобрена: 09.09.2025; Принята: 19.09.2025.
Submitted: 31.07.2025; Approved: 09.09.2025; Accepted: 19.09.2025.

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16303>

EDN: <https://elibrary/PPAQHC>

ВОПРОС О ЦЕЛИ ВОПРОСА И МЕТАКОММУНИКАТИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА (НЕМЕЦКО-РУССКИЕ СООТВЕТСТВИЯ)

Д.О. Добровольский^{1,2} , И.Б. Левонтина¹

¹ Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация;

² Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

dobrovolskij@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена языковым выражениям, которые мы называем метакоммуникативными. Такие выражения указывают на то, что говорящий комментирует не внеязыковую действительность, а собственные коммуникативные задачи или коммуникативные цели и на- выки собеседника. В основе такого режима употребления лежит регулярный механизм переноса сферы действия слов с содержания высказывания на коммуникацию. Метакоммуникативные употребления близки к метатекстовым, а также к иллоктивным (риторическим) единицам, ко- торые как бы формируют действительность, а не описывают ее. Разница между метатекстовыми и метакоммуникативными значениями состоит в том, что первые относятся к высказыванию, а вторые – к иллоктивной цели, но не формируя (как в случае с риторическими выражениями), а комментируя ее. В статье рассматриваются некоторые из метакоммуникативных единиц рус- ского и немецкого языков. В центре нашего внимания стоят немецкие слова *warum* и *wieso* в значении ‘почему ты спрашиваешь’ и их русский эквивалент *а что*, а также выражения с более широким значением: *ты чего?*, *ты что, совсем уже?*, *ты с дуба рухнул?*, *ну-ну!*, *да ну тебя!* и т.п., которые могут служить реакцией на слова собеседника. Основной материал исследования – не- мецко-русский и русско-немецкий подкорпусы Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: русский язык, немецкий язык, параллельный корпус текстов, метакоммуникация, метатекстовые единицы, иллоктивная цель.

Для цитирования: Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Вопрос о цели вопроса и метакоммуникативные средства языка (немецко-русские соответствия) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16303>

QUESTIONING THE PURPOSE OF QUESTIONS: METACOMMUNICATIVE DEVICES IN LANGUAGE (A CONTRASTIVE STUDY OF GERMAN AND RUSSIAN)

D.O. Dobrovolskij^{1,2} , I.B. Levontina¹

¹ Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation;

² Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

dobrovolskij@gmail.com

Abstract. The article focuses on linguistic expressions we refer to as metacommunicative. These expressions indicate that the speaker is commenting not on extralinguistic reality but on their own communicative tasks or the communicative goals and skills of their interlocutor. This mode of usage is based on a regular mechanism of shifting the words' scope of reference from the content of the utterance to the communication itself. These metalinguistic usages are akin to metatextual expressions, as well as to illocutionary (rhetorical) units, which, in a way, shape reality rather than describe it. The difference between metatextual and metacommunicative meanings lies in the fact that the former pertain to the utterance itself, while the latter concern the illocutionary goal – not shaping it (as in rhetorical expressions) but commenting on it. The article examines some metacommunicative units in Russian and German. The focus is on the German words *warum* and *wieso* in the sense of ‘why are you asking?’ and their Russian equivalent *a chto*, as well as expressions with broader meanings, such as *ty chego?*, *ty chto*, *sovsem uzhe?*, *ty s duba rukhnul?*, *nu-nu!*, *da nu tebya!*, etc., which can serve as reactions to the interlocutor’s words. The primary research material comes from the German-Russian and Russian-German subcorpora of the Russian National Corpus.

Keywords: Russian, German, parallel text corpus, metacommunication, metatextual units, illocutionary goal.

Citation: Dobrovolskij D.O., Levontina I.B., Questioning the purpose of questions: Metacommunicative devices in language (a contrastive study of German and Russian), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 31–45. DOI: 10.18721/JHSS.16303

Введение. Постановка задачи

В языке есть регулярный механизм переноса сферы действия слов со значением, которое связывает между собой события, на смысловую связь между высказываниями. Это явление давно замечено; ср., например, [1, 2], где рассматриваются примеры типа *Он пришел, потому что дурак* vs. *Он дурак, потому что пришел*. Обе фразы правильны, что кажется парадоксальным. Дело в том, что если в первом случае *потому что* указывает на реальную причину, то во втором оно объясняет, почему говорящий пришел к такому выводу; о различии между собственно причиной и причиной-основанием; см., например, [3]. Иными словами, второе употребление является метатекстовым, то есть относится к самому высказыванию. Разумеется, его приход не является причиной его глупости – это причина выноса суждения о ней, то есть основание.

В разных языках имеются разнообразные способы маркирования перехода с текстового уровня на метатекстовый. Так, одно из довольно неожиданных средств обозначения такого сдвига – это отступление от стандартного порядка слов в немецком языке:

- (1) *Es hat gestern in Petersburg geregnet, weil ich war dort.*

Как известно, в немецком придаточном предложении спрягаемый глагол должен стоять на последнем месте. Однако в современной немецкой речи это часто нарушается. Такое очень возмущает пурристов, но это «нарушение» нередко обусловлено смысловым сдвигом – в частности, именно переходом на метатекстовый уровень. Так, в примере (1) то, что говорящий был в Петербурге, – конечно, не причина дождя. Говорящий поясняет причину своей осведомленности о погоде в Петербурге тем, что он там был.

Ср. также пример из [4, с. 821]: *Er ist zu Hause. Weil das Licht ist an* [Он дома. Потому что свет горит]. Понятно, что говорящий не имеет в виду наличие каузальной связи между этими элементами ситуации. Характерно также, что между клаузами стоит точка, а не запятая. Это соответствует особому просодическому контуру таких высказываний (перед *weil* необходима пауза). С помощью *Weil das Licht ist an* (с прямым порядком слов, недопустимым в придаточных причины) говорящий поясняет, что свое умозаключение *Er ist zu Hause* он сделал на основании наблюдения, что в доме включен свет. Подобные употребления причинного союза достаточно типичны. В [4, с. 825–836] подробно обсуждаются и другие примеры такого типа: *Wann sehen wir uns wieder? Weil ich nehme nächste Woche Urlaub* [Когда мы снова увидимся? Потому что я на следующей неделе иду в отпуск]; *Peter ist krank, – weil er war beim Arzt* [Петер болен, – потому что он был у врача]; *Wo bist du denn? Weil ich sehe dich nicht* [Да где же ты? Потому что я тебя не вижу].

Близкое явление образуют употребления, которые лингвисты называют иллокутивными или риторическими; ср., например, [5, 6]. Автор обращает внимание на то, что некоторые союзы, например союз *раз*, ведут себя необычно: фраза *Раз я тебя пригласил, то я и заплачу* примерно синонимична фразе *Я заплачу, потому что я тебя пригласил*. Однако есть важное различие: когда человек употребляет союз *потому что*, он просто констатирует наличие причинной связи в жизни, а когда говорит *Раз я тебя пригласил*, он устанавливает причинную связь. По мнению Л.Н. Иорданской, в подобных случаях языковая единица не описывает действительность, а как бы формирует ее. В этом такие союзы сходны с перформативными глаголами. Например, глагол *умоляю* в перформативном употреблении сам и формирует акт «умоляния», в отличие от глагола *упрашивать*, не имеющего перформативного употребления; ср. неправильное **Ну я тебя упрашиваю* (при этом правильно в дескриптивном режиме: *Я тебя уже два часа упрашиваю, и все без толку*).

Иллокутивные, или риторические, употребления исследовались также в работах [7, с. 56; 8, с. 45–64; 9; 10] и др. Анна А. Зализняк считает, что здесь имеет место особая реализация семантического перехода ‘делать’ → ‘говорить’ на уровне дискурса [11]. Так, по мнению автора, у единицы *раз* (уж) *на то пошло* есть «иллокутивный» режим употребления, в котором она «маркирует связь между двумя высказываниями: указывает на то, что высказывание W спровоцировано предшествующим высказыванием (принадлежащим тому же самому или другому говорящему)» [11, с. 371].

В философии языка используется также понятие метадискурса [12], то есть дискурса о дискурсе, близкое к понятию метатекста.

Таким образом, есть целый кластер смежных значений. В настоящей работе мы ставим перед собой цель выделить особый класс употреблений языковых единиц, которые мы называем метакоммуникативными, то есть такие случаи, когда обсуждаются не содержание высказывания и даже не форма его выражения, а коммуникативные установки говорящих. Для этого мы решаем ряд конкретных задач: мы выделяем в русском и немецком языках метакоммуникативные единицы, оформляющие вопрос о цели вопроса, и проводим их сопоставительное исследование на материале параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ). При этом необходимо уточнить семантику, структуру многозначности исследуемых единиц и синонимические отношения между ними.

Материалы и методы

В нашей статье мы хотим обратить внимание на близкие к перечисленным выше, но не тождественные им употребления языковых единиц, которые мы называем метакоммуникативными. Разница между метатекстовыми и метакоммуникативными значениями состоит в том, что первые относятся к высказыванию, а вторые – к иллокутивной цели, но, в отличие от иллокутивных (риторических), не формируют, а комментируют ее.

Заметим, что термин «метакоммуникативный» (*metakommunikativ*) широко употребляется в немецкоязычной лингвистической литературе, часто в расширительном значении, которое охватывает, помимо собственно метакоммуникативных употреблений, и обычные метатекстовые; ср. [4, 13]. В англоязычной литературе термин *metacommunicative* также вполне употребителен, причем используется именно в том значении, которое мы имеем в виду, то есть по отношению к коммуникации о коммуникации. В OED (Oxford English Dictionary) указывается, что этот термин используется с 1950-х годов: “The earliest known use of the adjective *metacommunicative* is in the 1950s” (https://www.oed.com/dictionary/metacommunicative_adj?tl=true).

Мы рассмотрим употребление немецкого слова *warum*¹ в значении ‘почему ты спрашивашь’ и его русских эквивалентов; на это употребление немецкого *warum* и английского *why* обратила внимание И.Б. Левонтина в работе [14, с. 317–318]. Так, по-русски дико звучит диалог: – *У тебя спички есть?* – **Почему?*, в то время как буквальный перевод на немецкий очень естественен: – *Hast du Feuer? – Warum?*²

В своем исследовании мы опираемся на анализ корпусов – преимущественно на материал параллельного немецко-русского и русско-немецкого подкорпусов НКРЯ. На сегодняшний день объем немецко-русского подкорпуса – 20 896 209 слов, а русско-немецкого – 11 380 546 слов. Количество вхождений *warum* в этих двух подкорпусах – 11 603. Кроме того, некоторые немецкие примеры взяты из одноязычных корпусов: на платформе DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache) Берлинско-Бранденбургской академии наук (<https://www.dwds.de/>) и DeReKo (Deutsches Referenzkorporus) Института немецкого языка в Мангейме (<https://www.ids-mannheim.de/digspra/pb-s1/projekte/korpora/>). При этом следует иметь в виду, что рассматриваемые единицы в нужных значениях используются преимущественно в устной речи, и что у некоторых из них есть омонимичные формы. Это затрудняет получение надежных статистических результатов.

Рассмотрим следующий пример метакоммуникативного употребления *warum*:

(2) „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „Um elf rum?“, sagte Karl Hemling. „Warum?“ (Hansjörg Martin. Einer flieht vor gestern nacht. S. 94)

[– Когда ты утром был у сестры? – Примерно в 11, – сказал Карл Хемлинг. – *Почему ты спрашивашь?* (перевод наш)]³

Первый говорящий задает вопрос о времени, второй кооперативно отвечает на него, а потом задает встречный вопрос *Warum?*, который относится, однако, не к причине визита к сестре, а к цели первого вопроса. Часто *Warum?* не дополняет, а заменяет содержательный ответ:

(2') „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „Warum?“

[– Когда ты утром был у сестры? – *Почему ты спрашивашь?*]

¹ Кстати, так же употребляется английское *why*.

² Это обычно не отмечается в немецких словарях, см., например, Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Nachdr. der 7., vollständig neu bearb. und aktualisierte Aufl. auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreiberegeln / neu hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 S.

³ Пример из DeReKo. В этой работе мы используем главным образом материал немецко-русского и русско-немецкого подкорпусов НКРЯ. Данные параллельного корпуса оказываются крайне полезными при исследовании слов со сложной семантикой, которые не допускают буквального перевода на другие языки. Ср. из работ последних лет [15–18]. Особенно значимыми оказываются работы, исследующие возможности интеграции параллельных корпусов с двуязычными словарями [19, 20].

Надо заметить, что вообще вопрос о цели вопроса — это прагматически небезопасное действие, в особенности если он не дополняет, а заменяет ответ (как в (2')). Отвечающий отказывается от своей коммуникативной роли, навязывая ее спрашивающему, что нарушает принцип кооперации.

Подчеркнем, что по-русски такое использование слов *почему* и *зачем* абсолютно невозможно. В этих случаях используется специальная единица *a что?*⁴ (— *Когда ты утром был у сестры?* — *A что?*). Само это выражение обойдено вниманием лингвистов, между тем оно многозначно⁵ и имеет интересную семантику.

Так, например, в Толковом словаре русской разговорной речи⁶ и в Словаре русских частиц⁷ такая единица не отмечается. В Словаре структурных слов русского языка⁸ она отмечена, но описана очень приблизительно. Впрочем, идея выяснения цели заданного вопроса в описании присутствует:

A что част. разг. Употр. в качестве ответной реплики в тех случаях, когда говорящий, не вполне понимая, с какой целью ему задается вопрос, хочет побудить собеседника к продолжению высказывания. — *Вы скоро уходите?* — *A что, я вам надоел?* — *Не пора ли собираться?* — *A что, уже поздно?* *Вы читали эту книгу?* — *Hem, a что?* (С. 32).

Как мы видим, в первых двух примерах в ответной реплике содержится вопрос не о цели первого вопроса, а о чем-то другом, и в них представлена не та единица, которая нас интересует — а скорее всего, это вообще свободное сочетание союза *a* и частицы *что*⁹. В третьем же примере представлено «наше» *a что*, его смысл не в побуждении к продолжению высказывания, а именно в получении информации о цели заданного вопроса.

Результаты исследования

Таким образом, мы установили особое значение немецкого слова *warum* и выявили соответствующую ему и ранее не описанную русскую дискурсивную единицу *a что*.

Приведем пример, иллюстрирующий значение русского *a что* (в отличие от *почему* или *зачем*) ‘почему ты спрашиваешь?’:

(3) И вдруг однажды встречаю я Шубкина в парикмахерской, где он подправлял края своей лысины за ушами. Он спросил меня: «Что вы сегодня вечером делаете?» — «*A что?*» — «Ничего, но если вам нечего делать, заходите часиков в семь.» Я спросил, *a зачем*, а он загадочно: приедете — узнаете [Владимир Войнович. Монументальная пропаганда // Знамя (2000)].

Этот пример хорошо показывает различие между прямым и метакоммуникативным употреблениями вопросительного слова: *зачем* используется в прямом режиме (как вопрос о цели прихода), тогда как *a что* — как вопрос о цели вопроса, то есть метакоммуникативно.

Вернемся к немецкому языку: он располагает еще одним словом, которое ошибочно считается полным синонимом *warum*, отличающимся только стилистически¹⁰, — словом *wieso*:

(2") „Wann warst du am Vormittag bei deiner Schwester?“ „Wieso?“

⁴ Местоимения вообще образуют много интересных дискурсивных единиц. О некоторых из них см. [21].

⁵ Помимо тех значений, которые мы рассматриваем в этой статье, у *a что* есть, например, и значение ‘почему бы и нет?’. Ср.: Финета. *Я выдумала, чтобы вместо рукавиц на руки надевать чулки. Делалида. A что?* ежели б это выдумали в Париже, так, я чаю, это бы было недурно. Финета. *A разве не все равно, что в Париже, что в Петербурге.* [А.П. Сумароков. Скора у мужа с женой (1750)]; Юлия (вслух). <...> Между тем дочери его оглашают страстными плаксивыми песнями... Верьте мне, он с ними в заговоре. Нас здесь женить хотят. Рославлев старший (расхочотавши): Какая мысль! *a что?* может быть. [А.С. Грибоедов, П.А. Вяземский. Кто брат, кто сестра, или обман за обманом (1823)].

⁶ Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А–И / под ред. Л.П. Крысина. М.: Языки Славянской Культуры, 2016. 776 с.

⁷ Шимчук Э.Г., Щур М.Г. Словарь русских частиц = Berliner slawistische Arbeiten. Bd. 9 / hrsg. von W. Gladrow. Frankfurt am Main; Berlin; Bruxelles; New York; Wien: Peter Lang – Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. 146 S.

⁸ Словарь структурных слов русского языка / под ред. В.В. Морковкина. М.: Лазурь, 1997. 422 с.

⁹ Вопросительная частица что рассматривается, например, в [14, с. 79]: — *Ее муж... — A она что, замужем?*

¹⁰ Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Nachdr. der 7., vollständig neu bearb. und aktualisierte Aufl. auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtschreiberegeln / neu hrsg. von R. Wahrig-Burfeind. Gütersloh; München: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2001. 1451 p.

Оказывается, однако, что между синонимами имеются семантические различия, причем особенно яркие в функции вопроса о цели вопроса. *Wieso*, в отличие от *warum*, – это вопрос не просто о коммуникативном намерении собеседника, а еще о содержании: он включает предположение о том, что собеседнику ситуация почему-то кажется подозрительной или ненормальной [≈ *a что тут такого?*]¹¹. Чрезвычайно наглядно это проявляется в примере (4), в котором эти синонимы стоят рядом:

(4) Staatsanwalt: Nur noch eine Frage, Herr Sachtleben.

Sachtleben: Bitte.

Staatsanwalt: Haben Sie irgendeine Beziehung zu Jamaika?

Sachtleben: *Warum? Wieso?*

Staatsanwalt: Ich forsche nicht nach Ihren geschäftlichen Verbindungen, Herr Sachtleben, ich möchte lediglich wissen: Haben Sie, als Anatol Wadel an ihrem Gipskopf arbeitete, von Jamaika erzählt?

(M. Frisch. Rip van Winkle (Hörspiel). 17. Szene)

[Прокурор: Еще вопрос, г-н Захтлебен.

Захтлебен: Пожалуйста.

Прокурор: У вас есть какие-то связи с Ямайкой?

Захтлебен: [букв.] *Почему? А что?* (то есть первый вопрос относится к цели вопроса: *почему вы об этом спрашиваете?*, а второй – к причинам возможных претензий собеседника, выражая обеспокоенность говорящего)

Прокурор: Ваши бизнес-контакты меня не касаются, господин Захтлебен, я хочу только знать, рассказывали ли вы о Ямайке Анатолю Ваделю, когда он работал над вашей гипсовой головой? (перевод наш)]

Из последней реплики прокурора очевидно, что он действительно слышит здесь два разных вопроса, сначала объясняя, что не имеет в виду вмешиваться в бизнес г-на Захтлебена, а затем поясняя, что заинтересовало следствие в этой ситуации.

Русское *а что* может употребляться как аналог метакоммуникативного *warum* или *wieso*.

Рассмотрим пример нейтрального употребления *а что* (= *warum*):

(5) Она чувствовала себя очень бодро после последних событий. Смотрела на Ольгу с обожанием, но и с некоторым опасением тоже. – Фильмы про ниндзя видела по телеку? – Ольга вздохнула, присела на корточки и заглянула под днище «десятки». – Да, *а что?* – Алена не поняла хода Ольгиных мыслей. – Помнишь, там перед шеренгой врагов они обычно бросали шарики, которые взрывались с большущей вспышкой? – спросила Ольга и, засунув руку под днище, задумчиво подняла глаза к небу, а рукой принялась что-то ощупывать [Сергей Таранов. Мстители (1999)].

Очень важен здесь комментарий *Алена не поняла хода Ольгиных мыслей*. Действительно, *а что* показывает, что собеседник потерял нить разговора. Ср. также следующий пример, в котором слово *просто* в реакции первого говорящего на вопрос *а что?* показывает, что он сам понимает неожиданность своего вопроса о бабушке:

(6) – И не знали моей бабушки? – *Hem, а что?* – Просто вы рассказываете анекдоты, которые я слышал от нее пятьдесят лет назад [Коллекция анекдотов: анекдоты об анекдотах (1970–2000)].

Если в примере (6) вопрос с *а что* был вызван ощущением неуместности реплики собеседника, то в следующем примере *а что* свидетельствует о том, что говорящий хочет быть максимально кооперативным: понимая, что вопрос задан неспроста, он готов подстроиться под собеседника:

(7) – Слыши, Вилка, – зачастila Кристя, – ты дома будешь? – Пока да, *а что?* – Нам восьмой урок добавили [Дарья Донцова. Микстура от косоглазия (2003)].

¹¹ Подчеркнем, что эта черта присуща *wieso* только в метакоммуникативном употреблении. Так, в научном тексте с идеей подозрения это слово никак не связано;ср.: *Daher stellt sich die Frage, wieso eine konditionale Interpretation in diesen Fällen möglich ist* [По этой причине встает вопрос, почему в этих случаях возможна кондициональная интерпретация] [4, с. 706].

Другая характерная для использования *a что* стратегия — осторожность в сообщении информации, поиск уместного ответа. В следующем примере говорящий на всякий случай не спешит давать ответ, не удостоверившись в цели, чтобы не нарушить свои интересы:

(8) – Алло, это Рабинович? – *A что?* – Вы знаете, что в Нью-Йорке умер Ваш дядя? – И всё мне? – Вы знаете, сколько за ним долгов? – Послушайте, куда вы звоните? (<https://mybook.ru/author/v-zhiglov-5/evrejskie-anekdoty/citations/7539310/>).

В других случаях прямо ответить на вопрос мешает деликатность, когда человек боится своим ответом нарушить интересы собеседника:

(9) Я спрашиваю Чуйкова: «Вы ели?» – «*A что?*». Он до сих пор ничего не ел. Идем «завтра-кать» [В.В. Вишневский. Дневники военных лет (1943–1945)].

Вопрос с *a что* может задаваться также в ситуациях, когда готового ответа у говорящего нет:

(10) Привет Скажи мне, Лена, во сколько ты будешь завтра в общаге? Да я сама не знаю, *a что?* Хотя бы примерно Нууу [Переписка в icq между agd-ardin и Герда (17.03.2008)].

Вопрос с *a что?* может употребляться также, чтобы указать на то, что спрашивающий видит в ситуации что-то неправильное — этим он напоминает вопрос с *wieso* в немецком:

(11) – Ты это есть собираешься? – *A что?*

Важно не «почему интересуешься», а «почему это тебя беспокоит». Такое *a что* можно заменить на *a что такого?, что здесь не так?, а в чем дело?*

(12) За обедом Фанни Соломоновна сказала мне с особой улыбкой: «Что же ты, сочинитель, не хочешь еще супу?» – «*A что?*» – спросил я с тревогой. «*Да ничего*» [Л.Д. Троцкий. Моя жизнь (1929–1933)] [= *a что не так?*].

В этом примере показательно словосочетание с *тревогой*, которое прямо указывает на беспокойство спрашивающего:

(13) – Две шайбы за такие деньги? – *Да, а что?* – ответил цыган. – Мало [Михаил Гиголашвили. Чертово колесо (2007)] [= *a что такого?*].

(14) – Ночью – в сауну? – удивилась Катя. – *Да, а что?* Уложим этого арийца и пустимся во все тяжкие... [Татьяна Тронина. Никогда не говори «навсегда» (2004)] [= *a что особенного?*].

(15) За мостом у пассажира она оглянулась на сопевшую возле двери кондукторшу и задышала теплом ему в ухо: «Ты... ты Владу во всем доверяешь?» – «Конечно! Мы с ним с первого класса... *A что?*» – «*A то*, что он или дурак, или провокатор!» [Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана (1997)].

Ответ с *a то* или *с да ничего* достаточно стандартный. Он показывает, что говорящий понимает, что *a что* собеседника было понято именно как ‘А что такого? А что здесь не так?’.

Итак, русское *a что* — это вопрос или о цели вопроса (‘почему интересуетесь?’ — *a твоё какое дело?*) или о том, что не нравится собеседнику: *a что такого?, что здесь не так?* — ‘в чем проблема’. Это примерно соответствует различию между *warum* и *wieso* в немецком.

A что отличается от немецких аналогов еще и тем, что может употребляться не только как ответ на вопрос, но и как реакция на утверждение:

(16) – Послушайте, вы ходите за мною по пятам. – Ну да, *a что?* – Вы глаз с меня не сводите, я что, картинка вам? – Ну да, *a что?* – Вы вечно караулите меня на нашей улице. – Ну да, *a что?* – «Ну да, а что, ну да, а что», – заладил, словно дятел! – Ну да, *a что?* [Юлий Ким. Объяснение]

Употребление *a что* бывает неоднозначным, то есть не вполне понятно, употребляется *a что* нейтрально или «оборонительно». А следующий пример звучит абсурдно и комично, поскольку оба понимания неуместны:

(17) Елена рассказывала о какой-то своей давнишней знакомой, очень флегматичной еврейской барышне, которую в первые годы революции, на вузовской чистке, спросили, сочувствует ли она советской власти. – *Да, а что?* – ответила барышня [Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920–1943)].

Непонятно, то ли барышня в критической ситуации светски интересуется у допрашивающих, с какой целью был задан вопрос, то ли предполагает, что в ее хорошем отношении к советской власти, с точки зрения спрашивающего, что-то не так.

Замечательно, что *a что* в качестве ответной реплики – довольно старая единица. В текстах XIX века встречается *a что* в значении ‘с какой целью интересуетесь’:

(18) – Послушай-ка, Юрий Дмитрич, – сказал запорожец, – пистолет-то у тебя знатный, да заряжен ли он? – *A что?* – Да так, боярин: дорожным людям дремать не надобно [М.Н. Загоскин. Юрий Милославский, или русские в 1612 году (1829)].

(19) – Знаете ли, матушка, кто этот офицер, который был сегодня у нас? – Не знаю, *a что?* – Мой смертельный враг, – отвечал он [М.Ю. Лермонтов. Княгиня Лиговская (1836–1837)].

(20) – Изволь. – Честное слово? – Честное слово. – Вот какая просьба: у тебя есть, чай, много умерших крестьян, которые еще не вычеркнуты из ревизии? – Ну есть, *a что?* – Переведи их на меня, на мое имя. – А на что тебе? – Ну да мне нужно. – Да на что? [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)]

Встречаются в русской классике и примеры с *a что* в значении ‘что здесь не так’:

(21) Кочкирев. Ну вот, очень нужно поправлять стремешку.

Яичница (обращаясь к нему). Скажите, пожалуйста, невеста дура, что ли?

Кочкирев. *A что?* случилось разве что?

Яичница. Да непонятные поступки: выбежала, стала кричать: «Прибывает, прибывает!» Черт знает что такое!

Кочкирев. Ну да, это за ней водится [Н.В. Гоголь. Женитьба (1833–1842)].

(22) Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни кофию, поглядывал в окно и посвистывал к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою. – Вот бог послал свистуну, – говорила она вполголоса. – Эк посвистывает – чтоб он лопнул, окаянный басурман. – *A что?* – сказал смотритель, – что за беда, пускай себе свищет. – Что за беда? – возразила сердитая супруга. – А разве не знаешь приметы? – Какой приметы? что свист деньги выживает [А.С. Пушкин. Дубровский (1833)].

Параллельный корпус показывает, что есть разные практики перевода рассмотренных метакоммуникативных слов. Наиболее типичной оказывается пара *warum* – *a что*:

(23) „Steinbrenner“, fragte Immermann, „hast du auch Nachrichten über Rußland mitgebracht?“ „*Warum?*“ „Weil wir hier sind. Einige von uns haben Interesse daran. Unser Kamerad Graeber zum Beispiel. Der Urlauber.“

– Штайнброннер, – спросил Иммерман, – а про Россию у тебя новостей нету? – *A что?* – Мы-то здесь. Кой-кому из нас интересно. Например, нашему товаришу Греберу. Отпускнику [Erich Maria Remarque. Zeit zu leben und Zeit zu sterben (1954) | Эрих Мария Ремарк. Время жить и время умирать (Н.Н. Федорова, 2017)].

Иногда встречаются переводы с излишней экспликацией; ср. (24), где *a что* вполне можно было бы перевести как *warum*:

(24) – Да-да, – нетерпеливо перебил мужчина. – Помнишь? – Помню. Как же не помнить такое? *A что?* Побеспокоили тебя? – Нет, нет, не волнуйся.

„Ja, ja“, unterbrach der Mann ihn ungeduldig. „Erinnerst du dich?“ „Natürlich. So etwas vergisst man nicht. *Warum fragst du?* Hast du Schwierigkeiten?“ „Nein, nein, mach dir keine Sorgen.“ [Александра Маринина. Украденный сон (1994) | Alexandra Marinina. Der Gestohlene Traum (Natascha Wodin, 2004)].

Иногда выбор необычного перевода диктуется семантическими особенностями исходной фразы, как в примере (25):

(25) „Alles Gute, mein Sohn, für dein weiteres Leben. Du warst eine Überraschung.“ „Sie nicht. Sie sind Rennfahrer, nicht wahr?“ „*Warum?*“ Hubert Göring zeigte auf eine fast abgewaschene Nummer unter dem Dreck auf der Kühlerhaube.

Бывай здоров, сын мой, удачи тебе. Ты, признаешься, меня удивил. — А вы меня нет. Вы ведь гонщик? — *Откуда ты знаешь?* — Губерт Геринг кивнул на автомобильный номер на бампере, едва различимый под коростой грязи [Erich Maria Remarque. *Der Himmel kennt keine Günstlinge* (1961) | Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаймы, или У неба любимчиков нет (М.Л. Рудницкий, 2018)].

— Всего хорошего, сын мой, всего хорошего на долгие годы. Ты стал для меня настоящим сюрпризом. — А вот вы... как раз — и нет. — Вы же гонщик, правда? — *А ты как догадался?* — Губерт Геринг ткнул пальцем на уже почти стершийся и едва видный под грязью номер на капоте машины [Erich Maria Remarque. *Der Himmel kennt keine Günstlinge* (1961) | Эрих Мария Ремарк. Жизнь взаймы, или Небесам не ведомы любимцы (Д.Н. Шаповаленко, 2017)].

Не случайно оба переводчика не воспользовались вариантом *a что*. *Warum?* здесь относится не к цели вопроса, а к источнику осведомленности собеседника.

Таким образом, анализ параллельного корпуса ясно дает понять, что русское *a что* и немецкие *warum* и *wieso* соотносятся довольно сложным образом, хотя в целом функционально близки и служат для метакоммуникации.

Место метакоммуникации в языке

Метакоммуникация — довольно распространенное явление в дискурсе. Люди часто обсуждают не только само высказывание, но и цели говорящих. Например, такие русские выражения, как *ты чего?*, *ты что, совсем уже?*, *ты что, с дуба рухнул?*, *ну-ну!*, *да ну тебя!* и т.п. могут не только оценивать поступки другого человека, но и служить реакцией на слова собеседника¹².

Рассмотрим такой диалог: — *Он завтра будет на работе?* — *Ты что, с ума сошел?* Если рассматривать этот диалог не в метакоммуникативном плане, он оказывается бессвязным. Второй говорящий отказывается обсуждать содержание первой реплики. Вместо этого он комментирует уместность вопроса собеседника. Ср. также диалог из мультфильма о Карлсоне, ставший мемом:

(26) — Лучше так — восемь пирогов... и одна свечка, а? — Поверь мне, Карлсон, не в пирогах счастье... — *Ты что, с ума сошел?* А в чем же еще?

Карлсон сначала выдает метакоммуникативную реакцию (*Ты что, с ума сошел?*), а потом все-таки реагирует на смысл высказывания Малыша (*А в чем же еще?*), то есть, конечно, в пирогах.

Приведем еще несколько примеров.

В следующем примере замечательно, что метакоммуникативное *Ты чего, совсем уже?* служит переводом немецкого метатекстового *Quatsch!* [Ерунда!]:

(27) „Weißt du, was? Nimm wenigstens das Handy mit.“ Ich trippelte in meinem Kleid zur Tür und lugte vorsichtig in den Gang hinaus. „In die Vergangenheit? Meinst du, ich könnte dich von dort anrufen?“ „Quatsch!“

— Знаешь, что? Хотя бы телефон с собой возьми. — Я проковыляла в своем платье до двери и осторожно высунулась в коридор. — В прошлое взять? Позвонить тебе из прошлого? — *Ты чего, совсем уже?!* [Kerstin Gier. Rubinrot (2009) | Керстин Гир. Рубиновая книга (С. Вольштейн, 2012)]

Показательно, что метакоммуникативная реакция может быть не обязательно на слова собеседника, но и, например, на выражение его лица:

(28) — *Ты чего?* — спросил Федор Павлович, мигом заметив усмешку и поняв конечно, что относится она к Григорию.

„Was hast du?“ fragte Fjodor Pawlowitsch, der das Lächeln sofort bemerkte und natürlich erkannt hatte, daß es sich auf Grigori bezog [Ф.М. Достоевский. Братья Карамазовы (ч. 1–2) (1878) | Fjodor Dostojewski. Die Brüder Karamasow (1–2. Teile) (Hermann Röhl, 1923)].

¹² Заметим, что у русского союза *a то* в значении причины также имеются метакоммуникативные употребления. В предложении *Нет ли у тебя соли, а то у меня кончились?* союз *a то* вводит указание не на причину какого-то положения вещей, а на причину просьбы, формулируемой в виде вопроса; см. подробнее [14, с. 315–329].

Отметим, что *Ты чего?* Довольно регулярно переводится на немецкий с помощью *Was hast du?* [Что с тобой?].

(29) – Признайся, тебе просто захотелось семейного уюта, но созданного чужими руками, и не пой мне песни про высокие чувства. А то я тебя не знаю! – *Да ну тебя*, Юрка, – вздохнула Настя. – Вечно ты все опошишь.

„Gib es zu, du sehnst dich nach einem gemütlichen Heim, um das du dich selbst nicht zu kümmern brauchst. Mir brauchst du nichts von großen Gefühlen zu erzählen, dazu kenne ich dich zu gut.“ „*Immer dasselbe mit dir*“, erwiederte Nastja mit einem Seufzer, „du mußt immer alles plattwalzen.“ [Александра Маринина. Смерть и немного любви (1995) | Aleksandra Marinina. Tod und ein bißchen Liebe (Natascha Wodin, 2003)].

Героиня не отвечает на предположение, что ей захотелось семейного уюта, а вместо этого оценивает реплику собеседника как неуместную. Заметим, что немецкий перевод здесь небуквальный. Вместо *Да ну тебя!*¹³ переводчик пишет *Вечно с тобой одно и то же*. Не находится точного перевода для *Да ну тебя!* И в следующем примере:

(30) – Какие буквы? – Алфавит. Ты когда последний раз книжку в руках держал, а? – *Да ну тебя*, дядя Коля, чего ты измываешься. И без того паскудно.

„Wovon sprichst du?“ „Vom Alphabet. Wann hast du zum letzten Mal ein Buch in der Hand gehabt?“ „Hör auf, dich über mich lustig zu machen. Es ist alles sowieso schon zum Kotzen.“ [Александра Маринина. Украденный сон (1994) | Alexandra Marinina. Der Gestohlene Traum (Natascha Wodin, 2004)].

Немецкая фраза *Hör auf, dich über mich lustig zu machen* [Перестань надо мной смеяться] является эквивалентом всего предложения *Да ну тебя, дядя Коля, чего ты измываешься*.

Русская дублетная идиома *ну-ну*¹⁴ также обладает метакоммуникативным значением. Ср. толкование этого значения в АСРФ¹⁵: «Выражение скепсиса по поводу сказанного ранее и неодобрение такого хода мыслей» и примеры (31–33) из параллельного корпуса НКРЯ.

(31) – Ха-ха-ха! Так я и думал! Непременно чего-нибудь ждал в этом роде! Однако же вы... однако же вы... *Ну-ну!* Красноречивые люди! До свиданья, до свиданья!

„Hahaha! Hatte ich es mir doch gedacht! Ich habe erwartet, daß unfehlbar so etwas kommen würde! Aber Sie, aber Sie. Nun ja, schöne Phrasen haben diese Leute immer zur Hand! Auf Wiedersehen! Auf Wiedersehen!“ [Ф.М. Достоевский. Идиот (1868–1869) | Fjodor Dostojewski. Der Idiot (Hermann Röhl, 1920)].

(32) – Я к вашим услугам, – сказал Мак. – Тем более, что у меня тоже есть к вам вопросы. «*Ну-ну!* – мысленно одернул его прокурор, – не надо так откровенно, мы здесь не одни».

„Ich stehe zu Ihrer Verfügung“, sagte Mak. „Umso mehr, als auch ich Fragen an Sie habe.“ „*Na, na*“, wies ihn der Staatsanwalt im Stillen zurecht. „Nicht so offenherzig, wir sind hier nicht allein.“ [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Обитаемый остров (1969) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Die bewohnte Insel (Erika Pietraß, 1982)].

(33) – Ну что ж, вот еще два золотых, береги его. – Брат Нанин наклонился, ловя его руку. Румата отступил. – *Ну-ну*, – сказал он. – Это не самая лучшая из твоих шуток, брат Нанин.

„Na, da hast du noch zwei Goldstücke, und nimm dich seiner an!“ Bruder Nanin verbeugte sich tief und wollte seine Hand küssen. Rumata trat einen Schritt zurück. „*Na, na*“, sagte er, „du hast schon bessere Späße gemacht, Bruder Nanin.“ [А.Н. Стругацкий, Б.Н. Стругацкий. Трудно быть богом (1964) | Arkadij Strugatzki, Boris Strugatzki. Es ist nicht leicht, ein Gott zu sein (Hermann Buchner, 1990)].

Последний из примеров интересен тем, что реплика *ну-ну* является реакцией не на сказанное и не на ход мыслей собеседника, а на его действие. Правда это действие носит сугубо

¹³ Выражение *Да ну тебя!* в близком значении отмечается в [22, с. 74].

¹⁴ Подробнее о дублетных идиомах и, в частности о *ну-ну*, см. [23].

¹⁵ АСРФ – Академический словарь русской фразеологии / под ред. А.Н. Баранова, Д.О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Лексрус, 2020. 1168 с.

семиотический характер и тем самым может рассматриваться как некое высказывание. Показательно также, что во всех примерах из русско-немецкого корпуса, где *ну-ну* уже задано в тексте оригинала, в качестве переводного соответствия подбирается наиболее близкое по функции (хотя и не полностью эквивалентное) сочетание немецких частиц с обязательным участием формально напоминающих *ну* частиц *na* и *nip*. Несколько иная картина наблюдается в переводах с немецкого. В немецком оригинале часто вообще отсутствует какой-либо маркер скептического отношения говорящего к словам и мыслям собеседника;ср. (34–35):

(34) „Du hast auch das Gefühl gehabt, gefilmt zu werden?“ „Das nicht. So technisch dachte ich nicht. Das Kamera-Augen war in meinem Fall Gottes Auge und das Dauerpublikum Gottvater selbst.“ „So lange hast du also an Gott geglaubt.“

— Выходит, и ты испытывала ощущение, будто тебя снимают на пленку? — Нет, столь технических ассоциаций у меня не возникало. Объективом камеры было в моем случае око Господне, а постоянным зрителем — сам бог-отец. — *Ну-ну*, долго же ты верила в бога [Christa Wolf. Kindheitsmuster (1976) | Криста Вольф. Образы детства (Н. Федорова, 1989)].

(35) Der Artillerist grinst höhnisch. „Spann man! Verheb dich nicht dabei.“

Артиллерист иронически ухмыляется: — *Ну-ну*, осмотрись. Не надорвись только [Erich Maria Remarque. Im Westen nichts Neues (1929) | Эрих Мария Ремарк. На Западном фронте без перемен (Н. Федорова, 2014)].

Это заставляет предположить, что дублетная идиома *ну-ну* как маркер скепсиса специфична для русского языка, в то время как другие языки предпочитают выразить эту идею иными способами. Это могут быть либо чисто просодические особенности реплики, восстанавливаемые в письменном тексте на основе содержания диалога, либо эксплицитные указания в предшествующем авторском тексте; ср. в последнем примере: *grinst höhnisch* [ионически ухмыляется].

Мы перечислили лишь некоторые единицы, имеющие метакоммуникативную функцию. Вне всякого сомнения, в языке их не так уж мало, и они нуждаются в тщательном описании и сопоставительном изучении.

Заключение

Основной теоретический результат настоящей статьи состоит в том, что нам удалось выделить особый режим употребления языковых единиц, в котором они выполняют метакоммуникативную функцию. В частности, мы рассмотрели случаи, когда вопрос задается с целью выяснить коммуникативные намерения собеседника.

Метакоммуникация, по-видимому, имеет глубокие корни в самих функциях языка. Здесь можно вспомнить классическую работу Романа Якобсона «Лингвистика и поэтика» [24] и «фатическую» функцию языка: «Существуют сообщения, основное назначение которых — установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи („Алло, вы меня слышите?“), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно („Ты слушаешь?“ или, говоря словами Шекспира, „Предоставь мне свои уши!“, а на другом конце провода: „Да-да!“). Эта направленность на контакт, или... фатическая функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых — поддержание коммуникации. У Дороти Паркер можно найти замечательные примеры:

„— Ладно! — сказал юноша.

— Ладно! — сказала она.

— Ладно, стало быть, так, — сказал он.

— Стало быть, так, — сказала она, — почему же нет?

— Я думаю, стало быть, так, — сказал он, — то-то! Так, стало быть.

— Ладно, — сказала она.

— Ладно, — сказал он, — ладно“».

Рассмотренные в нашей работе примеры показывают, что в дополнение к единицам, обслуживающим поддержание контакта, язык вырабатывает и средства обсуждения этого контакта.

Семантика обнаруживает все новые слои смыслов, выражаемых языковыми единицами. Давно известно, что языковые выражения могут иметь метаязыковые значения, связанные с выбором слова, точностью или неточностью номинации и т.д.

Некоторое время назад внимание исследователей привлек тимиологический аспект семантики. Оказалось, что языковые единицы могут маркировать большую или меньшую важность тех или иных фрагментов высказывания (ср. *Не книга, а так, статья*). Затем лингвисты заинтересовались различными эффектами отчуждения и средствами, которые помечают фрагменты по степени готовности говорящего отвечать за них (ср. *Он типа работает*). Далее обнаружилось, что языковые единицы могут осуществлять композиционную разметку текста, обозначая разные фрагменты как экспозицию, завязку и т.д. (ср. *Сижу это я, и тут...*). В этой статье отмечен еще один вид режимов употребления языковых единиц, позволяющих отделить собственно коммуникацию от метакоммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Разлогова Е.Э. Логические отношения между смыслом и его компонентами // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1982. № 1. С. 14–20.
2. Разлогова Е.Э. Когнитивные установки в прямых и непрямых ответах на вопрос // Логический анализ языка: избр., 1988–1995 / сост. и отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2003. С. 195–211.
3. Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б. Смыслы ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке // Вопросы языкоznания. 2004. № 2. С. 68–88. URL: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (дата обращения: 09.09.2025).
4. Breindl E., Volodina A., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren 2: Semantik der deutschen Satzverknüpfen. Berlin; München; Boston: De Gruyter, 2015. DOI: 10.1515/9783110341447
5. Иорданская Л.Н. Семантика русского союза раз (в сравнении с некоторыми другими русскими союзами) // Russian Linguistics. 1988. Т. 12. Вып. 3. С. 239–267.
6. Иорданская Л.Н. Перформативные глаголы и риторические союзы // Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozencvejg zum 80. Geburtstag / hrsg von T. Reuther, Wien: Verlag Otto Sagner, 1992. S. 29–41.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве М.: Языки славянских культур, 2008. 624 с.
8. Урысон Е.В. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011. 339 с.
9. Пекелис О.Е. Иллокутивное употребление союзов: шкала иллокутивности и ее отражение в грамматике // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2018». М., 2018. С. 565–577.
10. Inkova O. Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione // Studi di linguistica slava / a cura di M. di Filippo, F. Esvan. Napoli: Il Torcoliere – Università degli Studi di Napoli “L’Orientale”, 2017. P. 105–123.
11. Зализняк Анна А. Раз уж на то пошло... // Язык как он есть: Сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика / ред.-сост. Т.И. Давидюк, И.И. Исаев, Ю.В. Мазурова, С.Г. Татевосов, О.В. Федорова. М.: Буки Веди, 2023. С. 370–376. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-56
12. Hyland K. Metadiscourse: What is it and where is it going? // Journal of Pragmatics. 2017. Vol. 113, P. 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007
13. Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H. Handbuch der deutschen Konnektoren 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfen (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln). Berlin; New York: De Gruyter, 2003. 800 S. DOI: 10.1515/9783110201666
14. Левонтина И.Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022. 431 с.

15. Добровольский Д.О., Зализняк Анна А. Об особом типе модальности необходимости: семантика немецкого глагола *sollen* по данным параллельных корпусов // Вопросы языкоznания. 2021. № 6. С. 22–39. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39
16. Добровольский Д.О., Зализняк Анна А. Использование параллельного корпуса в семантическом анализе русской лексики: case study приспично и норовить // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 4. С. 60–77. DOI: 10.31912/pvrli-2024.4.4
17. Добровольский Д.О., Левонтина И.Б. Сопоставительное корпусное исследование глагола оскорбить и его немецких вариантов перевода: на материале параллельного корпуса НКРЯ // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2023». СПб., 2024. С. 89–96.
18. Dobrovolskij D., Pöppel L. Russian constructions with nu i in parallel corpora // Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach // ed. by C. Mellado Blanco. Berlin; Boston: De Gruyter, 2022. P. 191–213. DOI: 10.1515/9783110520569-008.
19. Добровольский Д.О., Зацман И.М. Модель извлечения знания из параллельных текстов лексикографической информационной системы // Информатика и ее применения, 2024. Т. 18. Вып. 3. С. 97–105. DOI: 10.14357/19922264240312
20. Добровольский Д.О., Зацман И.М. Интеграция электронного двуязычного словаря с текстами параллельного корпуса: новый подход // Системы и средства информатики. 2025. Т. 35, № 1. С. 111–124. DOI: 10.14357/08696527250106
21. Падучева Е.В., Пекелис О.Е., Стойнова Н.М. Местоимение // Русграм. URL: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (дата обращения: 09.09.2025).
22. Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: РГГУ, 2024. 349 с.
23. Барапов А.Н., Добровольский Д.О. Идиоматичность дублетных форм // Вопросы языкоznания. 2019. № 6. С. 51–67. DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9
24. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

- [1] Razlogova Ye.E., Logicheskiye otnosheniya mezhdu smyslom i yego komponentami [Logical relations between meaning and its components], Scientific and Technical Information Processing. Series 2: Informatsionnye protsessy i sistemy [Information processes and systems], 1 (1982) 14–20.
- [2] Razlogova Ye.E., Kognitivnyye ustanovki v pramykh i nepramykh otvetakh na vopros [Cognitive attitudes in direct and indirect answers to the question], Logicheskiy analiz yazyka: izbr., 1988–1995 [Logical analysis of language], comp. and ed. by N.D. Arutyunova, Indrik, Moscow, pp. 195–211.
- [3] Boguslavskaya O.Yu., Levontina I.B., The meanings “cause” and “goal” in a natural language, Topics in the Study of Language, 2 (2004) 68–88. Available at: <https://vja.ruslang.ru/ru/archive/2004-2/68-88> (accessed 09.09.2025).
- [4] Breindl E., Volodina A., Waßner U.H., Handbuch der deutschen Konnektoren 2: Semantik der deutschen Satzverknüpfungen, De Gruyter, Berlin, München, Boston, 2015. DOI: 10.1515/9783110341447
- [5] Jordanskaya L.N., Semantika russkogo soyusa raz (v sravnenii s nekotoryimi drugimi russkimi soyuzami) [Semantics of the Russian conjunction raz (in comparison with some other Russian conjunctions)], Russian Linguistics, 12 (3) (1988) 239–267.
- [6] Jordanskaya L.N., Performativnyye glagoly i ritoricheskiye soyuzы [Performative verbs and rhetorical conjunctions], Wiener Slavistischer Almanach. Sbd. 33: Festschrift für Viktor Jul'evič Rozen-cvejg zum 80. Geburtstag, hrsg. von T. Reuther, Verlag Otto Sagner, Wien, 1992, pp. 29–41.
- [7] Sannikov V.Z., Russkiy sintaksis v semantiko-pragmatischekom prostranstve [Russian syntax in the semantic-pragmatic space], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2008.
- [8] Uryson E.V., Opyt opisaniya semantiki soyuzov [Towards describing the semantics of conjunctions], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2011.
- [9] Pekelis O.E., Speech Act Conjunction: The Scale of Speech Act Use and Its Manifestation in Grammar, Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoy konferentsii “Dialog 2018” [Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Papers from the Annual International Conference “Dialogue 2018”], Moscow, 2018, pp. 565–577.

[10] **Inkova O.**, Le relazioni logico-semantiche tra gli enunciati: una proposta di classificazione, Studi di linguistica slava, a cura di M. di Filippo, F. Esvan, Il Torcoliere – Università degli Studi di Napoli “L’Orientale”, Napoli, 2017, pp. 105–123.

[11] **Zaliznyak Anna A.**, Raz uzh na to poshlo... [Since we’re on the subject...], Yazyk kak on yest: Sbornik statey k 60-letiyu Andreya Aleksandrovicha Kibrika [Language as it is. Collection of articles for the 60th anniversary of Andrei Aleksandrovich Kibrik], comp. and ed. by T.I. Davidyuk, I.I. Isayev, Yu.V. Mazurova, S.G. Tatevosov, O.V. Fedorova, Buki Vedi, Moscow, 2023, pp. 370–376. DOI: 10.37892/978-5-6049527-2-6-56

[12] **Hyland K.**, Metadiscourse: What is it and where is it going?, Journal of Pragmatics, 113 (2017) 16–29. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.03.007

[13] **Pasch R., Brauße U., Breindl E., Waßner U.H.**, Handbuch der deutschen Konnektoren 1: Linguistische Grundlagen der Beschreibung und syntaktische Merkmale der deutschen Satzverknüpfer (Konjunktionen, Satzadverbien und Partikeln), De Gruyter, Berlin, New York, 2003. DOI: 10.1515/9783110201666

[14] **Levontina I.B.**, Chastitsy rechi [Particles of speech], Azbukovnik, Moscow, 2022.

[15] **Dobrovolskij D.O., Zaliznyak Anna A.**, On a special type of necessity modality: The German verb sollen viewed from parallel corpora, Topics in the Study of Language, 6 (2021) 22–39. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.6.22-39

[16] **Dobrovolskij D.O., Zaliznyak Anna A.**, Parallel corpus in the semantic analysis of Russian lexical units: case study prispichilo ‘have an urge’ and norovit’ ‘to be eager’, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 4 (2024) 60–77. DOI: 10.31912/pvrli-2024.4.4

[17] **Dobrovolskij D.O., Levontina I.B.**, Contrastive corpus analysis of the Russian verb oskorbit’ ‘insult’ and its German correspondences: based on the parallel corpus of the RNC, Proceedings of the International Conference “CORPUS LINGUISTICS – 2023”, St Petersburg, 2024, pp. 89–96.

[18] **Dobrovolskij D., Pöppel L.**, Russian constructions with nu i in parallel corpora, Productive Patterns in Phraseology and Construction Grammar. A Multilingual Approach, ed. by C. Mellado Blanco, De Gruyter, Berlin, Boston, 2022. pp. 191–213. DOI: 10.1515/9783110520569-008

[19] **Dobrovolskij D.O., Zatsman I.M.**, A model for extracting knowledge from parallel texts of a lexicographic information system, Informatics and its Applications, 18 (3) (2024) 97–105. DOI: 10.14357/19922264240312

[20] **Dobrovolskij D.O., Zatsman I.M.**, Integration of a digital dictionary with parallel corpus texts: a new theoretical approach, Systems and Means of Informatics, 35 (1) (2025) 111–124. DOI: 10.14357/08696527250106

[21] **Paducheva E.V., Pekelis O.E., Stoynova N.M.**, Mestoimeniye [Pronoun], Rusgram. Available at: <http://rusgram.ru/new/chapter/pos/pronoun/> (accessed 09.09.2025).

[22] **Sharonov I.A.**, Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare [Interjections in speech, text and dictionary], RGGU, Moscow, 2024.

[23] **Baranov A.N., Dobrovolskiy D.O.**, Idiomaticity of reduplicated forms, Topics in the Study of Language, 6 (2019) 51–67. DOI: 10.31857/S0373658X0007546-9

[24] **Jakobson R.**, Linguistics and Poetics, Strukturalizm: “za” i “protiv” [Structuralism: pros and cons], ed. by Ye.Ya. Basin, M.Ya. Polyakov, Progress, Moscow, 1975, pp. 193–230.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Добровольский Дмитрий Олегович

Dmitrij O. Dobrovolskij

E-mail: dobrovolskij@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4531-6968>

Левонтина Ирина Борисовна

Irina B. Levontina

E-mail: irina.levontina@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7368-2135>

Поступила: 30.07.2025; Одобрена: 27.08.2025; Принята: 08.09.2025.

Submitted: 30.07.2025; Approved: 27.08.2025; Accepted: 08.09.2025.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16304>

EDN: <https://elibrary/QPVVSR>

ПАРАМЕТРЫ ПРАГМАТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФРАЗЕОЛОГИИ В ПОЛИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ФИЛЬМОВ)

И.В. Зыкова

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

irina_zykova@iling-ran.ru

Аннотация. Статья посвящена прагмафразеологическому анализу кинодискурса, в котором отражаются типовые образцы современной устной коммуникации, прошедшей определенную художественную обработку средствами кино как особого вида искусства. Цель исследования – разработать параметрический подход к прагматическому изучению фразеологизмов в фильмах, позволяющий всесторонне оценить особенности реализации их прагматического потенциала с учетом таких основных характеристик кинодискурса, как полимодальность и отнесенность к художественной коммуникации. Исследование носит междисциплинарный характер. В ходе его проведения применяется ряд базовых понятий и современных концепций из области лингвопрагматики, фразеологии, корпусной лингвистики, концептуального моделирования поэтики кинодискурса и мультимодального дискурса-анализа. Из созданного автором «Мультимедийного корпуса фильмов» отобраны два художественных фильма на русском языке в качестве источника фразеологического материала. Представленный в статье оригинальный подход основан на выделении восьми взаимосвязанных параметров, в процессе анализа которых получены следующие основные результаты. Установлено соотношение пяти структурно-функциональных классов фразеологизмов, используемых в фильмах. Определены диапазон ситуаций и доминирующий регистр коммуникации, обеспечивающие выбор киноперсонажами фразеологических единиц для достижения своих прагматических целей. Выявлена зависимость употребления фразеологизмов от гендерной принадлежности адресанта и адресата. Обнаружено разное распределение фразеологизмов в стимульных и реактивных репликах и систематизированы типы вербального и невербального реагирования партнеров по коммуникации на применение фразеологических единиц. Установленные прагмамодели реализации иллокутивных интенций киногероев раскрывают характер перлокутивного воздействия, оказанного с помощью фразеологизмов. Показано, что успешность использования фразеологических средств достигается в случаях полного или частичного семантико-прагматического соответствия фразеологизма реакции на его употребление.

Ключевые слова: прагматика, фразеология, параметризация, полимодальный дискурс, художественная коммуникация, кинодискурс, художественный фильм.

Для цитирования: Зыкова И.В. Параметры прагматического анализа фразеологии в полимодальном дискурсе (на материале художественных фильмов) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16304>

PARAMETERS OF PRAGMATIC ANALYSIS OF PHRASEOLOGY IN MULTIMODAL DISCOURSE (THE CASE STUDY OF FEATURE FILMS)

I.V. Zykova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

irina_zykova@iling-ran.ru

Abstract. The article is devoted to the pragmaphraseological analysis of cinematic discourse. The cinematic discourse mirrors typical patterns of modern oral communication that underwent artistic processing through the means of cinema as a special form of art. The research aims to develop a parametric approach to the pragmatic study of phraseological units in films, which can provide a comprehensive assessment of their pragmatic potential, taking into account the multimodal nature of cinematic discourse and its belonging to artistic communication. The study is interdisciplinary. It applies a number of basic concepts and modern theories from the fields of linguopragmatics, phraseology, corpus linguistics, conceptual modeling of film poetics, and multimodal discourse-analysis. The source of phraseological material is two Russian-language feature films selected from the Multimedia Film Corpus created by the author. The approach elaborated in the present paper involves eight interrelated parameters. The application of this approach established the ratio of five structural-functional classes of phraseological units used in films as well as the range of situations and the dominant register of communication that ensure the characters' choice of phraseological units to achieve their pragmatic goals. The use of phraseological units may depend on the gender of the addresser and the addressee. In the films under analysis, phraseological units occur more often in reactive utterances than in stimulus utterances. The interlocutors' reactions to their use can be of three main types: both verbal and non-verbal; only verbal, and only non-verbal. The established pragmatic models revealed a correspondence between the illocutionary intentions realized through phraseological units and the achieved perlocutionary effects. As was found, the use of phraseological means is successful in cases of full or partial semantic-pragmatic accordance of a phraseological unit with the addressee's reaction.

Keywords: pragmatics, phraseology, parametrization, multimodal discourse, artistic communication, cinematic discourse, feature film.

Citation: Zykova I.V., Parameters of pragmatic analysis of phraseology in multimodal discourse (the case study of feature films), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 46–65. DOI: 10.18721/JHSS.16304

Введение

В фундаментальных трудах Ю.С. Степанова, которому посвящается специальный выпуск журнала «*Terra Linguistica*», проведен глубокий анализ понятия «прагматика» и дана всесторонняя оценка формирующимся на его основе наукам и новым научным направлениям [1]. Отмечается, что одним из итогов продолжительного исторического развития данного понятия является выделение трех измерений описания языка: семантики, синтаксики и прагматики. В зависимости от предпочтаемого в них «измерения», согласно ученому, можно сгруппировать различные подходы к языку как подходы семантические, синтактические и прагматические. Прагматическое измерение языка имеет такие радикальные отличия, как централизация категории субъекта («Я») и рассмотрение всех основных понятий, используемых для описания языка, как функции. По замечанию академика Степанова, предмет современной прагматики – это дискурс (как текст в динамике), соотнесеный с главным субъектом – творящим его человеком как автора событий, «по крайней мере, событий, заключающихся в говорении» [1, с. 708].

Новый –прагматический – фокус дал исследовательский импульс разным областям лингвистики, в частности фразеологии.

Прагматический поворот во фразеологии наметился с 1970-х годов и ознаменовал собой формирование нового приоритетного направления развития данной лингвистической дисциплины, ориентирующегося прежде всего на проблемы функционирования фразеологизмов в разных сферах коммуникации и разных дискурсивных практиках, которое понимается как совершение субъектом действий посредством данных единиц. Об актуальности и перспективности разработки данного направления свидетельствует появление во второй половине XX века первых монографических изданий, к числу которых относится, в частности, книга Ю. Штрасслера [2], одно из тех изданий, в которых впервые была предпринята попытка применить понятийный аппарат прагматики к анализу фразеологизмов и наметить ключевые векторы нового – прагматического – подхода к изучению фразеологизмов, не утратившие своей актуальности и сегодня. Отталкиваясь от слов А. Маккай [3], который считал, что при изучении идиом первичным должен быть семантический анализ, вторичным – лексикографический и только в третью очередь – синтаксический анализ, Штрасслер ставил перед собой задачу разработать теоретические основы прагматического изучения идиом и доказать, что оно должно занимать первую позицию в указанной последовательности аналитических процедур. В своей работе ученый определяет идиомы как функциональный элемент языка; как особую категорию лексических средств, которые отличаются не только своей структурой, но и специфическим типом поведения в процессе коммуникации (a specific type of behaviour in language use). Его исследование проводилось на базе корпуса, в который вошли транскрипции разговоров во время судебных заседаний и терапевтических приемов, а также выдержки из стенограмм Белого дома (общей продолжительностью более семи часов). Общий объем разговорного корпуса составил примерно 106 000 слов. Анализ 92 идиом, идентифицированных в корпусе, проходил с опорой на такие понятия прагматики, как дейксис (персональный, временной, пространственный, контекстуальный, социальный), прессупозиция (логическая, семантическая, прагматическая), импликатура и речевые акты. Так, в результате анализа идиом с позиции персонального дейкссиса Штрасслер разграничили: идиомы первого лица (first person idioms), когда говорящий использует идиомы в отношении самого себя; идиомы второго лица (second person idioms), когда говорящий использует идиомы в отношении собеседника; идиомы третьего лица (third person idioms), когда говорящий использует идиомы в отношении других (третьих) лиц; объектные идиомы (object idioms). В случае с социальным дейкссисом оценивалась относенность идиомы к равному или неравному (выше/ниже) по социальному статусу собеседнику. Хотя до выхода этой книги в фокусе внимания исследователей уже находились те или иные прагматические аспекты фразеологизмов, их изучение, как правило, ограничивалось одним из классов (или подтипов) фразеологических средств (формулы приветствия, коллокации определенных синтаксических типов, например ‘V + NP/PP’ и др.), употребление которых обусловлено конкретными ситуациями интерперсонального взаимодействия [4–6]. Одним из основных достоинств работы Штрасслера можно считать попытку интегрировать прагматическое изучение фразеологизмов в более широкий социолингвистический контекст за счет рассмотрения феномена идиоматичности, охватывающего разного рода несколькословные единицы языковой системы, в разнообразных ситуациях общения [2].

Беря свое начало в трудах Ч. Морриса, Дж. Остина, Дж. Сёрля, П. Грайса, С. Левинсона и ряде других классических работ по прагматике, прагматическое направление во фразеологии объединяет собой сегодня многочисленные междисциплинарные исследования, проясняющие роль или условия/причины выбора фразеологизмов в построении высказывания определенного прагматического заряда, их дискурсопорождающий потенциал и возможности оказывать разного рода воздействие (от эстетического до манипулятивного) на участников общения. Как

отмечает В.Н. Телия, выбранные говорящим фразеологизмы усиливают «субъектно-модальный компонент смысла высказывания», ср.: *Он маленького роста* (нейтрально) vs. *Росту в нем – от горшка два вершка* (не-нейтрально). Ученый подчеркивает, что «употребить идиому в речи – значит предумышленно совершить речевой поступок, ибо образная гештальт-структура несет в себе приговор за счет уподобления, а приговор оглашается с целью оповестить об этом слушающих и вызвать у них то или иное чувство-отношение к тому или иному факту, чтобы изменить мнение или поведение адресата» [7, с. 213]. В исследовании А.Д. Козеренко и Г.Е. Крейдлина показано, что фразеологизмы могут выступать маркерами некооперативного или невежливого поведения участников коммуникации. Это поведение проявляется в том, что «вместо иллокутивно вынужденного речевого или неречевого действия адресат никак не реагирует – молчит или не совершает ожидаемых действий», что отражается во внутренней форме и семантике ФЕ (например *ни ответа, ни привета, ни бе ни ме, разводить ля-ля, бу-бу-бу*) [8, с. 63–64].

Одним из важных аспектов, лежащих в основе прагмалингвистических исследований фразеологии и не сходящих с ее актуальной повестки до сих пор, являются определение прагматической специфики всех единиц, составляющих фразеологический континuum того или иного языка, и выделение разных по своим прагматическим установкам классов (или разрядов) фразеологизмов. Так, обращаясь к этому аспекту изучения, А. Коуи предлагает различать семантически специализированные идиомы (*composites*) и прагматически специализированные идиомы (*formulae*) [9, с. 132]. К. Айджмер исследует единицы, которые выполняют социально и интеракционно значимые иллокутивные функции, такие как благодарность, просьба/предложение и извинение, например *thank you, I'm grateful, I beg your pardon* [10, с. 24–28]. С. Грамли и К-М. Петцольд выделяют класс «рутинных стереотипных фраз» (*routinized stereotypical phrases*), называемых ими «прагматическими идиомами», которые включают в себя языковые единицы, используемые при приветствиях, знакомствах и представлениях собеседников друг другу, прощаниях и других повторяющихся видах социального взаимодействия, например *How are you?, Pleased to meet you* [11, с. 59] (см. также [12]). Изучая степень и характер влияния прагматических ассоциаций на устойчивость и целостность лексико-грамматических паттернов (*lexico-grammatical patterns*), Х-Й. Шмид под последними объединяет 12 классов единиц: рутинные формулы (*great to see you*), общепринятые фразы с прозрачной семантикой (*ladies and gentlemen*), пословицы и поговорки (*an apple a day keeps the doctor away*), частично заполненные периферийные конструкции (*the let alone construction*), несколькословные предлоги и коннекторы (*in need of*), дискурсивные маркеры (*I see, you know*), конструкции ‘глагол + частица’ (*go through*), идиомы (*bite the dust*), коллокации (*strong tea*), лексические кластеры (*if you want to*), валентные модели (модели дополнения, связанные с глаголами и другими носителями валентности), коллострукции (*the N-that construction that attracts the nouns fact, view, or idea*) [13]. Проблема стратификации речевых формул обсуждается в книгах А.Н. Баранова и Д.О. Добропольского. Речевые формулы, согласно исследователям, включают следующие группы идиом: идиомы-комментарии (*шутка сказать*), идиомы-перформативы (*зуб даю*), идиомы стабилизации эмоционального состояния (*ничего себе!*), формулы ответа (*От верблюда*), формулы вопроса (*Какая муха тебя укусила?*) и формулы эпистемической модальности (*ясный перец*) [14, 15]. В монографии В.Т. Бондаренко описывается такой класс фразеологических единиц, как ответные фразеореплики¹. Г.И. Кустова предлагает выделять иллокутивные идиомы, под которыми понимаются «знаки актуального самовыражения или актуального воздействия», которые «не переводятся в описательно-повествовательные структуры и не имеют других форм», например *даешь* – ‘удивление, восхищение’ (*Ты даешь!*) [16].

В последние два с половиной десятилетия все более глобальный характер обретает тенденция применения национальных и индивидуально созданных корпусов текстов или компьютерных

¹ Бондаренко В.Т. Ответные реплики в русской диалогической речи: словарь. Тула: Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л. Н. Толстого, 2013. 339 с.

баз, а также интернет-ресурсов, относящихся к системам Big Data, для всестороннего изучения когнитивно-прагматических особенностей фразеологизмов разных языков, определяющих их выбор и значимость в ходе межличностной коммуникации, а также изменений их прагматических свойств в ходе развития того или иного национального языка, факторов процесса прагматикализации языковых (фразеологических) единиц [17–25].

Понимание необходимости и важности учета всех модусов, каналов общения и знаковых систем, задействованных в интерперсональном общении, выводит на первый план полимодальные исследования прагматических аспектов фразеологии. Обзор современной научной литературы в этой области показал, что в качестве источников фразеологического материала используются: 1) аудио/видео записи разговоров, протекающих в естественных условиях общения и представляющих естественную коммуникацию; 2) образцы устной речи, полученные в ходе экспериментов; 3) аудиовизуальные материалы, которые можно обобщенно охарактеризовать как (специально) подготовленная («созданная») коммуникация (например, реклама, телепередачи (не прямые эфиры), фильмы, спектакли) [26–29].

Общепризнанная социокультурная значимость кинематографа и его особое положение в художественной культуре способствуют усилиению интереса к прагмафразеологическому изучению кинодискурса, являющегося ценным и надежным источником разного рода сведений о функционировании языка. Круг исследуемых здесь вопросов весьма обширен. Прагматическому анализу подвергаются определенные классы фразеологических единиц (*далее – ФЕ*) или отдельные фразеологизмы с целью выявления: (i) частотности и/или дистрибуции их употребления как средств прагматического воздействия на адресата в фильмах разных жанров; (ii) когнитивно-коммуникативных стратегий их использования в конвенциональных vs. креативных формах; (iii) разновидностей выполняемых ими прагматических или коммуникативных функций в фильмах, понимаемых как особый тип художественной коммуникации; (iv) прагматической аутентичности (или естественности) киноречи (кинодиалога), степени ее формульности, рутинализированности или шаблонности; (v) типов или способов прагматической (прагмасемантической) связи ФЕ с определенными разрядами жестов-сопроводителей, (не)регулярности этой связи; (vi) форм и стратегий преобразования фразеологизмы в сложные полимодальные структуры фильма (кинометафоры, кинометонимики); (vii) особенностей реализации их иллюктивного потенциала в кинодискурсе как форме художественного высказывания и стратегий достижения перлоктивного эффекта или степени реализации поставленных прагматических задач и др. (см., например, [30–33], а также²).

Таким образом, аналитический обзор классической и новейшей научной литературы выявил несколько основных векторов, по которым идет поступательное развитие прагматического направления во фразеологии на протяжении уже более полувека и которые определяют его современное состояние. Согласно сделанным наблюдениям, прагматическое изучение фразеологизмов в полимодальном дискурсе, в частности в кинодискурсе, является одним из таких векторов и в данный момент времени находится на этапе своего активного становления. Актуальность этого вектора развития фразеологической теории обусловлена потребностью в разработке комплексного подхода к анализу ФЕ разных классов, учитывающего все типологические особенности среды их функционирования и те особые (кинематографические, аудиовизуальные, гетеросемиотические) средства, которые она предоставляет для реализации прагматических возможностей ФЕ. Цель настоящей статьи – установить прагматические параметры изучения фразеологизмы в кинодискурсе, выявляющие особенности их функционирования в художественных фильмах и формирующие целостное представление о прагмафразеологической специфике устной речи в полимодальной художественной коммуникации.

² Липельчева Е.М. Когнитивные основания выбора и функционирования фразеологизмы в англоязычном кинодискурсе (на материале британских детективных сериалов): дисс. ... канд. филол. наук; специальность: 10.02.04. М.: МГЛУ, 2021. 205 с.

Источники материала и методология

Для проведения исследования мы обратились к созданному нами и постоянно пополняемому мультимедийному корпусу художественных фильмов. В настоящее время он включает более 90 фильмов на русском и английском языках и аннотированных текстов к ним. В качестве основных применялись следующие критерии для отбора фильмов: 1) отнесенность к разным хронологическим периодам (с 1960-х годов по настоящее время); 2) принадлежность к жанрам кинокомедии и кинодрамы; 3) наличие литературного источника; 5) возрастной рейтинг (например, 0+, 18+); 6) рейтинг популярности (от среднего до высокого), информация о котором размещается на крупнейших отечественных и международных интернет-сервисах о кино (например, КиноПоиск, The Internet Movie Database); 7) страна-производитель (СССР, Россия, Великобритания, США); 8) язык (русский и английский).

Для формирования списка прагматических параметров из корпуса были отобраны два российских фильма комедийного жанра: «Приходи на меня посмотреть...» (далее – ПМП) и «Новогодний детектив» (далее – НД). Основные сведения об отобранных фильмах представлены в табл. 1.

Таблица 1. Основные сведения об анализируемых фильмах
Table 1. Basic information about the films under consideration

Название фильма	Кинорежиссер(ы)	Год выхода	Страна	Жанр	Возрастной рейтинг
«Приходи на меня посмотреть...»	О.И. Янковский, М.Л. Агранович	2000	Россия	Комедия, мелодрама	0+
«Новогодний детектив»	А. Бобров	2010	Россия	Комедия	12+

Теоретическую базу исследования составили ключевые положения теории речевых актов, теории речевого воздействия, теории фразеологии, разрабатываемой в научных трудах главным образом отечественных ученых, а также поэтики кинодискурса и мультимодального дискурс-анализа. Применялась комплексная методология, одним из главных методов в которой является метод параметризации языковых явлений, созданный нами в рамках научного проекта РНФ 2019–2023 гг. (см. детальное описание в научной публикации [34]), а также методы корпусной лингвистики и лингвокогнитивный подход к изучению фразеологизмов и (кино)дискурса [17; 35].

В ходе установления параметров прагматического анализа фразеологизмов в кинодискурсе принимались во внимание две его важные для нашего исследования характеристики: отнесенность к художественной коммуникации и полимодальность.

Первая характеристика свидетельствует о том, что в фильмах мы имеет дело со стилизованной разговорной речью. Как указывает Ч. Тейлор, язык кино следует рассматривать «как самостоятельную сущность» (an entity in itself); диалог в кино отличается от чисто письменного и чисто устного дискурсов по многим параметрам, относящимся к особенностям использования языковых единиц в фильмах [36]. Д. Ван Ланкер-Сидтис и Г. Раллон также отмечают необходимость учитывать различие между художественным и реальным диалогами при анализе киноизведений [37]. Дж. Райан и С. Грэнвилл, проанализировав 20 популярных англоязычных фильмов, пришли к выводу о том, что фильмы содержат неauténtичные модели разговора [38]. Сделанные в разных исследованиях наблюдения ставят логичный вопрос: В чем же состоит прагматический интерес в изучении стилизованной разговорной речи, в частности ее фразеологического компонента, в кинодискурсе? На наш взгляд, он заключается в том, что она (т.е. стилизованная разговорная речь) представляет собой «типовые» образцы интерперсональной

устной коммуникации во всех возможных ситуациях общения – неформальных (повседневных, бытовых) и формальных (официальных, профессиональных и т.д.). Вдобавок, в художественных фильмах, вышедших в прокат в разные периоды времени, находят отражение и диахронические особенности коммуникации со свойственной для того или иного периода времени нормой устного общения, принятой в определенном лингвокультурном сообществе. Из этого следует вывод о том, что фильмы фиксируют изменения, которые происходят на разных уровнях языка с самыми разными его единицами, включая фразеологизмы. Кинодиалоги выступают, по сути, своеобразными «фильтрами» происходящих лингвистических преобразований и новых тенденций развития языковой системы.

Вторая характеристика кинодискурса говорит о возможности осмыслить роль и степень вовлеченности всех модусов (верbalного, кинетического, аудиального, визуального) в процессе коммуникации и специфику их взаимодействия в реализации участниками общения конкретных прагматических задач. Стоит отдельно отметить, что в изучение невербальных модусов входит анализ применяемых кинематографических средств и приемов выражения визуальной выразительности, например направление движения камеры, крупности или планы, ракурс и локализация съемки (выбор натуры), точка зрения и др. К примеру, в представленном на рис. 1 кадре из фильма Э. Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!», полукрупный план акцентирует внимание на лице киноперсонажа (Кости Иночкина), выражающем его эмоциональную реакцию на сказанное и происходящее. Основными показателями этой реакции являются жесты лица – глаза («расширение глаза»), брови («поднятые брови»), губы (слегка поджаты, уголки губ опущены).

Художественные и технические средства кино избирательно и целенаправленно акцентируют определенные формы вербально-кинетического поведения героев, окружающую их обстановку и ситуативные условия общения, которые являются важными для раскрытия сюжетной линии фильма и лежащего в его основе конфликта (или темы), «манипулируя» тем самым восприятием и пониманием зрителей и достигая нужного психо-эмоционального и когнитивного воздействия на них.

Принимая во внимание отмеченные, а также и другие характеристики кинодискурса и киноязыка, мы выделяем следующие параметры прагматического анализа ФЕ в художественных фильмах: 1) класс ФЕ и ее исходное (словарное) значение; 2) ситуация и регистр общения, в рамках которых используется ФЕ; 3) кто реализует иллоктивное намерение посредством ФЕ в адрес кого (гендерные характеристики адресанта и адресата); 4) использование ФЕ в стимульной или реактивной репликах; 5) вербальная реакция на ФЕ: наличие/отсутствие и тип (позитивный, негативный, нейтральный); 6) невербальные средства сопровождения ФЕ: наличие/отсутствие, основные кинематографические способы/приемы их экспликации, зона и тип жестов; 7) характер достижения воздействия на адресата с помощью ФЕ (в основе оценки прагмамодель ‘иллокуция [не]совпадает с] перлокутивный эффект’; 8) (не)успешность использования ФЕ (+/-).

Процедуру прагматического анализа по выделенным параметрам и принципы регистрации получаемых результатов продемонстрируем на следующем примере:

(1) Татьяна: *Не обращайте внимания. У меня мама сейчас умирает.*

Игорь: *Ну... тут я бессилен. Соболезную. Поддержите [передает ей горящую свечу]. Как говорят, деньгами не поможешь* [протягивает деньги]. *От чистого сердца.*

Татьяна: *С ума сошли?!*

Во фрагменте диалога из фильма «Приходи на меня посмотреть...», приведенном в примере (1), употребляются пять ФЕ разных структурно-функциональных классов: *обращать внимание на кого-либо, как говорят, деньгами не поможешь, от чистого сердца (делать что-либо), сходить с ума*. Представим порядок регистрации результатов прагматического анализа одного из них – фразеологизма *от чистого сердца* (табл. 2).

Рис. 1. Кадр из фильма Э. Климова «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен!» (1964)³

Fig. 1. The image from E. Klimov's film "Welcome, or No Trespassing!" (1964)

**Таблица 2. Результаты прагматического анализа ФЕ
от чистого сердца (делать что-либо) по выделенным параметрам**
**Table 2. Results of the pragmatic analysis of the phraseological unit
from a pure heart (to do something) according to the selected parameters**

№ параметра	Результаты
1	Идиома (адвербиональная) '1. Откровенно, искренне. 2. Из самых добрых побуждений' ⁴
2	Татьяна и Игорь стоят на лестничной площадке у дверей квартиры Татьяны; формальный регистр общения
3	M > Ж
4	В реактивной реплике
5	Есть, негативная (недоумение, возмущение, выраженное ФЕ)
6	Есть, 1) адресант: план съемки + движение камеры: при произнесении ФЕ – план-деталь мануального жеста, направленного от себя к адресату (И. протягивает Т. рублевые пятисотовые купюры) (рис. 2), 2) адресат: движение камеры + план съемки: вертикальное движение камеры вверх до лица Т., крупный план лица Т.: взгляд в зоне коммуникации, пристально смотрит на И., глаза слегка расширены, в глазах слезы; губы разомкнуты (рис. 3)
7	Прагмамодель: '(И.) интенция выражения эмпатии, сочувствия и доброго намерения помочь > (Т.) негативное восприятие, изменение настроения в худшую сторону, чувство унижения и оскорблений'
8	– (прагматическая цель не достигается)

Все основные результаты прагмафразеологического анализа двух фильмов по установленным параметрам подробно описаны в следующем разделе настоящей статьи.

Результаты исследования

Первым шагом в исследовании стало составление фразеологических профилей анализируемых фильмов, позволяющих оценить репрезентативность и сбалансированность фразеоматериала по ряду формальных критериев: продолжительность фильмов, объем их вербальной системы по принятому в корпусной лингвистике принципу и абсолютное количество фразеологизмов и фразеоупотреблений в них. Составленные фразеологические профили оформлены в виде табл. 3.

³ Рис. 1 подготовлен автором. Источник: авторский «Мультимедийный корпус художественных фильмов», составленный на базе Интернет-ресурсов, находящихся в открытом доступе.

⁴ Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель; АСТ. 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 30.07.2025).

Рис. 2, 3. Кадры из фильма «Приходи на меня посмотреть...» в момент произнесения ФЕ от чистого сердца⁵
 Fig. 2, 3. The images from the film “Come and See Me...” at the moment of uttering the phraseological unit *from a pure heart*

Таблица 3. Фразеологические профили анализируемых фильмов
Table 3. Phraseological profiles of the analyzed films

Фильм	Продолжительность	Объем вербальной системы (количество слов)	Количество ФЕ	Количество фразеоупотреблений
«Приходи на меня посмотреть...»	102 мин.	9 675	78	115
«Новогодний детектив»	80 мин.	7 404	83	93
Всего	182 мин. (3 ч. 2 мин.)	17 079	161	244

Как следует из сведений в табл. 3, в обоих фильмах наблюдается соразмерное (пропорциональное) употребление фразеологизмов относительно продолжительности фильмов и объема их вербальной структуры, что обеспечивает получение объективных фактов о прагматической специфике ФЕ. Общее количество использования ФЕ – 244 установленных случая – является репрезентативной выборкой фразеоматериала.

Анализ параметра «класс ФЕ и ее словарное значение» показал, что в фильмах употребляются фразеологизмы, относящиеся к пяти структурно-функциональным классам. Они характеризуются разной частотностью использования, относительные показатели которой отражены на рис. 4, 5.

Согласно рис 4, 5, в обоих фильмах наибольший относительный показатель употребления у идиом (примеры 2 и 3), а наименьшей – у конструкций (пример 4) и паремий (пример 5):

- (2) Татьяна: *Мам, на свете полно старых дев* (ПМП);
- (3) Эдик: *И едешь сорить деньгами, чтобы поднять себе настроение* (НД);
- (4) Татьяна: *День как день, мам, светло, солнышко светит* (ПМП);
- (5) Дина: *Будет кому стакан воды подать* (ПМП).

С разной частотностью в двух фильмах используются речевые формулы и коллокации. В фильме «Приходи на меня посмотреть...» коллокации (пример 6) употребляются чаще, чем речевые формулы, а в фильме «Новогодний детектив» – наоборот, относительный показатель использования выше у речевых формул (пример 7):

- (6) Софья Ивановна: *А ты поддерживаешь с ними отношения?* (ПМП);
- (7) (Галя): *Всего доброго, спасибо* (НД).

Анализ функционирования ФЕ по параметру «ситуация и регистр общения» выявил, что в фильме «Приходи на меня посмотреть...» коммуникация киноперсонажей происходит

⁵ Рис. 2, 3 подготовлены автором. Источник: авторский «Мультимедийный корпус художественных фильмов», составленный на базе Интернет-ресурсов, находящихся в открытом доступе.

преимущественно в московской квартире Софьи Ивановны и ее дочери Татьяны, а также на лестничной площадке у двери их квартиры и один раз на улице, во внутреннем дворе их дома. Домашняя обстановка и семейная атмосфера располагают к общению в неформальном (65%) и полуформальном (30%) регистрах (пример 8). Только 5% из всех выявленных нами случаев приходится на формальное использование ФЕ. Разговор в формальном регистре происходит при первой встрече или знакомстве Софьи Ивановны и/или Татьяны с теми, кто по разным причинам приходит к ним в квартиру (пример 9). В фильме «Новогодний детектив» наблюдается более широкий диапазон ситуаций, в которых киноперсонажи используют фразеологизмы в процессе интерперсонального взаимодействия. Это встречи и общение в офисе банка, в торговом центре, в арендованном загородном коттедже, в машине, на улице города, на лестничной площадке в жилом многоэтажном доме, на природе. Наиболее часто ФЕ употребляются в высказываниях неформального регистра (57%), за которыми следуют реплики полуформального регистра (38%) (пример 10). Наименее частотны случаи использования фразеологизмов в диалогах в формальном регистре. Такое функционирование ФЕ можно объяснить тем, что основное место действия в фильме «Новогодний детектив» – загородный коттедж, который главная киногероиня представляет своему бывшему однокласснику как собственный дом. Собравшиеся в нем остальные киноперсонажи (незнакомые до этого друг с другом) разыграют членов ее семьи со свойственной родственникам и друзьям неформальным стилем общения:

(8) Игорь: *Что, я вам настолько не понравился?*

Татьяна: *Боюсь, что вы произвели на меня даже слишком... сильное впечатление* (ПМП);

(9) Татьяна: *Берегите себя.*

Игорь: *До свидания!* (ПМП);

(10) Галя: *Я просто хотела быть с тобой.*

Эдик: *Ха-ха-ха... Я целый вечер ломал эту.. эту дешевую комедию. Терпел этих трех идиотов.*

Ха-ха-ха... А ты взяла и отдала деньги Изольде. Мышкина, ты все-таки законченная дура! (НД).

Примечательно, что в обоих фильмах киногероям при использовании ФЕ в процессе общения друг с другом свойственно переключение с одного регистра общения на другой, что является, скорее всего, спецификой художественной коммуникации и не столь характерно для интерперсонального взаимодействия в реальных условиях. Постоянное переключение регистров служит художественным целям раскрытия сложных отношений между киногероями, их личностных качеств и особенностей вербального поведения в создании и разрешении конфликта.

Любопытными представляются данные в отношении параметра «кто реализует иллоктивное намерение в адрес кого». Оценка гендерной обусловленности использования ФЕ зависит от количества женских и мужских ролей и их статуса (главные vs. второстепенные роли) в фильме. Соответственно, относительные показатели этого параметра, зависящие от данных факторов, варьируют от фильма к фильму (табл. 4).

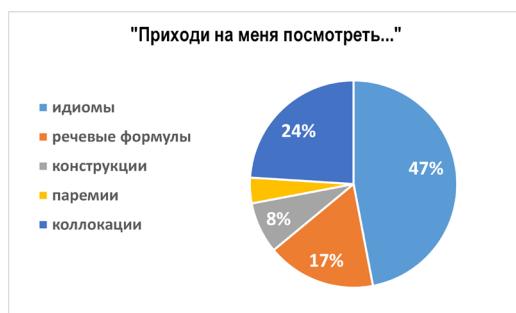

Рис. 4. Соотношение ФЕ пяти структурно-функциональных классов в фильме «Приходи на меня посмотреть...»

Fig. 4. The ratio of five structural-functional classes of phraseological units in the film “Come and See Me...”

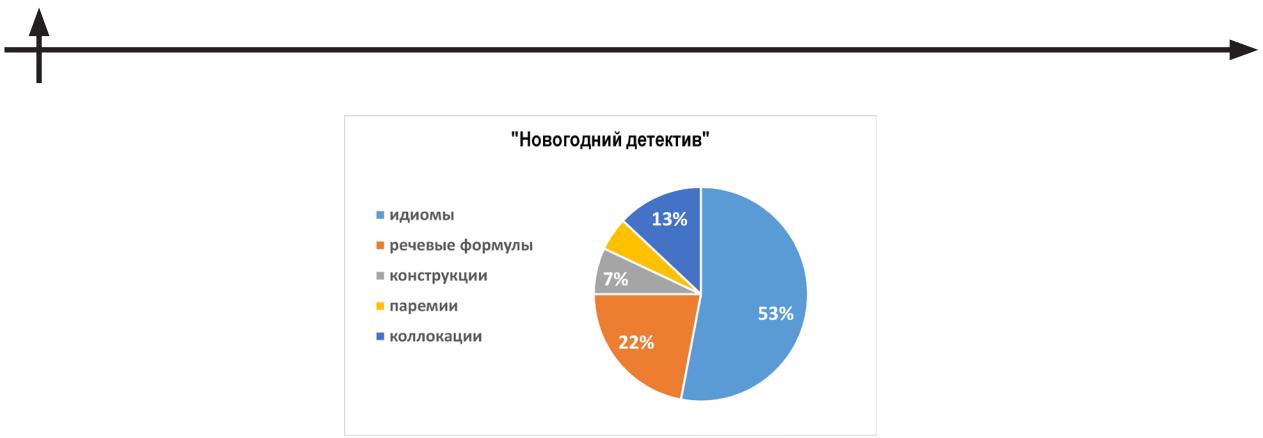

Рис. 5. Соотношение ФЕ пяти структурно-функциональных классов в фильме «Новогодний детектив»
Fig. 5. The ratio of five structural and functional classes of phraseological units in the film “New Year’s Detective”

Таблица 4. Результаты анализа гендерных характеристик адресанта и адресата, использующих ФЕ

**Table 4. Results of the analysis of the gender characteristics
of the addresser and the addressee using phraseological units**

Параметр «кто реализует иллоктивное намерение посредством ФЕ в адрес кого»		«Приходи на меня посмотреть...»	«Новогодний детектив»
Адресант	Женщина	69%	49%
	Мужчина	31%	51%
<hr/>			
Адресат	Женщина	66%	73%
	Мужчина	23%	22%
	Женщина и мужчина (группа)	11%	5%

Из информации, представленной в табл. 4, следует вывод о том, что в фильме «Приходи на меня посмотреть...» для реализации определенного иллоктивного намерения выбирают фразеологизмы чаще киногероини, чем киногерой. Объясняется это главным образом преобладанием в фильме женских ролей. В фильме «Новогодний детектив» относительный показатель употребления фразеологизмов у адресантов-мужчин выше, чем у адресантов-женщин, при этом разница определяется как незначительная (2%). Схожими являются данные о том, в отношении кого реализуется иллоктивная сила фразеологизмов. В обоих фильмах высокие относительные показатели имеют адресаты-женщины, им в два раза чаще, чем мужчинам, адресуются высказывания (реплики), содержащие ФЕ (примеры 11 и 12):

- (11) Игорь: *Задержись я еще, вы бы не моргнув глазом сплавили бы меня в другую галактику.*
 Татьяна: *Очень сердитесь?* (ПМП);
 (12) Эдик: *Ха-ха-ха, да что вы, от вас просто за версту несет вековыми английскими традициями.*
 Катя: *Ух ты, к нам приехал умник* (НД).

Особого внимания заслуживают результаты анализа функционирования фразеологизмов по параметру «использование в стимульной или реактивной реплике». Установленное соотношение употребления ФЕ в репликах-стимулах и репликах-реакция дано на рис. 6.

Как следует из рис. 6, в стимульных репликах фразеологизмы используются реже (пример 13). В анализируемых фильмах они чаще выступают реакцией на высказывание говорящего (пример 14), которая, в свою очередь, может также вызывать ответную реакцию:

- (13) Софья Ивановна: *Ты остаешься одна из-за моего эгоизма. Тяжко умирать с таким камнем на сердце!*
 Татьяна: *Мамочка, да что с тобой такое сегодня?* (ПМП);

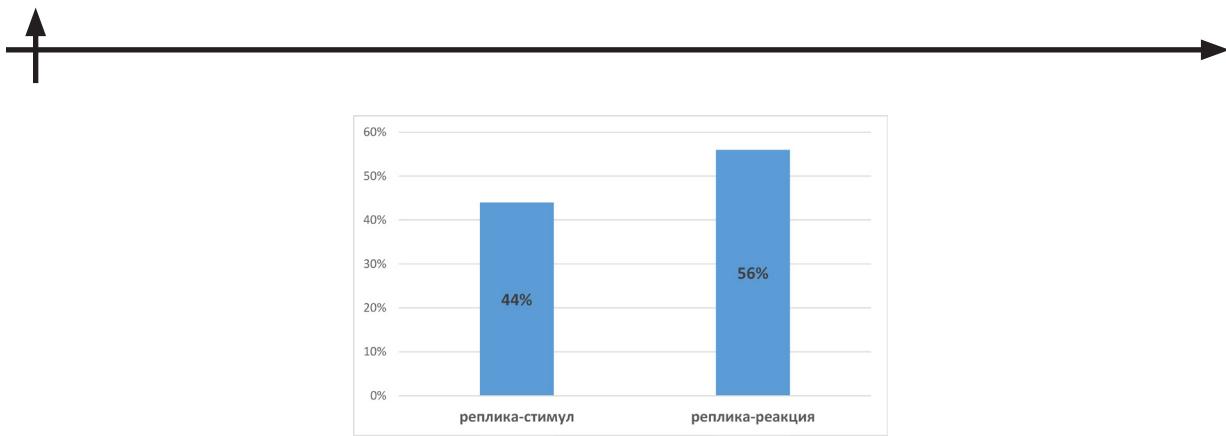

Рис. 6. Соотношение функционирования ФЕ в стимульных и реактивных репликах в двух фильмах

Fig. 6. The ratio of phraseological units' functioning in stimulus and reactive utterances in two films

(14) Галя: *Хм, откуда ты все про меня знаешь?*

Эдик: *А-а-й... давно живу* (НД).

Преобладание ФЕ в реактивных репликах может говорить о разном. В частности, о желании дать быстрый, или яркий, или уклончивый ответ; уйти от ответа, или смягчить ответ, или, наоборот, сделать его более действенным. Интерес представляют выявленные случаи повтора одного и того же фразеологизма в репликах обоих типов (пример 15) и функционирование ФЕ в реактивных репликах с дополнительными функциями, в частности в функции комментария (пример 16):

(15) Игорь: *Я по недоразумению позвонил в вашу квартиру. Так? Вы поскользнулись. Так? Я поступил, как джентльмен.*

Татьяна: *Но нельзя же быть джентльменом пять минут. Лучше тогда не начинать вообще!* (ПМП);

(16) Софья Ивановна: *Что, давно знакомы?*

Игорь: *Да, где-то двадцать-тридцать...*

Татьяна: ...лет. Ровно тридцать лет! *Как быстро летит время. Правда, Игорь?* (ПМП).

В ходе анализа двух параметров — «вербальная реакция на ФЕ» и «невербальные средства сопровождения ФЕ» — получены следующие результаты (табл. 5).

Таблица 5. Соотношение верbalных реакций и неверbalного сопровождения ФЕ в двух фильмах
Table 5. The ratio of verbal and non-verbal reactions to the use of phraseological units in two films

1. Двойная реакция*	2. Никакой реакции	3. Одна из реакций	3.1. Только вербальная**	3.2. Только невербальная
«Приходи на меня посмотреть...»				
56%	20%	24%	36%	64%
«Новогодний детектив»				
49%	13%	38%	6%	94%

Примечания:

*Под формулировкой «двойная реакция» имеются в виду случаи, когда произнесение ФЕ сопровождается жестом (жестами), связанным(и) с ней pragmatically и semantically (на что указывают разного рода кинематографические приемы: крупный план, ракурс съемки, точка зрения и др.)

**Под формулировкой «только вербальная» понимаются те случаи, когда произнесение ФЕ не сопровождается жестом или каким-либо другим невербальным средством, способствующим экспликации или усилию фразеологического значения.

Как показало исследование, в кинодискурсе обнаруживаются три основные типа ответного реагирования на использование ФЕ как в стимульных, так и в реактивных репликах (табл. 5). Реакция может быть двойной, т.е. вербальной и невербальной. Данный тип ответного реагирования

преобладает в анализируемых фильмах: 56% и 49% соответственно. Реакция может отсутствовать – наименьший показатель в обоих фильмах: 20% и 13% соответственно. И третий тип – когда реакции проявляются либо только в вербальной форме, либо только в невербальной: 24% и 38% соответственно. Примечательно, что при сравнении двух подтипов третьего типа ответного реагирования в обоих фильмах преобладают случаи, когда реакция является только невербальной: 64% и 94% соответственно. Как в случаях с двойной реакцией, так и в случаях с только невербальной реакцией особую роль в раскрытии иллокутивных интенций киноперсонажей и прагматического воздействия на коммуникантов посредством ФЕ, переживаемых ими эмоций и чувств играют кинематографические средства. Прежде всего, это планы и ракурсы съемки киноперсонажей и окружающей их обстановки. В качестве примера рассмотрим использование фразеологизма *вести себя (быть) как джентльмен* в фильме «Приходи на меня посмотреть...» (пример 17).

(17) Игорь: *Да? Но нельзя быть джентльменом только один вечер. Не стоило бы и начинать* (ПМП).

Реакция Татьяны (рис. 7).

В примере (17) Игорем используется ФЕ, посредством которой он в положительном ключе характеризует свое собственное поведение и намекает на доброжелательное отношение к Татьяне и к ее «умирающей» матери. В ответ на это высказывание Татьяна не произносит ни слова. При этом ее реакция на употребленный фразеологизм легко декодируется по целому набору жестов, акцентуемых за счет фронтального ракурса съемки первым средним планом, выбора точки зрения ‘внешнего наблюдателя’, спецификой структурной организации изображаемого (или элементов визуального ряда кадра), в частности линейного одноуровневого расположения в кадре киноперсонажей на пороге квартиры, визуального контраста, созданного посредством разделяющей их входной двери и цветов их одежды (белый vs. черный). Данные кинематографические приемы и средства способствуют фокусированию внимания на реакции Татьяны, выраженной: жестом головы – «легкий поворот влево (в сторону собеседника)»; жестом глаз – «взгляд чуть в сторону», «взгляд вне зоны коммуникации», «нефиксированное положение глаз (заметное движение в сторону (собеседника) – перед собой)», «выражение глаз – рефлексирующее»; жестом губ – «слегка под-/с-жаты». В комплексе данные жесты интерпретируются как выраженные невербальными средствами ‘неудовлетворенность’ словами собеседника и отчасти ‘несогласие’ с ним, а также ‘досада’ (о функциях и значениях рассматриваемых жестов см. [30; 39; 40]).

В ходе анализа параметра «характер воздействия на адресата» выявлены различные прагмамодели, раскрывающие наличие совпадений или их отсутствие между иллокутивным намерением адресанта, реализуемым посредством использования ФЕ, и перлокутивным эффектом, проявляющимся в ответных действиях (верbalных/невербальных) адресата. В качестве примера рассмотрим следующие употребления ФЕ в изучаемых фильмах:

Рис. 7. Кадр из фильма «Приходи на меня посмотреть...»⁶

Fig. 7. The image from the film “Come and See Me...”

⁶ Рис. 7 подготовлен автором. Источник: авторский «Мультимедийный корпус художественных фильмов», составленный на базе Интернет-ресурсов, находящихся в открытом доступе.

(18) Софья Ароновна (соседка): *Господи, Галочка, чтобы я без вас делала!*

Галя [улыбается]: *Вы бы уехали к своему сыну в Америку* (НД);

(19) Александр: *Слушай ты, Чацкий, попридержи язык!*

Эдик [выходя из комнаты, оборачивается назад, смотрит прямо на А., пренебрежительным тоном]: *Да пошел ты...* (НД).

В примере (18) можно констатировать наличие совпадения между иллокуцией ФЕ и ее периллокутивным эффектом: выраженная адресантом посредством фразеологизма благодарность принимается адресатом. Соответственно, здесь мы имеем дело с реализацией такой прагмамодели, как ‘благодарность > принятие благодарности’, в данном случае позитивная вербальная и невербальная реакции адресата являются очевидными. В примере (19) такого совпадения не обнаруживается: требование-предупреждение адресанта, сделанное с помощью ФЕ, не останавливает агрессивного верbalного поведения адресата, и даже наоборот, усугубляет его. Это указывает на реализацию в процессе коммуникации следующей прагмамодели: ‘требование-предупреждение > отказ выполнения требования + оскорблениe’. Выявленные прагмамодели раскрывают широкое разнообразие передаваемых за счет ФЕ иллокуций (просьба, самоидентификация, оправдание, обвинение, критика, выговор и т.д.) и соответствующих или несоответствующих им ответных речевых действий (выполнение просьбы, несогласие, отказ выполнять требование, встречное обвинение и др.).

Прагмамодели составляют основу для проведения анализа по последнему параметру, выделенному в нашем исследовании и подытоживающему, по сути, результаты, полученные на предыдущих этапах работы. Это параметр ‘(не)успешность использования ФЕ’ в интерперсональном взаимодействии собеседников в фильмах. Как было обнаружено, данный параметр определяется несколькими типами семантико-прагматического соответствия ФЕ реакции на ее употребление. Согласно анализу, соответствие может полным, частичным, отсутствовать и не регистрироваться. Сводная информация, полученная в ходе исследования двух фильмов, отображена на рис. 8.

Рис. 8 демонстрирует, что показатель полного соответствия является достаточно высоким – 48% от общего количества случаев использования ФЕ (примеры 20 и 21). Вторым по частотности является частичное (или неполное) семантико-прагматическое соответствие ФЕ реакции на ее употребление – 32% (пример 22). Относительные показатели случаев, когда нет соответствия и когда реакция собеседника не регистрируется (преимущественно потому что адресат находится не в кадре или никак не реагирует на сказанное), являются низкими: 6% и 14% соответственно (пример 23):

(20) Игорь: *И не хотелось бы как-то в кучу и баланс, и свадьбу.*

Софья Ивановна: *Нет, в кучу не хорошо! Вы когда свой отчет сдаете?* (ПМП);

(21) Галя: *Да оставьте вы меня в покое!*

Александр [прекращает попытки задержать уходящую Г.] (НД);

(22) Софья Ивановна: *Я покидаю тебя без мужа, без детей, без близкого человека... Ты лучшая из дочерей. Почему такая несправедливость? Почему ты должна дойти своей путь в одиночестве?*

Татьяна: *Мам, на свете полно старых дев.*

Софья Ивановна: *Не смей говорить таких слов! Ты хорошенъкая, у тебя фигура, высшее образование. Интеллигентная, порядочная, хозяйственная, без вредных привычек.*

Татьяна: *Классический портрет старой девы.*

Софья Ивановна: *Я говорю серьезно!* (ПМП);

(23) Эдик: *Слушайте! Какого черта вы не чистите свою территорию?*

Охранник Володя: *Дим, посмотри, что у меня здесь написано?*

Охранник Дмитрий: *«Охранник».*

Володя: *Ты ничего не путаешь?*

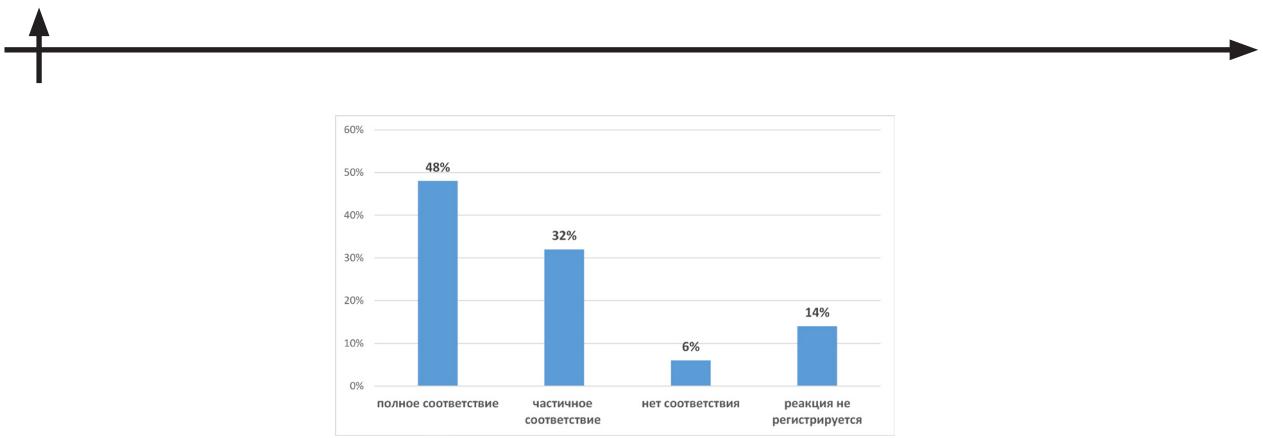

Рис. 8. Соотношение относительных показателей частотности основных типов семантико-прагматического соответствия ФЕ реакции на ее употребление в двух фильмах

Fig. 8. The ratio of relative frequency indicators of the main types of semantic-pragmatic correspondence of phraseological units to the reaction to their use in two films

Дмитрий: *Нет.*

Володя: *Хм, а я думал, тут написано дворник* (НД).

В примерах (20) и (21) использование фразеологизмов *сваливать/мешать все в одну кучу* ('смешивать что-либо, не считаясь с различиями')⁷ и *оставлять кого-либо в покое* ('переставлять беспокоить кого-либо или что-либо, докучать кому-либо')⁸) приводит к тому, что участники коммуникации добиваются своих прагматических целей. В первом случае Игорь получает согласие от Софьи Ивановны по поводу того, что положение дел, описываемое с помощью ФЕ, неприемлемо, и поэтому ему действительно стоит сейчас уйти. Во втором случае Галя, используя ФЕ, добивается прекращения тягостного для нее общения с Александром.

В примере (22) в ответ на стимульные реплики своей матери Татьяна с легкой самоиронией дважды использует в отношении себя ФЕ *старая дева*. Во фразеологическом словаре эта идиома имеет следующее толкование: «‘Немолодая женщина, никогда не выходившая замуж. Имеется в виду, что лицо женского пола (X) ведёт одинокий образ жизни, не имеет ни мужа, ни детей, несмотря на свой значительный для этого возраста. Говорится с неодобрением или с пренебрежением’»⁹. Несмотря на то, что значение ФЕ совпадает с характеристиками, данными Софьей Ивановной своей дочери, и полностью отвечает реальному положению дел, реакция Софьи Ивановны – категорическое несогласие, выраженное в запрете на использование данной идиомы и невербально в жестах (головы, лица, корпуса), передающих также ее возмущение, – указывает на то, что семантико-прагматическое соответствие ФЕ реакции на ее употребление является лишь частичным. В контексте этой ситуации неполнота соответствия обусловлена прагматически, т.е. интенцией Софьи Ивановны выразить озабоченность и сожаление, а не пренебрежение или неодобрение, которые закрепились в узусе при использовании идиомы *старая дева*. При этом важно подчеркнуть, что, несмотря на этот прагматический сдвиг, реакция остается быть негативной, а значит, фразеологизм сохраняет свой изначальный модус коннотации и соответствующий ему характер прагматического воздействия (негативный). Следовательно, его употребление можно считать в общем эффективным, или, иначе говоря, успешным в данных ситуативных условиях общения, хотя и «болезненно» воспринимаемым.

В примере (23) возмущение, выраженное Эдиком посредством фразеологизма *какого черта* в составе вопроса-выговора, не производит должного или ожидаемого воздействия на адресатов,

⁷ Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, ACT. 2008. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 30.07.2025).

⁸ Быстрова Е.А., Окунева А.П., Шанский Н.М. Учебный фразеологический словарь. М.: ACT, 1997. URL: <https://phraseology.academic.ru/> (дата обращения: 13.07.2025).

⁹ Большой фразеологический словарь русского языка / под ред. В.Н. Телия. 6-е изд. М.: АСТ-Пресс Школа; Грамота, 2024. С. 671.

работающих в службе охраны банка, и не приводит к достижению нужного прагматического эффекта. Охранники игнорируют негодование Эдика и его агрессивное вербальное поведение, косвенно отвечая на его вопрос в игривой и вместе с тем саркастической манере. Получается, что выражение негативной эмоции выступает поводом для представителей банка едко пошутить над посетителем, что свидетельствует об отсутствии семантико-прагматического соответствия ФЕ реакции на ее употребление.

Суммарные процентные показатели – 80% полного и частичного соответствия против 6% несоответствия и 14% случаев, когда реакция участников коммуникации не регистрируется, – свидетельствуют о весьма высокой степени успешности применения фразеологизмов кино-персонажами для достижения требуемого прагматического воздействия на собеседников и реализации своих прагматических задач.

Заключение

В статье представлены результаты разработки и применения параметрического подхода к pragmaфразеологическому изучению кинодискурса. Данный подход продемонстрирован на материале двух русскоязычных фильмов комедийного жанра. При выделении восьми параметров прагматического анализа ФЕ учтены типологические характеристики кинодискурса, среди которых особой значимостью обладают его отнесенность к художественной коммуникации и полимодальность.

Согласно полученным данным, киноперсонажами используются фразеологизмы пяти структурно-функциональных классов: идиомы, речевые формулы, конструкции, паремии и коллокации. Наиболее востребованными в интерперсональной коммуникации в фильмах являются два класса ФЕ – идиомы и речевые формулы. Фразеологизмы всех выявленных классов чаще применяются в ситуациях, когда общение является неформальным или полуформальным, то есть их функционирование обеспечивается наличием или установлением близких отношений между собеседниками и/или устранением социальной дистанции между ними, обусловленной разными внешними обстоятельствами и личными причинами. Для выражения определенного иллоктивного намерения в диалоге мужчины чаще прибегают к фразеологизмам, при этом в большинстве случаев получателями фразеологически оформленной информации являются женщины. ФЕ встречаются как в стимульных, так и реактивных репликах киноперсонажей. Однако показатели их использования в качестве ответной реакции на высказывание собеседника выше. Как правило, использование фразеологизмов вызывает двойную – вербальную и невербальную – ответную реакцию со стороны адресатов в фильмах. При одинарных (либо вербальных, либо невербальных) реакциях в большей степени распространены, художественно оформлены и выделены невербальные. Применяемые в фильмах кинематографические приемы и средства (крупности, ракурсы съемки, точка зрения и т.д.) раскрывают разнообразие способов невербального поведения киноперсонажей, в котором проявляется их отношение к полученной во фразеологизме информации. Невербальное сопровождение (жестикуляция, аудиовизуальный ряд) фразеологизмов повышает их экспрессивность и выразительность, влияет на их перлоктивный потенциал, усиливая или смягчая их (т.е. фразеологизмов) воздействие на участников диалога. Установленные прагмамодели демонстрируют, что посредством фразеологизмов киногерои реализуют широкий диапазон иллокций (просьбу, требование, обвинение, приветствие, обещание и т.д.) и получают в той или иной степени ожидаемый перлоктивный эффект (выполнение просьбы или требования, извинение, установление контакта, достижение договоренности и т.д.). Последнее подтверждает прагматическую эффективность фразеологизмов в интерперсональной коммуникации, разворачивающейся между собеседниками в художественной действительности фильмов, основанной на образцах реального общения. Случай прагматических (перлоктивных) сбоев, т.е. когда, употребляя ФЕ, коммуникант не получает

нужного ему результата, малочисленны. Однако, как показал анализ, при pragматических сбоях использование фразеологизмов может быть даже более ощутимым или чувствительным, а в ряде случаев «болезненным» для адресата вербальным (воз)действием, чем в случаях pragматически успешного (=конвенционального) их функционирования.

Подводя общий итог, отметим, что выделенные и проанализированные восемь параметров дают комплексную оценку pragматической роли фразеологизмов в интерперсональном взаимодействии коммуникантов в кинодискурсе и особенностям реализации их pragматического потенциала для достижения конкретных коммуникативных задач. Проведенное исследование позволяет убедиться в том, что успешность использования ФЕ как коммуникативно или pragматически значимой единицы дискурса определяется комплексом взаимообусловленных факторов, обозначенных в данных параметрах. Отдельно подчеркнем, что их список является открытым и может быть уточнен или расширен на большем эмпирическом материале. Его окончательное формирование требует обращения к фильмам других жанров и на других языках, которые содержатся в «Мультимедийном корпусе фильмов». В этом мы видим перспективу нашего дальнейшего исследования. Создание системы параметров pragматического анализа фразеологизмов предполагается использовать для разработки принципов и (полу)автоматизированного алгоритма pragматической (прагмасемантической) разметки фильмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
2. Strässler J. Idioms in English: A pragmatic analysis. Tübingen: Gunter Narr Verlag, 1982. 160 p.
3. Makkai A. Idiom Structure in English. Paris; The Hague: Mouton, 1972. 371 p.
4. Burger H. Idiomatik des Deutschen. Tübingen: Niemeyer, 1973. 117 S.
5. Coulman F. On the sociolinguistic relevance of routine formulae // Journal of Pragmatics. 1979. Vol. 3, Iss. 3–4. P. 239–266. DOI: 10.1016/0378-2166(79)90033-x
6. Koller W. Redensarten. Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen. Tübingen: Sprachspiel, 1977. 229 S.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, pragматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
8. Козеренко А.Д., Крейдлин Г.Е. Фразеологические обороты как показатели некооперативного поведения участников диалога // Вопросы языкоznания. 2021. № 2. С. 53–65. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65
9. Cowie A.P. Stable and creative aspects of vocabulary use // Vocabulary and Language Teaching / ed. by R. Carter, M.J. McCarthy. London; New York: Longman, 1988. P. 126–39.
10. Aijmer K. Conversational routines in English: Convention and creativity. Studies in Language and Linguistics. London; New York: Longman, 1996. 251 p.
11. Gramley S., Pätzold K.-M. A Survey of Modern English. 2nd ed. London; New York: Routledge, 2004. 397 p. DOI: 10.4324/9780203425978
12. Hoffmeister N. Pragmatic idioms. Munich: GRIN Verlag, 2003. 17 p.
13. Schmid H.-J. Lexico-grammatical patterns, pragmatic associations and discourse frequency // Constructions Collocations Patterns / ed. by Th. Herbst, H.-J. Schmid, S. Faulhaber. Berlin; München; Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 239–294. DOI: 10.1515/9783110356854.239
14. Баранов А.Н., Добропольский Д.О. Аспекты теории фразеологии. М.: Знак, 2008. 656 с.
15. Баранов А.Н., Добропольский Д.О. Очерки общей и русской фразеологии. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 280 с.
16. Кустова Г.И. Об иллокутивной фразеологии // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сборник статей в честь 80-летия И.А. Мельчука. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 349–366.

17. **Зыкова И.В.** Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. 3-е изд. М.: УРСС, 2022. 376 с.
18. **Яскевич А.А., Бычкова П.А., Слепак Е.А., Рахилина Е.В.** База дискурсивных формул русского языка «Прагматикон» // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2022. № 2 (32). С. 45–62. DOI: 10.31912/pvrli-2022.2.3
19. **Biber D.** A corpus-driven approach to formulaic language in English: Multiword patterns in speech and writing // International Journal of Corpus Linguistics. 2009. Vol. 14, Iss. 3. P. 275–311. DOI: 10.1075/ijcl.14.3.08bib
20. **Brezina V., McEnery T., Wattam S.** Collocations in context: A new perspective on collocation networks // International Journal of Corpus Linguistics. 2015. Vol. 20, Iss. 2. P. 139–173. DOI: 10.1075/ijcl.20.2.01bre
21. **Fiedler S.** Phraseology in a time of crisis: The language of bank advertisements before and during the financial crisis of 2008–2010 // Yearbook of Phraseology. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 1–18. DOI: 10.1515/9783110222623.1.1
22. **McCarthy M., Carter R.** This that and the other: Multi-word clusters in spoken English as visible patterns of interaction // TEANGA, the Journal of the Irish Association for Applied Linguistics. 2019. Vol. 21. P. 30–52. DOI: 10.35903/teanga.v21i0.173
23. **Moon R.** Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-based Approach. Oxford: Clarendon, 1998. 338 p.
24. **Pinson M.** The paradoxical success of can (-ed) not help but V: When the extragrammatical meets the non-compositional // Yearbook of Phraseology. 2011. Vol. 2, No. 1. P. 17–44. DOI: 10.1515/9783110236200.17
25. **Rubio E.G.** Spanish phraseology in formal and informal spontaneous oral language production // Yearbook of Phraseology. 2020. Vol. 11, No. 1. P. 81–106. DOI: 10.1515/phras-2020-0006
26. **Gibbs Jr. R.W.** Our metaphorical experiences of film // Cinematic Metaphor in Perspective: Reflections on a Transdisciplinary Framework / ed. by S. Greifenstein, D. Horst, Th. Scherer, Ch. Schmitt, H. Kapelhoff, C. Müller. Berlin; Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2020. P. 120–140.
27. **Langlotz A.** Ambiguity and the creative use of idioms in commercial print advertisements // Recherches anglaises et nord-américaines. 2001. No. 34. P. 111–128. DOI: 10.3406/ranam.2001.1642
28. **Naciscione A.** Visual representation of phraseological image // Yearbook of Phraseology. 2010. Vol. 1, No. 1. P. 19–44. DOI: 10.1515/9783110222623.1.19
29. **Paltridge B.** Discourse Analysis: An Introduction. 3rd ed. London: Bloomsbury Academic, 2022. 328 p.
30. **Бычкова П.А., Рахилина Е.В., Слепак Е.А.** Дискурсивные формулы, полисемия и жестовое маркирование // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 3 (21). С. 256–284. DOI: 10.31912/pvrli-2019.21.15
31. **Гришина Е.А.** Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения (корпусные исследования). М.: Языки славянской культуры, 2017. 744 с.
32. **Freddi M.** A phraseological approach to film dialogue: Film stylistics revisited // Yearbook of Phraseology. 2011. Vol. 2, No. 1. P. 137–162. DOI: 10.1515/9783110236200.137
33. **Зыкова И.В.** Лингвистическая креативность и полимодальные тропы в кинодискурсе // Russian Journal of Linguistics. 2023. Т. 27, № 2. С. 334–362. DOI: 10.22363/2687-0088-332062025
34. **Зыкова И.В.** Параметризация лингвокреативности в кинодискурсе: новые эмпирические данные // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: вариативность, креативность, эксперимент / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2023. С. 145–161.
35. **Зыкова И.В.** Лингвокреативность в кинодискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент, 2021. С. 100–189.
36. **Taylor Ch.** “I knew he’d say that!” A consideration of the predictability of language use in film // MuTra 2006 – Audiovisual Translation Scenarios: Conference Proceedings. 2006. P. 1–11.
37. **Van Lancker-Sidtis D., Rallon G.** Tracking the incidence of formulaic expressions in everyday speech: Methods for classification and verification // Language and Communication. 2004. 24 (3). P. 207–240. DOI: 10.1016/j.langcom.2004.02.003
38. **Ryan J., Granville S.** The suitability of film for modelling the pragmatics of interaction: Exploring authenticity // System. 2020. Vol. 89. Article no. 102186. DOI: 10.1016/j.system.2019.102186
39. **Kendon A.** Some Functions of Gaze-Direction in Social Interaction // Acta Psychologica. 1967. Vol. 26. P. 22–63. DOI: 10.1016/0001-6918(67)90005-4

40. **Федорова О.В.** О коммуникативной функции взгляда // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2019. № 3 (21) С. 222–241. DOI: 10.31912/pvrli-2019.3.13

REFERENCES

- [1] Stepanov Yu.S., Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka [Language and method. Towards modern philosophy of language], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, 1998.
- [2] Strässler J., Idioms in English: A pragmatic analysis, Gunter Narr Verlag, Tübingen, 1982.
- [3] Makkai A., Idiom Structure in English, Mouton, Paris, The Hague, 1972.
- [4] Burger H., Idiomatic des Deutschen, Niemeyer, Tübingen, 1973.
- [5] Coulman F., On the sociolinguistic relevance of routine formulae, Journal of Pragmatics, 3 (3–4) (1979) 239–266. DOI: 10.1016/0378-2166(79)90033-x
- [6] Koller W., Redensarten. Linguistische Aspekte, Vorkommensanalysen, Sprachspiel, Tübingen, 1977.
- [7] Teliya V.N., Russian phraseology. Semantic, pragmatic, and linguocultural aspects, Languages of Russian Culture School, Moscow, 1996.
- [8] Kozerenko A.D., Kreidlin G.E., Phraseological units as indicators of non-cooperative behavior of dialogue participants, Voprosy Jazykoznanija, 2 (2021) 53–65. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.53-65
- [9] Cowie A.P., Stable and creative aspects of vocabulary use, Vocabulary and Language Teaching, ed. by R. Carter, M.J. McCarthy, Longman, London, New York, 1988, pp. 126–39.
- [10] Aijmer K., Conversational routines in English: Convention and creativity. Studies in Language and Linguistics, Longman, London, New York, 1996.
- [11] Gramley S., Pätzold K.-M., A Survey of Modern English, 2nd ed, Routledge, London, York, 2004.
- [12] Hoffmeister N., Pragmatic idioms, GRIN Verlag, Munich, 2003.
- [13] Schmid H.-J., Lexico-grammatical patterns, pragmatic associations and discourse frequency, Constructions Collocations Patterns, ed. by Th. Herbst, H.-J. Schmid, S. Faulhaber, De Gruyter Mouton, Berlin, München, Boston, 2014, pp. 239–294. DOI: 10.1515/9783110356854.239
- [14] Baranov A.N., Dobrovolsky D.O., Aspekty teorii frazeologii [Aspects of the theory of phraseology], Znak, Moscow, 2008.
- [15] Baranov A.N., Dobrovolsky D.O., Ocherki obshchey i russkoy frazeologii [Essays on general and Russian phraseology], LRC Publishing House, Moscow, 2024.
- [16] Kustova G.I., Ob illokutivnoi frazeologii [On illocutive phraseology], Smysly, teksty i drugie zakhvatyvayushchie syuzhety. Sbornik statei v chest' 80-letiya I.A. Mel'chuka [Meanings, texts, and other exciting stories. Collection of articles in honor of the 80th anniversary of I.A. Melchuk], Languages of Slavic Culture, Moscow, 2012, pp. 349–366.
- [17] Zykova I.V., Kontseptosfera kultury i frazeologiya: Teoriya i metody lingvokulturologicheskogo izucheniya [Conceptual sphere of culture and phraseology: Theory and methods of linguocultural study], 3rd ed., URSS, Moscow, 2022.
- [18] Yaskevich A.A., Bychkova P.A., Slepak E.A., Rakhilina E.V., Pragmaticon: The Database of Russian Discourse Formulae, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2 (32) (2022) 45–62. DOI: 10.31912/pvrli-2022.2.3
- [19] Biber D., A corpus-driven approach to formulaic language in English: Multiword patterns in speech and writing, International Journal of Corpus Linguistics, 14 (3) (2009) 275–311. DOI: 10.1075/ijcl.14.3.08bib
- [20] Brezina V., McEnery T., Wattam S., Collocations in context: A new perspective on collocation networks, International Journal of Corpus Linguistics, 20 (2) (2015) 139–173. DOI: 10.1075/ijcl.20.2.01bre
- [21] Fiedler S., Phraseology in a time of crisis: The language of bank advertisements before and during the financial crisis of 2008–2010, Yearbook of Phraseology, 1 (1) (2010) 1–18. DOI: 10.1515/9783110222623.1.1
- [22] McCarthy M., Carter R., This that and the other: Multi-word clusters in spoken English as visible patterns of interaction, TEANGA, the Journal of the Irish Association for Applied Linguistics, 21 (2019) 30–52. DOI: 10.35903/teanga.v21i0.173
- [23] Moon R., Fixed Expressions and Idioms in English: A Corpus-based Approach, Clarendon, Oxford, 1998.

- [24] **Pinson M.**, The paradoxical success of can (-ed) not help but V: When the extragrammatical meets the non-compositional, *Yearbook of Phraseology*, 2 (1) (2011) 17–44. DOI: 10.1515/9783110236200.17
- [25] **Rubio E.G.**, Spanish phraseology in formal and informal spontaneous oral language production, *Yearbook of Phraseology*, 11 (1) (2020) 81–106. DOI: 10.1515/phras-2020-0006
- [26] **Gibbs Jr. R.W.**, Our metaphorical experiences of film, *Cinematic Metaphor in Perspective: Reflections on a Transdisciplinary Framework*, ed. by S. Greifenstein, D. Horst, Th. Scherer, Ch. Schmitt, H. Kapelhoff, C. Müller, Walter de Gruyter GmbH, Berlin, Boston, 2020, pp. 120–140.
- [27] **Langlotz A.**, Ambiguity and the creative use of idioms in commercial print advertisements, *Recherches anglaises et nord-américaines*, 34 (2001) 111–128. DOI: 10.3406/ranam.2001.1642
- [28] **Naciscione A.**, Visual representation of phraseological image, *Yearbook of Phraseology*, 1 (1) (2010) 19–44. DOI: 10.1515/9783110222623.1.19
- [29] **Paltridge B.**, *Discourse Analysis: An Introduction*, 3rd ed., Bloomsbury Academic, London, 2022.
- [30] **Bychkova P.A., Rakhilina E.V., Slepak E.A.**, Discourse Formulae, Polysemy and Gesture Marking, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3 (21) (2019) 256–284. DOI: 10.31912/pvrli-2019.21.15
- [31] **Grishina E.A.**, Russkaya zhestikulyatsiya s lingvisticheskoy tochki zreniya (korpusnyye issledovaniya) [Russian gesture from a linguistic perspective (corpus studies)], *Languages of Slavic Culture*, Moscow, 2017.
- [32] **Freddi M.**, A phraseological approach to film dialogue: Film stylistics revisited, *Yearbook of Phraseology*, 2 (1) (2011) 137–162. DOI: 10.1515/9783110236200.137
- [33] **Zykova I.V.**, Linguistic creativity and multimodal tropes in cinematic discourse, *Russian Journal of Linguistics*, 27 (2) (2023) 334–362. DOI: 10.22363/2687-0088-332062025
- [34] **Zykova I.V.**, Parametrizacija lingvokreativnosti v kinodiskurse: novye jempiricheskie dannye [Parametrization of linguistic creativity in cinematic discourse: new empirical data], *Diskurs i jazyk v jepohu «bol'shih dannyyh»: variativnost', kreativnost', eksperiment* [Discourse and language in the era of “big data”: variability, creativity, experiment], ed. by I.V. Zykova, R. Valent, Moscow, 2023, pp. 145–161.
- [35] **Zykova I.V.**, Lingvokreativnost' v kinodiskurse [Linguistic creativity in cinematic discourse], Lingvokreativnost' v diskursah raznyh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguistic creativity in Discourse of Different Types: Limits and Opportunities], ed. by I.V. Zykova. R. Valent, Moscow, 2021, pp. 100–189.
- [36] **Taylor Ch.**, “I knew he'd say that!” A consideration of the predictability of language use in film, *MuTra 2006 – Audiovisual Translation Scenarios: Conference Proceedings*, 2006, pp. 1–11.
- [37] **Van Lancker-Sidtis D., Rallon G.**, Tracking the incidence of formulaic expressions in everyday speech: Methods for classification and verification, *Language and Communication*, 24 (3) (2004) 207–240. DOI: 10.1016/j.langcom.2004.02.003
- [38] **Ryan J., Granville S.**, The suitability of film for modelling the pragmatics of interaction: Exploring authenticity, *System*, 89 (2020) 102186. DOI: 10.1016/j.system.2019.102186
- [39] **Kendon A.**, Some Functions of Gaze-Direction in Social Interaction, *Acta Psychologica*, 26 (1967) 22–63. DOI: 10.1016/0001-6918(67)90005-4
- [40] **Fyodorova O.V.**, On the Communicative Function of the Gaze, *Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute*, 3 (21) (2019) 222–241. DOI: 10.31912/pvrli-2019.3.13

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Зыкова Ирина Владимировна

Irina V. Zykova

E-mail: irina_zykova@iling-ran.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0430-7769>

Поступила: 29.08.2025; Одобрена: 20.09.2025; Принята: 25.09.2025.

Submitted: 29.08.2025; Approved: 20.09.2025; Accepted: 25.09.2025.

Научная статья

УДК 81'232.811.161.1

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16305>

EDN: <https://elibrary/MDBWXQ>

СУБЪЕКТ МОДАЛЬНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РУССКОЙ ДЕТСКОЙ РЕЧИ (АНАЛИЗ СЛУЧАЯ)

В.В. Казаковская

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

victory805@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено функционированию средств выражения субъектной семантики (личных местоимений и имен существительных) в их отношении к развитию модальной (деонтической и эпистемической) оценки высказываний, рассматриваемых на фоне модально немаркированных глагольных конструкций. Выявляется репертуар ранних средств выражения каждой предикативной категории; определяются их частотные и дистрибутивные характеристики; обсуждаются особенности соответствующих высказываний. Модальные конструкции и используемые в них средства выражения субъектности в речевой продукции ребенка сопоставляются с аналогичными данными в речи взрослых – обращенной к ребенку и друг к другу. Материалом для исследования служит лонгитюдный корпус, расшифрованный и морфологически закодированный в соответствии с CHILDES (более 8 часов аудио- и видеозаписей, содержащих свыше 15500 словоупотреблений). Основным информантом выступает типично развивающийся русскоязычный мальчик третьего года жизни из семьи среднего социально-экономического статуса. Для сравнения субъектных и модальных предпочтений говорящих в диаде «взрослый – ребенок» и в узуальной речи взрослых носителей языка привлекается устный подкорпус НКРЯ. Результаты анализа субъектного компонента детских высказываний свидетельствуют о доминировании личных местоимений с первоначальной семантикой над другими средствами выражения и личными значениями. В сфере модальности деонтическая семантика преобладает над эпистемической. В рамках первой превалирует долженствование, в рамках второй – неуверенность в достоверности сообщаемого. Деонтически и эпистемически маркированные высказывания находятся в сильной корреляционной связи. По частоте модально маркированных реплик детская речевая продукция сопоставима с узуальной речью взрослых, тогда как по частоте используемых субъектных средств – с родительским инпутом. В модальных высказываниях диады «взрослый – ребенок» доли личноместоименного и нулевого субъекта равны, в то время как в разговорной речи взрослых личноместоименный субъект используется чаще. Общим для всех говорящих является меньшая частота употребления именных субъектов.

Ключевые слова: усвоение языка, личные местоимения, имена существительные, пропор, деонтическая модальность, эпистемическая модальность, лонгитюдное наблюдение.

Финансирование: грант РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)».

Для цитирования: Казаковская В.В. Субъект модальных высказываний в русской детской речи (анализ случая) // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 66–86. DOI: 10.18721/JHSS.16305

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16305>

SUBJECT OF MODAL UTTERANCES IN RUSSIAN CHILD SPEECH (CASE STUDY)

V.V. Kazakovskaya

The Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russian Federation

victory805@mail.ru

Abstract. This study is dedicated to the functioning of means of expressing subject semantics (personal pronouns and nouns) in relation to the development of modal (deontic and epistemic) evaluation of utterances, considered in the context of modally unmarked verb-based constructions. The repertoire of early expressions for each predicative category is identified, their frequency and distribution characteristics are determined and the features of the corresponding utterances are discussed. Modal constructions and the means of expressing the subject within them in the child's speech production are compared with similar data in the speech of adults – child-directed speech and adult-directed speech. The material for the study is a longitudinal corpus of data, transcribed and morphologically coded in accordance with CHILDES (over 8 hours of audio and video recordings, containing more than 15,500 tokens). The target informant is a typically developing, three-year-old Russian-speaking boy from a middle socio-economic status family. An oral sub-corpus of the Russian National Corpus is used to compare the subject and modal preferences of speakers in the "adult – child" dyad and in adult-directed speech. The results of the analysis of the subject component in child utterances indicate the dominance of personal pronouns with first-person semantics over other personal semantics and their expressions. Within the modality domain, deontic semantics predominates over epistemic. Within the former obligation prevails, while within the latter uncertainty is dominant. Deontically and epistemically marked utterances show a strong correlational relationship. In terms of the frequency of modal-marked utterances, child speech production is comparable to the adult-directed speech, while in terms of the preferences for subject expression means, it aligns with parental input. In modal utterances in the "adult – child" dyad, the proportions of personal pronoun subjects and their pro-drop are equal, whereas in adult-directed speech, personal pronouns are used more frequently than omitted. A common feature for all speakers is the lower frequency of nominal subjects.

Keywords: first language acquisition, personal pronouns, pro-drop, nouns, deontic modality, epistemic modality, longitudinal observation.

Acknowledgements: грант РНФ № 25-18-00938 «Эвиденциальные стратегии в свете корпусных и экспериментальных данных (на материале разноструктурных языков)»

Citation: Kazakovskaya V.V., Subject of modal utterances in Russian child speech (case study), *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 66–86. DOI: 10.18721/JHSS.16305

Введение

Проблема соотношения показателей персональности и модальности не являлась предметом обсуждения ни на материале детской речи, ни на данных получаемой ребенком речевой продукции — родительского инпута (*parental input*). Между тем обе категории принадлежат к числу предикативных, без представления об онтогенезе которых затруднительно судить о становлении высказывания в единстве его семантических, грамматических, коммуникативных и pragmaticических аспектов, причем в каком бы то ни было языке. В свою очередь, категория (и — шире — функционально-семантическое поле, *ФСП*) персональности системно пересекается с субъектностью [1, с. 69], в центре которой находятся языковые средства выражения субъекта [2]. Изучение межкатегориальных связей [3] в предикативной сфере представляет интерес не только в онтогенетической перспективе, но и в типологической, в частности при толковании

понятия предикативности (*predication*) и классификации глагольных и неглагольных высказываний (*verbal vs nonverbal clauses*) [4, §6].

Работы, посвященные онтогенезу каждой из категорий в русском языке, весьма немногочисленны по сравнению с исследованиями, описывающими их функционирование в речи взрослых. Так, об усвоении семантики и средств выражения субъекта, в числе которых обычно рассматривают личные местоимения (далее — *ЛМ*), известно, что при всей сложности, возникающей в силу их шифтерной природы и неизбежно сказывающейся на успешности процесса, количество ошибочных форм, на удивление, невелико [5, 6]. К факторам, объясняющим такое положение дел, относят прагматическую значимость *ЛМ* в диалогическом общении. В меньшей степени по сравнению с онтогенезом персонального дейксиса [7, 8]¹ и анафоры [9, 10] описаны механизмы координации *ЛМ* с предикатом (в другой терминологии, глагольного согласования, предицирования) [11, 12], реализация их потенций к опусканию (далее — *продроп* (*pro-drop*), *0.ЛМ*) в высказываниях разного типа [13–15], специфика и роль персонального инпута². Анализ раннего согласования «субъект — предикат» свидетельствует о том, что *ЛМ* вступают в координацию с глаголами через несколько месяцев после их независимого (по отношению друг к другу) употребления. По очередности вступления модальные глаголы занимают серединную позицию между диктальными/диктумными и модусными [11].

Характеризуя степень изученности модального онтогенеза, отметим, что на материале ранней детской речи освещение получили лишь его отдельные аспекты. К их числу относится усвоение побудительности [16–18], возможности и необходимости³, эпистемической и — шире — субъективной семантики [19–22]⁴. Кластерный анализ, соотносящий появление модальных средств с другими грамматическими процессами, выявил связь между употреблением эпистемических маркеров — одного из языковых средств эгоцентрической природы (Б. Рассел, Е.В. Падучева) — и становлением механизма координации в глагольных высказываниях, субъектную позицию которых занимают *ЛМ* 1-го лица [11]. Поздние этапы усвоения модальности, находящие отражение в устной и письменной речи школьников, получили описание применительно к субъективно-модальной семантике. Сопоставление порядка появления средств ее выражения в детских текстах, привлеченных к анализу в диапазоне от первых сочинений-рассуждений пятиклассников до выпускных работ, и в ранней устной речи обнаружило параллели между двумя процессами [23, 24]. Сравнение употребления вводно-модальных слов в текстах школьников и в языке мастеров художественного слова указало на расширение функционального диапазона при создании образа автора (В.В. Виноградов) в художественном нарративе [25] (см. также [26]). Верификация гипотезы об усвоении системы средств выражения авторского/субъективного начала (субъектизации), интерпретируемых в терминах эксплицитного, по Ш. Балли, модуса [27], в ее связи с когнитивным развитием позволила соотнести изучаемые процессы со становлением модели психического (*theory of mind, ToM*) [28, 29]. Результаты кросс-лингвистического анализа усвоения модальности, осуществленного по данным 14 языков различной структуры и генетической принадлежности (включая славянские и русский в их числе), позволили наметить последовательность этого процесса. Освоение модальности происходит в направлении от динамической (*dynamic modality*) и деонтической (*deontic modality*) сфер к эпистемической (*epistemic modality*) [30] (см. также [31]).

¹ См. также: Краснощекова С.В. Местоименный дейксис в русской детской речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2016. 273 с.; Чиглова Е.И. Стратегии освоения категории лица в русском языке: дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2019. 199 с.

² См. подробнее: Казаковская В.В. Обращенная к ребенку речь взрослого и усвоение персональности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. № 5 (в печати).

³ См.: Офицерова Е.А. Выражение модальных значений возможности и необходимости в русской детской речи: дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 2005. 175 с.

⁴ См. также: Швец В.М. Усвоение ребенком эпистемической модальности: дисс. ... канд. филол. наук. Череповец: Череповецкий гос. ун-т, 2004. 162 с.

Таким образом, обзор степени изученности предикативных категорий на материале русской детской речи указывает на нерешенность ряда вопросов. К числу наиболее важных относится проблема становления субъектных и модальных значений высказывания в их языковом выражении, предполагающая выявление способствующих данному процессу факторов и механизмов его осуществления. В проводимом исследовании усвоение средств языкового выражения субъектной семантики (в число которых, помимо традиционно привлекаемых ЛМ, включаются их нуль (0.ЛМ) и имена существительные) анализируется в соотношении с формированием начального репертуара модальной оценки высказывания, представленной не только предикатами (глагольными и неглагольными), но и вводными компонентами, то есть выраженной как внутри-, так и внешнесинтаксически. Тем самым впервые в рамках одной работы рассматриваются не только две предикативные категории, но и не становившиеся до сих пор предметом совместного обсуждения сферы модальности и способы выражения субъекта. Предлагаемый подход к анализу языкового материала позволит ответить на вопросы о том, каким образом происходит развитие предикативных средств языка и как именно в этом процессе связаны различные аспекты их категориальной семантики.

В наши задачи входит определение последовательности появления соответствующих высказываний в детской речи, их количественных и качественных (семантических и грамматических) характеристик, а также выявление трендов «возрастной» динамики в лонгитюде. Обсуждение результатов предваряется сравнением детской речевой продукции с данными двух корпусов устной спонтанной речи взрослых носителей языка — обращенной к ребенку (*child-directed speech*) и друг к другу (*adult-directed speech*, далее — узуальная речь) — для обнаружения субъектных и модальных предпочтений говорящих.

Методология и методика

Исследование проведено на материале недавнего по времени сбора лонгитюдного корпуса расшифрованной, затранскрибированной и морфологически размеченной в соответствии с международными конвенциями CHILDES [32] речи и представляет собой так наз. анализ случая (*case study*)⁵. Аудио- и видеозаписи фиксируют общение взрослых с типично развивающимся монолингвальным русскоязычным ребенком — мальчиком третьего года жизни (2;1–3;0)⁶, который является, в свою очередь, первым годом усвоения семантики и средств языкового выражения персональности и модальности. Ребенок растет в полной семье со средним социально-экономическим статусом (*middle socioeconomic status / SES*).

Объем языкового материала составляет более 4000 высказываний (15563 словоупотребления) взрослых и ребенка (2153/9421 и 2205/6142 соответственно)⁷. Для сопоставления детской речи не только с родительским инпутом, но и с узуальной речью взрослых привлекался устный подкорпус НКРЯ (*ruscorpora.ru*), а именно бытовые непубличные диалоги. Их выбор обусловлен наибольшей степенью приближенности к инпуту по сравнению с публичной и/или подготовленной устной речью и другими речевыми жанрами. Для создания выборки из рандомной «выдачи» (5000 высказываний) вручную были отобраны глагольные реплики в объеме, соответствующем их количеству в диаде «взрослый — ребенок» за период наблюдения.

Выборка из детскогоречного корпуса создавалась с помощью программ *freq* и *combo* из пакета CLAN [32]. Приводимый ниже фрагмент морфологически закодированной (%mor) видеозаписи

⁵ Всемирно известным «кейсом» стал дневник наблюдений А.Н. Гвоздева «От первых слов до первого класса», легший в основу его фундаментального труда [5], по сей день учитываемого отечественной логопедией при определении нормативного речевого развития (см., например, [33]).

⁶ Здесь и далее приводится возраст ребенка в годах и месяцах. Корпус («Кирилл») принадлежит Фонду данных детской речи (далее — ФДДР), собираемому в Отделе теории грамматики ИЛИ РАН и Лаборатории детской речи РГПУ им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

⁷ Термины высказывание, (диалогическая) реплика, конструкция применительно к данным раннего речевого онтогенеза используются синонимично.

общения «взрослый — ребенок (2;7)» показывает результат «выдачи» программы по команде *combo <+t*CHI* +t%mor +sV* +w2 -w2 @>*.

```
*** File "Kirill-2_07.cha": line 460.  
o MOT: давай я унесу.  
o MOT: давай.  
o CHI: я буду спать.  
%mor: PRO|я&-SG:NOM (1)V|быть&IMPF:INTRANS-FUT:1S (2)V|спать&IMPF:INTRANS-INF  
o MOT: ты будешь спать с ней?  
o MOT: да?
```

Фрагмент содержит высказывание ребенка (**CHI*) с двумя глагольными формами (*V*) в окружении контекста — левого (двух верхних реплик) и правого (двух нижних реплик), необходимого для надежной интерпретации раннего диалога [34]. Реплики контекстуального окружения анализируемого высказывания, принадлежащих здесь маме мальчика (*MOT*), при подсчете не учитывались.

Далее глагольные высказывания систематизировались вручную. Во-первых, определялась лично-числовая семантика (1-е, 2-е, 3-е лицо ед. или мн. ч.) средств выражения субъекта (ЛМ/0.ЛМ, имя). Так, репертуар рассматриваемых конструкций включает:

- ЛМ в им. п. (личноместоименный субъект) + финитный глагол: *Я вот сяду в болид* (2;6), *Как ты думаешь, почему она плачет?* (инпут, 2;10), *Я сейчас почту проверю* (НКРЯ), *Я поставлю / а ты посмотришь* (НКРЯ), *Я хочу лето* (НКРЯ);
- имя сущ. в им. п. (именной субъект) + финитный глагол: *Машина трясется* (2;3), *Ой, смотрите-ка, едет автобус. Куда едет автобус, Кирилл?* (инпут, 2;4), *М... просто мама про него забыла* (НКРЯ), *И блондинка может быть нормальной* (НКРЯ);
- 0.ЛМ (нулевой субъект) + личный глагол: <*Взрослый (В.): Зачем ты его раздавил?*> Ребенок (Р.): *Делаю страшно* (2;4), *Ну что, что сейчас будем делать? ... Переоденемся?* (инпут, 2;4), *Посмотреть хочешь, <что получилось?>* (инпут, 2;8), *Имидж не буду себе вредить* (НКРЯ), *Тоже объяснить не могу / но как-то чувствую / так сказать* (НКРЯ).

Во-вторых, в высказываниях с эксплицитной модальностью выявлялась ее семантика и способ презентации. В числе модальных сфер, нашедших выражение в речи ребенка в период наблюдения, оказались следующие:

- возможность: *Он может плыть глубоко* (2;8), *Мама, они умеют только ходить* (2;9);
- волеизъявление: *Нет, не хочу спать* (2;9);
- долженствование: *Там должен я достать продукты* (3;0)⁸;
- оценка субъективно-эмоциональная: *Она любит нас* (2;9);
- оценка степени обычности действия: *Да, так бывает* (2;9);
- уверенность/неуверенность в достоверности сообщаемого: <*В.: Кирилл, хочешь, почитаем еще книжку?*> Р.: *Да, конечно, очень большой журнал вот тут* (2;5), *Их забрал, наверное, монстр* (3;0).

В ряде высказываний с модальной семантикой, выраженной предикатами типа *надо*, *нужно*, *можно*, *хотелся*, *нравится* (наличие которых в каждой сессии записи проверялось дополнительной командой *combo*), формой субъекта (при его наличии) становится косвенный падеж: *Мне надо руль*, <*да, я буду ездить Ламборгини*> (2;6), *Мне надо купить гитару маленькую* (2;7), ср.: <*Лошадка, там фургон приехал,*> *его надо встречать* (2;11), *Видишь, ее надо смыть* (3;0). Выраженный таким образом субъект принадлежит к периферии ФСП субъектности [1, с. 69, 2, с. 165].

В отечественной грамматической традиции первые пять значений (возможность, волеизъявление, долженствование, субъективно-эмоциональная оценка и оценка степени обычности

⁸ Как и глаголы в форме прошедшего времени (заметим, обычно более поздние и менее употребительные), долженствование предполагает согласование субъекта и предиката по роду.

действия) принадлежат сфере предикатной модальности (в другой терминологии, модальности предиката, внутрисинтаксической модальности), тогда как последняя (в другой терминологии, достоверность / недостоверность, персуазивность, внешнесинтаксическая модальность) — субъективной модальности. В целом результат категоризации модальных сфер представляет собой трехчастную структуру: объективная — предикатная — субъективная модальность [35] (ср. [2, с. 238])⁹. В зарубежных исследованиях данная категоризация соотносится со сферами динамической, деонтической и эпистемической модальности [20, 36]. Эпистемические маркеры выражают модусную семантику и в языках с неграмматикализованной эвиденциальностью, к числу которых принадлежит русский, способны указывать на говорящего как на источник информации или знания. Такую же функцию, думается, выполняют я-высказывания с модальными предикатами [2, с. 242]. Более поздним выражением эвиденциальности становятся нередуцированные модусные рамки с ментальными: *Я знаю, мы просто... сюда приехали, я знаю* (2;10) — и речевыми глаголами: *И тогда злодей говорит / ну ладно, я не буду тебя съедать* (2;10), *И мальчик сказал / ну вот, они уезжают на дюньдюне* (о BMW. — В. К.) (2;10).

Помимо структурно-семантического и корпусного методов, в исследовании использовались лонгитюдное наблюдение, принятое при анализе процессов раннего речевого онтогенеза [5], а также методы количественного анализа и статистической обработки (StatTech v. 4.8.11). В числе последних применялся хи-квадрат тест (χ^2), позволяющий сопоставлять величины, полученные на языковом материале различного объема, а также индекс корреляции Пирсона (r), определяющий силу связи (в нашем случае — между частотой тех или иных языковых средств) и ее направление. При сравнении всех корпусов категориальные данные описывались с указанием абсолютных значений и процентных долей.

Результаты и обсуждение

Особенности развития коммуникативной компетенции информанта. Являясь типично развивающимся, но несколько задерживающимся по началу говорения ребенком, Кирилл превосходит других детей из Фонда данных по некоторым параметрам [11, 12, 14]. Назовем релевантные для проводимого исследования. В первую очередь, это синтаксическое развитие. Рис. 1 показывает, что средняя длина его высказываний (*mean length of utterances*) увеличивается интенсивнее по сравнению с этим индексом в речи других мальчиков, один из которых (Филипп) считается раннеговорящим [7, 8]. Говоря о себе, наш информант уверенно начинает с ЛМ 1-го лица: *Нет, я не умею* (2;4) — и не использует при ранней самореференции личное имя (то есть 3-е синтаксическое лицо), также возможное в речи детей: *Уезжает Ваня* (2;3; ФДДР), *Филиппа на, потрогай* (2;0; ФДДР), в том числе осваивающих другие языки [5, 6]. Кирилл раньше (в частности, другого «запаздывающего» с началом говорения мальчика, Вани) использует ЛМ в субъектной позиции (им. п., традиционное подлежащее) глагольных высказываний. Неспорадический пропуск ЛМ в его речи происходит после грамматически корректной координации «ЛМ+личный глагол». Он лидирует в использовании редкого в речевой продукции маленьких детей местоимения 2-го лица *ты*, что мы напрямую связываем с высоким уровнем развития его собственно коммуникативной — диалогической — компетенции¹⁰. Еще одним отличием является индекс эпистемической плотности высказываний, который превышает аналогичные показатели в других корпусах Фонда (причем не только в детской речи, но и в инпуте) [21].

Таким образом, особенностью речевого портрета информанта (и диады в целом) является заметная доля личноместоименной и модальной продукции. Это позволяет охарактеризовать Кирилла как более «местоименного» и «модального» ребенка по сравнению с другими детьми, в том числе позднеговорящими.

⁹ Ирреальные конструкции с глагольными формами повелительного и сослагательного наклонений (*Дай мне уйти* (2;7), В.: *Ты думаешь, если бы он ездил по дивану, у него бы не отвалились?* Р.: *Да, думаю* (3;0)), относимые обычно к сфере объективной модальности, в работе не рассматриваются.

¹⁰ Становление компонентов коммуникативной компетенции на материале русского языка представлено, в частности, в [34].

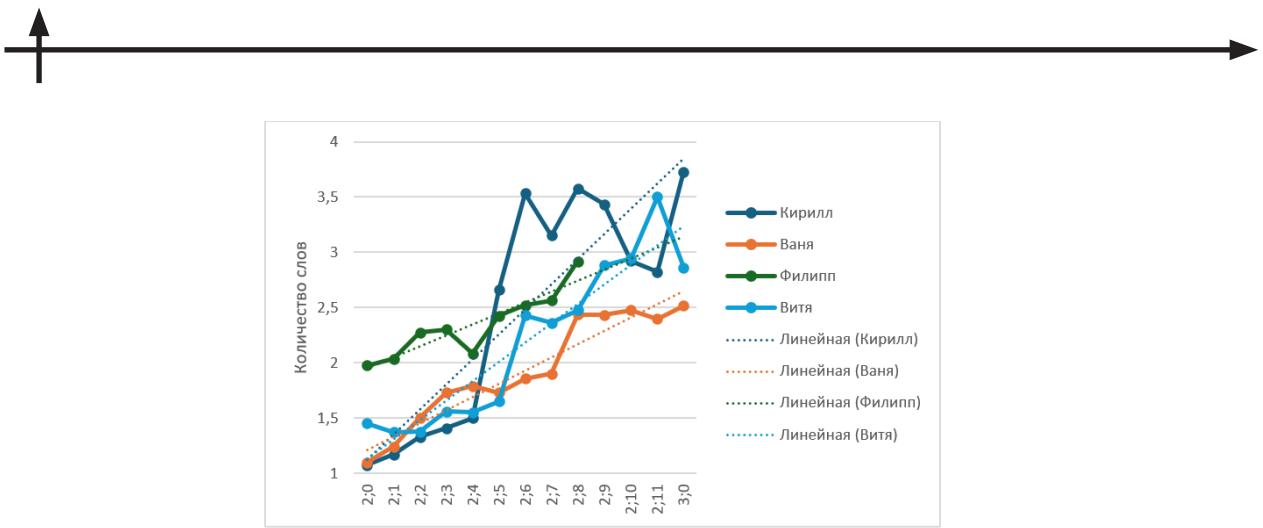

Рис. 1. Средняя длина высказывания (в словах)

Fig. 1. Mean length of utterance (in words)

Модальные и субъектные характеристики детской речи на фоне данных речи взрослых носителей языка. Внутри- и межкорпусный анализ речевой продукции ребенка, предпринятый для сопоставления с родительским инпутом и с узуальной речью взрослых, показал сходства и различия подкорпусов в отношении субъектных и модальных преференций говорящих. Во-первых, детская речь по количеству модальных реплик (составивших 8% всех глагольных) оказалась сопоставимой с узуальной речью взрослых (5%)¹¹, но не с получаемым инпутом (15%). Модальная маркированность инпута значительно превышала соответствующие показатели других подкорпусов. Во-вторых, анализ частоты употребления средств выражения субъекта (ЛМ/0.ЛМ, имя) в модальных высказываниях выявил значительное доминирование в каждом подкорпусе местоименных субъектов (ЛМ и 0.ЛМ) (рис. 2). Высказывания с именными субъектами составили 6% в речи ребенка, 7% в его инпуте и 6,5% в узуальной речи взрослых и были сопоставимы. Такое же сходство подкорпусы обнаружили в частоте использования личноместоименных и нулевых субъектов. Количество высказываний с личноместоименными субъектами в речи ребенка, его инпуте и узуальной речи взрослых было сопоставимо, как и количество высказываний с нулевыми субъектами. Таким образом, иерархия количественных характеристик средств выражения субъекта в подкорпусах может быть представлена как последовательность вида «ЛМ>0.ЛМ>имя» с сопоставимостью ее составляющих.

Между тем внутрикорпусный анализ соотношения субъектных долей (в первую очередь, местоименных субъектов — ЛМ и 0.ЛМ), проведенный в рамках каждого подкорпуса, выявил не только сходные, но и различные тенденции говорящих при выборе средств выражения субъектной семантики (рис. 3). Так, речь участников диады «взрослый — ребенок» оказалась сопоставима по частоте употребления личноместоименных и нулевых субъектов (помимо отмеченного выше сходства в использовании именных). Напротив, в узуальной речи взрослых личноместоименные субъекты значительно преобладали над нулевыми (и, как упоминалось, именными). Следовательно, в отличие от детско-родительского дискурса, в разговорной речи ЛМ достоверно чаще употреблялись, чем опускались. Тем самым общая картина частоты выражения субъекта в модальных высказываниях в диалоге с ребенком несколько отличается от аналогичной в общении взрослых носителей языка: «ЛМ=0.ЛМ>имя vs ЛМ>0.ЛМ>имя». Различия обусловлены низкой долей пропущенных субъектов в узуальной речи.

В-третьих, межкорпусное сопоставление результатов, полученных на модальной выборке, с субъектными преференциями говорящих, выявленными на более широком фоне, то есть в

¹¹ Здесь и далее вывод о сопоставимости величин делается при отсутствии статистически значимых различий, то есть при $p > .05$, вывод о значительных различиях — при $p < .01$. В остальных случаях значение p приводится.

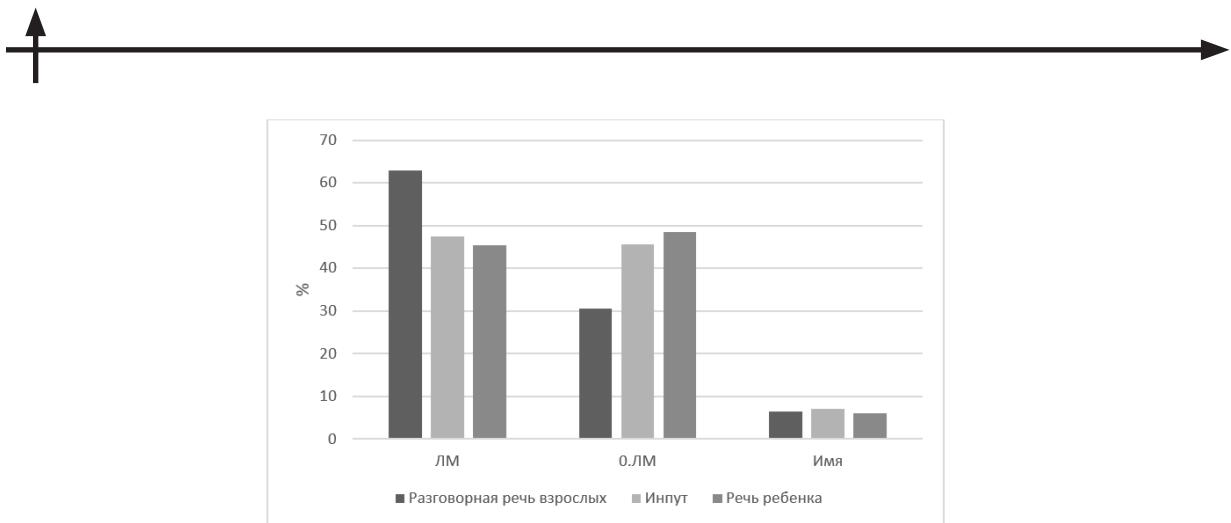

Рис. 2. Средства выражения субъекта в модальных высказываниях

(% модальных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 2. Means of expressing the subject in modal utterances (% of modal utterances of the corresponding subcorpus)

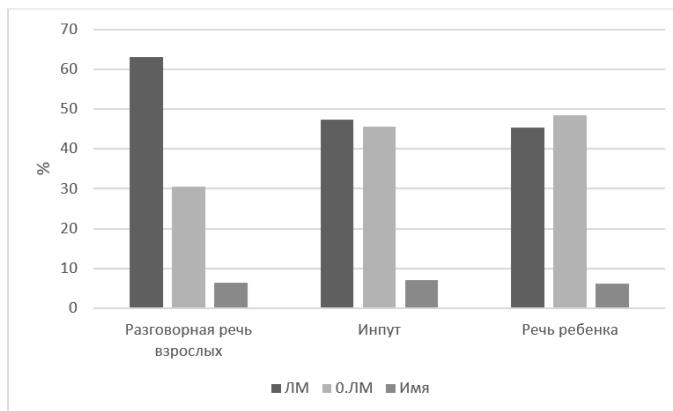

Рис. 3. Субъект модальных высказываний в каждом подкорпусе

(% модальных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 3. Subject of modal utterances in each subcorpus (% of modal utterances of the corresponding subcorpus)

глагольных высказываниях в целом (рис. 4), также свидетельствует о значительно меньшем использовании именных субъектов во всех типах устного дискурса по сравнению с местоименными. В диаде «взрослый – ребенок» высказывания с именными субъектами были сопоставимы и значительно превышали их количество в узуальной речи взрослых. Доля высказываний с ЛМ в речи ребенка занимает две трети глагольных реплик. В инпуте она равна почти половине глагольной выборки, а в узуальной речи взрослых превышает ее. По использованию личноместоименных субъектов речь ребенка ближе к узуальной речи взрослых ($p > .05$), чем к инпуту ($p < .01$), в отличие от упомянутых выше именных субъектов, по употреблению которых эти подкорпусы сопоставимы. Доля нулевого субъекта в детской речи значительно ниже, чем в обоих «взрослых» регистрах.

Внутри(под)корпусное распределение субъектных долей обнаружило значительное сходство говорящих в частоте употребления ЛМ (по сравнению с другими средствами выражения субъекта) и расхождение при их опускании или использовании имен (рис. 5). В речи ребенка имя используется значительно чаще, чем опускается ЛМ, тогда как в инпуте и узуальной речи взрослых именные и нулевые субъекты сопоставимы. В целом количественные характеристики

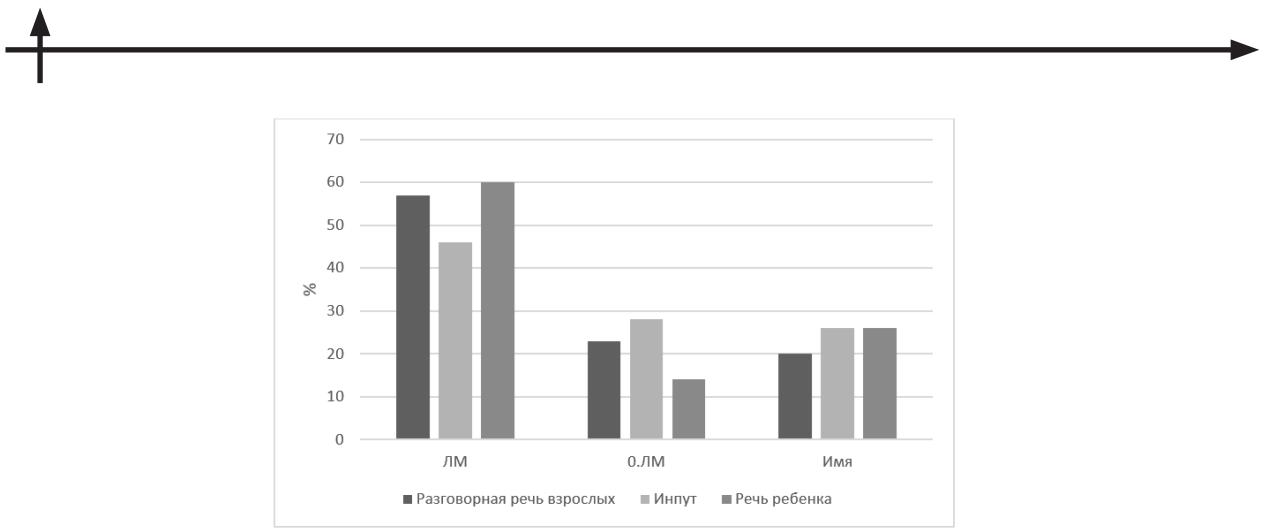

Рис. 4. Средства выражения субъекта в глагольных высказываниях
(% глагольных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 4. Means of expressing the subject in verb utterances (% of verb utterances of the corresponding subcorpus)

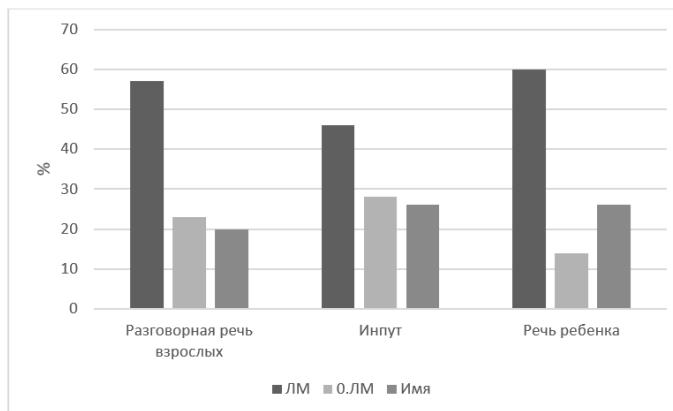

Рис. 5. Субъект глагольных высказываний в каждом подкорпусе
(% глагольных высказываний соответствующего подкорпуса)

Fig. 5. Subject of verb utterances in each subcorpus (% of verb utterances of the corresponding subcorpus)

средств выражения субъекта в подкорпусах выглядят как противопоставление «ЛМ>имя>0.ЛМ (детская речь) vs ЛМ>0.ЛМ=имя (речь взрослых)».

Сравнивая распределение средств выражения субъекта в глагольных и модальных высказываниях ребенка, можно заключить, что отличие состоит в соотношении местоименных субъектов. Так, в глагольных высказываниях личноместоименные субъекты преобладают над нулевым (ЛМ>имя>0.ЛМ), тогда как в модальных они сопоставимы (ЛМ=0.ЛМ>имя). Что касается речи взрослых, то в глагольных высказываниях обоих регистров доли личноместоименных субъектов одинаково превышают доли нулевых, которые, в свою очередь, равны долям именных (ЛМ>0.ЛМ=имя). Субъектные преференции взрослых, нашедшие отражение в модальных высказываниях инпута, отличаются от узульной речи взрослых в отношении продропа. В первом случае доля нулевых субъектов сопоставима с долей личноместоименных (ЛМ=0.ЛМ>имя), во втором — уступает ей (ЛМ>0.ЛМ>имя).

Подводя итоги количественного анализа средств выражения субъекта в модальных и глагольных высказываниях ребенка на фоне аналогичных данных речи взрослых, обращенной и не обращенной к ребенку, предваряющего обсуждение результатов их качественного ана-

лиза, отметим, что детская речь сопоставима с инпутом по частоте использования ЛМ, 0.ЛМ и имени в субъектной позиции модальных высказываний, а также по частоте употребления имени в глагольных высказываниях, то есть по большинству сравниваемых параметров. По частоте использования ЛМ в глагольных репликах речь ребенка ближе к узуальной речи взрослых, чем к получаемому инпуту, и существенно отличается от речи взрослых в обоих регистрах по опусканию ЛМ.

Деонтическая и эпистемическая модальность в ранней детской речи

Частота, дистрибутивные особенности и возраст появления модального маркирования. Высказывания с глаголами составляют почти четверть всех реплик ребенка и заключают в себе около половины имеющихся в его речи глагольных форм. 23% предикативных частей (в другой терминологии — предикаций, *clauses*), содержащихся в рассматриваемых высказываниях, модально маркированы. Из них 80% приходится на выражение деонтической¹² модальности и 20% — на выражение эпистемической. Коррелятивные связи между частотой выражения деонтической и эпистемической семантики в период наблюдения наличествуют на уровне тенденции ($p < .05$), тогда как в остальных случаях степень достоверности высокая. Так, количество модальных маркеров каждого из семантических полей соотносится с количеством модальных предикаций: для деонтической модальности коэффициент корреляции (r) составляет 0.993 ($p < .001$); для эпистемической — 0.808 ($p < .01$). Модально маркированные предикации коррелируют с общим количеством предикативных частей и тем самым с синтаксическим развитием ($p < .001$). Последнее, в свою очередь, соотносится с общей частотой глагольных высказываний ($p < .001$).

Дистрибутивный анализ частоты выражения модальной семантики указывает на ее возрастание к концу наблюдений в каждой из сфер, но значительно интенсивнее это происходит в деонтической сфере (рис. 6). Более ранним оказывается и возраст появления высказываний с деонтической семантикой в речи ребенка. Начало их употребления на месяц опережает использование эпистемических маркеров. Так, в 2;3 зафиксировано первое высказывание с семантикой долженствования: *Карандаш надо открыть*, в 2;4 — с семантикой неуверенности: *Может, другое?* В 2;9 происходит одновременное повышение частоты и тех и других — так наз. пик, или взрыв (*sprint*). Доля реплик с деонтической модальностью достигает 13%, с эпистемической — 5%. После чего модальное маркирование становится более частым: на период с 2;9 до 3;0 приходится свыше двух третей всех модальных предикаций.

Сфера деонтической модальности. Анализ частоты выражения той или иной семантики, принадлежащей деонтической модальности, и сопоставимости соответствующих величин указывает на доминирование долженствования (44%). За ним следуют волеизъявление (29,5%) и возможность (21%), доли которых сопоставимы, однако достоверно ниже доли долженствования, хотя и в разной степени ($p < .05$ и $p < .01$ соответственно). Высказывания с семантикой оценки — субъективно-эмоциональной (4,1%) и степени обычности действия (0,8%) — сопоставимы и используются значительно реже по отношению к другим модальным сферам.

Характер распределения деонтически маркированных предикаций в период наблюдений указывает на положительную динамику в их развитии. Частота выражения всех модальных значений увеличивается к 3-м годам, долженствования и волеизъявления — интенсивнее других (рис. 7). Долженствование лидирует и по времени появления в речи, см. пример выше (2;3). Месяцем позже маркируется возможность (точнее, неумение): *Нет, я не умею* (2;4). За ней следует выражение субъективно-эмоциональной оценки: *Сок апельсиновый... мне не нравится* (2;5) и волеизъявления: *Да, я хочу... настоящий болид* (2;6). Рассмотрим средства выражения наиболее употребительных в это время модальных значений — долженствования, волеизъявления и возможности.

¹² Здесь и далее понятие используется в широком смысле, поскольку включает отдельные значения, относимые иногда к сфере динамической модальности.

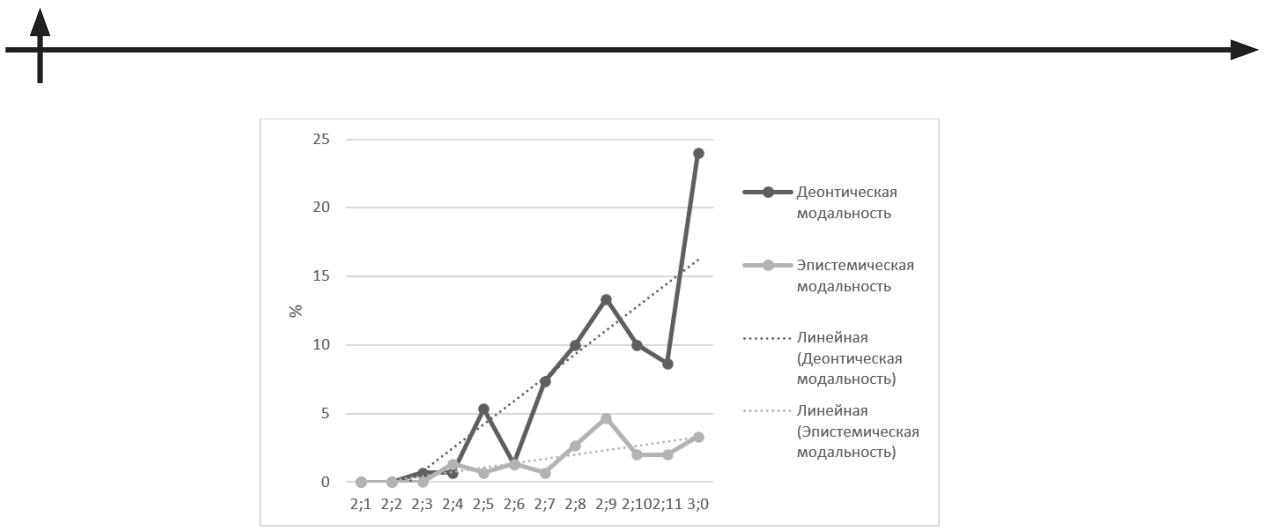

Рис. 6. Распределение модально маркированных предикаций в период наблюдения
(% модально маркированных предикаций)

Fig. 6. Distribution of modally marked predications during the observation period (% of modally marked predications)

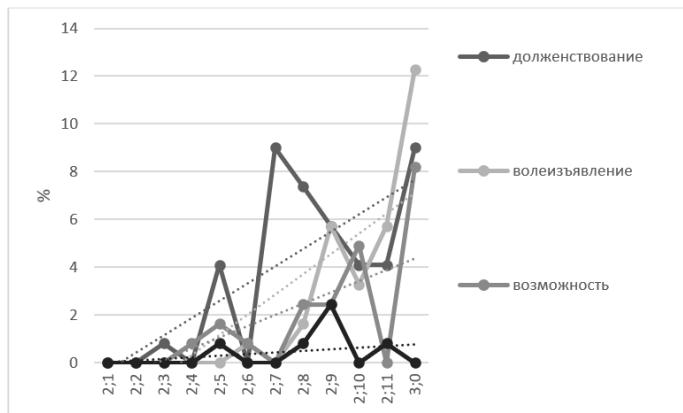

Рис. 7. Распределение частоты выражения деонтической семантики
(% предикаций с деонтической модальностью)

Fig. 7. Distribution of the frequency of expression of deontic semantics (% of predications with deontic modality)

Репертуар ранних средств выражения долженствования почти до конца третьего года жизни (2;9) представлен единственной лексемой — надо, на которую приходится 81% всех случаев экспликации этой семантики. Дательный (личноместоименного) субъекта «размораживается» (*frozen forms*) при ней в 2;5 и обозначает последовательно 1-е лицо ед. ч. (мне): *Мне надо руль, <да, я буду ездить Ламборгини>* (2;5), — 3-е лицо ед. ч. (ему): *Ему надо упасть* (2;7) — и 1-е лицо мн. ч. (нам): *Надо нам ее найти* (3;0). В 2;9 появляется второй предикат — должен, причем сразу демонстрируя числовую оппозицию: *Я должен тебе помогать, Они должны еще запить*. В 2;10 усвоенное надо помещается в отрицательный контекст: *А олень говорит / не надо, не надо, не надо*. Однако по сравнению с близким, но более поздним *нужно* этот вектор имеет противоположное направление, и первой фиксацией является отрицательное использование: *Да, не нужно это делать* (2;11), ср.: *Ему нужно* (3;0). Кроме *нужно*, в 3;0 отмечены *придется*: *Придется смыть, Нам надо отсюда / лексус застрял / придется его / надо убираться отсюда* (3;0) — и *не нужны*. Последний предикат употребляется в координации с личноместоименным субъектом в форме им. п.: *<Я складываю их туда, > пока они мне не нужны*. Таким образом, для выражения долженствования ребенок использует 4 предиката: *надо — не надо, не нужно — нужно, должен, придется*. Формой выражения субъекта выступают ЛМ в дательном или им.

(реже, только при *должен и нужен*) падеже. Во всех случаях экспликация косвенного субъекта происходит после начала функционирования соответствующего предиката с его нулем. И напротив: в высказываниях с ЛМ в субъектной позиции (им. п.) его пропуск (0.ЛМ) случается позже координации.

Семантика волеизъявления в речи ребенка до 2;11 выражается глаголом *хотеть* (86% высказываний), включая его отрицательные употребления: *Нет, не хочу спать* (2;9), *Не хочешь спросить?* (2;8). В 2;11 появляются *хотеться и пытаться*: *Ну, им очень хочется порисовать, Он пытается приземлиться*. В 3;0 зафиксирован *стараться*: *Стараюсь и так*. Более чем в двух третях употреблений личноместоименный субъект опущен. По сравнению с долженствованием сфера личной семантики местоимений расширена за счет обращения ко 2-му лицу: *Лошадка, хочешь немного порисовать?* (2;11). Помимо личноместоименного субъекта, зафиксирован именной: *Бабочка хочет ... любит* (2;9). Как и при выражении долженствования, личноместоименные субъекты предшествуют нулевым (0.ЛМ).

Семантика возможности представлена *можно* (44%), (*не*) *мочь* (26%), (*не*) *уметь* (17%). Кроме того, со значением невозможности используется *никак* (*не*) (13%). Порядок появления средств выражения возможности, в число которых входят не только глагольные формы (как при волеизъявлении, представленном в абсолютном большинстве случаев глаголами), не всегда соотносится с их частотой. Менее употребительные средства открывают и завершают начальный репертуар выражения возможности. Самым ранним является *уметь* (2;4) с отрицанием (см. пример выше), самым поздним — *никак* (*не*): *Мне никак не одеть шлем* (2;6). Частые *мочь* (при первой фиксации в координации с личноместоименным субъектом 3-го лица ед. ч.): <*Это шарик,*> *он может лопнуть* (2;5) — и *можно*: *Лопату, можно носить лопату* (2;5) — занимают в этом ряду серединную позицию. Период появления всех средств выражения возможности в речи ребенка заметно короче, чем при долженствовании и волеизъявлении: он составляет 3 месяца. Именной субъект так же редок (9%), как и в первых двух случаях: <*Это мальчик маленький, он даже не умеет рисовать,*> *а водитель умеет рисовать* (3;0). В 35% высказываний субъект выступает в форме им. п.: *Мама, они умеют только ходить* (2;9), в 9% — в форме дательного. Личная семантика субъектного компонента развивается, как и при долженствовании, от 1-го лица к 3-му. Опущение ЛМ происходит после его координации с предикатом: *А я говорю / ой, не могу она это смотреть* (2;10). Употребление в отрицательном контексте отмечено для *уметь* и *мочь*. В обоих случаях начальным является отрицание, но в первом случае за ним следует утвердительный контекст, тогда как во втором — таковой в период наблюдения не зафиксирован.

Таким образом, начальный репертуар трех наиболее часто используемых средств выражения деонтической модальности не превышает 4 маркеров (глагольных и — шире — предикатных). Отмеченные грамматические и семантические оппозиции указывают на продуктивное использование модальных предикатов, как и заполнение субъектной позиции ЛМ с различной лично-числовой семантикой. Выражение семантики долженствования и волеизъявления до определенного момента ограничивается одним — прототипическим (ядерным) для каждой сферы [35] — маркером, после чего происходит расширение средств выражения. При экспликации возможности этот процесс протекает вдвое активнее. Сходным для всех модальных полей является предшествование координации личноместоименного субъекта с предикатом («ЛМ+предикат») опущению ЛМ (0.ЛМ), а также вектор экспликации субъектной семантики, который направлен от 1-го лица к 3-му в высказываниях с личноместоименным субъектом в им. п. Эта тенденция соотносится с развитием личных значений в немодальных глагольных репликах¹³. Различным оказывается порядок появления высказываний с субъектом в им. п. и с субъектом в дательном п.: при выражении долженствования первыми употребляются реплики с косвенным

¹³ См. подробнее: Казаковская В.В. Речь взрослого и усвоение ребенком персональности // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2025. № 5 (в печати).

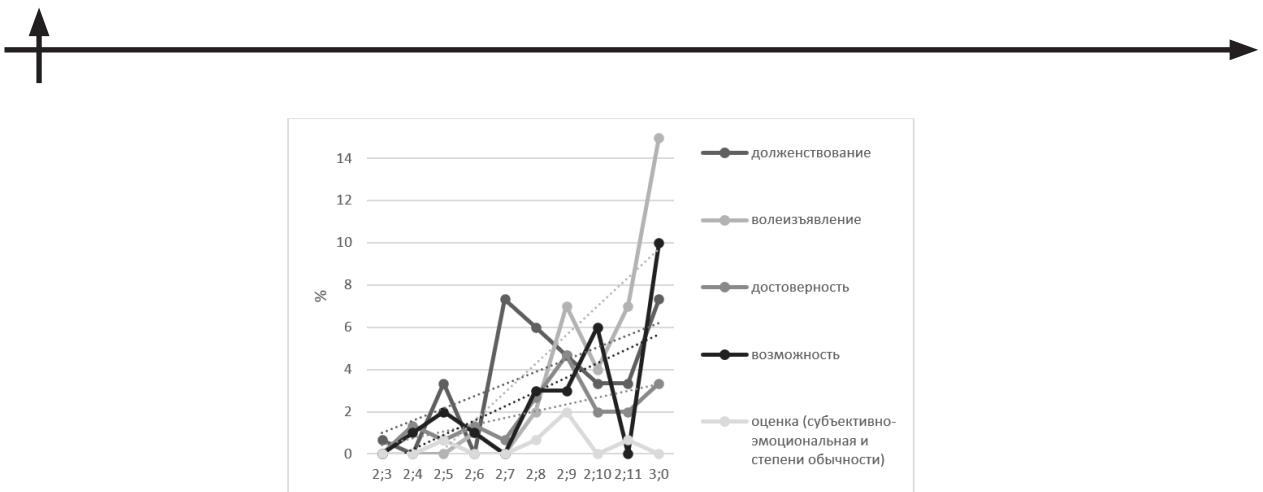

Рис. 8. Распределение частоты выражения модальной семантики (% модально маркированных предикаций)

Fig. 8. Distribution of the frequency of expression of modal semantics (% of modally marked predications)

субъектом, тогда как при волеизъявлении и возможности — с прямым. При экспликации волеизъявления расширена сфера личной семантики (зоны 2-го лица), а кроме того, при выражении волеизъявления и возможности впервые используется именной субъект.

Сфера эпистемической модальности. По частоте экспликации семантика достоверности (19%) уступает, наряду с сопоставимыми волеизъявлением (24%) и возможностью (17%), долженствованию (36%). В речи ребенка эпистемическое маркирование появляется одновременно с выражением возможности (2;4), однако развивается менее интенсивно (рис. 8). В сфере эпистемической семантики наблюдается приоритет за маркированием неуверенности в достоверности (предположительности, недостоверности). Это находит выражение в большей доле соответствующих маркеров (90% vs 10%), их разнообразии (6 vs 3), опережающем появлении (2;4 vs 2;5) и интенсивном употреблении (рис. 9).

Маркирование неуверенности начинается с *может*: *Может, другое?* (2;4). Двумя месяцами позже появляются *кажется* и *наверно*: *Даже, кажется, и штаны* (2;6), *Наверно, ему не больно* (2;6). С промежутком в месяц употребляются *похоже, видимо и по-моему*: *Едет машина, похоже* (2;7), *Видимо, потом в эту* (2;8), *Тут, по-моему, Митсубиси, по-моему* (2;9). Наиболее часто употреблялись *кажется* (38%), *наверное* (23%) и *может* (19%). Для выражения уверенности используются *конечно* (1 употребление в 2;5), *на самом деле и правда* (по 1 употреблению в 2;9): *Да, конечно, очень большой журнал вот тут, Он так, на самом деле, бегёт* (2;9), *Правда, это, не... мне кажется, это не очень это красивая бумага, она женская*.

В реальном режиме интерпретации языка, к которому относится естественный диалог, субъектом эпистемического маркирования является говорящий, то есть 1-е лицо. Присутствие соответствующих маркеров в высказывании указывает на него как на источник сообщаемой информации и демонстрирует тем самым раннюю эвиденциальность. Эпистемические маркеры не принадлежат предикативной структуре, однако эгоцентрическая природа «уравнивает» их с ЛМ 1-го лица, облигаторным компонентом координации «субъект – предикат» [11].

Таким образом, средства выражения эпистемической модальности представлены разнообразнее, чем в любой (отдельно взятой) сфере модальности деонтической (9 к 4), но кумулятивно эпистемический репертуар уступает деонтическому (9 к 15). Отмеченная выше корреляционная связь между частотой использования средств деонтической и эпистемической модальности свидетельствует о наличии зависимости между ними: развитие одной потенцирует другую. Однако внутри эпистемической сферы — между маркерами уверенности и неуверенности в достоверности — такая связь не выявлена. В возрасте 2;9 происходит усиление частоты эпистемического маркирования, которое совпадает с аналогичным пиком в деонтической

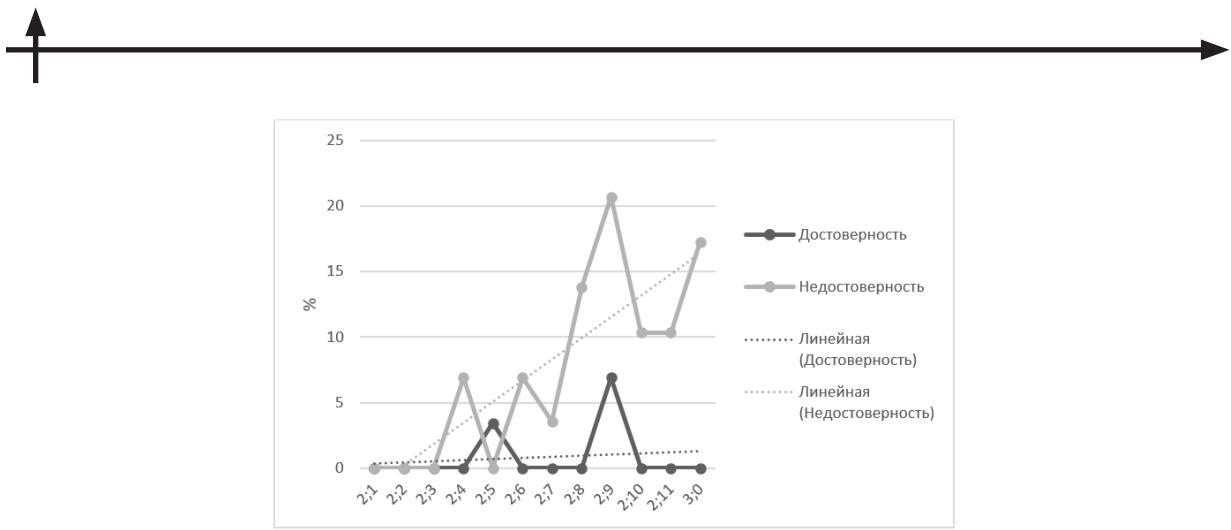

Рис. 9. Распределение частоты эпистемических маркеров (% эпистемически маркированных предикаций)

Fig. 9. Frequency distribution of epistemic markers (% of epistemically marked predictions)

сфере (рис. 6). В целом становление модальной семантики и средств ее выражения происходит в течение полугода (с 2;3 до 2;9), при этом их абсолютное большинство (99%) появляется в первые четыре месяца.

Субъект модальных и немодальных высказываний. Дополняя результаты, полученные при анализе семантики и средств выражения субъекта в сфере деонтической модальности, отметим, что предикации, субъект которых представлен ЛМ/0.ЛМ или именем в им. п.: *Мама, они нас любят?* (2;8), *Хочу рисовать, вот этим карандашом рисовать* (3;0), <...> водитель умеет рисовать (3;0), уступают по количеству косвенным формам его выражения: *Мне надо купить гитару маленькую* (2;7), *Надо нам ее найти* (3;0), то есть так наз. безличным употреблениям (47% к 53%, $p < .05$). При этом важно, что личные и безличные предикации обнаруживают коррелятивную связь ($p < .01$), хотя и не имеют одновременных пиков частоты в лонгитюде. Доли тех и других увеличиваются к концу наблюдения (рис. 10), и, судя по линиям тренда и пикам в конце наблюдений (в возрасте 2;9 и 3;0), предикации с субъектом в им. п. способны вскоре занять лидирующую позицию. Можно также предположить, что триггером для первого пика частоты личных предикаций (в 2;9) служит стабильно высокое количество безличных, зафиксированное в 2;7–2;8.

Интенсивность заполнения субъектной позиции тем или иным способом довольно высокая. Лонгитюдный анализ показывает, что первыми в координацию с предикатами вступают

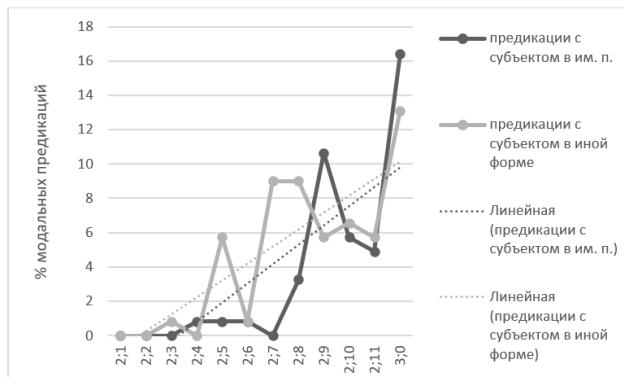

Рис. 10. Распределение предикаций с различными формами выражения субъекта (% модальных предикаций)

Fig. 10. Distribution of predication with different forms of subject expression (% of modal predication)

имена (и, соответственно, так наз. 3-е синтаксическое лицо). Этот результат непротиворечиво соотносится с их более ранним появлением в речи ребенка в сравнении с ЛМ, которые также не являются первыми в очередности усвоения местоименных разрядов. Самые ранние субъектно-предикатные структуры не имеют грамматически оформленного согласования (ввиду «замороженности» глагольных форм) и представляют собой, скорее, соположение имени и предиката: *Дед идти* (2;2). Однако месяцем позже развивающаяся финитность свидетельствует об их координации на грамматическом уровне: *Машина тряется* (2;3).

В ближайшие месяцы разворачивается и темпоральный план высказывания. Так, в 2;5 зафиксировано имя в координации с глаголом в форме прошедшего времени: *Чайка куда-то делась*, в 2;6 — с глаголом в форме будущего: *Папа купит*. Использование имен в субъектной позиции (им. п.) модальных высказываний происходит позже, в 2;9: *Бабочка хочет... любит*. Модальной семантикой, впервые выражаемой в высказывании с именным субъектом, становится волитивность. В целом процесс координации именных субъектов с немодальными и модальными предикатами охватывает немногим более полугода. До окончания наблюдений не зафиксировано случаев занятия именами позиции косвенного субъекта в модальных высказываниях, не предполагающих прямой субъект, а также случаев использования форм мн. ч. (за исключением единственной — с немодальным глаголом в прошедшем: *У меня снялись ботинки* (2;6)) и координации с модальными глаголами в прошедшем. Темпоральные характеристики высказываний «имя+немодальный глагол» развиваются от настоящего к прошедшему и будущему.

Предвестником личноместоименных субъектов оказывается их нуль (0.ЛМ). Он появляется в ответной реплике и соответствует неполноте, «показанной» естественному диалогу: <В.: *A куда?*> Р.: *Не знаю* (2;3). Повторить ЛМ означает в каком-то смысле нарушить один из постулатов канонического диалога и обречь его тем самым на избыточность. Первые употребления нулевого субъекта отмечены при немодальных предикатах, выражающих семантику 1-го лица ед. ч. (2;3, пример см. выше), за которым следуют формы мн. ч. и 2-го лица ед. ч.: <В.: *B магазин надо ехать за новой машиной и белым шлемом?*> Р.: *Едем* (2;4), *Что там фотографируешь?* (2;4). Нулевые субъекты 3-го лица появляются позже: в форме ед. ч. — в 2;5: *Не падает*, в форме мн. ч. — в 2;8: *Меня снимают* (на видео. — В. К.)¹⁴, в одно время с использованием нуля при модальном предикате 1-го лица ед. ч.: *Хочу еще видео* (2;8). Наиболее поздними модальными употреблениями 0.ЛМ оказываются контексты с 2-м лицом обоих чисел: *Не хочешь спросить?* (2;8), *Хотите покататься, а?* (2;10). Вектор развития личной семантики в немодальных высказываниях с нулевым субъектом направлен от 1-го лица к 2-му и 3-му, в модальных — от 1-го к 3-му и 2-му. В рамках немодальных высказываний ед. ч. предшествует мн. ч. В модальных такая последовательность не может быть установлена, поскольку формы мн. ч. для 1-го и 3-го лица не встретились.

Иное положение дел наблюдается с координацией личноместоименных субъектов. Как отмечалось выше, впервые ЛМ занимает субъектную позицию в модальной реплике, выражающей семантику возможности: *Нет, я не умею* (2;4). Симптоматично, что «в унисон» с ним употребляется и первый эпистемический маркер, передающий неуверенность в достоверности: *Может, другое?* (2;4). В следующий месяц ЛМ 1-го лица ед. ч., наряду с 3-м лицом ед. ч., начинают употребляться в координации с немодальными личными глаголами: *Сейчас я сам лезу* (2;5), *Он плачет* (2;5). В 2;10 в этом же окружении отмечено 2-е ед. ч.: *Ты видишь, это как лыжи?* Формы мн. числа появляются после ед.: в 2;7 употребляется 1-е лицо: *Мы играемxxx гитаре чуть-чуть поменьше*, в 2;9 — 3-е: *Они ездят особенно под землей*.

Последовательность появления ЛМ с различной семантикой лица в высказываниях с немодальными глаголами в форме прошедшего времени совпадает с порядком, выявленным для

¹⁴ В 2;3 отмечено единичное употребление 0.ЛМ при «замороженной» глагольной форме.

высказываний с личными глаголами. Так, первыми появляются ЛМ 1-го и 3-го лица ед. ч.: *Я забыл* (2;5), *Видишь, она приехала?* (2;5). В 2;9 начинают употребляться 2-е лицо ед. ч. и 3-е лицо мн. ч.: *Правильно «один ноль» ты прочитала, Они ехали, ехали назад и направо.* Позже всех зафиксировано 1-е лицо мн. ч.: *Мы это читали, да?* (2;10).

Использование ЛМ других лиц и чисел в субъектной позиции высказываний с модальными предикатами происходит позже 1-го лица ед. ч.: в 2;5 отмечено 3-лицо ед. ч.: *<Это шарик,> он может лопнуть*, в 2;9 — мн. ч.: *Мама, они умеют только ходить.* Завершает употребления с модальным предикатом ЛМ 2-го лица ед. ч.: *А ты хочешь поехать с нами, а?* (2;10). Как и в рассмотренных выше сериях реплик, высказывания с личноместоименным субъектом в координации с модальным глаголом в прошедшем времени не встретились. Отнесенность высказываний к плану прошедшего происходит позже либо одновременно с указанием на настоящее время и опережает обозначение плана будущего.

В модальных высказываниях, допускающих иные формы выражения субъекта (в первую очередь, дательный субъект), субъект изначально представлен нулем: *Карандаш надо открыть* (2;4), *Да, надо еще сок* (2;5). В этом проявляется сходство с усвоением личноместоименных субъектов в форме им. п. Однако очень быстро появляются эксплицитные варианты дательного субъекта, используя которые ребенок говорит о себе (*мне*): *Надо мне идти* (2;5), третьем лице — игровом персонаже (*ему*): *Ему надо туда упасть* (2;7), о себе и партнере по игре — взрослым (*нам*): *Садись, нам быстро надо нам догонять, ну, кое-что* (2;10) — и не участвующих в диалоге третьих лицах (*им*): *Ну, им очень хочется порисовать* (2;11). Тем самым лично-числовая динамика косвенных субъектов развивается от 1-го лица к 3-му и от ед. ч. к мн. ч.: 1 лицо ед. ч. → 3 лицо ед. ч. → 1 лицо мн. ч. → 3 лицо мн. ч. Такая последовательность коррелирует с развитием личных значений субъектов в форме им. п., за исключением отсутствующего здесь 2-го лица, нечастого в речи детей и появляющегося последним и в им. п. Впервые косвенные субъекты возникают (и впоследствии чаще всего используются) при предикате долженствования, позднее — при предикатах волитивной и субъективно-оценочной семантики, а также при предикатах с семантикой кажимости, принадлежащей эпистемической сфере: *А мне кажется, какие-то странные* (2;9).

Соотношение возраста появления косвенных и прямых субъектов показывает, что ЛМ 1-го лица ед. ч. в им. п. в координации с финитными немодальными глаголами появляются одновременно с косвенным субъектом в модальных высказываниях (2;5), тогда как ЛМ 3-го лица обоих чисел в им. п. в аналогичных конструкциях (2;5) опережают соответствующие косвенные формы (2;7). Для ЛМ 1-го лица мн. ч. такой параллелизм не прослеживается. Так, прямой субъект в координации с личным немодальным глаголом употребляется раньше (2;7), чем с немодальным глаголом в прошедшем (2;10) и чем косвенный субъект при модальном глаголе (2;10). Заметим, оба типа поздних высказываний появляются одновременно.

Заключительные замечания

В этой статье мы останавливаемся на речевом онтогенезе двух категорий — субъектности (системно пересекающейся с персональностью) и модальности, не обсуждавшихся в (онто)лингвистике в таком аспекте, а вместе с тем важных для становления высказывания. Основной целью было выявление основных тенденций их развития, проливающих свет на формирование межкатегориальных связей в сфере предикативности.

Анализ субъектных и модальных предпочтений говорящих, выполненный на материале презентативного лонгитюдного корпуса «взрослый — ребенок» (ФДДР) в сравнении с разговорной речью взрослых носителей языка (НКРЯ), показал, что по количеству модально маркированных реплик речевая продукция ребенка сопоставима с узуальной речью взрослых, тогда как по выбору субъектных средств — с родительским инпутом. Повышенная (*exaggerated*)

модальная маркированность инпута может интерпретироваться как следствие большей когнитивной сложности модальной квалификации по сравнению с референциальной отнесенностью: оценка некоторого положения дел, заключенная в предикате (или вынесенная в рамку), оказывается сложнее обозначения субъекта. Неудивительно, что успешное усвоение ребенком категории модальности предполагает определенные усилия со стороны взрослого (*input–output relations*).

В модальных высказываниях диады «взрослый – ребенок» доли личноместоименного субъекта и его нуля равны, в то время как в узуальной речи взрослых личноместоименный субъект чаще используется, чем опускается. Хотя меньшая частота употребления именных субъектов свойственна всем говорящим, в диалоге с ребенком доля имен оказывается выше, что объясняется спецификой раннего общения и необходимостью введения — идентификации и номинации — новых объектов.

Результаты анализа субъектного компонента детских высказываний свидетельствуют о доминировании ЛМ с первоначальной семантикой, то есть я-высказываний, над другими личными значениями и средствами их выражения. Этот результат непротиворечиво соотносится с данными, упоминаемыми в литературе [7], в том числе полученными на материале других языков [15]. В сфере модальности деонтическая семантика преобладает над эпистемической и ее языковой репертуар развивается активнее. В рамках первой превалирует долженствование, в рамках второй — неуверенность в достоверности сообщаемого. Более ранняя и интенсивная экспликация неуверенности, выявленная в речи Кирилла, отмечена и в речи других информантов из ФДДР [21, 22, 34]. Данная особенность отличает русскоязычных детей от детей, усваивающих иные языки и начинаяющих с выражения уверенности [31]. Деонтически и эпистемически маркированные высказывания находятся в сильной коррелятивной связи, что может расцениваться как проявление одного из вспомогательных механизмов усвоения языка (*bootstrapping*), с одной стороны, и категориального взаимодействия, с другой. Внешне- и внутрисинтаксическое модальное маркирование происходит одновременно: полученный результат существенно уточняет имеющиеся в настоящее время представления о векторе развития этой категории в речевом онтогенезе [30].

Самые ранние субъектно-предикатные структуры с именным или нулевым личноместоименным субъектом не имеют модальной квалификации. При этом спорадические модальные высказывания с личноместоименным субъектом опережают его немодальные употребления, отражая тем самым прагматику «детоцентрической» (*child-centered*) ситуации. В использовании прямых и косвенных субъектов выявлены определенные параллели, свидетельствующие о системном и последовательном характере усвоения данного фрагмента грамматики (*piece-meal manner*).

Предполагаем, что к числу факторов, способных влиять на онтогенез обсуждаемых категорий, принадлежат не только грамматические особенности инпута, но и прагматические, в частности механизм тонкой настройки (*fine-tuning*)¹⁵, а также диалогический режим усвоения языка, позволяющий в русском — так наз. слабоподропном (*weak pro-drop languages*) — языке опускать субъект высказывания с сохранением семантики лица. Каждый из факторов нуждается в глубоком анализе, в том числе проведенном с привлечением языкового материала других репрезентативных корпусов. Верификации требуют гипотезы о модальной утилизации инпута (как одной из черт регистра, наряду, например, с наличием слов из «языка нянь» (*baby talk*), обилием диминутивов, вопросов, повторов) и его медиативном положении между узуальной речью взрослых и детской речью.

¹⁵ См. подробнее: Казаковская В.В. Обращенная к ребенку речь взрослого и усвоение персональности // Известия ОЛЯ РАН. 2025. № 5 (в печати).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бондарко А.В.** Субъектно-предикатно-объектные ситуации // А.В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. Л.: Наука, 1992. С. 29–71.
2. **Степанов Ю.С.** Имена. Предикаты. Предложения (Семиологическая грамматика). М.: Наука, 1981. 360 с.
3. Межкатегориальные связи в грамматике / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1996. 231 с.
4. **Haspelmath M.** Nonverbal clause constructions // Language and Linguistics Compass. 2025. Vol. 19. Article e70007.
5. **Гвоздев А.Н.** Вопросы изучения детской речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 470 с.
6. **Лепская Н.И.** Язык ребенка (Онтогенез речевой коммуникации). М.: МГУ, 1997. 151 с.
7. **Доброва Г.Р.** Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины рода-ства). СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. 492 с.
8. **Voeikova M.D., Krasnoshchekova S.V.** The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition // Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children/ ed. by N. Gagarina, R. Musan (eds.). Boston, Berlin: De Gruyter Mouton, 2020. Pp. 171–206.
9. **Аврутин С.** Понимание детьми местоимений в свете взаимодействия синтаксиса и дискурса // Проблемы детской речи — 1996. Материалы межвузовской конференции. СПб., 1996. С. 6–7.
10. **Gagarina N.** The hare hugs the rabbit. He is white... Who is white? Anaphoric reference in Russian // ZAS Papers in Linguistics. 2007. Vol. 48. Pp. 133–149.
11. **Казаковская В.В.** От первого лица...: местоименно-глагольные высказывания в русской детской речи // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2024. Т. XX. Ч. 1. С. 98–142. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
12. **Казаковская В.В.** Грамматический аспект усвоения личных местоимений // Русский язык в школе. 2024. № 6 (86). С. 25–38. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-25-38
13. **Gordishevsky G., Avrutin S.** Subject and object omissions in child Russian // Proceedings of IATL 19 (Ben-Gurion University of the Negev, 16–17 June 2003). URL: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.pdf> (дата обращения: 28.07.2025).
14. **Казаковская В.В.** Личные местоимения и их пропуск (*pro-drop*) на ранних этапах усвоения языка // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2024. № 2 (40). С. 133–149. DOI: 10.31912/pvrl-2024.2.8
15. **Gagarina N., Özsoj O., Argus R., Avram L., Hrzica G., Korecky-Kröll K., Kazakovskaya V., Rosenberg M., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W.U.** Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop // 16th Congress of the International Association for the Study of Child Language. Prague, 2024. Book of abstract. P. 218.
16. **Шахнарович А.М., Арама Б.Е.** Интонация и модальность // Шахнарович А.М. Избранные труды, воспоминания друзей и учеников. М.: Изд-во «Гуманитарий» Академии гуманитарных исследований, 2001. С. 371–464.
17. **Цейтлин С.Н.** Выражение побуждения в детской речи // Проблемы функциональной грамматики: Категоризация семантики / А.В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 2008, с. 309–330.
18. **Voeikova M. D., Baida K.A.** Development of directive expressions in Russian adult-child communication // Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 113–158. DOI: 10.1515/9781504457-004
19. **Овчинникова И.Г., Угланова И.А., Краузе М.** Об оценке детьми двух возрастных групп степени уверенности / неуверенности высказывания // Проблемы детской речи — 1999: Материалы Всероссийской конференции. СПб., 1999. С. 132–133.
20. **Krauze M.** Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. 250 s.
21. **Казаковская В.В.** Языковое и когнитивное в усвоении эпистемической модальности // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2017. Т. XIII. Ч. 3. С. 542–575. DOI: 10.30842/alp2306573720198142

22. **Kazakovskaya V.V.** Epistemic modality in Russian child language // Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. P. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012
23. **Казаковская В.В., Гаврилова М.В.** «Мое мнение, что...»: субъективное начало в письменном дискурсе школьников // Русский язык в школе. 2021. № 82 (6). С. 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43.
24. **Kazakovskaya V.** Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents // Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions. 2020. Vol. 5. P. 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05
25. **Казаковская В.В., Онищенко Н.К.** Грамматика точки зрения: вводно-модальные слова в речи взрослых и детей // Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий / В. В. Казаковская, М. Д. Войкова (отв. ред.). М.: Изд. Дом ЯСК, 2020. С. 246–288.
26. **Седов К.Ф.** Структура устного дискурса и становление языковой личности: Грамматический и pragmalingвистический аспекты. Саратов: Изд-во Саратовского пед. ин-та, 1998. 112 с.
27. **Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
28. **Сергиенко Е.А., Уланова А.Ю., Лебедева Е.И.** Модель психического: Структура и динамика. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2020. 503 с.
29. **Казаковская В.В.** Персональность и язык ТоМ в раннем речевом онтогенезе // Вопросы психологии. 2024. № 4 (70). С. 18–27. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/2024/244/244018.htm> (дата обращения: 28.07.2025).
30. Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / ed. by Stephany U., Aksu-Koç A. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. 579 p.
31. **Hickmann M., Bassano D.** Modality and mood in first language acquisition // The Oxford handbook of modality and mood / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 430–447.
32. **MacWhinney B.** The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk. 3rd edition. Mahwah, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 2000. 119 p.
33. **Жукова Н.С., Мастюкова Е.М., Филичева Т.Б.** Логопедия. Основы теории и практики. М.: Эксмодетство, 2021. 288 с.
34. **Казаковская В.В.** Вопрос и ответ в диалоге «взрослый — ребенок»: Психолингвистический аспект. М.: URSS, 2019. 464 с.
35. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А.В. Бондарко. СПб.: Наука, 1990. 264 с.
36. **Nuyts J.** Analysis of the modal meanings // The Oxford handbook of modality and mood / ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 31–49.

REFERENCES

- [1] Bondarko A.V., Subjektno-predikatno-obyektnyye situatsii [Subject-predicate-object situations], Teoriya funktsionalnoy grammatiki: Subjektnost. Obyektnost. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost / neopredelennost [Theory of functional grammar: Subjectivity. Objectivity. Communicative perspective of the utterance. Definiteness / indefiniteness], ed. by A.V. Bondarko. Nauka, Leningrad, 1992, pp. 29–71.
- [2] Stepanov Yu.S., Imena. Predikaty. Predlozheniya (Semiologicheskaya grammatika) [Names. Predicates. Sentences (Semiological Grammar)]. Nauka, Moscow, 1981.
- [3] Mezhkategorialhye svyazi v grammatike [Intercategorical relations in grammar], ed. by A.V. Bondarko. Izd-vo “Dmitriy Bulanin”, St. Peterburg, 1996.
- [4] Haspelmath M., Nonverbal clause constructions, Language and Linguistics Compass. 19 (2025). Article e70007. DOI: 10.1111/lnc3.70007
- [5] Gvozdev A.N., Voprosy izucheniya detskoj rechi [Issues of studying children’s speech]. APN RSFSR, Moscow, 1961.
- [6] Lepskaya N.I., Yazyk rebenka (Ontogeneticheskaya kommunikatsiya) [Formation of the grammatical structure of the Russian language in a child]. MGU, Moscow, 1997.

- [7] Dobrova G.R., Ontogenез personalnogo deyksisa (lichnyye mestoimeniya i terminy rodstva) [Ontogenesis of personal deixis (personal pronouns and kinship terms)]. RGPU im. A. I. Gertseva, Saint Petersburg, 2003.
- [8] Voeikova M.D., Krasnoshchekova S.V., The use of pronouns as a developmental factor in early Russian language acquisition, Referential and Relational Discourse Coherence in Adults and Children / ed. by N. Gagarina, R. Musan, De Gruyter Mouton, Berlin, 2020. pp. 171–206.
- [9] Avrutin S., Ponimaniye detmi mestoimeniy v svete vzaimodeystviya sintaksisa i diskursa [Children's understanding of pronouns in light of the interaction of syntax and discourse], Problemy detskoy rechi — 1996 [Problems of children's speech — 1996]. Proc. of the interuniversity conference, Saint Petersburg, 1996, pp. 6–7.
- [10] Gagarina N., The hare hugs the rabbit. He is white... Who is white? Anaphoric reference in Russian, ZAS Papers in Linguistics. 48 (2007) 133–149.
- [11] Kazakovskaya V.V., Ot pervogo litsa...: mestoimenno-glagolnyye vyskazyvaniya v russkoy detskoy rechi [In the first person: pronoun-verb utterances in Russian children's speech], Acta Linguistica Petropolitana. 1 (20) (2024) 98–142. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
- [12] Kazakovskaya V.V., Grammaticheskiy aspect usvoyeniya lichnykh mestoimeniy [The grammatical aspect of personal pronoun acquisition], Russkiy yazyk v shkole [Russian Language at school]. 6 (86) (2024) 25–38. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-25-38
- [13] Gordishevsky G., Avrutin S., Subject and object omissions in child Russian. Proc. of IATL 19, Ben-Gurion University of the Negev, 2003. Available at: <http://linguistics.huji.ac.il/IATL/19/GordishevskyAvrutin.p> (accessed 28.07.2025).
- [14] Kazakovskaya V.V., Lichnyye mestoimeniya i ikh propusk (*pro-drop*) na rannikh etapakh usvoyeniya yazyka [Personal pronouns and their pro-drop in the early stages of language acquisition], Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute]. 40 (2024) 133–149. DOI: 10.31912/pvrli-2024.2.8
- [15] Gagarina N., Özsoj O., Argus R., Avram L., Hrzica G., Korecky-Kröll K., Kazakovskaya V., Rosenberg M., Stephany U., Stoicescu I., Voeikova M., Dressler W.U. Acquisition of pronouns in typologically different languages: morphological richness and pro-drop // 16th Congress of the International Association for the Study of Child Language. Prague, 2024. Book of abstract. P. 218.
- [16] Shakhnarovich A.M., Arama B.Ye., Intonatsiya i modalnost [Intonation and modality], Shakhnarovich A.M. Izbrannyye trudy, vospominaniya druzey i uchenikov [Selected works, memoirs of friends and students]. Publ. house "Gumanitariy" of the Academy of Humanitarian Research, Moscow, 2001, pp. 371–464.
- [17] Tseytin S.N., Vyrazheniye pobuzhdeniya v detskoy rechi [Expression of directive meaning in child language], Problemy funktsionalnoy grammatiki: Kategorizatsiya semantiki [Problems of functional grammar. Categorization of semantics], ed. by A.V. Bondarko. Nauka, Saint Petersburg, 2008, pp. 309–330.
- [18] Voeikova M.D., Baida K.A., Development of directive expressions in Russian adult-child communication, Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective, ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2021, pp. 113–158. DOI: 10.1515/9781501504457-004
- [19] Ovchinnikova I.G., Uglanova I.A., Krauze M., Ob otsenke detmi dvukh vozrastnykh grupp stepeni uverennosti / neuvverennosti vyskazyvaniya [On the assessment by children of two age groups of the degree of certainty/uncertainty of a statement], Problemy detskoy rechi — 1999 [Problems of children's speech — 1999]. Proc. of the All-Russian conference, Saint Petersburg, 1999, pp. 132–133.
- [20] Krauze M., Epistemische Modalität. Zur Interaktion lexikalischer und prosodischer Marker, Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 2007.
- [21] Kazakovskaya V.V., Yazykovoye i kognitivnoye v usvoyenii epistemicheskoy modalnosti, Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. XIII (3) (2017) 542–575. DOI: 10.30842/alp2306573720198142
- [22] Kazakovskaya V.V., Epistemic modality in Russian child language, Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective, ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2021. pp. 421–453. DOI: 10.1515/9781501504457-012
- [23] Kazakovskaya V.V., Gavrilova M.V., «Moye mneniye, chto...»: subyektivnoye nachalo v pismennom diskurse shkolnikov ["My opinion is that...": the subjective introduction in school students' written discourse], Russkiy yazyk v shkole [Russian language at school]. 82 (6) (2021) 31–43. DOI: 10.30515/0131-6141-2021-82-6-31-43

[24] **Kazakovskaya V.**, Epistemic modality in the speech of Russian young children and adolescents, *Philologia Estonica Tallinnensis. Languages, orderings and successions*. 5 (2020) 134–166. DOI: 10.22601/PET.2020.05.05

[25] **Kazakovskaya V.V., Onipenko N.K.**, Grammatika tochki zreniya: vvodno-modalnyye slova v rechi vzroslykh i detey [Grammar of the speaker's point of view: parenthetical modal words in the speech of adults and children], *Problemy funktsionalnoy grammatiki: Otnosheniye k govoryashchemu v semantike grammaticeskikh kategoriy* [Problems of Functional Grammar: Attitude towards the speaker in the semantics of grammatical categories], ed. by V.V. Kazakovskaya, M.D. Voeikova, Publ. House YSK, Moscow, 2020, pp. 246–288.

[26] **Sedov K.F.**, *Struktura ustnogo diskursa i stanovleniye yazykovoy lichnosti: Grammaticheskiy i pragmalingvisticheskiy aspekty* [The structure of oral discourse and the formation of linguistic personality: Grammatical and pragmalinguistic aspects]. Saratov Pedagogical University Press, Saratov, 1998.

[27] **Arutyunova N.D.**, *Tipy yazykovykh znacheniy. Otsenka. Sobytiye. Fakt* [Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact], Nauka, Moscow, 1988.

[28] **Sergiyenko Ye.A., Ulanova A.Yu., Lebedeva Ye.I.**, *Model psikhicheskogo: Struktura i dinamika* [Theory of mind: Structure and dynamics], Institute of Psychology RAS Press, Moscow, 2020.

[29] **Kazakovskaya V.V.**, Personalnost i yazyk ToM v rannem rechevom ontogeneze [Personality and language of ToM in early speech ontogenesis], *Voprosy Psichologii*. 4 (70) (2024) 18–27. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/2024/244/244018.htm> (accessed 28.07.2025).

[30] Development of Modality in First Language Acquisition: A Cross-Linguistic Perspective / ed. by U. Stephany, A. Aksu-Koç, De Gruyter Mouton, Berlin, Boston, 2021.

[31] **Hickmann M., Bassano D.**, Modality and mood in first language acquisition, *The Oxford handbook of modality and mood*, ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera, Oxford University Press, Oxford, 2016, pp. 430–447.

[32] **MacWhinney B.**, *The CHILDES Project: Tools for Analyzing Talk*. 3rd edition, Lawrence Erlbaum Associates, Mahwah, New Jersey, 2000.

[33] **Zhukova N.S., Mastyukova E.M., Filicheva T.B.**, Logopediya. Osnovy teorii i praktiki [Speech therapy. Fundamentals of theory and practice]. Eksmodestvo, Moscow, 2021.

[34] **Kazakovskaya V.V.**, *Vopros i otvet v dialoge «vzroslyy — rebenok»: Psicholinguisticheskiy aspekt* [Questions and answers in “adult – child” dialogue: Psycholinguistic aspect], URSS, Moscow, 2019.

[35] Teoriya funktsionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost [Theory of functional grammar. Temporality. Modality], ed. by A.V. Bondarko, Nauka, Leningrad, 1990.

[36] **Nuyts J.**, Analysis of the modal meanings, *The Oxford handbook of modality and mood*, ed. by J. Nuyts, J. van der Auwera. Oxford University Press, Oxford, 2016, pp. 31–49.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Казаковская Виктория Виладиевна

Victoria V. Kazakovskaya

E-mail: victory805@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1597-6527>

Поступила: 30.07.2025; Одобрена: 05.09.2025; Принята: 18.09.2025.

Submitted: 30.07.2025; Approved: 05.09.2025; Accepted: 18.09.2025.

Научная статья

УДК 811.113.4

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16306>

EDN: <https://elibrary/LBHNOP>

ВЫРАЖЕНИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ НАБЛЮДАТЕЛЯ ПОСРЕДСТВОМ «РАССОГЛАСОВАНИЯ ВРЕМЕН» В ДАТСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ И МЕДИЙНЫХ ТЕКСТАХ

Д.Б. Никуличева

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

nikoulitcheva@yandex.ru

Аннотация. Задача статьи состоит в исследовании феномена согласования времен и его системных нарушений в современном датском языке с целью объяснения этих явлений с позиций когнитивной лингвистики, лингво-прагматики и антропоцентризма. Предметом исследования являются различные типы функционально- и контекстуально-обусловленных нарушений темпоральной согласовательной нормы в новостных и художественных текстах современного датского языка. Эти нарушения рассматриваются в статье в лингво-прагматическом ракурсе, в результате чего выявляются нюансы коммуникативных смыслов, выражаемые нарушением базовой согласовательной нормы. В этом плане исследуются такие явления как нарушение проспективной согласовательной нормы (*Futurum* vs. *Futurum in Præterito*) и нарушение ретроспективной согласовательной нормы (*Perfektum* vs. *Plusquamperfektum*, *Praesens* vs. *Præteritum*, *Præteritum* vs. *Plusquamperfektum*). Новизна исследования заключается в использовании категорий перспективизации и дистанцирования в качестве базовых для понимания закономерного усложнения аналитических форм датского глагола, а также для объяснения разных типов нарушений согласовательной нормы. Методика исследования состоит в: 1) соотнесении ситуаций, упоминаемых в рамках одного высказывания, но объективно разнесенных во времени, с теми грамматическими формами, которыми выражены их предикаты; 2) в сопоставлении таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами; 3) в сопоставлении функционирования темпоральных форм в художественных и медийных текстах. Материалом послужили параллельные художественные тексты, представленные датскими оригиналами и их художественными переводами на русский язык, а также Национальный корпус современного датского языка. Результатом исследования стал вывод о том, что употребление несогласованных темпоральных форм в датских художественных и новостных текстах имеет единое когнитивное объяснение, основанное на изменении временной перспективы продуcentом текста, в то время как различие конкретных формальных типов нарушений определяется коммуникативной спецификой художественного и медийного дискурса.

Ключевые слова: датский язык, таксис, нарушение согласовательной нормы, перспективизация, темпоральная эмпатия, темпоральное дистанцирование, эпистемическое дистанцирование.

Для цитирования: Никуличева Д.Б. Выражение перспективы наблюдателя посредством «рассогласования времен» в датских художественных и медийных текстах // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 87–101. DOI: 10.18721/JHSS.16306

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16306>

EXPRESSING OBSERVER PERSPECTIVE THROUGH “MISALIGNMENT OF TENSES” IN DANISH FICTION AND MEDIA TEXTS

D.B. Nikulicheva

Institute of Linguistics, RAS, Moscow, Russian Federation

nikoulitcheva@yandex.ru

Abstract. The article studies the sequence of tenses phenomenon and its systemic violations in the modern Danish language in order to explain these phenomena from the standpoint of cognitive linguistics, pragmatics, and anthropocentrism. The subject of the study is various types of functional and contextual violations of the temporal agreement rule in Danish fiction and media texts. A linguo-pragmatic perspective chosen to study violations of the basic agreement norm helps to reveal nuances of communicative meanings. In this regard, the following phenomena are investigated: violation of the prospective agreement norm (Futurum vs. Futurum in Præterito), violation of the retrospective agreement rule (Perfektum vs. Plusquamperfektum, Præsens vs. Præteritum, Præteritum vs. Plusquamperfektum). For the first time, the categories of perspectivization and distancing were selected to explain the increasing complexity of analytical forms of the Danish verb, as well as the types of violations of temporal misalignment. The research methodology consists of: 1) correlating situations within one statement which are objectively separated in time with the grammatical forms of their predicates; 2) comparing taxi fragments of the Danish texts with their translated Russian equivalents; 3) comparing the functioning of temporal forms in fiction and media texts. Parallel literary texts, presented by Danish originals and their literary translations into Russian, as well as the National Corpus of the Modern Danish Language served as material for the study. The study reveals that temporal misalignment in Danish fiction and media texts has a common cognitive explanation based on the change in temporal perspective by the producer of the text, while the difference in specific formal types of misalignment in fiction and media is determined by their communicative purposes.

Keywords: Danish language, taxis, misalignment of tenses, perspectivization, temporal empathy, temporal and epistemic distancing.

Citation: Nikulicheva D.B., Expressing observer perspective through “misalignment of tenses” in Danish fiction and media texts, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 87–101. DOI: 10.18721/JHSS.16306

Введение

«Язык создан по мерке человека, этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним язык и должен изучаться», – писал Ю.С. Степанов во вступительной статье к изданию «Общей лингвистики» Э. Бенвениста [1, с. 9]. Антропоцентрический подход понимается автором предлагаемой статьи как исследование того, какими средствами тот «человеческий масштаб», о котором писал Ю.С. Степанов, выражается в грамматической организации определенного языка.

Теоретической основой данного исследования послужила идея К. Бюлера о существовании в любом человеческом языке того, что он называл «системой координат субъективной ориентации, во власти которой находятся и будут находиться все участники общения» [2, с. 95]. Эгоцентричность является важной категорией в исследовании художественных текстов в связи с авторизацией, образом автора и перспективизацией изложения. Роль наблюдателя как системообразующий фактор в формировании языковой категоризации стала объектом специальных исследований отечественного философа-когнитивиста А.В. Кравченко [3]. Теоретической базой данного исследования служат положения когнитивной лингвистики о значимости

физического опыта в конструировании мира: «Когнитологи практически дополнили семиотическую опосредованность речевой деятельности человека физиологическим измерением – опосредованностью визуального восприятия мира» [4, с. 51].

Ключевым понятием в этой связи является понятие перспективизации. «В когнитивной лингвистике понятия перспективизации и перспективы (*perspectivization, viewpoint, perspective*) рассматриваются как базовый процесс и результат конструирования мира, следующий наиболее общим принципам зрительного восприятия и лежащий в основе построения языковых значений¹. Под перспективизацией понимается когнитивный процесс конструирования под определенным углом зрения образа объекта в дискурсе, осуществляемый языковыми средствами [5].

Процесс перспективизации связан «с естественной способностью выделять объекты на фоне, отбирать наиболее важные для сознания свойства и профилировать их», а также со «взаимной координацией говорящих относительно друг друга и референтной ситуацией. Это, в свою очередь, предполагает установление связи между наблюдателем и наблюдаемым в конкретном акте коммуникации, конструирование объекта относительно позиции, из которой наблюдается ситуация в какой-то конкретный момент. Или иными словами, контекстуализацию референта» [4, с. 56].

Для нашего исследования важны нарративные и когнитивные концепции перспективизации, рассматривающие данный феномен как основу построения значения в тексте и дискурсе [6–8], противопоставление внутренней и внешней перспективы наблюдателя [9, 10], исследования множественности субъектов дискурса [11–13], а также дискурсивные средства создания эмпатии персонажа, повествователя и адресата повествования [14].

Особого рассмотрения заслуживают взгляды датских лингвистов в отношении так называемой «категории отдаления».

Категория отдаления

Исходным тезисом дальнейшего исследования служит утверждение о том, что в основе датской грамматической системы лежит противопоставление пережитой реальности (*den oplevede virkelighed*), в центре которой находится говорящий, всем разнообразным проявлениям отдаления от этой непосредственно воспринимаемой реальности.

Для авторов новейшей академической грамматики датского языка [15] категория отдаления является ключевой. Именно она позволяет объяснить системную омонимию форм реалиса и ирреалиса в датском языке. Так, грамматическая семантика датского претерита может трактоваться «либо как расстояние до мира, который рассматривается как воображаемый, гипотетический, либо как мир, который рассматривается как реальный, фактический, но отстоящий во времени» [15, с. 648]. Темпоральную систему, сложившуюся в современном датском языке, авторы предлагают называть «системой отдаления» (*afstandssystemet*) и подчеркивают, что датская система отдаления «ligger skævt mellem tid og realitet» [15, с. 649].

Эта весьма трудная для перевода формулировка, буквально означающая «лежит косо между временем и реальностью», наглядно подтверждается той пространственной моделью темпоральных форм датского глагола, которая была предложена в результате проведенного ранее психолингвистического эксперимента по выявлению особенностей визуализации биографических событий датскими информантами.

Для носителей датского языка наиболее типичным оказалось представление ситуаций, когда события прошлого располагались слева, все более удаляясь, события актуального прошлого – прямо перед глазами, а события будущего – с последовательным отдалением вперед и вниз. Такая визуализация, накладываясь на систему темпоральных оппозиций датского глагола,

¹ Пертова Н.Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дисс. ... д-ра филол. наук. М: ИЯз РАН, 2017. С. 6.

Рис. 1. Когнитивные планы датской темпоральной системы

Fig. 1. Cognitive plans of the Danish temporal system

позволила смоделировать следующую пространственную ориентацию темпоральных категорий относительно говорящего субъекта (рис. 1) [16, с. 149].

В рамках данной статьи важно подчеркнуть, что континуум удаленности от точки настоящего совпадает с континуумом структурной усложненности соответствующих аналитических форм, то есть что, чем в более удаленной перспективе (реальной или воображаемой) от концептуализатора находится событие, тем более сложной аналитической формой эта удаленность маркируется. Причем наибольшая дистанция (как временная, так и эпистемическая), как это видно из рис. 1, оказывается расположенной по диагонали, то есть, в буквальном смысле, «*ligger skævt*» — «лежит наискось» — между простейшей формой презенса и наиболее сложной из форм ирреалиса, образованной сочетанием претерита модального глагола с перфектным инфинитивом.

Это значит, что в датском языке категория *отдаления* обслуживает задачи перспективизации как реальных, так и воображаемых событий, что нередко наблюдается в рамках одного высказывания:

Det forekommer mig (Ситуация 1: момент речи – **дистанция 0**) *at vi en enkelt gang var på tomandshånd ... og at hun i et forsøg på en fortrolighed... fortalte mig om et hus* (Ситуация 2: удаленность от момента речи в реальное прошлое – **дистанция 1**), *hun havde boet i, sammen med flere andre наркоманer, og hvordan de havde sovet i en stor bude og om natten simpelthen rakt ud efter den, der lå nærmest* (Ситуация 3: удаленность от момента прошлого в предшествование – **дистанция 2**)... *og jeg så for mig en Hieronimus Bosch-scenarium.* (Ситуация 2: прошлое – **дистанция 1**). *Og jeg burde have undt hende al den lykke* (Ситуация 4, удаленность от момента прошлого в воображаемую ситуацию, **дистанция 3**), *hun kunne få. Men det gjorde jeg ikke* (Ситуация 2: удаленность в прошлое). (Hesselholdt). ‘Мне кажется, что как-то раз мы остались наедине... и что она, пытаясь вызвать меня на откровенность, рассказала о доме, в котором жила вместе с другими наркоманами, и как они спали вповалку и ночью просто тянулись к тому, кто лежал ближе... Я представила сцену из Иеронима Босха... Мне следовало бы тогда порадоваться ее счастью, но я не радовалась’.

Если разместить отмеченные в данном примере четыре темпоральные ситуации на рис. 1, приведенном выше, то окажется, что темпоральные формы, выражающие их в датском языке, действительно, геометрически окажутся на разной удаленности от субъекта речи (дистанция

0 < дистанция 1 < дистанция 2 < дистанция 3), что соотносится с последовательным усложнением используемой грамматической формы предиката: *forekommer* - *fortalte* - *havde boet* - *burde have undt*.

Методика и материал исследования

Как видим из приведенного выше примера, методика исследования состоит в соотнесении ситуаций, упоминаемых в рамках одного высказывания, но объективно разнесенных во времени, с теми грамматическими формами, которыми выражены их предикаты. При этом ситуация, совпадающая с моментом речи, обозначается как дистанция 0, а хронологически все более отстоящие от нее ситуации, как соответственно дистанция 1, 2, 3 и т.д.

Важным методологическим аспектом исследования также является сопоставление таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами. Это позволяет продемонстрировать, насколько важна для датского языка категория темпорального дистанцирования, позволяющая нюансировать темпоральное отдаление от продуцента речи.

Третий методологический аспект, а именно сопоставления художественного и медийного дискурса, возник уже по ходу исследовательской работы. Первоначально задачей было систематизировать типы нарушения датской согласовательной нормы, и, помимо параллельных текстов художественной литературы, материал набирался из Национального корпуса датского языка². Однако в ходе исследования обнаружилось, что некоторые типы рассогласования, наблюдаемые в Корпусе, встречаются лишь в определенном типе текстов, а именно в медийных текстах публицистического характера, в первую очередь в его информационном и аналитическом жанрах (о жанровой классификации медиадискурса см. [16, с. 253–254]). «Особенность адресата медиадискурса состоит в его вовлеченности в pragматическую ситуацию и, как правило, требует непосредственной реакции на речевой акт» [17, с. 252], поэтому pragматические задачи дистанцирования и приближения получают здесь специфическое темпоральное выражение, что будет показано ниже. Исследование грамматических особенностей публицистики находится в русле такого актуального направления как «грамматика языка медиа» [18–20].

Таксисная перспективизация в художественном тексте

Грамматическая семантика дистанцирования наглядно проявляется в случае таксисной перспективизации. В понимании Р. Якобсона, впервые использовавшего термин *таксис* [21] для обозначения категории временной относительности, о таксисе как об особой грамматической категории глагола можно говорить лишь тогда, когда в языке существуют те или иные специализированные глагольные формы, маркирующие временную локализацию *таксисной ситуации* относительно *опорной*. Исследованию в русле функциональной грамматики межкатегориального взаимодействия в сфере таксиса на материале разноструктурных языков (немецкого, нидерландского, русского и польского) посвящена недавняя докторская диссертация И.В. Архиповой³. Вслед за Р. Якобсоном исследователи определяют таксис как не-шифтерную категорию, безотносительную к факту сообщения: «Таксис, характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительную к факту сообщения (в отличие от времени, характеризующего сообщаемый факт по отношению к факту сообщения)». Вместе с тем мы хотим подчеркнуть, что именно таксисные отношения, выражая временную соотнесенность, участвуют в *расширении* временной перспективы говорящего, усиливая эффект временной отдаленности от позиции концептуализатора-повествователя. При этом в художественном нарративе довольно часто возникает эффект, который мы предлагаем называть

² Национальный корпус датского языка: <https://ordnet.dk/korpusdk/>.

³ Архипова И.В. Актуализация таксиса: межкатегориальное взаимодействие: дисс. ... д-ра филол. наук. Новосибирск: НГПУ, 2022. 477 с.

⁴ Бондарко А.В. Таксис // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 504.

«телескопическая перспективизация», когда сочетание лексических ориентиров и форм претерита и плюсквамперфекта создает телескопический эффект предшествования предшествованию.

В качестве иллюстрации обратимся сначала к переводу пассажа из романа Кристины Хесельхольдт, где героиня вспоминает свое пребывание в Африке: ‘*В том день подавали рис с бобами в томатном соусе с луком и кусочками авокадо. Снаружи то же самое блюдо на кострах готовили африканские женщины. Я видела это по пути в столовую. Я проходила мимо них утром того дня. Тогда женщины сидели перед хижинами и смотрели. Маленький Джонни упал и поранил пальцы ноги об острый камень. Я схватила его и побежжала к медсестре в главное здание...*

’

Все предикаты русского текста выражены формами прошедшего времени, причем большинство из них – формами несовершенного вида. За счет этого возникает эффект *наблюдаемости процесса*, когда «автор ставит читателя в позицию участника и вместе с тем свидетеля того, что происходит. Создается образ *совместного* (выделено мной. – Д.Н.) восприятия» [22, с. 278].

Тем самым в русском переводе последовательность событий оказывается грамматически нейтрализованной, зато усиливается эмпатия повествования.

Если же обратиться к датскому оригиналу, то обнаруживается, что здесь грамматическими средствами четко выстраивается линия временной перспективизации: *Den dag blev der serveret ris med bønner i tomat og lidt løg og dertil avocadoskiver. Udenfor, over bålene, kogte den samme bønneret i de afrikanske kvinders gryder. (Ситуация 1, дистанция 1, Præt). Det havde jeg set på vej til spisesalen. Jeg havde passeret kvinderne tidligere på dagen (Ситуация 2, дистанция 2, Plkvp), da sad de foran deres hytter og kiggede (Ситуация 2, дистанция 2, Præt). Lille John var faldet og havde næsten fået skåret storetåen over på en skarp sten. (Ситуация 3, дистанция 3, Plkvp). Jeg greb ham og løb imod sygeplejerskens revir i hovedbygningen (Ситуация 2, дистанция 2, Præt).* (Hesselholdt 2010, с. 60) (рис. 2).

За счет этого ситуации организуются в строгой временной последовательности, которую как бы извне обозревает повествователь (внешняя перспектива наблюдателя) (рис. 3).

Общая идея состоит в том, что таксисная перспектива дистанцирует повествователя от ситуации. Помимо временной соотнесенности действий в прошлом, выражаемой сочетанием претерита и плюсквамперфекта, это особенно заметно в ситуациях, когда будущее время персонажа повествования для самого повествователя объективно относится к прошлому:

”*Miskundhed og Sandhed mødes, kære Brødre,*” sagde provsten. ”*Retfærd og Fryd skal kysse hinanden*”. Og den unge mands Tanker var ved det Øjeblik da Lorens og Martine skulde kysse hinanden. (Blixen).

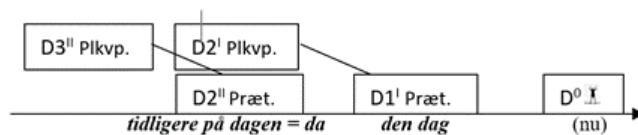

Рис. 2. Линия временной перспективизации

Fig. 2. Line of time perspective

Рис. 3. Внешняя перспектива наблюдателя

Fig. 3. External perspective of the observer

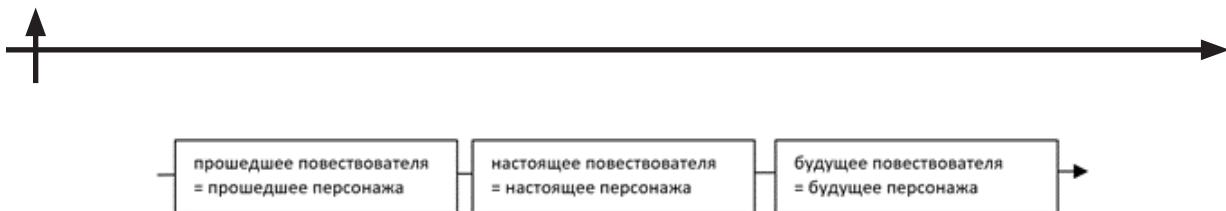

Рис. 4. Грамматическое представление времени в русском языке

Fig. 4. Grammatical representation of time in Russian

Рис. 5. Грамматическое представление времени в датском языке

Fig. 5. Grammatical representation of time in Danish

‘Милость и истина встречаются, дорогие Братья, – говорил пробст. – Правда и мир облобызаются’. А молодой человек в этот миг *думал* о лобызаниях, какими *обменяются* друг с другом Лоренс и Мартина’.

Из сопоставления оригинала и перевода видно, что для грамматического представления времени в русском языке характерно «совместное» существование повествователя и субъекта повествования в «общем» для них временном пространстве: грамматическое прошлое повествователя равно грамматическому прошлому героя, а грамматическое будущее повествователя равно грамматическому будущему героя. Таким образом, грамматическими средствами русского языка формируются три временные области (рис. 4).

В отличие от русской темпоральной системы в плане концептуализации времени датская система относительных времен предполагает *несовпадение временной перспективы говорящего и персонажа* (рис. 5).

Таким образом, по формализованным в языке правилам говорящий – хочет он того или нет – смотрит на повествование из своей временной перспективы, отличной от временной перспективы персонажа. То есть сама грамматическая система датского языка создает когнитивные предпосылки для последовательного дистанцирования повествователя от субъекта повествования.

Нарушение согласовательной нормы в датском языке в антропоцентрическом рассмотрении

На скандинавском материале исследователи не раз отмечали, что нарушение правил согласования – явление широко распространенное, что «вопрос о норме употребления форм должен рассматриваться отдельно для разных коммуникативных планов» [23, с. 80] и что выбор несогласованного времени зависит от того, что за нулевую точку отсчета берется не «тогда», а «сейчас» [24, с. 54].

Понятие перспективизации тесно связано с возможностью построения «множественной перспективы», что позволяет описывать отношения между главным и зависимым предложением, а также выявлять разнообразные «сдвиги дейктического центра в предложении» [4, с. 58]. Сдвиги дейктического центра происходят тогда, когда ситуация представляется автором с точки зрения лица, выступающего в качестве *референциального субъекта* – как устного речевого высказывания, так и нарративного текста.

Казалось бы, речь идет об универсальном свойстве человеческой психики, отраженном в человеческом языке, – способности становиться на место другого человека, сопереживать другому человеку и видеть ситуацию его глазами. Однако если мы сопоставим, как происходит сдвиг дейктического центра в датском языке по сравнению с русским, то обнаружим, что грамматическая категоризация средствами датского языка задает иной стереотип создания «множественной перспективы».

Согласовательная норма: будущее в прошедшем и плюсквамперфект в художественных текстах

Грамматическая категория «согласования времен» отражает важнейшую для германских языков идею грамматической объективации времени как линии, на которой располагаются события, маркируемые специальными темпоральными формами. Грамматическое маркирование *предшествования* прошлому событию (плюсквамперфект) мы предлагаем называть ретроспективным согласованием времен, а маркирование *следования* после прошлого события (будущее в прошедшем – проспективным согласованием).

Для того чтобы создать эффект множественной перспективы, датский автор вынужден использовать специальные лексические и синтаксические приемы приближения внутренней речи персонажа к читателю.

Рассмотрим пример из романа Иды Йессен «Азбучная история», где, на первый взгляд, представлено классическое «согласование времен», когда ментальный предикат в претерите (*havde en fornemmelse*) вводит форму будущего в прошедшем (*ville kunne ødelægge*):

Han havde en fornemmelse af, at han ville kunne ødelegge Susan, knuse hende, hvis han gav efter for den stemme, der uafladeligt hviskede i ham, at nu var det nok, her gik grænsen. (Jessen) ‘Он чувствовал, что способен прикончить Сюзанну, раздавить ее, если *пойдет* на поводу у голоса, который беспрестанно нашептывал: все, *хватит*, дальше некуда’ (Пер. Н. Федоровой).

Для того чтобы представить ситуацию с точки зрения персонажа, в датском тексте используются лексические показатели настоящего времени. Так, наречия *her* ‘здесь’, *nu* ‘сейчас’, *i den sidste tid* ‘в последнее время’ в этом примере отмечают не точку Origo автора повествования, а момент внутренней речи персонажа. Этой же цели служит и нарушение порядка слов: вместо нормативного для придаточного предложения порядка s-a-v здесь использован порядок слов независимого предложения – как если бы это была прямая речь: *Nu var det nok! Her gik grænsen!*

Если же сравнить датский оригинал с русским переводом, то обнаружим, что лексические указания на «здесь» и «сейчас» персонажа в русском тексте вообще отсутствуют. Почему? – Потому что сближение точек обзора персонажа и автора задается здесь грамматическими средствами русского языка. Ведь формы настоящего и будущего времени предикатов зависимых предложений будут одинаковы как для выражения точки зрения продуцента текста (автора): «*Он способен прикончить Сюзанну, раздавить ее... Все, хватит, дальше некуда!*» – так и для передачи точки зрения референта (персонажа): «<Я> способен прикончить Сюзанну, раздавить ее... Все, хватит, дальше некуда!».

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что темпоральное пространство персонажа в датском языке по умолчанию является дистанцированным от темпорального пространства продуцента (и реципиента) текста, то есть в соответствии с картрированием мира, задаваемым датской грамматикой, «точки обзора» первичного и вторичного концептуализатора оказываются заведомо различными, тогда как в русском языке регулярно происходит грамматическое сближение точек обзора персонажа и повествователя, что интуитивно усиливает эмпатию по отношению к персонажу.

Дальнейшее изложение будет посвящено когнитивному объяснению феномена нарушения этого базового для датской глагольной системы правила «согласования времен», так называемого

«рассогласования». Отметим, что обсуждение лингвокогнитивных механизмов рассогласования стало предметом недавних исследований на английском киноматериале [25].

Нарушения проспективной согласовательной нормы

Futurum vs. Futurum in Præterito в публицистических текстах

Для того чтобы получить представление об относительной частотности такого типа «рассогласования», когда вместо согласованного «будущего в прошедшем» в датском языке используется форма несогласованного футурума, в поисковом окне Национального корпуса датского языка были заданы параметры “*sagde at... vil*” ‘сказал (Præt), что (Fut)’. На 100 первых примеров (из 2133 употреблений) было обнаружено 7 примеров, отвечающих заданному запросу. Остальные демонстрировали нормативное согласование времен – либо в претеритальном “*sagde at... ville*”, либо в презентном плане “*har sagt at... vil*”.

Отметим, что все подобные примеры рассогласования были обнаружены в медийном дискурсе, а именно в новостных сообщениях, которые, в отличие от художественного нарратива, pragmatically ориентированы на актуального адресата.

Sagde at ... vil + Inf в новостных сообщениях

Forsvarsministeren sagde, at det vil være nødvendigt at indsætte styrke fra såvel land- som sø-siden for at tvinge irakerne op af deres nedgravede stillinger. (Berlingske Tidende). ‘Министр обороны сказал, что **будет необходимо** применить как сухопутные, так и военно-морские силы, чтобы выбить иракцев из их укреплений’.

Общим для всех примеров было то, что футуральная перспектива субъекта косвенной речи совпадала с футуральной перспективой автора высказывания. То есть в датском языке употребление футурума в придаточном предложении при предикате речевой деятельности в претерите – и даже в плюсквамперфекте – возможно тогда, когда *события, прогнозируемые референциальным субъектом, являются будущими – то есть еще не реализованными – и для первичного субъекта*. Тем самым их представление ситуации объективного будущего вербализируется как идентичное для повествователя и субъекта повествования.

Особенности «нормативного» согласования (*sagde at ...ville + Inf*) в новостных сообщениях

Любопытно сопоставить приведенные выше примеры с теми примерами новостных сообщений из Корпуса, где при предикате главного предложения в форме претерита (*sagde at ...*) предикат зависимого предложения выражается сочетанием *ville + Inf*. Формально такой предикат совпадает с типичной формой будущего в прошедшем в нарративных текстах. Отличие состоит в том, что в актуальных сообщениях прогнозируемое событие является еще не реализованным как для первичного, так и для вторичного субъекта. И тем не менее в них зависимое предложение также оформляется формой *ville + Inf*.

Общим для всех подобных примеров является то, что субъект косвенной речи выражает не объективное положение дел в будущем, а субъективное намерение совершить или не совершить какое-либо действие. То есть здесь всегда присутствует модальный компонент семантики предиката. Семантика датского предиката *ville + Inf* оказывается закономерно многозначной: это и футуральная перспектива субъекта косвенной речи из момента речи в прошлом (будущее в прошедшем), и волеизъявление говорящего в момент прошлой речи (претерит модального глагола *ville* ‘хотеть’) и, что особенно важно в плане сопоставления перспективы автора и субъекта сообщения, эпистемическое дистанцирование – сигнал о том, что представление о будущем, желаемом с точки зрения вторичного субъекта, не обязательно совпадает с представлением об объективном будущем с точки зрения первичного субъекта:

Når statsminister Schlüter i går på den konservative jubilæumskonference sagde, at han ville kæmpe for at blive og kun træde tilbage, hvis et flertal i Folketinget ønskede det, var det ikke tom retorik (В.Т.). ‘Когда вчера на юбилейной конференции премьер-министр Шлютер говорил, что **собирается**

(будет / хочет / хотел бы) бороться за то, чтобы осталась, и уйдет в отставку только если этого пожелает парламентское большинство, это не было пустыми словами'.

Har sagt at ... ville + Inf в публицистических текстах

Проявления «рассогласования» обнаруживаются и в тех случаях, когда предикат речевой деятельности главного предложения выражен формой **перфекта**, например *har sagt*, а предикат зависимого предложения – формой **будущего в прошедшем** *ville + Inf*.

Предикат главного предложения, выраженный формой перфекта, обозначает повторяемость высказывания и соотносит сообщение с моментом речи. Поэтому нормативным является использование в зависимом предложении футурума: *Sb₁ har sagt at Sb₂ vil + Inf*.

Вместе с тем в Корпусе на 100 рассмотренных примеров нам встретилось 5 новостных сообщений, в которых при предикате речевой деятельности в форме перфекта был употреблен зависимый предикат в форме *ville + Inf*.

Tidligere har Frp. sagt, at man ville pege på lederen af det største borgerlige parti som ny statsminister. Med den udsigt til fremgang som samtlige meningsmålinger spår, vil Venstre blive størst, og Uffe Ellemann ville så indtil i dag have kunnet påregne støtte fra Frp. til sit evt. Statsministerkandidatur. Men jeg mener ikke længere, at det automatisk skal være lederen af det største parti, der afløser Schlüter (B.T.). ‘Ранее в Партии прогресса заявляли, что новым премьер-министром **станет** лидер крупнейшей буржуазной партии. Судя по опросам общественного мнения, Либеральная партия **будет** самой крупной, и Уffe Эллеманн до сегодняшнего дня мог ожидать поддержки своей кандидатуры со стороны Партии прогресса. Но я больше не верю, что Шлютера автоматически **сменит** лидер крупнейшей партии’.

Использованные в тексте лексические показатели (*tidligere* ‘ранее’, *indtil i dag* ‘до сегодняшнего дня’, *ikke længere* ‘больше не’) подтверждают, что футуральный прогноз субъекта повествования – Партии прогресса – потерял свою актуальность для автора текста, хотя прогнозируемое событие (выборы нового премьер-министра) объективно по-прежнему относятся к моменту в будущем, общему для обоих субъектов. Употребление формы *ville + Inf* свидетельствует о том, что автор текста дистанцируется от достоверности прогноза Партии прогресса, маркируя тем самым несовпадение взглядов продуцента речи и референциального субъекта на будущее развитие событий. То есть здесь речь идет не о темпоральном, а об эпистемическом дистанцировании.

Perfektum vs. Plusquamperfektum в новостных сообщениях

Исследовательница датской глагольной системы Л.М. Локшанова объясняла согласованное или несогласованное употребление форм датского глагола жанровой спецификой текста, противопоставляя согласование форм в художественном нарративе нарушению согласования в газетных текстах [23]. Мы же предлагаем когнитивное объяснение этого феномена, позволяющее объяснить, как случаи сохранения согласования в газетных текстах, так и случаи нарушения согласования в художественном нарративе.

Ведь именно для актуальных газетных сообщений характерно совпадение временной перспективы продуцента новостного сообщения и его референциального субъекта. Так, в приведенном ранее примере “*Forsvarsministeren sagde, at det vil være nødvendigt at indsætte styrker...*” актуальность информации о расходах на вооружение совпадает и для цитируемого политика, и для журналиста, и для тогдашней читательской аудитории, которой это сообщение было адресовано. Нарушение согласования в буквальном смысле делает их «со-временниками», помещая в общее темпоральное пространство.

Если обобщить проанализированные в ходе исследования примеры сохранения согласования в актуальных газетных текстах с точки зрения перспективизации события продуцентом и референтом сообщения, то окажется, что – также как и в отмеченных нами выше случаях согласования будущего в прошедшем – формальное согласование плюсквамперфекта неизменно

отражает дистанцирование точек зрения первичного и вторичного концептуализатора. Причем такое дистанцирование может быть как темпоральным, так и эпистемическим, когда автор дистанцируется от достоверности взглядов или представлений референциального субъекта. Это особенно заметно в контекстах с путативными глаголами, которые обозначают мнение, не обязательно являющееся достоверным), например *mente* ‘полагали’ в следующем примере, где контекст эксплицирует различие в понимании ситуации референтом сообщения:

I foråret mente amerikanerne på grundlag af satellitfotografier, at Iran havde samlet ikke mindre end en halv million mand til det store slag mod Irak. Siden er disse bedømmelser blevet påfalende mere beskedne og der har i stedet været tal om en kvart million mand (Information) ‘Весной на основании спутниковых фотографий американцы полагали, что Иран собрал не менее полутора миллионов человек для массированного удара по Ираку. С тех пор оценки стали значительно скромнее и речь шла уже о четверти миллиона’.

Perfektum vs. Plusquamperfektum и Præsens vs. Præteritum в художественном повествовании

В художественном повествовании о прошлых событиях замена согласованного плюсквамперфекта на несогласованный выполняет роль актуализатора прошлого опыта персонажа-повествователя:

Således trådte vi ind i skoven. Det var en sløj skov, sparsomt bevokset. Jeg har aldrig tidligere set en skov med så stor afstand mellem træerne. Hvilke træer det var, kan jeg ikke sige. (Hesselholdt). ‘Так мы вошли в лес. Это был странный лес с редкими деревьями. Никогда прежде я не видела такого расстояния между лесными деревьями, что это были за деревья, сказать не могу’.

Хотя наречие *tidligere*, в отличие от наречия *før*, обычно обозначает предшествование моменту в прошлом и сочетается с формой плюсквамперфекта (ср. *jeg havde aldrig tidligere* и *jeg har aldrig før*), в данном случае оно вводит форму перфекта. В результате возникает эффект темпоральной двухфокусности повествования: рассказчица одновременно повествует о событиях прошлого и дает им оценку из своего настоящего.

Схожую роль экспликатора личности повествователя, если повествование ведется от первого лица, играет замена **согласованного претерита на несогласованный презенс**:

Middagen var på ambassaden, hvor Alma var æresgæst, og lektoren havde glemt at meddele, at jeg ikke spiser kød (Hesselholdt) ‘Прием проходил в посольстве, где Альма была почетной гостьей, а лектор забыл сообщить, что я не ем мяса’.

Хотя описываемая ситуация относится к моменту прошлого, актуальность информации, вводимой придаточным дополнительным, сохраняется для повествователя на момент повествования, поэтому использование презенса вместо претерита здесь закономерно.

Præteritum vs. Plusquamperfektum в художественном повествовании

В датском художественном повествовании стандартным проявлением ретроспективного согласования времен служит использование плюсквамперфекта для обозначения более отдаленных во времени эпизодов относительно основной линии развития сюжета в прошлом. В этом случае повествование в плюсквамперфекте, создающее дистанцированную темпоральную перспективу, может охватывать значительные по объему фрагменты текста. Однако в художественном тексте в рамках одного абзаца возможен и обратный переход – от предикатов в форме плюсквамперфекта к формам претерита. Такое «рассогласование» служит языковым приемом *foregrounding* – перцептивного приближения события к автору (и тем самым к читателю), создавая темпоральный эффект укрупнения плана повествования.

Наглядный пример находим у Кристины Хессельхольдт. Одна из глав ее книги «*Camilla og resten af selskabet*» посвящена рассказу о пребывании главной героини в Сербии. Повествование ведется от первого лица в претерите. Поездка не задалась, и героиня вспоминает события, предшествовавшие путешествию. Сдвиг в предпрошлое отдаляет временную перспективу повествования, что закономерно маркируется использованием форм плюсквамперфекта. Однако

в середине абзаца, в рамках того же эпизода, повествование вдруг переключается на формы претерита, что создает «кинематографический» эффект приближения плана повествования. То место абзаца, где повествование на датском переходит с плюсквамперфекта на претерит отмечено нами значком | :

Jeg havde lovet Edvard at lufte hans hund den eftermiddag, jeg skulle af sted. Han havde sagt, at jeg sagtens kunne lade den gå uden snor, men jeg havde nær aldrig fået fanget den igen. Jeg havde jagtet den gennem hele Fælledparken og var endt på pladsen foran posthuset. | Det styrtede ned, hunden og jeg var de eneste levende væsener udenfor den søndag eftermiddag, og hunden var gået i ly under posthusets tag, selv sad jeg på statuen midt på pladsen og stirrede afmægtigt på den, drivvåd og rasende...Hunden så lille og fortabt ud ved siden af søgerne, men det skulle man ikke tage fejl af – så snart jeg nærmede mig, sprang den med et skævt smil ned ad trinene...Når jeg igen indtog min position i regnen, gik den i ly og så fremdeles (Hesselholdt). ‘Я пообещала Эдварду выгулять его собаку в тот самый день, когда я должна была уезжать. Он уверял, что ее без проблем можно спустить с поводка, но я чуть было ее не упустила. Я гонялась за ней по всему парку и настигла на площади перед почтой. | Лил дождь. В тот воскресный день мы с собакой были единственными живыми существами на улице, собака укрылась под козырьком почты, а я, насквозь промокшая и злая, присела на скульптуру посреди площади и бессильно взирала на нее. Рядом с колоннами собака казалась маленькой и потерянной, но не стоило обманываться – как только я приближалась, она отскакивала, кривя морду в ухмылке. Когда я опять занимала позицию под дождем, она возвращалась под навес и выглядела совершенно довольной’.

Замена плюсквамперфекта на претерит придает эпизоду самостоятельную ценность, будто повествователь приближает к себе происходящее и как бы рассматривает его «крупным планом» – более пристально и подробно, нежели те события, которые выражены плюсквамперфектом.

Заключение

Примененный в исследовании антропоцентрированный подход позволяет утверждать, что употребление несогласованных форм в датских художественных и новостных текстах имеет единую когнитивную природу, основанную на изменении перспективизации изложения продуцентом текста. Различие же формальных типов нарушений определяется коммуникативной спецификой художественного и медийного дискурсов.

Новизна подхода заключается в использовании категорий перспективизации и дистанцирования в качестве базовых для понимания закономерного усложнения аналитических форм датского глагола, а также для объяснения разных типов нарушений согласовательной нормы в художественных и публицистических текстах.

Сопоставление таксисных фрагментов текста на датском языке с их переводными русскими эквивалентами позволяет продемонстрировать, сколь важной оказывается категория темпорального дистанцирования для датского языка в плане нюансированного выражения темпорального отдаления от продуцента речи. В русских переводах такое дистанцирование регулярно заменяется на общую темпоральную перспективу продуцента, референта и адресата речи.

Стандартная согласовательная норма датского языка основывается на последовательном дистанцировании темпоральных пространств продуцента и референта текста. Такое дистанцирование по умолчанию обслуживает объективное изложение событий. Нарушение указанной согласовательной нормы всегда свидетельствует об усилении субъективного фактора. Это выражается в темпоральном приближении плана повествования к позиции продуцента текста.

В новостных текстах это проявляется в сближении грамматическими средствами темпорального пространства референта и продуцента текста – как в плане идентичного восприятия актуальности событий, так и в плане идентичного прогнозирования событий. Тогда как сохранение «нормативного» согласования в новостных сообщениях, когда объективно денотативное

событие является будущим и для автора, и для адресата, становится прагматическим сигналом эпистемического дистанцирования – маркером несовпадения взглядов продуцента речи и референциального субъекта на будущее развитие событий.

В художественных текстах нарушение нормативного согласования создает прагматический эффект двухфокусности изложения, когда претеритальный план повествования сопровождается презентными оценками повествователя или когда повествование об отдаленных событиях прошлого, предшествующих основной сюжетной линии, переключается с плюсквамперфекта на претерит, создавая эффект темпорального приближения и тем самым «укрупнения» план повествования.

Сделанные наблюдения имеют практическую значимость для обучения студентов-переводчиков специфике нарушений согласовательной нормы при переводе на датский язык художественных и публицистических текстов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. С. 9–16.
2. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
3. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1993. Т. 52, № 3. С. 45–55.
4. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- 5 . Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. Вып. 15: Механизмы языковой когниции / отв. ред. вып. В.З. Демьянков. М.: Тамбов: ИЯ РАН; ИД ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 43–58.
6. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
7. Galbraith M. Deictic shift theory and the poetics of involvement in narrative // Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective / ed. by J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt. Hillsdale: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 19–59.
8. Wärvik B. What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding // Approaches to Cognition through Text and Discourse / ed. by T. Virtanen. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2004. P. 99–122.
9. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung / hrsg. von S. Sonderegger. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. 334 S.
10. Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: The MIT Press; London: A Bradford Book, 2003. 569 p.
11. Chatman S. Character and Narrators: Filter, Center, slant and interest-focus. // Poetics Today. 1986. Vol. 7, Iss. 2. P. 189–204.
12. Золотова Г.А. Онищенко Н.К. Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: ИРИЯ РАН, МГУ, 2004. 544 с.
13. Ржевская А.А. Конструирование субъекта в драматургическом дискурсе: перспектива автора и персонажа // Когнитивные исследования языка. Вып. 5 (56): Язык и знание: на пути получения знания о языке, человеке, мире / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2023. С.284–289.
14. Adamson S. From the empathetic deixis to empathetic narrative: stylization and (de)subjectivisation as processes of language change // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic perspectives / ed. by D. Stein, S. Wright. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 195–224.
15. Hansen E., Helttoft L. Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3: Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. Odense: Syddansk Universitetsforlag, 2011. 1842 s.
16. Никуличева Д.Б., Крылова Э.Б., Гурова Е.А. Антропоцентрическая грамматика датского языка / под общ. ред. Д.Б. Никуличевой. Москва: МАКС Пресс, 2024. 416 с.

17. Оломская Н.Н. К вопросу о жанровой классификации медиадискурса // Научный диалог. 2013. № 5 (17). С. 250–259.
18. Норман Б.Ю. Есть ли у медиатекстов своя грамматика? // Медиалингвистика. Вып. 8: Язык в координатах массмедиа: мат. V междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2021. С. 59–62.
19. Шмелёва Т.В. Грамматика языка медиа: фактор жанра // Медиалингвистика. Вып. 9: Язык в координатах массмедиа: мат. VI междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2022. С. 80–83.
20. Конюшкевич М.И. Влияние медиаречи на грамматику языка: методология и методики исследования // Медиалингвистика. Вып. 12: Язык в координатах массмедиа: мат. IX междунар. научн. конф. СПб.: Медиапапир, 2025. С. 38–42.
21. Якобсон Р. Шифтеры, глагольные категории и русский язык. // Принципы типологического анализа языков различного строя / под. ред. Б.А. Успенского. М.: Наука 1972. С. 95–114.
22. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности. // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 276–282.
23. Локштанова Л.М. Система форм индикатива в датском языке // Скандинавские языки. Актуальные проблемы грамматической теории. М.: Институт языкоznания АН СССР, 1984. С. 59–99.
24. Берков В.П. Согласование времен в норвежском языке // Скандинавская филология (Scandinavica). Вып. 3. Л.: ЛГУ, 1978. С. 42–57.
25. Серозеева Д.Н. Когнитивно-дискурсивные стратегии рассогласования и эвфемизации в реализации комического в жанре романтического кино // Когнитивные исследования языка Вып. 5 (61): Когнитивные описания языка: концепции, методы, процедуры. / гл. ред. вып. О.К. Ирисханова. Тамбов: Издательский дом «Тамбов», 2024. С. 499–505.

REFERENCES

- [1] Stepanov Yu.S., Emil Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy [Émile Benveniste and Linguistics in Transformation], Benveniste É., Obshchaya lingvistika [General linguistics], Progress, Moscow, 1974.
- [2] Bühler K., Teoriya yazyka. Repräsentativnaya funktsiya yazyka [Theory of language. The representative function of language], Progress, Moscow, 1993.
- [3] Kravchenko A.V., K probleme nablyudatelya kak sistemoobrazuyushchego faktora v yazyke [On the problem of the observer as a system-forming factor in language], Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka, 52 (3) (1993) 45–55.
- [4] Iriskhanova O.K., Igry fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2014.
- [5] Iriskhanova O.K., O ponyatii perspektivizatsii v kognitivnoy lingvistike [On the concept of perspectivization in cognitive linguistics], Cognitive Studies of Language, Iss. 15: Mekhanizmy yazykovoy kognitsii [Mechanisms of linguistic cognition], vol.'s resp. ed. V.Z. Demyankov, Institute of Linguistics RAS, Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, Moscow, Tambov, 2013, pp. 43–58.
- [6] Langacker R.W., Foundations of Cognitive Grammar, Vol. 1: Theoretical Prerequisites, Stanford University Press, Stanford, 1987.
- [7] Galbraith M., Deictic shift theory and the poetics of involvement in narrative, Deixis in Narrative: A Cognitive Science Perspective, ed. by J.F. Duchan, G.A. Bruder, L.E. Hewitt, Lawrence Erlbaum, Hillsdale, 1995, pp. 19–59.
- [8] Wärvik B., What is foregrounded in narratives? Hypotheses for the cognitive basis of foregrounding, Approaches to Cognition through Text and Discourse, ed. by T. Virtanen, Mouton de Gruyter, Berlin, New York, 2004, pp. 99–122.
- [9] Leiss E., Die Verbalkategorien des Deutschen: ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung, hrsg. von S. Sonderegger, Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1992.
- [10] Talmy L., Toward a Cognitive Semantics, Vol. 1: Concept Structuring Systems, The MIT Press, Cambridge, MA, A Bradford Book, London, 2003.
- [11] Chatman S., Character and Narrators: Filter, Center, slant and interest-focus, Poetics Today, 7 (2) (1986) 189–204.

- [12] **Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu.**, Kommunikativnaya grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of the Russian language], Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2004.
- [13] **Rzhevskaya A.A.**, Konstruirovaniye subyekta v dramaturgicheskem diskurse: perspektiva avtora i personazha [Construction of the Subject in Dramatic Discourse: The Perspective of the Author and the Character], Cognitive Studies of Language, Iss. 5 (56): Language and cognition: On the way to comprehending language, human being, and the world, vol.'s ed.inchief O.K. Iriskhanova, Derzhavinsky Publishing House, Tambov, 2023, pp. 284–289.
- [14] **Adamson S.**, From the empathetic deixis to empathetic narrative: stylization and (de)subjectivisation as processes of language change, Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic perspectives, ed. by D. Stein, S. Wright, Cambridge University Press, Cambridge, 1995, pp. 195–224.
- [15] **Hansen E., Heltoft L.**, Grammatik over det danske sprog. Bd. 1–3: Det Danske Sprog- og Literaturselskab, Syddansk Universitetsforlag, Odense, 2011.
- [16] **Nikulicheva D.B., Krylova E.B., Gurova Ye.A.**, Antropotsentricheskaya grammatika datskogo jazyka [Anthropocentric grammar of the Danish language], ed. by D.B. Nikulicheva, MAKS Press, Moscow, 2024.
- [17] **Olomskaya N.N.**, On Genre Classification of Media Discourse, Scientific Dialogue, 5 (17) (2013) 250–259.
- [18] **Norman B.Yu.**, Do Media Texts Have Their Own Grammar?, Medialingvistika [Medialinguistics], Iss. 8: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 5th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2021, pp. 59–62.
- [19] **Shmeleva T.V.**, Grammar of the Media Language: The Genre Factor, Medialingvistika [Medalinguistics], Iss. 9: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 6th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2022, pp. 80–83.
- [20] **Konyushkevich M.I.**, The Influence of Media Speech on the Grammar of Language: Methodology and Research Techniques, Medialingvistika [Medalinguistics], Iss. 12: Yazyk v koordinatakh massmedia [Language in mass media coordinates]: Proc. of the 9th International Scientific Conf., Mediapapir, Saint Petersburg, 2025, pp. 38–42.
- [21] **Jacobson R.**, Shiftery, glagolnyye kategorii i russkiy jazyk. [Shifters, verb categories and the Russian language], Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya [Principles of typological analysis of languages of different systems], ed. by B.A. Uspenskiy, Nauka, Moscow, 1972, pp. 95–114.
- [22] **Bondarko A.V.**, K voprosu o pertseptivnosti [On the issue of perceptivity] // Sokrovennyye smysly. Slovo. Tekst. Kultura [Hidden meanings. Word. Text. Culture], resp. ed. Yu.D. Apresyan, Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2004, pp. 276–282.
- [23] **Lokshtanova L.M.**, Sistema form indikativa v datskom jazyke [The system of indicative forms in Danish], Skandinavskiye jazyki. Aktualnyye problemy grammaticeskoy teorii [Scandinavian languages. Current problems of grammatical theory], Institute of Linguistics of the Academy of Sciences of the Soviet Union, Moscow, 1984, pp. 59–99.
- [24] **Berkov V.P.**, Soglasovaniye vremen v norvezhskom jazyke [Agreement of tenses in Norwegian], Scandinavica, Iss. 3, Leningrad State University, Leningrad, 1978, pp. 42–57.
- [25] **Serozeyeva D.N.**, Kognitivno-diskursivnyye strategii rassoglasovaniya i evfemizatsii v realizatsii komicheskogo v zhanre romanticheskogo kino [Cognitive-discursive strategies of misalignment and euphemization in the implementation of the comic in the genre of romantic films], Cognitive Studies of Language, Iss. 5 (61): Cognitive insights into language: Theories, methods, procedures., vol.'s ed. in-chief O.K. Iriskhanova, Publishing House Tambov, Tambov, 2024, pp. 499–505.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Никуличева Дина Борисовна

Dina B. Nikulicheva

E-mail: nikoulitcheva@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9281-0726>

Поступила: 22.07.2025; Одобрена: 10.09.2025; Принята: 17.09.2025.

Submitted: 22.07.2025; Approved: 10.09.2025; Accepted: 17.09.2025.

Научная статья

УДК 811.161.1'37:392.7

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16307>

EDN: <https://elibrary/ISYGDI>

ПРАГМАТИКА ОЦЕНКИ В СВЕТЕ КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНОГО АНАЛИЗА: МОДЕЛЬ «ТОТ ЕЩЕ / ЕЩЕ ТОТ Х» В РУССКОЙ РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

Т.Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Российская Федерация

 timur@radbil.ru

Аннотация. В статье рассматриваются семантические и pragmaticальные особенности дискурсной реализации русских разговорных коллокаций, которая отражает разнообразные коннотативно-оценочные эффекты. В центре исследования находится экспрессивная модель «тот еще / еще тот X». Использована методика корпусно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются примеры употреблений, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка. Объем исследования составил массив контекстов в 200 единиц, полученный методом сплошной выборки и размеченный в соответствии с наличием имплицитной положительной/отрицательной оценочности или ее отсутствием. Помимо отраженной в научной литературе и лексикографических источниках возможности негативно-оценочных употреблений анализируемой модели, сопровождающихся выражением неодобрения или пренебрежения, и ее позитивно-оценочных употреблений, сопровождающихся выражением одобрения или восхищения, проведенный корпусно-дискурсивный анализ выявил еще одну группу употреблений, нейтральную по знаку оценочности, но при этом, без сомнения, имеющую эмоционально-экспрессивную маркированность: ‘в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию’. Таким образом, показано, что модель «тот еще / еще тот X» выступает как шифтер, или как pragmaticальный оператор интенсификации, указывающий на нарушение нормы говорящего, то есть обозначающий что-то из ряда вон выходящее (в хорошем, в плохом или в нейтральном смысле). Особое внимание уделяется случаям эвфемистического употребления данной модели, эксплуатирующим фигуру умолчания. Представленный в завершающей стадии исследования количественный анализ позволил выявить значительное преобладание негативно-оценочных употреблений анализируемой модели в речевой практике современных носителей русского языка. Делается вывод о том, что в большинстве случаев выражение «тот еще / еще тот» можно рассматривать как презентативный контекст для выражения такой специфической неоднозначной разновидности ценностей в русском мире, как псевдоценность (ложная, мнимая ценность).

Ключевые слова: модель «тот еще / еще тот X», имплицитная оценочность, pragmaticальный интенсификатор, корпусно-дискурсивный анализ, квантификаторный анализ, русская разговорная речь.

Для цитирования: Радбиль Т.Б. Прагматика оценки в свете корпусно-дискурсивного анализа: модель «тот еще / еще тот X» в русской разговорной речи // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 102–115. DOI: 10.18721/JHSS.16307

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16307>

PRAGMATICS OF EVALUATION IN THE ASPECT OF THE CORPUS-DISCOURSE ANALYSIS: THE MODEL “TOT YESHCHE / YESHCHE TOT X” IN RUSSIAN COLLOQUIAL SPEECH

T.B. Radbil

N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russian Federation

timur@radbil.ru

Abstract. The article examines the semantic and pragmatic features of the discursive implementation of Russian colloquial collocations, which reflects various evaluative effects. The focus of the study is the expressive model “tot yeshche / yeshche tot X”. The corpus-discourse analysis is used. The study is based on examples of usage extracted from the main corpus in the Russian National Corpus. The study reveals a set of contexts in 200 units, obtained by the method of continuous sampling and marked in accordance with the presence of implicit positive/negative evaluation or its absence. In addition to the possibility of negative-evaluative uses of the analyzed model, accompanied by expressions of disapproval, and its positive-evaluative uses, accompanied by expressions of approval or admiration, reflected in scientific literature and lexicographic sources, the presented corpus-discourse analysis revealed another group of uses, neutral in terms of evaluation, but at the same time, having emotional-expressive marking: ‘significantly distinguished by characteristics, properties, features inherent in the defined concept’. Thus, it is shown that the model “tot yeshche / yeshche tot X” acts as a shifter, or as a pragmatic operator of intensification, indicating a violation of the speaker’s norm, that is, denoting something out of the ordinary (in a good, bad or neutral sense). Particular attention is paid to cases of euphemistic use of this model, exploiting the figure of silence. The quantitative analysis presented in the final stage of the study allowed us to identify a significant predominance of negative-evaluative uses of the analyzed model in the speech practice of modern native speakers of Russian. It is concluded that in most cases the expression “tot yeshche / yeshche tot” might be considered as a representative context for expressing a specific ambiguous type of value in the Russian culture as pseudo-value (false, imaginary value).

Keywords: model “tot yeshche / yeshche tot X”, implicit evaluation, pragmatic intensifier, corpus-discursive analysis, quantitative analysis, Russian colloquial speech.

Citation: Radbil T.B., Pragmatics of evaluation in the aspect of the corpus-discourse analysis: the model “tot yeshche / yeshche tot X” in russian colloquial speech, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 102–115.
DOI: [10.18721/JHSS.16307](https://doi.org/10.18721/JHSS.16307)

Введение

В статье обсуждаются очередные результаты продолжающегося исследования неявных способов выражения «языка оценки» в разных дискурсивных практиках современных носителей русского языка [1]. Наше внимание акцентируется на семантических и прагматических особенностях дискурсной реализации русских разговорных коллокаций, которая находится в сфере действия активных процессов в современном русском языке [2, 3]. Непосредственным предметом исследования является экспрессивная модель *тот еще / еще тот X*, с которой связаны разнообразные коннотативно-оценочные эффекты, не всегда находящие отражения в научном описании или в лексикографическом представлении.

Разговорное выражение *тот еще / еще тот* не слишком избаловано вниманием исследователей в современной русистике, хотя оно представляет немалый интерес для понимания того, как «работает» прагматика оценки в реальном функционировании языка, исследовательской

моделью которого выступают корпусные данные. В современных словарях мы встречаем довольно разрозненные и порой противоречащие друг другу интерпретации его семантики. Так, в академических толковых словарях русского языка эта коллокация вообще не представлена. Правда, в БАС в словарном описании местоимения *тот* (без добавления *еще*) имеется толкование, которое можно считать основой и для совокупной семантики сочетания *тот еще*, с характерной пометой *просторечие*: ‘Простореч. Выдающийся по каким-либо качествам. – По седьмому году кралю себе завел... Чистенькая да кроткая, ровно яблонька... Словом, та красавица! Леон. Взятие Великошумска, 11’¹.

Только в словаре «Новые слова и значения» (1984) под ред. Н.З. Котеловой обнаруживается трактовка целого сочетания *тот еще* как разговорного: ‘О таком, который выделяется своими (чаще отрицательными) свойствами (в разгов. речи)’², которая очевидным образом отличается неполнотой; кроме того, отсутствует указание на инвертированный вариант *еще тот*. В более современном БТСРЯ (2000) под ред. С.А. Кузнецова в словарной статье, посвященной слову *еще*, встречаем, напротив, толкование сочетания *еще тот* (без указания на вариантность с *тот еще*): ‘разг.-снижс. О том, кто выделяется своими (обычно отрицательными) качествами. Он ещё тот мошенник!’³. Также выражение *еще тот* (без варианта *тот еще*) как просторечное представлено во Фразеологическом словаре русского языка А.И. Федорова (2008): ‘Прост. Ирон. Очень плохой, никуда не годный’⁴. Обратим внимание на то, что акцент делается на главным образом негативно-оценочный характер анализируемой коллокации. Более полно семантика *еще тот* охарактеризована в Викисловаре: 1. *пренебр., неодобр.* выражение сомнения в чём-либо, неодобрение чего-либо; 2. *одобр.* выражение уверенности в чём-либо, в чьих-либо способностях, о проявлении чего-либо в значительной степени’⁵. Здесь в целях нашего исследования важно указание на то, что возможна не только отрицательно-оценочная, но и положительно-оценочная реализация значения выражения, что подтверждают и приводимые в иллюстративном материале к значениям примеры из Национального корпуса русского языка⁶.

В немногочисленных научных работах, посвященных интересующей нас модели *тот еще / еще тот X*, в целом отражен примерно тот же спектр возможных типов употреблений. Так, С.В. Друговейко-Должанская, рассматривая оба варианта: *тот еще* и *еще тот* – как равноправные, выделяет следующие значения: ‘1. *в функции определения*. Такой, который абсолютно не соответствует ожиданиям, предположениям; не тот, каким должен быть // Исключительно плохой. 2. В высокой степени обладающий качествами, свойственными определяемому понятию // *в функции усиливательной частицы*. При сочетании с сущ., выражающими негативную оценку’⁷. В свою очередь, И.Б. Левонтина отмечает для современного употребления этого выражения наличие общей негативной оценочности («плохой») и трактует его как «сочетание, которое может относиться к чему угодно, выражающее неопределенно-отрицательную оценку и какое-то непонятное ехидство»⁸.

Также в упомянутых работах был высказан ряд ценных соображений о происхождении этого выражения в устной речи. Так, С.В. Друговейко-Должанская полагает, что оно возникает

¹ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. (БАС). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 15. 1963. С. 364.

² Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов / Е.А. Левашов, Т.Н. Поповцева, В.П. Фелицина и др.; под ред. Н.З. Котеловой. М.: Русский язык, 1984. С. 725.

³ Большой толковый словарь русского языка (БТСРЯ) / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. С. 298.

⁴ Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: около 13000 фразеологических единиц. 3-е изд., испр. М.: ACT; Астрель, 2008. С. 386.

⁵ Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/ещё_тот (дата обращения: 17.04.2025).

⁶ Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 17.04.2025).

⁷ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025).

⁸ Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

в результате закономерного для разговорной стихии языка упрощения, редукции исходных, синтаксически усложненных конструкций, присущих письменной речи предыдущего периода развития языка (примерно вторая половина XIX в. – начало XX в.): ‘*кто..., том еще не* + существительное со значением оценки (чаще положительной)... / *не том еще* + существительное со значением оценки (чаще положительной), *кто...*’⁹ И.Б. Левонтина подчеркивает, что данный оборот является советизмом, который по происхождению выступает как эвфемистическая замена выражений *дореволюционный, из прошлой жизни*; изначально выражение не имело семантики ‘плохой’, но со временем произошло его семантическое расширение и изменение знака оценочности с положительной или нейтральной до отрицательной¹⁰. Считается, что в просторечии этот оборот существует где-то с 1940-х гг., а примерно в 1960-е гг. он получает распространение в художественной литературе и публицистике (именно к этому периоду относятся самые ранние примеры из Национального корпуса русского языка).

Как видим, представленные в словарях и научной литературе сведения нуждаются в определенном упорядочивании. Предлагаемая в настоящей работе процедура корпусно-дискурсивного анализа позволяет уточнить как сам исходный перечень возможных значений, так и условия их речевой реализации. Таким образом, мы можем наметить **цель исследования** – на материале корпусных вхождений описать семантические и pragmaticальные особенности дискурсной реализации разговорной экспрессивной модели *том еще / еще том X* и верифицировать полученные данные посредством квантиативного анализа.

Методология, методы и материал исследования

Методологической базой исследования выступает когнитивно-дискурсивный подход к исследованию корпусных данных, основанный на работах В.Е. Чернявской и ее коллег [4, 5] и во многом коррелирующий с зарубежными разработками в области «аффективной» pragmatики [6] и экспериментальной pragmatики [7]. Использована развиваемая нами методика корпусно-дискурсивного анализа [8]. Речь идет об анализе, ориентированном на корпус: из корпуса по заданным параметрам извлекаются контексты, которые затем повергаются качественной интерпретации и количественной оценке. При этом постулируется, что массив корпусных употреблений является моделью реальной речи, отражением реальных речевых практик носителей русского языка. Методика опирается на концепцию «наведенной оценочности», основанную на выявленном классиками корпусной лингвистики феномене «семантической ауры (просодии)» [9, 10]. Имеется в виду не вполне осознаваемый носителями языка, но регулярно воспроизводимый ими в речи смысл, как правило, оценочной природы, который фиксируется на большом массиве корпусных вхождений анализируемого выражения по его ближайшему или дальнейшему контекстному окружению (по коллекциям) [11].

Наведенная оценочность, в нашем понимании, характеризуется как разновидность неявной, скрытой оценочности, которая не отражается в словарных толкованиях лексем на системно-языковом уровне, но имплицируется непосредственным контекстным окружением диагностируемой единицы, под влиянием определяемого или определяющего слова, однородных слов, интенсификаторов или конкретизаторов и пр. В работах Е.В. Чернявской эффекты подобного приращения коннотативно-оценочных смыслов для того или иного слова или выражения имеет «деонтическим значением» [4]. Также предлагаемый подход вполне коррелирует с разрабатываемой в работах С.Т. Нефедова категорией «латентной оценочности», или «имплицитной оценки»: «Нередко текстовое высказывание не содержит в своей речевой структуре эксплицитно-оценочных лексем или выражений и на поверхности кажется нейтральным,

⁹ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025).

¹⁰ Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

но в действительности оно, как правило, нацелено на то, чтобы вызвать у адресата оценочную реакцию на сообщаемое» [12, с. 1701]. В этом контексте автором постулируется полезное и в целях настоящего исследования научное понятие «катализаторы оценки», к которым, например, относятся операторы отрицания, модально-эпистемические компоненты, коннекторы и другие эгоцентрические единицы языка. Идея имплицитной оценочности развивается также в работах П.И. Кондратенко [13], Е.С. Клочковой [14] и др. Следует отметить, что такая оценочность является при этом объективной, потому что регулярно воспроизводится в повторяющихся типовых контекстах употребления интересующего нас слова, что можно верифицировать по презентативным выборкам из корпуса.

Непосредственная процедура исследования на начальном этапе предполагает изучение лексикографического материала, которое впоследствии уточняется и объективируется в ходе корпусного исследования; на завершающем этапе происходит верификация полученных результатов посредством количественного анализа и последующей контенсивной интерпретации статистических данных.

Материалом исследования являются контексты употребления выражения *тот еще / еще тот*, извлеченные из основного корпуса в составе Национального корпуса русского языка, а также лексикографические данные русских толковых, неологических и фразеологических словарей. Объем материала составил по 100 полученных методом сплошной выборки контекстов употребления, соответственно, для выражений *тот еще* и *еще тот* отдельно (итого 200 единиц корпусного материала), которые размечаются «вручную», по аналогии с существующей методикой анализа эмоциональной тональности текста (так называемого «сантимент-анализа») [15], как позитивно-оценочные, негативно-оценочные и не имеющие оценочности (нейтральные, внеоценочные). Далее осуществляется количественный анализ контекстов по наличию имплицитной негативной/позитивной оценочности или по отсутствию таковой. Анализ проводится по первым ста вхождениям в основной корпус Национального корпуса русского языка отдельно по вариантам *тот еще* и *еще тот*.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ корпусного материала позволил уточнить и систематизировать лексико-значевые, синтаксические свойства и pragматические функции выражения *тот еще / еще тот* следующим образом:

(1) негативно-оценочные употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией – выражением неодобрения или пренебрежения). Представлены в трех разновидностях:

(1.1) *в роли определения*. Нормативно-оценочное значение ‘не соответствующий норме, не такой, какой ожидается говорящим или какой должен быть; сомнительный, неправильный’:

Значит, ждать полтора месяца, пока Колька вернется из своего путешествия, а потом отлавливать его возле гаражса. Та еще перспективка! [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)];

Вид у меня, и не смотрясь в зеркало, был тот еще – босой, в одном нательном белье, наверняка расстрепанный, с пистолетом в руке... [А.А. Бушков. Дверь в чужую осень (сборник) (2015)];

Имени он, заглянув в ее карточку, так и не разобрал, почерк у врачей еще тот; год рождения – это можно было прочитать – Мишин [Максим Жуков. Третья степень // «Сибирские огни», 2012];

Печка – сливочного оттенка. Цветопередача еще та к сожалению [Форум: Апгрейд дачной кухни (2011–2013)];

(1.2) *в роли определения*. Общеоценочное значение интенсифицирующего характера ‘исключительно плохой’:

*Мы сидели друг против друга – я видел, С. тяготится обстановкой: интерьер пэээтэшного кафе и отдаленно не напоминал то, к чему худо-бедно привыкла она в «city», а уж о приглашенных – **та еще компания** – и говорить нечего [Н.Ф. Рубанова. [Её университеты] Из цикла Love-story // «Волга», 2010];*

*Ты, конечно, **домохозяйка та еще**, но это как раз тот случай, когда не в домашнем уюте дело [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)];*

*За соседним с ними столиком мрачно и значительно похлебывал кофе, каждым глотком вспоминая цену в меню, **еще том экземпляр**, из придиличных... [Улья Нова. Инка (2004)];*

*Мой так вообще, клиент **еще том**, простые вещи не может ни решать ни комментировать... [Наши дети: Дошкольята и младшие школьники (форум) (2005)];*

(1.3) в роли усилительной частицы – выполняет чисто интенсифицирующую функцию при опорных словах с эксплицитно негативной семантикой:

*У них там зам по производству, с кондитерской фамилией, – **том еще хмырь...** [М.Е. Окунь. Колечки (2014) // «Волга», 2015];*

*Да и Сережка **том еще козел**: как она его из армии верно ждала, а он вернулся с женой [Владимир Ханан. Таня и ангел. История одного самоубийства // «Волга», 2013];*

*Сам Филипп Добрый был **еще та сволочь**, а прозвище свое получил потому, что «хорошо держал в руках шпагу», а не почему либо другому [Аркадий Ипполитов. Рассказ о парне с прической «видал сэссун» // «Русская жизнь», 2012];*

*– Да нет, – отвечает Шурик Опанасенко, – это Виталик Хуторской, вожатый третьего отряда, **гнида еще та**, ну ты с ним еще встретишься [Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)];*

(2) в роли определения. Положительно-оценочные употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией – выражением одобрения или восхищения) ‘в значительной степени проявляющий свои способности или положительные качества; замечательный’:

*Мне в школе нравится: двухмесячный летний отпуск, работа творческая, интересная, детки в рот заглядывают – тоже **то еще чувство!** [Форум: Мужчина в школе (Взгляд на Мужчину в школе снаружи и изнутри) (2011)];*

*Я его знал. **Том еще** был **музык**. Сильный, громкий. Она за ним как за сейфовской дверью горя не знала. В нефтяном бизнесе крутился. Хороший мой приятель, кстати [Семен Данилюк. Бизнес-класс (2003)];*

*Серега Жуков сказал, что я неплохой мелодист. А Серега Жуков – **мелодист еще том**. Потому что у него за всю карьеру хитов не 5 и не 10, а за 20, может быть [Андрей Никитин, Федук. «Я чувачок, у которого получается»: Федук – о себе, Урганте, «Версусе» и околофутболе (2018.04) // Афиша Daily, 2018];*

*Этот, как ты изволил выразиться, пенсионер – следователь по особо важным делам. Зовут его Василий Семенович Трегубец, он **зубр еще том**: около сорока лет работы в органах. Оыта таким, как ты, на четверых хватит [Петр Галицкий. Цена Шагала (2000)];*

(3) в роли определения. Внеоценочные, нейтральные по знаку оценочности употребления (сопровождающиеся эмоционально-экспрессивной коннотацией интенсифицирующего характера) ‘в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию’:

*А то и вовсе все сделано из алюминиевых сплавов, сварка которых **та еще задачка** [Гиперболоид для жестянщика (2004) // «За рулем», 15.02.2004] (= очень трудная задачка);*

*На самом деле такое поведение Рубика осуждать ни в коем разе нельзя. Четвертная контрольная – **то еще испытание** [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)] (= очень сильное испытание);*

Потому как его образование – это тоже еще тот камень преткновения. Весь год благонамеренные родители разрываются между работой, домом и воспитанием ребенка [Пять звездочек невооруженным глазом (2002) // «Домовой», 04.03.2002] (= очень существенный камень преткновения);

Сначала у Ирины ничего не получалось. Характер у лис оказался тот еще. В отличие от собак, стайных одиночек-кошек [Диана Злобина. Зачем ученые лис приручили // «Русский репортер», 2014] (= очень сложный характер).

В соответствии с развивающейся нами концепцией исследования важно отметить, что практически во всех приведенных выше случаях оценочность является **наведенной**, равно как и «чистая», внеоценочная интенсификация, то есть она имплицируется ближайшим или дальнейшим контекстным окружением. Проще говоря, *та еще / еще та погода, тот еще / еще тот характер, то еще / еще то испытание* и под. – это что-то хорошее, что-то плохое или ни хорошее, ни плохое, а просто обращающее на себя внимание своей исключительностью, с позиции говорящего, – выясняется только в зоне инференции как выводного знания, в пределах всего фрагмента, например:

Погодка была та ещё. Небо затянуто серым. Снег, спрессованный в подобие градин, но мягких, сыплет изобильно, стараясь повывать глаза очумелым путникам. Ветер порывами крадёт остатки человеческого тепла... [Олег Селедцов. Преступление и наказание. Век XXI // «Ковчег», 2012] → погода негативно оцениваемая, «плохая»;

– *Ц-и-ц-и, – восхитился Рахматулло. Смотри-ка ты, какой все-таки крупный чай хозяин пьет! // – Да уж: китайский, английского развесу, – пояснил Хуришед. – Тот еще чаек. Мы с тобой такого не купим [Андрей Волос. Сирийские розы // «Новый Мир», 1999] → чаек позитивно оцениваемый, «хороший»;*

Да и две партии в день – тоже еще та нагрузка [Александр Злочевский. От перемены слагаемых... (2004) // «64 – Шахматное обозрение», 15.05.2004] → нагрузка не оценивается ни положительно, ни отрицательно, просто эмоционально характеризуется как сильная, тяжелая.

Это позволяет сделать некоторые наблюдения над семантическими свойствами и pragmatischen функциями самой анализируемой модели *тот еще / еще тот X*. Компонент *тот еще / еще тот* выступает как «шифтер», то есть pragmatischer Operator интенсификации, указывая на исключительность, чрезмерность чего-то, то есть как на своего рода индикатор нарушения pragmatischen нормы говорящего. Всем употреблениям оборота в дискурсе можно приписать общую, базовую, прототипическую концептуальную схему – указание на что-то **из ряда вон выходящее** (а в хорошем, в плохом или в нейтральном смысле – уже конкретизирует дальний контекст).

Так, в фрагменте: *В юности каждое лето проводил в тех краях, объезжая на дедовском ИЖ-56 (надо заметить, 56-го года выпуска) окрестные деревни, а уж в Черную Речку мы заглядывали каждый вечер: развалившийся сельский клуб, колорит еще тот... [Дискуссия // «Русский репортер», 2012], – еще тот* акцентирует внимание на некоем нарушении привычного порядка вещей, которое, как явствует из дальнейшего контекста, закономерно оценивается отрицательно.

С другой стороны, в фрагменте: *А еще – спровоцировал бы его, вступил бы с этим сумасшедшим в диалог и постарался бы запомнить в этом абсурде всё до мелочей, чтобы потом в лицах передать это Кате. Она ведь еще та хохотушка. Сней весело – вот что укрепляет наши отношения... [А.П. Вергелис. Секунда малодушия // «Волга», 2013], – еще та* выделяет свойство девушки, которая очень любит смеяться, как аномальное, проявляющееся чрезмерно, тогда как лишь дальний контекст имплицирует положительное отношение говорящего к обозначаемому лицу.

Косвенным образом об актуализации «шифтерной» функции оборота *тот еще / еще тот* свидетельствуют контексты, в которых одномоментно, в модусе «языковой игры», реализуются оба варианта, например: *Где-то за углом должен быть магазин, расположенный в 1975 году,*

исполненный вин моих, выстроившихся в свой наступивший черед, только меня и дожидаются, я последний остался. *Магазинчик том еще – еще том!* – на ночь с тех пор, кажется, не закрывался [Валерий Володин. Повесть временных лет // «Волга», 2011].

Таким образом, становится понятно, почему, присоединяясь к существительному с эксплицитно выраженной негативной оценочностью, анализируемый оборот усиливает эту оценочность. Кстати, это обуславливает и возможность перехода от определительной функции оборота к функции усилительной частицы с семантикой превышения предела допустимого:

Ксафон, конечно, том еще подлец, но срывать сделку, о которой сам же Серпухину и намекнул, было не в его интересах [Николай Дежнев. Принцип неопределенности (2009)]. – В этом случае говорящему можно приписать примерно такую интенцию: ‘в моем мире то, что он подлец, является нормой, но он превышает эту норму подлости’.

Установка на выражение превышения предела допустимого приводит к специфическим прагмасемантическим эффектам и в так называемых «позитивно-оценочных» контекстах. С одной стороны, мы можем наблюдать прагмасемантический эффект усиления эксплицитной позитивной оценочности определяемого существительного, например:

Игрушки, вышедшие из-под руки одного мастера. И мастер том еще. Мастер с большой буквы [Марина Дяченко, Сергей Дяченко. Магам можно все (2001)];

И будут правы – один Незнамов чего стоит, да и Фирсов – еще том принципиальнейший и честнейший следователь, и справедливый руководитель... [Даниил Корецкий. Менты не ангелы, но... (2011)].

Однако, как было показано в ряде наших работ, в национально обусловленной системе ценностей русского мира любая чрезмерность, излишне сильное проявление чего-либо как индикатор отклонения от нормы потенциально оценивается отрицательно даже в случае оценки самого явления как положительного (по расхожей модели ‘лучшее – враг хорошего’) [1; 8]. Это обусловило возможность порождения в разговорной речи современных носителей русского языка не отмеченных в научной литературе и лексикографических источниках, но весьма частотных в корпусном материале контекстов так называемого «иронического остроннения», при котором выражение *том еще / еще том*, употребляясь при существительном, эксплицитно выражая положительную оценочность, меняет знак имплицитной оценочности по модели иронии:

Тоже та еще разумница... едва шесть классов кончила, и пьянка была, и все... с парнями сколько моталась – это ж ужас, это ж ужас!.. никакого сладу с нею не было [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

Ехать из Ложкина в Москву с мигренью! Еще то удовольствие. Вы хорошо знали Настю Кусакину? – перевела я разговор на другую тему [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)].

В ряде примеров установка на ироническое переосмысление исходной позитивно-оценочной семантики определяемого слова выражается посредством так называемых «иронических кавычек»:

Слава Богу, постеснялись ее на русский язык перевести, а «шедевр» еще том... [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум) (2007)];

Злодей из «Спауна» вообще не запомнился. Там сам Спаун – том еще «герой» [Форум: Лучшие злодеи в кино Топ-25 (2013)].

Кстати, подобному «ироническому остроннению» могут подвергаться и внеоценочные субстантивные номинации: *В 1944-м он добьется «творческого отпуска» (та еще формулировка – выходит, в основное время писатели занимались нетворческими делами?) ради написания «Молодой гвардии», в 1946-м вернется на свой пост – уже как генеральный секретарь и председатель правления* [В.О. Авченко. Фадеев (2017)].

При этом в контексте погашаются потенциальные положительно-оценочные семы или коннотации определяемого слова и актуализуется его возможное негативно-оценочное понимание: *Напротив огромной каменной черепахи древнего государства чжурчжэней, символом которого была,*

встал в бронзе линейный казак. Это он высадился на Утесе с войском и назвал поселение в честь своего соплеменника. А с черепахой (*та еще путешественница!*) чуть не вышла история [Вячеслав Стефаненко. Город // «Дальний Восток», 2019].

Отметим, что актуализация функции интенсификатора, переводящего определяемое слово из положительно-оценочного или нейтрального режима восприятия в негативно-оценочный, может осуществляться за счет помещения в «иронические кавычки» уже не определяемого слова, а самого интенсификатора, например: *Сразу стоит сказать, что контингент, с которым выпало работать Антону Семеновичу, был «еще том».* Многие дети к моменту попадания в колонии вели устойчиво преступный образ жизни... [Александр Алексеев. Особенности национальной педагогики (2003) // «Спецназ России», 15.05.2003].

Все приведенные выше примеры могут свидетельствовать о том, что, видимо, в языковом сознании современных носителей языка все же так или иначе интуитивно ощущается какой-то негативно-оценочный шлейф, стоящий за моделью *тот еще / еще тот X*, какая-то неявная, скрытая установка на понижение ценностного регистра в восприятии обозначаемого лица, объекта, явления или ситуации в целом.

Еще одним подтверждением наличия имплицитной негативной оценочности модели *тот еще / еще тот X* являются контексты ее употребления в стилистической фигуре умолчания, где отрицательно-оценочная интерпретация только подразумевается, целиком опускаясь в pragmatischeкую область невербализованных смыслов:

Если да, то эта хрень работать вообще не будет, так что вы следите, чтобы не унесли, народ сейчас пошел тот еще... [Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013];

А ведь наша семейка еще та... Правда, отец вроде стал почти человеком, да и мама определенно переменилась, в кои-то веки для дочки постаралась, купила не то, что нужно, а то, что красиво [Мария Галина. Добро пожаловать в нашу прекрасную страну! (2013)].

В таких случаях, очевидно, мы можем говорить об использовании **коммуникативной стратегии эвфемизации**, когда посредством ввода в диалогический дискурс шифтера *тот еще / еще тот* говорящий намекает на некоторую отрицательную характеристику или некоторое отрицательное отношение, которые по умолчанию известны адресату и потому не обозначены прямо:

Ленке, говорили, не повезло. // – Мать-то та еще. // – Кто? – спрашивала Ленка. // – Та еще, – по голове гладили [Виктория Дергачёва. Монологи // «Сибирские огни», 2013];

Иногда Лена отзывалась о бабушке-теще с недоверием, брезгливо. Тогда Пальчиков говорил: «Бабушка у нас, конечно, еще та, но теперь ты не права. Если кого бабушка и любит, то только тебя, Лена. Тебя она действительно любит и всегда любила» [А.Н. Бузулукский. Пальчиков // «Волга», 2014].

Доказательством реального наличия установки говорящего на смягченное эвфемистическое обозначение негативных характеристик посредством употребления оборота *тот еще / еще тот* является экспликация самого речевого намерения эвфемизации в модусе метаязыкового включения, например: — *Разуй глаза, она та еще... (затрудняюсь в выборе эвфемизма), на что ей музык-развалина — верно, Шур?!* [Ирина Васюченко. Хромые на склоне // «Ковчег», 2014].

Проще говоря, мы можем утверждать, что если в дальнейшем контексте отсутствует какое-либо разъяснение, какая-либо конкретизация того, что имеет в виду говорящий, то по умолчанию оборот *тот еще / еще тот* всегда обозначает что-то вроде ‘плохой, неправильный, никуда не годный и под.’

Корпусно-дискурсивный анализ позволил выявить еще один аспект в развитии негативно-оценочного потенциала модели *тот еще / еще тот X* в современной русской речи. Речь идет о ее роли в языковом выражении такой специфической разновидности ценностей в национальной аксиосфере, как псевдоценность, то есть в каком-то отношении ложная, мнимая ценность: это ценность «не безусловная, не самоочевидная, она нуждается в каком-то обосновании и актуальна только при наличии некоторых дополнительных условий. Иными словами, это изначально

что-то плохое (или просто внеоценочное), которое лишь в определенных обстоятельствах может расцениваться как нечто хорошее» [1, с. 178]. Таким образом, псевдоценности может быть приписана следующая концептуальная схема: ‘Х по умолчанию, скорее всего, плохо, но в каком-то отношении, при определенных условиях, может быть хорошо’. Ранее нами было показано, что к таким псевдоценностям в русском мире относятся, например, такие номинации, как карьеризм, эгоизм, индивидуализм, успешность, рациональность и под.).

Диагностика псевдоценностей в речи осуществляется посредством обоснованного в наших работах аналитического инструментария «репрезентативных контекстов», то есть выявления узальных, типичных, стандартных коллокатов тестируемой единицы, сочетание с которыми однозначно выявляет наличие интересующего нас значения, которое в других контекстных условиях не проявляется или нейтрализуется [1, с. 173–174]. В числе таковых контекстов для выявления псевдоценностей в наших работах были обнаружены такие контексты, как метаязыковые выражения *в хорошем смысле слова, по-хорошему*, прилагательные *небезызвестный, пресловутый*, местоимение-прилагательное *некий* и некоторые другие.

Как показало настоящее исследование, оборот *тот еще / еще тот* также можно рассматривать как репрезентативный контекст для выражения псевдоценностей, о чем свидетельствуют многочисленные примеры сочетаемости этого оборота с существительными, которые эксплицитно не выражают отрицательной оценки:

И дед мой, отец моей мамы, точно так же переходил от белых к красным и обратно, а по пути еще заруливал к каким-нибудь бандитам. Тот еще был деятель, как я понимаю [Дина Рубина. Медная шкатулка (2011–2015)];

Лучше бы ты учила психологию (хотя она тоже наука та еще) или пошла бы со мной в культурный центр [Екатерина Завершнева. Высотка (2012)].

Здесь оборот *тот еще / еще тот* выступает как модальный оператор, переводящий восприятие определяемого слова из модуса реальности в модус мнимости, кажимости. Говорящий как бы выражает сомнение в подлинности явления, в соответствии его общепринятого статуса действительности или существующим стандартам → ‘Х ненастоящий, ложный, сомнительный, неправильный’:

Получился бы тот еще шедевр – неудачно сотворённые твари кособок щерятся Демиургу в лицо и, кривляясь, канючат: «Ты испо-о-о-ортил нас! [Азамат Козаев. Джокер (2007)];

– Бабушка! – воскликнула Аня. // – Что бабушка? Еще тот экстрасенс был. А теперь моя доченька, Анина мамочка, за вторым мужем который год по северам мотается. И хоть бы денег зарабатывали, куда там! Голь перекатная [Н.В. Нестерова. Укус змеи (2010)];

Хорошо, что абонент не видит – актриса она еще та, но на голосе, на интонации мускульные усилия сказываются как надо [Ольга Новикова. Каждый убивал // «Сибирские огни», 2012].

В целях нашего исследования важно, что во всех этих случаях посредством использования «шифтера» *тот еще / еще тот* реализуется установка говорящего на снижение ценостного регистра в восприятии опорного слова.

Микродиахронический корпусный анализ. Корпусные данные позволяют сделать и некоторые наблюдения в области того, что в последнее время именуют «микродиахронические корпусные исследования» [16], то есть датировать возникновение того или иного слова или выражения, а также оценить динамику изменения его значения во времени по близким хронологическим периодам, например, от XIX к XXI вв. Применительно к интересующей нас модели *тот еще / еще тот X* наши данные подтверждают мнение исследователей о том, что его самые ранние корпусные вхождения отмечаются примерно в 1960-е гг.¹¹

¹¹ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025); Левонтина И.Б. Милые улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

Также в сформированном нами подкорпусе за хронологический период 1800–1940 гг. указанный оборот не практически не встречается. Мы обнаружили только один пример от 1853–1855 гг., который условно можно трактовать как валидный: *Чего легче! Стоило, примерно, так счесть (и старик показал пальцами): первый, другой (тут он пропустил средний палец и, пригнув следующий, договорил), четвертый... хе-хе! Он засмеялся тихим серебряным смехом и продолжал: Немудрено, да и та еще выгода: счет спорей пойдет...* [Н.А. Некрасов. Тонкий человек, его приключения и наблюдения (1853–1855)].

Нетрудно видеть, что в этом примере нет отрицательной оценочности; в данном контексте реализовано значение: ‘в значительной степени выделяющийся по характеристикам, свойствам, признакам, присущим определяемому понятию’. Этот факт может косвенно свидетельствовать о том, что развитие негативной оценочности для данного оборота есть явление более позднего времени, о чём, кстати, упоминает и И.Б. Левонтина¹².

Кроме того, отметим, что в указанном фрагменте имитируется живая непринужденная разговорная речь, тогда как большинство корпусных данных за XIX в. по преимуществу ориентированы на отражение письменной речи (то есть проблема коренится в особенностях формирования корпуса этого хронологического периода, в практической невозможности собрать достаточно репрезентативный материал именно по разговорной речи XIX в.). Иначе говоря, можно допустить, что в устной речи интересующее нас выражение появилось гораздо раньше отмеченной исследователями даты – 1940-е гг.¹³

Количественный анализ корпусных данных. В соответствии с принятой концепцией исследования, на его завершающем этапе осуществляется количественный анализ контекстов по наличию имплицитной негативной/позитивной оценочности или по отсутствию таковой. Анализ проводится по первым ста вхождениям в основной корпус Национального корпуса русского языка отдельно по вариантам *тот еще* и *еще тот* (табл. 1).

**Таблица 1. Количественный анализ контекстов
с имплицитной оценочностью для вариантов *тот еще* и *еще тот***
**Table 1. Quantitative analysis of contexts
with implicit evaluativeness for the variants *tot yeshche* and *yeshche tot***

Тип оценочности	<i>тот еще</i> (частотность в %)	<i>еще тот</i> (частотность в %)
Контексты с негативной оценочностью	69	67
Нейтральные, внеоценочные контексты	22	17
Контексты с позитивной оценочностью	9	16

Результаты количественного анализа подтверждают сделанные ранее наблюдения о значительном преобладании контекстов употребления модели *тот еще / еще тот* с имплицитной негативной оценочностью: отмечается практически двукратное превышение количества негативно-оценочных контекстов над количеством нейтральных и позитивно-оценочных контекстов вместе взятых (69 % против 22% + 9% для *тот еще* и, соответственно, 67 % против 17% + 16 % для *еще тот*).

¹² Левонтина И.Б. Милье улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

¹³ Друговейко-Должанская С.В. То еще выраженьице... [Электронный ресурс] // Культура письменной речи: Портал GRAMMA.RU. URL: <http://gramma.ru/RUS/?id=14.84> (дата обращения: 17.04.2025); Левонтина И.Б. Милье улики [Электронный ресурс] // Ворчалки о языке: Портал СТЕНГАЗЕТА. 26.11.2008 // URL: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=5520> (дата обращения: 17.04.2025).

Заключение

Представленный в настоящем исследовании научный инструментарий корпусно-дискурсивного анализа имплицитной оценочности слов и выражений русского языка позволил обнаружить и интерпретировать ряд значимых семантических свойств и прагматических функций модели *тот еще / еще тот X* в современной разговорной речи. Предлагаемая в работе процедура исследования имеет значительный аналитический потенциал в объективации и верификации интуитивных наблюдений исследователя на репрезентативном массиве корпусных данных.

Микродискурсивный корпусный анализ и количественный анализ корпусных материалов с обязательной последующей содержательной интерпретацией полученных данных способствуют выявлению разнообразных смысловых и коннотативно-оценочных элементов анализируемой модели, которые не описаны в словарях и в научной литературе, но при этом реально имеют место в речевых практиках носителей современного русского языка, отражают их реальную языковую компетенцию.

Универсальность и простота нашей методики корпусно-дискурсивного анализа позволяют распространить ее на разные типы дискурса, разные источники, разные временные промежутки и пр. на предмет установления как вариативности имплицитной оценочности самих анализируемых единиц, так и особенностей коллекций, генерирующих тот или иной тип оценки. Также методика позволяет оценить динамику смысловых и функциональных изменений анализируемых единиц во времени, при их сопоставлении по близким хронологическим периодам, например от XIX к XXI вв.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Радбиль Т.Б. Языковое воплощение ценностей в медиадискурсе интернета по данным корпусного анализа репрезентативных контекстов (лексема по-хорошему) // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 6. С. 170–189. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189
2. Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацебурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А. Новые тенденции в русском языке начала XXI века / под ред. Л.В. Рацебурской. М.: Флинта; Наука, 2016. 304 с.
3. Радбиль Т.Б., Яси Л., Палоши И. Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 1. С. 101–121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121
4. Чернявская В.Е. Деонтическое значение ключевого слова в дискурсе: Westliche Werte (западные ценности) в немецком общественном пространстве как предмет анализа, направляемого корпусом // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106
5. Чернявская В.Е., Хохлова М.В. Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: URSS, 2024. 224 с.
6. Scarantino A. How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics // Psychological Inquiry. 2017. Vol. 28, Iss. 2–3. P. 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
7. Noveck I. Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 282 p. DOI: 10.1017/9781316027073
8. Радбиль Т.Б., Рацебурская Л.В., Щеникова Е.В., Жданова Е.А., Самыличева Н.А., Куликова Б.А. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты / под ред. Л.В. Рацебурской. М: Флинта, 2021. 328 с.
9. Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934–1951. London: Oxford University Press, 1957. 233 p.
10. Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991. 179 p.
11. Louw B., Milojkovic M. Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext. Amsterdam: John Benjamins, 2016. 420 p. DOI: 10.1075/lal.23
12. Нефедов С.Т. Катализаторы оценки: как распознать оценочные смыслы // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15, № 11. С. 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945

13. Кондратенко П.И. Катализаторы оценки в немецко- и русскоязычных научных рецензиях по лингвистике // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2024. № 21, № 4. С. 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406
14. Клочкова Е.С. Стратегии оценки в открытой научной рецензии: полярность оценки и вариативность ее репрезентации // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 2. С. 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
15. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Маликова А.В. Лингвистические принципы и методы компьютерной лингвистики для решения задач сентимент-анализа русскоязычных текстов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 1 (29). С. 139–148. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148
16. Олонцев А.А. Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2024. № 5. С. 235–242. DOI: 10.32326/19931778_2024_5_235

REFERENCES

- [1] Radbil T.B., Linguistic embodiment of values in internet media discourse: a corpus analysis of representative contexts (the lexeme ‘po-khoroshemu’), Nauchnyi dialog, 12 (6) (2023), 170–189. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-6-170-189>
- [2] Radbil T.B., Marinova Ye.V., Ratsiburskaya L.V., Samylicheva N.A., Shumilova A.V., Shchenikova Ye.V., Vinogradov S.N., Zhdanova Ye.A., Novyye tendentsii v russkom yazyke nachala XXI veka [New Trends in the Russian language at the Beginning of the 21st Century], ed. by L.V. Ratsiburskaya, Flinta, Nauka, Moscow, 2016.
- [3] Radbil T.B., Jaszay L., Palosi I., Linguopragmatic Potential of Active Processes in Russian Neological Word Formation of Latest Period), Nauchnyi dialog, 11 (1) (2022), 101–121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121
- [4] Chernyavskaya V.E., Deontic meaning of a discursive key word: corpus-assisted analysis of westliche Werte (western values), Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 82–98. DOI: 10.18721/JHSS.16106
- [5] Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V., Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody [Discourse Analysis of Text and Corpus Methods], URSS, Moscow, 2024.
- [6] Scarantino A., How to Do Things with Emotional Expressions: The Theory of Affective Pragmatics, Psychological Inquiry, 28 (2–3) (2017) 65–185. DOI: 10.1080/1047840X.2017.1328951
- [7] Noveck I., Experimental Pragmatics: The Making of a Cognitive Science, Cambridge University Press, Cambridge, 2021. DOI: 10.1017/9781316027073
- [8] Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Shchenikova Ye.V., Zhdanova Ye.A., Samylicheva N.A., Kulikova V.A., Russkiy yazyk v internet-kommunikatsii: lingvokognitivnyy i pragmatischekiy aspekty [Russian Language in Internet Communication: Linguocognitive and Pragmatic Aspects], ed. by L.V. Ratsiburskaya, Flinta, Moscow, 2021.
- [9] Firth J.R., Papers in Linguistics: 1934–1951., Oxford University Press, London, 1957.
- [10] Sinclair J.M., Corpus, Concordance, Collocation, Oxford University Press, Oxford, 1991.
- [11] Louw B., Milojkovic M., Corpus Stylistics as Contextual Prosodic Theory and Subtext, John Benjamins, Amsterdam, 2016. DOI: 10.1075/lal.23
- [12] Nefedov S.T., Evaluation catalysts: how to recognize evaluative meanings, Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 15 (11) (2022) 1699–1712. DOI: 10.17516/1997-1370-0945
- [13] Kondratenko P.I., Evaluation catalysts in German and Russian academic reviews in linguistics, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 21 (4) (2024) 866–885. DOI: 10.21638/spbu09.2024.406
- [14] Klochkova Ye.S., Evaluation strategies in open peer-review: Polarity of evaluation and representational variability, Terra Linguistica, 16 (2) (2025) 56–70. DOI: 10.18721/JHSS.16204
- [15] Kolmogorova A.V., Kalinin A.A., Malikova A.V., Linguistic principles and computational linguistics methods for the purposes of sentiment analysis of Russian texts. Aktual’nye problemy filologii i pedagogiceskoj lingvistiki [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], 1 (29) (2018) 139–148. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-1(29)-139-148

[16] **Olontsev A.A.**, Semanticheskaya i funktsionalnaya differentsiatsiya leksemy «okhotno»: opyt mikrodiakhronicheskogo korpusnogo analiza [Semantic and functional differentiation of the lexeme "okhotno": an experiment in microdiachronic corpus analysis], Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 5 (2024) 235–242. DOI: 10.32326/19931778_2024_5_235

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Радбиль Тимур Бенюминович

Timur B. Radbil

E-mail: timur@radbil.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7516-6705>

Поступила: 21.07.2025; Одобрена: 08.09.2025; Принята: 17.09.2025.

Submitted: 21.07.2025; Approved: 08.09.2025; Accepted: 17.09.2025.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16308>

EDN: <https://elibrary/INXDKC>

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕМЕННЫЕ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА: ИНДЕКС РЕФЕРЕНЦИИ МЕТАРЕАЛЬНОСТИ

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Москва, Российская Федерация

 oseverskaya@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена одной из проблем поэтической прагмасемантики, а именно анализу актуализируемых в контексте референциальных значений прагматических переменных, которые формируют индекс референции возможного мира поэтического текста. Поставив перед собой цель представить переменные *Я*, *ТЫ*, *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС*, *ТАМ*, *ТОГДА*, *МИР* как единую прагмасистему, характерную для определенного поэтического социолекта, автор определяет «индекс референции метареальности» на материале поэзии А. Еременко, И. Жданова и А. Паршикова как наиболее ярких представителей школы метареализма. Исследование, представленное в статье, было выполнено на основе Национального корпуса русского языка корпусным контент-методом, с применением количественного и качественного, лингвопрагматического и лингвопоэтического анализа. Опираясь на существующие исследования референциальности поэтического текста и его прагмасемантики, автор определяет прагматические переменные как систему операторов, соотносящих семантику дейктических знаков с множеством текстовых миров-контекстов. На основе анализа микроконтекстов, актуализирующих прагматические переменные, было установлено участие переменных в формировании фокуса эмпатии и «общего поля зрения» адресанта и адресата как отправной точки интерпретации текста, были выделены основные значения переменных и их дейктические проекции, определены единые для метареалистов принципы «упаковки» прагматической информации о мире текста. Автор приходит к выводу, что метареализму присущи прозрачность и проницаемость субъектных позиций как адресанта, так и адресата, взаимозависимость индексов референций, дейктические смещения в *Я*- и *ТЫ*-контекстах, преобладание переменных с пространственным значением, используемых и для обозначения времени, двойственность референции всех переменных, отражающая сложность и многомерность метареальности как системы «возможных миров».

Ключевые слова: прагматические переменные, индекс референции, прагмасемантика, фокус эмпатии, референциальная многозначность, контекстуализация, метареализм.

Для цитирования: Северская О.И. Прагматические переменные поэтического текста: индекс референции метареальности // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16308>

PRAGMATIC VARIABLES OF POETIC TEXT: METAREALITY REFERENCE INDEX

O.I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

 oseverskaya@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to one of the problems of poetic pragmasemantics, namely, the analysis of pragmatic variables actualized in the context of referential meanings that form the index of reference of the possible world of a poetic text. Having set the goal of presenting the variables *I*, *YOU*, *HERE*, *NOW*, *THERE*, *THEN*, *WORLD* as an integral pragmasystem characteristic of a certain poetic sociolect, the author defines the “index of reference of metareality” based on the poetry of A. Eremenko, I. Zhdanov and A. Parshchikov as the most prominent representatives of the metarealism school. The study presented in the article was carried out on the basis of the National Corpus of the Russian Language by the corpus content method, using quantitative and qualitative, linguopragmatic and linguopoetic analysis. Based on existing studies of the referentiality of poetic text and its pragmasemantics, the author defines pragmatic variables as a system of operators that correlate the semantics of deictic signs with a multitude of textual worlds-contexts. Based on the analysis of microcontexts that actualize pragmatic variables, the participation of variables in the formation of the focus of empathy and the “common field of vision” of the addresser and addressee as a starting point for interpreting the text was established, the main meanings of variables and their deictic projections were identified, and the principles of “packaging” pragmatic information about the world of the text that are common to metarealists were defined. The author comes to the conclusion that metarealism is characterized by transparency and permeability of the subject positions of both the addresser and the addressee, the interdependence of reference indices, deictic shifts in the *I*- and *YOU*-contexts, the predominance of variables with spatial meaning, used to designate time, the duality of reference of all variables, reflecting the complexity and multidimensionality of metareality as a system of “possible worlds”.

Keywords: pragmatic variables, index of reference, pragmasemantics, focus of empathy, referential ambiguity, contextualization, metarealism.

Citation: Severskaya O.I., Pragmatic variables of poetic text: metareality reference index, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 116–127. DOI: 10.18721/JHSS.16308

Введение

Постановка проблемы. Прагматика поэтического текста – одна из активно разрабатываемых, но все еще недостаточно изученных областей. Изменение формы, инструментов и содержания коммуникации требует пересмотра и уточнения некоторых устоявшихся представлений. Особое внимание уделяется поэтическому дейксису, в частности прагматическим переменным – одному из важнейших компонентов конституирования и интерпретации речевого акта в поэзии. Формируя вместе с придаными им значениями – в терминах Е.В. Падучевой [1, с. 40] – индекс референции, они играют особую роль в интерпретации сообщения говорящего, так как указывают на его присутствие и точку зрения. В поэтическом дискурсе, где, в отличие от обыденного, адресант и адресат не имеют общего настоящего момента и общего поля зрения [2, с. 201], а референция осуществляется к возможным мирам, в референциальный индекс включаются не только традиционно выделяемые переменные – Я, СЕЙЧАС, ЗДЕСЬ, ТЫ [1, с. 39–40], но и принятая в модальной логике «возможных миров» переменная МИР [1, с. 40]. И исследование этого комплекса переменных в полном объеме по-прежнему актуально.

История вопроса и цель исследования. Прагматические особенности поэтического дискурса рассматривались, во-первых, в исследованиях, совмещающих поэтику и прагматику [3, 4] и определяющих поэтичность как когнитивный и коммуникативный опыт [5, 6], во-вторых, в работах по прагмасемантике – с акцентом на субъективность, индексальность и метапрагматику [7], на выявление дейктических сдвигов поэтической коммуникации в сравнении с обыденной [8–10], а также касающихся референциально-прагматических особенностей поэтического текста [11, 12] и пресуппозиций автора и читателя¹ [13].

Субъекту, субъективации и субъектному дейксису в новейшей русской поэзии уделялось особое внимание в рамках проекта Трирского университета «Русская поэзия в транзите», в котором приняли участие ученые 32 стран, включая Россию, ФРГ, США, Японию и др., завершившегося публикацией серии монографий «Neure Lyrik». Рассматривались деперсонализация субъекта, транс-, мета- и сверхсубъектность как формы динамического становления субъекта в новом понимании, текстовые соотношения автора, говорящего, лирического «я» и лирического героя, субъект как композиционная категория, нарратологические модели и дейксис, конвергенция поэтических и обыденных субъективирующих речевых практик [14]. Отметим также статьи В.В. Фещенко о специфике субъективирующих дейктических слов и конструкций в экспериментальном поэтическом дискурсе, где «особенно активным указательным полем является пространственность, протяженность и длительность высказывания (сообщения) как такового» [15]; О.В. Соколовой, рассматривающей новые стратегии субъективации и адресации в поэзии и утверждающей, что в современной поэзии формально сохраняются дейктические маркеры первого лица и ситуации «здесь-и-сейчас», как в диалоговом, а не нарративном режиме [16]; Е.В. Захаркив, анализирующей трансформации прагматических маркеров субъекта и адресата в условиях интернет-пространства, которые перестают быть просто языковыми средствами, становясь инструментами навигации, взаимодействия и самопрезентации в цифровой среде [17], а также Т.В. Цвигун и А.Н. Чернякова, отмечающих «субъектную неопределенность» современных поэтических текстов, в которых конкурируют «я», «ты» и «любой» [18]. Особая роль в исследованиях такого рода отводится корпусной прагматике, достоверно отражающей факты и направления прагматических экспериментов поэтов на грани нормы и аномалии [19]. Эти публикации содержат наблюдения, которые формируют презумпцию проведенного исследования.

Заметим, что, несмотря на детальное исследование субъективной сферы новейшей поэзии и внимание, которое уделяется разного рода дейктическим единицам, имеющим субъектное, темпоральное и локальное значение, индекс референции в комплексе никем до сих пор не рассматривался. Опираясь на полученные ранее (на материале русской поэзии начала XX в.) собственные результаты исследования переменных *Я*, *ТЫ* [20], *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС* [21] и *МИР* [22], попробуем шагнуть дальше и представить прагматические переменные как единую систему, фокусирующую внимание на картине мира, характерной для определенного поэтического социолекта, конкретно – социолекта поэтической школы метареализма. Несмотря на то, что отдельные случаи использования дейктических маркеров ее представителями анализировались отечественными специалистами в контексте современной поэзии как таковой [10, 15], роль комплекса прагматических переменных в поэтике метареализма не рассматривалась. Цель статьи – определить индекс референции так называемой метареальности (в лингвопоэтическом понимании – это «реальность многих реальностей» в их взаимопричастности и взаимовыводимости²), представленной текстами «классиков» метареализма А. Парщикова, И. Жданова и А. Еременко.

¹ Ильинская Е.С. Семантические и синтаксические особенности поэтического текста как основа его интерпретации (на материале произведений немецкоязычных поэтов XX века): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Тамбов, 2006. 248 с.

² Эпштейн М.Н. Постмодерн в русской литературе. М.: Высшая школа, 2005. 494 с.

Теоретические основы, методология и методика исследования. Как и прагмасемантика в целом [7, с. 16], прагматические переменные могут быть определены как система взаимосвязанных операторов, соотносящих семантическую систему языка с множеством миров-контекстов. Отождествляя говорящего и слушающего, а также пространственно-временные отрезки событий (хронотоп), они создают «общее поле зрения», то, или, по У. Чейфу [23], фокус эмпатии с прагмо-действической «упаковкой» информации, существенной для установления референции: «Содержательная основа этого статуса состоит, по-видимому, в том, что человек обладает способностью представить себя смотрящим на мир глазами другого человека или с его точки зрения, и в том, что эта способность влияет на использование языка» [23, с. 312; спр. 11, с. 224–230]. Таким образом, рассматриваемые переменные создают прагматическую пресупозицию интерпретации – по Т.Б. Радбилию, «компонент смысла, который говорящий считает общеизвестным, логически приемлемым, само собой разумеющимся» [13, с. 6]. Что касается их референциальной семантики, то, как справедливо замечает О.Г. Ревзина [12, с. 420–421], законы референции к вымышленному и действительному мирам не отличаются, однако событие, отображенное в поэтическом тексте, теряет первичную референциальную соотнесенность, но приобретает способность к множественным внеязыковым связям. Компоненты текста, актуализирующие переменные и придающие им в каждом конкретном случае значения, которые превращают пропозициональную форму в замкнутую пропозицию [1, с. 40], принято называть «действическими маркерами», «действическими единицами» или «действиками» [8, 10 и др.]. Термины употребляются синонимично и обозначают лексические единицы со значением указания на участников, время и место коммуникации или на речевой «жест» говорящего в отношении какого-либо объекта мира текста.

Содержание исследования составил анализ микроконтекстов, в которых присутствуют соответствующие прагматическим переменным *Я*, *ТЫ*, *ЗДЕСЬ*, *СЕЙЧАС*, *МИР* одноименные лексемы-указатели. Они были выделены на основе заданного подкорпуса Национального корпуса русского языка, в который вошли 324 текста Александра Еременко, Ивана Жданова и Алексея Парщикова (общий объем – 52700 слов). Это позволило получить статистически значимые данные и использовать максимум корпусных исследовательских инструментов.

Кроме корпусного контент-метода, предполагающего количественный и качественный анализ, использовались лингвопрагматический и лингвопоэтический методы интерпретации. С их помощью исследовались реализация и трансформация лексической языковой семантики действических единиц, соответствующих той или иной переменной, значения их конкретных употреблений в контексте и их референциальная семантика относительно возможного мира текста.

Результаты исследования

Проведенный количественный анализ микроконтекстов дал следующую статистику употребления действиков, определяющих положения дел в метареальности (табл. 1).

Как можно заметить, подавляющее преимущество имеют переменные *Я* и *ТЫ*, индексы адресанта (автора) и адресата (читателя). Удивительным может показаться то, что темпоральные индексы на порядок уступают в частоте локальным. Однако это типично для поэзии: в отличие от обыденного языка, *СЕЙЧАС* (традиционно считающаяся независимой переменной [1, с. 39]) зависит от *ЗДЕСЬ* – переменной, представленной местоименным наречием, семантически способным обозначать как место, так и время и обстоятельства события [21, с. 187–188]. Это согласуется и с наблюдениями В.В. Фещенко об особой роли в поэзии пространственных действических маркеров [15, с. 49].

Прагматическую пресупозицию интерпретации конкретных словоупотреблений составили выделенные Е.В. Падучевой значения прагматических переменных: *Я* (говорящий) ‘тот, кто делает данное высказывание’, *ТЫ* (слушавший) ‘тот, к кому говорящий *Я* обращает свое

высказывание U в момент T' , *СЕЙЧАС* (T) ‘тот момент, когда Я делает высказывание U ’, *ЗДЕСЬ* (L) ‘то место, где говорящий Я делает свое высказывание U в момент T' , *МИР* ‘мир, который говорящий Я принимает за действительный или постулирует в качестве возможного’ [1, с. 39–40]. Референциальные значения при контекстуализации отличаются от прагматических, что и будет показано дальше.

Таблица 1. Частота актуализации прагматических переменных
Table 1. Frequency of actualization of pragmatic variables

Количественные показатели	Действики, актуализирующие прагматические переменные						
	Я	ТЫ	ЗДЕСЬ	СЕЙЧАС	ТАМ	ТОГДА	МИР
Количество текстов	174	139	56	10	78	20	46
Число употреблений	711	544	79	12	113	21	60
Относительная частота (ipm)	13494,28	10324,74	1499,36	227,75	2144,66	398,57	1138

Я и ТЫ. В поэзии как таковой, по точному замечанию С.Т. Золяна, «„Я“ является не только указанием на говорящего, но и ключевым механизмом само-, мета- и иноописания и соотнесения высказывания с его актуальным и потенциальным контекстами» [7, с. 147], а следовательно, что подтверждает и В.З. Демьянков [24], априори имеет расщепленную референцию. При этом Я принципиально диалогично, ориентировано на ТЫ как на «эхо» говорящего, о чем, развивая мысль Э. Бенвениста, пишет Ю.С. Степанов: «Что касается „я“ в противопоставлении „ты“, то... оно означает переменный ориентир речи... „ты“ – это „тот, кто сейчас, вслед за окончанием моего акта речи, получит право в свою очередь называться „я“, не получив моей субстанции“» [11, с. 228].

Метареалисты осознают множественность возможных для Я-референций, что выражается эксплицитно: *я раздвоюсь* (А. Еременко, «Вдоль коридора зажигая свет...»); *я фантом и чья-то часть* болящая при том (И. Жданов, «Попробуй мне сказать, что я фантом...»); *разделенный на сто половинок, я двигаюсь роем...* (А. Парщиков, «Перенос»). Проективность референции обусловливается сменой точки зрения, при этом вектор проекции может как объективировать названный соответствующим местоимением субъект: *ты, малыши, выздоровеешь меня* (А. Парщиков, «Матвею»), так и наделять субъективностью объект восприятия: *я – всего лишь проблеск глазного дна* (И. Жданов, «На новый год»). В первом случае мы имеем, в терминах С.Т. Золяна [7, с. 128–129], Я-метонимию, во втором – Я-метафору.

Находит свое отражение в их текстах и настроенность на диалог, в котором Я и ТЫ могут иметь как конкретно-референтное значение: *Привет тебе, блестательный Козлов!* (А. Еременко, «Дружеское послание Андрею Козлову»), так и значения ‘я как говорящий субъект’, ‘я как личность’ и ‘я – говорящий (автор) в актуальном мире, описывающий говорящего субъекта / наблюдателя в мире текста’ [7, с. 145], актуализируемые одновременно: *Как частица твоя, я ревную тебя и ищу / воскресенья в тебе и боюсь – не сносить головы* (И. Жданов, «Расстояние между тобой и мной – это и есть ты...»); *Я же писал тебе:* «*Есть неорганика в нас...*» (А. Парщиков, «Медный купорос»).

Контексты, в которых ТЫ употребляется в определенно-личном значении, достаточно редки – как правило, это либо воображаемые диалоги с подругой: *Ты бесишься, как маленькая лошадь, / а я стою в траве перед веревкой / и не могу развесить мой сонет* (А. Еременко, «Сонет без рифм»); *Ты можешь быть русой и вечной, / когда перед зеркалом вдруг / ты вскрикнешь от боли сердечной / и выронишь гребень из рук* (И. Жданов, «Портрет»); *Ты стоишь на одной ноге, застегивая босоножку* (А. Парщиков, «Крым»), либо реконструкции речевых актов лирических субъектов: *Говори, что ты видишь. – Я вижу ковыль и туман* (А. Парщиков, «Другой»); либо молитвенные обращения: *Я отрекаюсь от обезьяны и присягаю Тебе* (А. Парщиков, «Я

отрекаюсь от обезьяны...»); *За звуковым барьером изгиб возвращенной стаи / очертил твоё лицо колодцами лунных статуй, / ты входишь в каждый из них смертью моей и всех* (И. Жданов, «Оранта»). Превалирует *ТЫ* обобщенно-личное: *И тебе не спится в астральных твоих сферах, / потому что совесть – это не вектор, а перпендикуляр, / восстановленный к вектору* (А. Еременко, «Зачем ты рискуешь...»); *Если ты носишь начало времен в ушах, / помнишь приручение зверей, / как вошли они в воды потопа...* (А. Парщиков), в особенности в текстах И. Жданова: рождается впомыка само собою слово / и тянется к тебе, и ты идешь к нему («До слова»); *Ты стоишь на столбе, но не столпник, горящий в объеме, / ты открыт, но не виден, как будто тебя ослепило* («Ниша и столп»); *ты выходишь на сушу вдвоем / с сокровенной любовью...* («Жалоба игры») и др. В последних случаях *Я* в проекции на *ТЫ* может иметь выделяемое С.Т. Золяном [7, с. 141–144] значение ‘будь я тобою’.

У Чейф связывает фокус эмпатии со статусом подлежащего [23, с. 312], поэтому интересно было проанализировать сочетаемость *Я* и *ТЫ* в функции подлежащего с глаголами первого лица настоящего времени, лексическое значение которых важно для «портрета» *Я-* и *ТЫ*-субъектов. Выбор характеризующих их глагольных сказуемых, как показал анализ, отражает особенности поэтики каждого из метареалистов.

У А. Еременко *Я* ‘говорящий субъект’ и ‘личность’ совершают следующие речевые действия, подчеркивающие ироничность манеры автора: *я собираю речь свою по капле / и повторяю, словно провода; я читаю с эстрады / свои репортажи с войны; я скалю зубы и дрожу от злости* (ср.: *скалить зубы ‘смеяться’*); *я не творю, но я играю в кости* (ср.: *играть ‘развлекаться / говорить намеками’*); обыгрывается и устойчивое выражение «деревянный язык»: *Но с каждым ударом меня сносит влево, / и я становлюсь все дровее, дровее*. Используются и глаголы мысли, характеризующие творческую личность говорящего: *я думаю, что вы меня поймете; я знаю лучше всех про все на свете; я забываю, что я гениален*; при *Я ‘поэт’* сказуемым оказывается оборот с модальным глаголом желания: *я хочу работы настоящей*. Ёрничество *Я ‘говорящего’* и ‘поэта’ проявляется и в парадоксальном сочетании «высокого» глагола эмоционального отношения с «низким» объектом-дополнением: *O, как я люблю этот гипсовый шок / и запограммированное уродство...* В роли сказуемого к подлежащему *Я* выступают глаголы положения в пространстве: *я стою, и движения: я вхожу, в фокусе эмпатии оказывается начало пути после застоя.*

В текстах И. Жданова сказуемые, характеризующие *Я*-субъект, разнообразны, но в целом создают образ человека, который находится в состоянии внутреннего смятения и пытается разобраться в себе и своих чувствах: *я задыхаюсь; теряюсь в толпе; я натыкаюсь на себя и там, где не был даже; то, чем был я когда-то, / все, присущее мне, / что тебя не коснулось, / я хочу уничтожить, забыть...; я ревную тебя и ищу / воскресенья в тебе...* Его *Я ‘говорящий субъект’* и *видит, и кажется* (‘имеет какой-либо вид / производит какое-либо впечатление’ и ‘является воображаемой сущностью’).

А. Парщиков использует в функции сказуемого при местоимении *Я* множество глаголов движения: *я покидаю дом свой... и медленно шагаю по дороге; я уезжаю, я в вокзал вошел; я сбегаю с порога сознания; я бегу по песку... а поутру я брошу; я двигаюсь; я выражирую; я спускаюсь все глубже; глаголы положения в пространстве: я висну над явью нейтральной, смущая углы планет; я запираюсь на ключ в облаке напряженной свободы*. Популярны в его поэтике глаголы усиления: *я напрягаю всю свою незаметность будущего охотника, и ослабления: я отдыхаю после похода завоевательного*; а также парные глаголы *искать и находить*. Чаще всего сказуемым при *Я*-подлежащем становится многозначный глагол *видеть ‘воспринимать зренiem / воображать / получать представление’* и соотносимые с ним по смыслу контекстуальные синонимы, глаголы знания *замечать и понимать*; на втором месте по частоте другой глагол восприятия – *слушать ‘воспринимать слухом / регистрировать сознанием, понимать’*. И это соответствует визуальности парщиковской поэтики.

Что касается сказуемых при подлежащем *ТЫ*, то они, можно сказать, «отзеркаливают» состояния и действия Я-субъектов. А. Еременко так описывает воображаемого адресата: *ты остиришь; ты рискуешь... / искришь на солнце, / остиришь, как на точильном круге стальная полоска, / ты заигрываешь с большевиками; ты бесишься...* И. Жданов, проецируя действия *ТЫ* на Я-субъект, использует глагол положения: *ты стоишь предо мной, рассуждая о том и о сем; и разнообразные глаголы движения: ты уходишь отсюда; ты идешь; ты падаешь; ты входишь; ты выходишь...* При этом «зеркальность» эксплицируется: *Ты входишь в куб, зеркальный изнутри; Ты падаешь в зеркало, в чистый, / в его неразгаданный лоск.* Взаимообратимы в его поэтике и объекты при глаголах восприятия: *ты глядишь на меня; и ты видишь в себе.* *ТЫ*-субъект А. Паршикова не менее подвижен, чем Я: *ты стоишь на одной ноге; ты качаешься – ближе и дальше; ты идешь по бассейну с пираньями; ты бежишь по веранде витой; ты можешь дуть в любую сторону – и в обе* (здесь: дуть ‘бежать’); *ты бредешь; ты переставляешь ноги; ты летишь...* В функции сказуемых при *ТЫ*-подлежащем поэт употребляет те же глаголы восприятия: *ты взираешь; ты глядишь; ты видишь; ты слышишь*, и их контекстуальные синонимы – глаголы мысли и знания: *ты думаешь, понимаешь, знаешь.*

Таким образом, и лексическая семантика сказуемых придает *ТЫ*-подлежащему референциальную многозначность: это и *ТЫ* ‘адресат сообщения’ / ‘человек, близкий к говорящему’, и Я ‘будь я тобой’.

ЗДЕСЬ и ТАМ. Отметим, что в норме в поэтическом языке эти переменные указывают, соответственно, на «мир сей» (внешний/низменный) и на «мир тот» (внутренний/высокий) [21], образуя значимую оппозицию. В поэтике метареализма эта оппозиция вербализуется в дизъюнкции: *Мы еще здесь или там, в стороне, / там, позади, на своей остановке?* (И. Жданов, «Это всего лишь щепоть пустоты...»), или в конъюнкции: *Сейчас меня, наверное, похвалят, / чтоб напечатать здесь и там* (А. Еременко, «Девятый год войны в Афганистане...»), ср. о девочке «не от мира сего»: Ее мы видим здесь и там (А. Еременко, «Туда, где роща корабельная»); *Здесь и там ты расставлена вышками по холмам...* (А. Паршиков, «Я жил на поле Полтавской битвы», 12).

Для метареализма характерна и неопределенность локуса, на которую указывают наречия *где-то, где-нибудь* (20 употреблений, iрм 360), предлог *между* (60, iрм 1139), существительные *зазор* (5, iрм 95), *промежуток* (3, iрм 57). Контекстов конкретно-референтного употребления переменной *ЗДЕСЬ* в выделенном подкорпусе не обнаружено.

Четкое же противопоставление *ЗДЕСЬ* vs. *ТАМ* налицо, хотя одна из переменных может подразумеваться, будучи выражена не местоименным наречием, а полнозначной лексемой в дейктической функции, указывающей на «мир тот»: *Движется вместе с Землей корабль над облаками, не сходя с места. / А здесь у меня – дача с башней, шпионы и гжель* (А. Паршиков, «Расписание»). При эксплицитном противопоставлении может акцентироваться оппозиция «небесного» и «земного», как в следующем примере, где в одном локусе – Гефсиманском саду – пересекаются два возможных мира: *Там тишина нашла уединенье, / а здесь играет в прятки сам с собою / тот, кто вернуть свой взгляд уже не в силах, / кто дереву не дал остаться прахом, / Иуды кровь почувствовав в стопе* (И. Жданов, «Взгляд»). В этом случае имеет место пространственно-временное расщепление референции – совмещение ближней и дальней перспектив, настоящего и будущего.

Часто можно наблюдать дейктическую проекцию. Сравнивая поэтическую коммуникативную ситуацию с «нормальной», Е.В. Падучева замечает, что в поэзии «дейктический элемент, который нормально ориентируется на говорящего как на точку отсчета, оказывается ориентирован на слушающего» [2, с. 260–261]. Так, в «Сомнамбуле» А. Паршикова *ЗДЕСЬ* указывает на «мир других», тогда как Я-говорящий, Провидица, находится в «растяжке сознания», где «каждый участок... пуст был, но и сверх того, на чудесный порядок пустей», т.е. *ТАМ*. Пространства, соответствующие переменным *ЗДЕСЬ* и *ТАМ*, не только обратимы, но и взаимопроникаемы. Наряду с однозначной референцией к «дальнему миру», с которым, принимая его за

действительный, соотносит себя и адресата говорящий: *И мы всю жизнь толчемся здесь упрямо...* (А. Еременко, «На холмах Грузии...»); *И можно справиться, пожалуй, без усилий / со всем, что здесь преследовало нас* (И. Жданов, «Гроза»), переменная *ЗДЕСЬ* может референциальную связываться с «горним миром», с областью духовного, «вневременного» – например с миром поэзии, получая значение *ТАМ*: *войди, мой друг, в святилище сонета... здесь все рассчитано на десять тысяч лет* (А. Еременко, «Невенок сонетов», 10), или же относиться одновременно к двум состояниям *ЗДЕСЬ* – «этом» и «том»: *земля ли ищет, или небо кличет... кто был здесь?* (И. Жданов, «Когда покой лишь прошлого значенье...»). С «миром тем» в «этом» ассоциируются горы, вершины: *Здесь, что ни пядь под стопой, то вершина и та / обетованная ширь, от которой и свету темно...* (И. Жданов, «Восхождение»); небо, облака: *Всадник ли здесь мерцал, или с неба песком / посыпали линию прибоя...* (А. Парщиков, «Бегство-2»); ветер, птицы; пустыня, пустота, немота, тишина, вечность и т.п.

Наиболее частотные лексические маркеры дейктических проекций состояний мира, отмечаемых в русской поэзии как *ЗДЕСЬ ↔ ТАМ* [21; 22] и используемых также метареалистами, представлены в табл. 2:

Таблица 2. Лексические заместители переменных *ЗДЕСЬ* и *ТАМ*
Table 2. Lexical substitutes for variables *HERE* and *THERE*

ЗДЕСЬ		ТАМ	
Лексемы-указатели	Число употреблений	Лексемы-указатели	Число употреблений
<i>Земля, земной</i>	86	<i>Небо, небеса, небесный</i>	144
<i>Степь, степной</i>	27	<i>Звезды, звездный</i>	38
<i>Трава</i>	23	<i>Свет, светило, светлый</i>	118
<i>Лес, лесной</i>	51	<i>Вселенная, вселенский</i>	18
<i>Дерево</i>	31	<i>Космос, космический</i>	8
<i>Ветвь, ветка, ветвистый</i>	23	<i>Пустота, пустыня, пустой</i>	91
<i>Река</i>	30	<i>Гора, вершина</i>	65
<i>Вода</i>	83	<i>Снег</i>	44
<i>Камень</i>	34	<i>Дождь</i>	31
		<i>Сон, сонный, уснуть, спать</i>	115

Как можно заметить, преобладают маркеры координаты *ТАМ*, что можно связать с перспективой видения мира Я-говорящего: *Там, за окошком развивался лес. / Как яйцеклетка* (А. Еременко, «Там, за окошком...»); *Что там видится, что остается в начале, / что уходит сквозь пальцы по пыльным шоссе?* (И. Жданов, «В пустоту наугад обоюдоогромный...»); *Там видел я твою расправленную душу, / похожую на остров, остров – ни души!* (А. Парщиков, «Мемуарный реквием»), а возможно – и с вектором, коммуникативной перспективой интерпретации, которую предлагаются принять адресату.

МИР. Как известно, метареальность представляет собой множество взаимосвязанных реальностей, и это находит свое отражение в приверженности поэтов-метареалистов к множественному числу лексемы, омонимичной переменной *МИР*: *Я оценил и радиус, и угол, подмятый заворотом тяги – перемещение в других мирах* (А. Парщиков, «Дирижабли», 2); *В начале*

войны *миров* круче берет полынь (А. Парщиков, «Бегство-2»); *Система всех миров похожа на наган... и каждый из миров, как выстрел, моментален* (А. Еременко, «Бессонница. Гомер ушел на задний план...»); *Пусть светятся миры и времена* (И. Жданов, «Любовь, как мышь летучая, скользит...»). Переменная *МИР* принимает в проанализированных контекстах конкретные, выраженные лексически значения: *МИР* ‘Вселенная, мироздание’: *миру начала / нет во времени* (И. Жданов, «В пустоту наугад...»); *МИР* ‘Земля, миропорядок’: *Миру простится гнет. Небу простится высь* (И. Жданов, «Оранта»), ср. *в этом мире косом...* (А. Еременко, «Я сидел на горе...»); *МИР* ‘сфера, круг явлений’: *мир теней, мир информации, мир наскальных человечков; однолюбый мир, мир двоичный* и др. Особо следует отметить такие значения, как *МИР* ‘язык/текст’ (при аналогичных значениях *я* и *ты*): *Я – Запятая Ты – двоеточие... и нас грамматиков мира вычеркивал страх* (А. Парщиков, «Заочность»); *МИР* ‘собеседник’ (мир как ты): *не тех от мира ждем вестей* (И. Жданов, «Такую ночь не выбирают...»); *вспрянул человечище / оспаривая мир* (А. Парщиков, «Термен»). Меняют значение в контексте, варьируясь, буквализируясь и переосмысливаясь, устойчивые выражения – *не от мира сего*: *Актеры движутся дальше, будто твоя причуда / не от мира сего – так и должно быть в пьесе* (А. Парщиков, «Сцена из спектакля»); *идти по миру*: *Этой маской безмолвия ты облечен, / вовлечен в хоровод, обречен / на круженье по миру, избравшему сон / как возможность свою и закон* (И. Жданов, «Жалоба игры») и т.п. Противопоставляются *мир* и *антимир*, *мир* и его чучельный *двойник*, этот *мир* и *иной мир*, при этом *внешний мир* может входить во *внутренний*: *Останься, мир, снаружи, / стань лучше или хуже, / но не входи в меня!.. свет заново прольется, / и мир во мне очнется* (И. Жданов, «Контрапункт»); *мир шел через тебя* (А. Парщиков, «Мемуарный реквием»).

Заметим, что переменная *МИР* может иметь в контексте и темпоральное значение, указывая на некий момент времени: *выросшая как попало / до сотворения мира, не дрогнув, трава стоит* (И. Жданов, «Гора»), как и переменная *ЗДЕСЬ*: *История желает здесь пробела* (А. Еременко, «Репортаж из Гуниба»).

СЕЙЧАС и ТОГДА. Несмотря на то, что темпоральным сущностям поэты-метареалисты уделяют достаточно много внимания (*время* упоминается 86 раз, iрм 1632,22; *час* – 43 раза, iрм 816,11; *минута* – 10 раз, iрм 89,9; *секунда* – 2 раза, iрм 38; *вечность* – 12 раз, iрм 227,75), переменные *СЕЙЧАС* и *ТОГДА*, представленные в контекстах омонимичными наречиями, встречаются чрезвычайно редко и употребляются в обыденных pragmatischen значениях, фиксируя предшествующий, настоящий и будущий моменты, соотносимые с речью говорящего. Отметим лишь дейктическую проекцию *СЕЙЧАС* и *ТОГДА* в случае совмещения точек референции высказывания говорящего/автора и его интерпретации слушающим/читателем: *Притормозись. Остановись. Поймай центр. Зафиксируй его, и тогда сдвинешься с места* (А. Парщиков, «Дачная элегия»), совмещение точек зрения говорящего (здесь и *сейчас*) и интерпретатора (*тогда* и **там*) меняет и значение *ТЫ* на ‘ты-адресат/я-адресант-будь-я-тобой’.

Заключение

Проведенный анализ системы pragmatischen переменных в контексте поэзии метареализма показал, что поэты школы действительно придерживаются единых принципов «упаковки» pragmatischer информации о транслируемом читателю знании о мире и о возможных мирах текстов, используя индекс референции как «подсказку» своему адресату. Вместе с тем обнаруживаются и индивидуальные предпочтения, которые маркируются предикатами – актантами переменных *Я* и *ТЫ*: у А. Еременко преобладают речемыслительные глаголы иронического модуса, И. Жданов использует в роли предикатов при *Я-* и *ТЫ-*субъектах глаголы, создающие образ смятения и неопределенности, непроявленности, А. Парщиков отдает предпочтение глаголам положения и восприятия.

Можно констатировать присущую метареализму прозрачность и проницаемость субъектной позиции адресата и адресанта, а также многозначность и взаимозависимость используемых прагматических переменных. *Я* говорит *ЗДЕСЬ* и *СЕЙЧАС*, но фокус эмпатии двунаправлен: к *ТАМ* и *ТОГДА* в прошлом и будущем. Имеет место и смещение дейктических координат, например, актуализация *Я* в областях возможного мира с координатами *ТАМ* и *ТОГДА*, в норме соотносимыми с *ТЫ*, и наоборот. Дейктической проекции подвергается и *ТЫ*, которое совмещает значение ‘адресат сообщения’ со значением переменной *Я* ‘будь я тобой’. Переменные с пространственным значением доминируют над темпоральными, принимая в случае необходимости функцию обозначения моментов времени. Это соответствует пониманию метареальности как пространственно-временного континуума, способного к саморазвитию, деконструкции и реконструкции входящих в него объектов. *Я* *двоит*, *МИР* *раздваивается*, и эти *двойственность* и *двойничество* прослеживаются во всех референциальных значениях прагматических переменных.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Падучева Е.В.** Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985. 293 с.
2. **Падучева Е.В.** Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива). М.: URSS, 1996. 464 с.
3. **Jefferson G.** On the Poetics of Ordinary Talk // Text and Performance Quarterly. 1996. Vol. 16, No. 1. P. 1–61.
4. **Вахрамеева Е., Швец А.** Прагматика и поэтика: к новейшим определениям «поэтического» // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 427–431.
5. **Болотникова Н.С.** Тенденции и основные этапы развития коммуникативной стилистики текста (к 25-летию научного направления) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 4 (193). С. 32–40. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
6. **Трофимова Ю.М.** Прагматика коммуникативного фактора в поэтическом тексте // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (100). С. 198–205.
7. **Золян С.Т., Тульчинский Г.Л., Чернявская В.Е.** Прагмасемантика и философия языка / под ред. С.Т. Золяна. М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. 328 с.
8. Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics: Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson / ed. by R.F. Person Jr., R. Wooffitt, J.P. Rae. New York; London: Routledge, 2022. 262 р.
9. **Фещенко В.В.** Язык в языке: Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
10. **Соколова О.В., Захаркив Е.В.** Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 187 с.
11. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка. М.: Наука, 1985.
12. **Ревзина О.Г.** Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. Сборник статей, посвященный юбилею Г.А. Золотовой. М.: URSS, 2002. С. 418–433.
13. **Радбиль Т.Б.** Язык и мир: парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 593 с.
14. Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Штала, Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. 448 S. DOI: 10.3726/b14778
15. **Фещенко В.В.** Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ру: Балтийский акцент. 2023. № 2. С. 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
16. **Соколова О.В.** Новые технологии и прагматические техники в современной поэзии // Слово.ру. Балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 2. С. 81–97. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-5
17. **Захаркив Е.В.** Интерфейсы новейшей поэзии: смена коммуникативного хода и множественная адресация // Слово.ру. Балтийский акцент. 2024. Т. 15, № 2. С. 98–111. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-6

18. Цвигун Т.В., Черняков А.Н. «Мерцающий» субъект в поэтическом тексте: к проблеме читательской рецепции // Новый филологический вестник. 2022. № 4 (63). С. 42–54. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-42
19. Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
20. Северская О. «Субъект» современной поэзии как прагматическая переменная // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / под ред. Х. Штала, Е. Евграшкиной. Berlin: Peter Lang, 2018. S. 185–194.
21. Северская О.И. Прагматические переменные в сводном авторском словаре (на примере лексем ЗДЕСЬ и СЕЙЧАС в акмеистическом корпусе) // Авторская лексикография и история слов: к 50-летию выхода в свет «Словаря языка А. С. Пушкина» / отв. ред. Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 181–189.
22. Северская О.И. Прагматическая переменная МИР в поэтике акмеизма // Корпусный анализ русского стиха: сб. научн. ст. / отв. ред. В.А. Плунгян, Л.Л. Шестакова. М.: Азбуковник, 2013. С. 185–215.
23. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топики и точка зрения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 11. М.: Прогресс, 1982. С. 277–316.
24. Демьянков В.З. «Я» – создатель возможных миров, бесценных слов транжир и мот // МЕТОД: московский ежеквартальный трудов из обществоведческих дисциплин. 2022. Вып. 12. Т. 2, № 2. С. 19–22. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.02

REFERENCES

- [1] Paducheva E.V., Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu [Utterance and its correlation with reality], Nauka, Moscow, 1985.
- [2] Paducheva E.V., Semanticheskiye issledovaniya (Semantika vremeni i vida v russkom yazyke; Semantika narrativa) [Semantic research (Semantics of time and type in the Russian language; Semantics of narrative)], URSS, Moscow, 1996.
- [3] Jefferson G., Poetics of Ordinary Talk, Text and Performance Quarterly, 16 (1) (1996) 1–61.
- [4] Vakhrameeva E., Shvets A., Pragmatika i poetika: k noveyshim opredeleniyam “poeticheskogo” [Pragmatics and Poetics: towards the latest definitions of “Poetic”], Novoye literaturnoye obozreniye [New Literary Review], 4 (2016) 427–431.
- [5] Bolotnova N.S., Trends and main stages of the development of the communicative stylistics of the text (on the occasion of the 25th anniversary of the scientific direction), Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 4 (193) (2018) 32–40. DOI:10.23951/1609-624X-2018-4-32-40
- [6] Trofimova Yu.M., Pragmatics of the communicative factor in a poetic text, Izvestia Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogiceskogo universiteta, 5 (100) (2015) 198–205.
- [7] Zolyan S.T., Tul'chinskiy G.L., Chernyavskaya V.E., Pragmasemantika i filosofiya yazyka [Pragmasemantics and philosophy of language], ed. by S.T. Zolyan, LRC Publishing House, Moscow, 2024.
- [8] Bridging the Gap Between Conversation Analysis and Poetics: Studies in Talk-In-Interaction and Literature Twenty-Five Years after Jefferson / ed. by R.F. Person Jr., R. Wooffitt, J.P. Rae, Routledge, New York, London, 2022.
- [9] Feshchenko V.V., Yazyk v yazyke: Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki [Language in language. Artistic discourse and the foundations of linguoesthetics], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2022.
- [10] Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V., Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [11] Stepanov Yu.S., V trekhmernom prostranstve yazyka [In the three-dimensional space of language], Nauka, Moscow, 1985.
- [12] Revzina O.G., Zagadki poeticheskogo teksta [Riddles of the poetic text], Kommunikativno-smyslovyye parametry grammatiki i teksta: Sbornik statey, posvyashchenny yubileyu G.A. Zolotovoy [Communicative and semantic parameters of grammar and text: Collection of articles dedicated to the anniversary of G.A. Zolotova], URSS, Moscow, 2002, pp. 418–433.

- [13] **Radbil T.B.**, Yazyk i mir: paradoksy vzaimootrazheniya [Language and the world: paradoxes of mutual reflection], Yazyki slavyanskoy kul'tury, Moscow, 2017.
- [14] Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice], ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018. DOI: 10.3726/b14778
- [15] **Feshchenko V.V.**, Experimental deixis in the space of a poetic text, Slovo.ru: Baltic accent, 2 (2023) 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
- [16] **Sokolova O.V.**, New Technologies and Pragmatic Techniques in Contemporary Poetry, Slovo.ru: Baltic accent, 15 (2) (2024) 81–97. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-5
- [17] **Zakharkiv E.V.**, Interfaces of Contemporary Poetry: Turn-taking and Multiple Addressing, Slovo.ru: Baltic accent, 15 (2) (2024) 98–111. DOI: 10.5922/2225-5346-2024-2-6
- [18] **Tsvigun T.V., Chernyakov A.N.**, “Flickering” Subject in a Poetic Text: Towards the Problem of Perception, The New Philological Bulletin, 4 (63) (2022) 42–54. DOI: 10.54770/20729316-2022-4-42
- [19] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, Russian Journal of Linguistics, 28 (3) (2024) 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [20] **Severskaya O.**, “Sub'yekt” sovremennoy poezii kak pragmatischeeskaya peremennaya [The “subject” of modern poetry as a pragmatic variable], Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The subject in the latest Russian-language poetry – theory and practice], ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018, Ss. 185–194.
- [21] **Severskaya O.I.**, Pragmatischekiye peremennyye v svodnom avtorskom slovare (na primere leksem ZDES' i SEYCHAS v akmeisticheskem korpusе) [Pragmatic variables in the author's consolidated dictionary (using the example of lexemes HERE and NOW in the acmeistic corpus)], Avtorskaya leksikografiya i istoriya slov: k 50-letiyu vykhoda v svet “Slovarya yazyka A. S. Pushkina” [Author's lexicography and the history of words: on the 50th anniversary of the publication of the “Dictionary of the Language of A. S. Pushkin”], Azbukovnik, Moscow, 2013, pp. 181–189.
- [22] **Severskaya O.I.**, Pragmatischeeskaya peremennaya MIR v poetike akmeizma [The pragmatic variable of the WORLD in the poetics of acmeism], Korpusnyy analiz russkogo stikha [Corpus analysis of Russian verse]: Collection of Scientific Articles, Azbukovnik, Moscow, 2013, pp. 185–215.
- [23] **Chafe W.**, Dannoye, kontrastivnost, opredelennost, podlezhashcheye, topiki i tochka zreniya [Datum, contrastivity, definiteness, subject, topics and point of view], Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 11, Progress, Moscow, 1982, pp. 277–316.
- [24] **Demyankov V.Z.**, «I» – the creator of possible world, spender and prodigal of invaluable words, METHOD: Moscow Quarterly Journal of Social Studies, 12 (2 (2)) (2022) 19–22. DOI: 10.31249/metodquarterly/02.02.02

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Северская Ольга Игоревна
Olga I. Severskaya
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Поступила: 01.08.2025; Одобрена: 14.09.2025; Принята: 25.09.2025.
Submitted: 01.08.2025; Approved: 14.09.2025; Accepted: 25.09.2025.

Научная статья

УДК 81; 81-25; 811.161.1; 811.131.1; 811.111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16309>

EDN: <https://elibrary/FZLWXT>

“LOQUOR ERGO SUM”: КОРПУСНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ И РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

О.В. Соколова

Институт языкоznания РАН, Москва, Российская Федерация

olga.sokolova@iling-ran.ru

Аннотация. В статье развивается концепция поэтической pragmatики, понимаемой как тенденция современной поэзии к сближению с pragmatикой обыденной коммуникации за счет использования языковых средств разговорной речи, которые в поэтическом дискурсе трансформируются, подчеркивая особый статус поэтического высказывания, не сводимого к обыденному. Исследование направлено на решение вопроса о том, как глаголы говорения функционируют в поэтическом дискурсе по сравнению с их использованием в обыденной речи. Анализ основан на корпусных методах и учете дискурсивной специфики pragmatических единиц. Для проведения исследования был создан поэтический корпус объемом 3 млн слов на русском, итальянском и английском языках, данные которого сравниваются с данными национальных корпусов разговорной речи: НКРЯ (устный подкорпус), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano) и COCA (Spoken). Квантитативный анализ показал, что глаголы говорения встречаются чаще, чем другие репрезентативы и перформативы из других групп, во всех исследованных корпусах. Результаты выявляют, что если в обыденной речи такие глаголы часто оцениваются как избыточные, то в поэтическом дискурсе они приобретают дополнительные функции: выступают инструментами метаязыковой рефлексии и «прагматического эксперимента», реализуют автокоммуникативную, метатекстовую функции, функцию «иллокутивного самоубийства», а также участвуют в речевых актах молчания. Эти результаты позволяют глубже понять механизмы прагматического измерения языка, выявить прагматическую специфику современной поэзии и показать способность глаголов говорения развивать самый широкий спектр функций, а также использоваться в контекстах с неснятой полифункциональностью.

Ключевые слова: корпусная pragmatика, иллокутивные глаголы, перформативы, поэтический дискурс, разговорная речь.

Для цитирования: Соколова О.В. “Loquor ergo sum”: корпусно-прагматический анализ глаголов говорения в поэтическом дискурсе и разговорной речи // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 128–145. DOI: 10.18721/JHSS.16309

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16309>

“LOQUOR ERGO SUM”: A CORPUS-PRAGMATIC ANALYSIS OF VERBS OF SPEAKING IN POETIC DISCOURSE AND COLLOQUIAL SPEECH

O.V. Sokolova

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

olga.sokolova@iling-ran.ru

Abstract. This article explores the concept of poetic pragmatics, which is defined as the tendency of contemporary poetry to converge with the pragmatics of everyday communication by employing a range of linguistic devices that are characteristic of ordinary speech. However, poetic discourse transforms these devices to emphasize the unique nature of poetic utterances, which are not equivalent to everyday speech. The study addresses the question of how verbs of speaking function pragmatically in poetic discourse compared to their use in everyday communication. The analysis draws on corpus-based methods and discourse-specific insights, using an original poetic corpus comprising 3 million words in Russian, Italian, and English, alongside spoken language corpora: the Russian National Corpus (spoken subcorpus), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano), and the spoken section of Corpus of Contemporary American English. The results reveal that, while these verbs are often considered redundant in everyday speech, in poetic contexts they acquire additional functions and meanings. They serve as instruments of metalinguistic reflection and enable a “pragmatic experiment”, developing functions such as autocommunicative, metatextual, illocutionary suicide, and participation in speech acts of silence. These results offer deeper insights into the mechanisms of the pragmatic dimension of language, highlight the distinctive pragmatic features of contemporary poetry, and demonstrate the ability of verbs of speaking to evolve a broad spectrum of functions and to operate in contexts marked by persistent multifunctionality.

Keywords: corpus pragmatics, illocutionary verbs, performatives, poetic discourse, colloquial speech.

Citation: Sokolova O.V., “Loquor ergo sum”: A corpus-pragmatic analysis of verbs of speaking in poetic discourse and colloquial speech, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 128–145. DOI: 10.18721/JHSS.16309

Введение

Во второй половине XX в. в лингвистике происходят глубокие сдвиги, связанные с переходом от структуралистской парадигмы к антропоцентрическому подходу в исследовании языка. Опираясь на идеи Э. Бенвениста о субъективности как грамматической категории, проявляющейся, прежде всего, в системе местоимений, Ю.С. Степанов вводит понятие «антропоцентрического принципа», которое в дальнейшем развивает в рамках «философии эгоцентрических слов», основанной на новом принципе, альтернативном по отношению к классическому декартовскому «*Cogito, ergo sum*», где выдвигается в фокус человек говорящий: «*Loquor, ergo sum*» (‘Я говорю, следовательно, я существую’) [1, с. 429].

Представление о языковом высказывании как о действии, способном влиять на внеязыковую реальность, оформилось в 1960-е гг. в рамках теории речевых актов Дж. Остина и Дж. Сёрля, концепции субъективности Э. Бенвениста и принципе кооперации Г. Грайса.

Хотя основная часть современных работ по лингвопрагматике сосредоточена на анализе спонтанной разговорной речи, все большее внимание уделяется дискурсивной специфике прагматических единиц в институциональных дискурсах. На фоне этого подхода немногочисленные, но значимые исследования демонстрируют возможность применения прагматических методов к анализу художественного текста. Поэтику «эгоцентрических слов» развивает Ю.С. Степанов,

С.Т. Золян разрабатывает теорию поэтической прагмасемантики [2], прагматические аномалии в художественном дискурсе исследует Т.Б. Радбиль [3], коммуникативную природу поэтического акта изучают М. Краксенбер [4] и А. Капоне [5], исследование парадигмальных изменений поэтического высказывания под влиянием перформативного поворота проводит В.В. Фещенко [6]. Анализируя недавно обнаруженные архивные материалы Э. Бенвениста, посвященные поэтическому языку, В.В. Фещенко подчеркивает положение о поэтическом высказывании как «действии»: поэтический язык «направлен не на говорение (*dire*), а на действие (*faire*)» [6, с. 183].

Учитывая существующие подходы, мы развиваем концепцию поэтической прагматики на материале новейшей поэзии, которая, с одной стороны, сближается с прагматикой обыденной коммуникации, а с другой – демонстрирует особый статус поэтического высказывания, не равного обыденному и использующего арсенал прагматических языковых средств для новых эстетических задач¹.

Материал и методы

В настоящей статье мы рассмотрим особенности анализа прагматических явлений в аспекте корпусного подхода, а также с учетом специфики их функционирования в поэтическом дискурсе. Более подробно будут исследованы прагматические функции иллокутивных глаголов, формирующих речевые акты. Согласно теории речевых актов, особенности их функционирования связаны с тем, что их употребление позволяет говорящему осуществить высказывание как действие [8]. К иллокутивным глаголам относятся и глаголы говорения, или *verba dicendi*.

Данное исследование методологически восходит к ставшим классическими подходам в лингвопрагматике [9; 10 и др.]. Развивая понятие субъективности в языке, Э. Бенвенист разграничивает полнозначные слова, например *дерево*, «с которым соотносятся все индивидуальные употребления слова *дерево*», и эгоцентрические единицы, например *я*, имеющие «референтную соотнесенность с актом индивидуальной речи, в котором оно произносится и в котором оно обозначает говорящего» [11, с. 295]. К таким категориям, которые реферируют к акту высказывания, наполняясь дополнительным значением и являясь формами проявления субъективности в языке, он относит, в частности, показатели дейксиса и иллокутивные глаголы [Там же]. Важным развитием этой концепции стала теория «эгоцентрических слов» Ю.С. Степанова как слов и выражений, которые ориентированы на Я говорящего и включают, прежде всего, само слово *Я, здесь и сейчас* [12, с. 224]. Опираясь на определение С. Левинсоном «прагматики» как области лингвистики, которая охватывает «взаимосвязь языковой структуры и принципов ее использования» [10, с. 9], к этим единицам можно также отнести дискурсивные маркеры.

Учитывая, что в лингвистике сложились различные подходы к определению «дискурсивных маркеров», «прагматических маркеров», «прагмем» и других единиц, относящихся к области к прагматики [13–16], представляется продуктивным введение более общего по отношению к ним термина – «прагматические единицы», являющегося гиперонимом и охватывающего отдельные подгруппы прагматических элементов (дейктические показатели, дискурсивные маркеры, иллокутивные глаголы и др.). В статье [17] предложено определение прагматических единиц как таких языковых элементов, которые выполняют коммуникативные и метаязыковые функции, выражают отношение говорящего к содержанию высказывания, указывают на координаты коммуникативного акта, а также обладают способностью ссылаться на контекст высказывания, структурировать дискурс и участвовать в организации интеракции².

¹ См. подробнее о концепции поэтической прагматики в [7].

² В [17] был использован термин «прагматические маркеры». Однако в дальнейшем он скорректирован с целью ухода от омонимии, поскольку в лингвистике существует узкое понимание «прагматических маркеров» как «дискурсивных маркеров» [14; 18 и др.]. Предлагается использовать термин «прагматические единицы».

В настоящей статье представлены результаты корпусно-дискурсивного анализа, направленного на исследование прагматики поэтического дискурса на фоне разговорной речи. Разработанный анализ включал несколько этапов, который кратко рассматривается ниже³.

На первом этапе был составлен поэтический корпус (ПК), включающий три подкорпуса текстов на русском, английском и итальянском языках. Общий объем корпуса составил около 3 млн слов: по 1 млн слов в подкорпусах русско-, англо- и италоязычной поэзии. В корпус вошли тексты «новейшей» поэзии с 1960-х по 2020-е гг., под которой мы понимаем инновационную поэзию последних десятилетий; около 50 авторов в подкорпусе на каждом языке, в среднем по одной-две книги каждого автора.

Общие критерии составления ПК:

1) **Критерий отбора по профессиональному признаку:** поэтические тексты профессиональных поэтов, опубликованные в «толстых» журналах, авторских сборниках, выпущенных в признанных издаательствах, а также на электронных профессиональных поэтических площадках.

2) **Жанровый критерий:** преимущественно стихотворение (80%), реже – поэма, поэтический цикл и др.

3) **Авторы:** Л. Рубинштейн, Д.А. Пригов, А. Парщиков, А. Драгомощенко, А. Скидан, А. Глазова, Е. Фанайлова, Б. Уоттен, К. Харриман, Л. Хеджинян, Ю. Осташевский, Н. Балестрини, Э. Сангвинети, А. Джулиани, Л. Баллерини, Дж. Френе, Д. Полетти, Э. Донзелли и др.

4) **Источники:** электронные библиотеки – vavilon.ru; Новая карта русской литературы: <http://www.litkarta.ru> и др.; авторские сайты – Виктор Соснора: <https://www.sosnora.poet-premium.ru/poetry.html>; Барретт Уоттен: <https://barrettwatten.net/> и др.; антологии – “Postmodern American Poetry” (под ред. П. Хувера, 1994); “Tempo: Excursions in 21st Century Italian Poetry” (под ред. Л. Пачи, 2023); авторские книги и др.

5) **Тип системы стихосложения:** преимущественно свободный стих, наиболее характерный для современной поэзии на европейских (в том числе английском) языках (70%), что необходимо учитывать для сопоставления с русскоязычной поэзией, а также силлабо-тоническое стихосложение (30%).

В связи с проведением сопоставительного анализа поэтического дискурса на разных языках для целей нашего исследования не мог быть использован поэтический подкорпус НКРЯ, поскольку он сформирован по другим критериям: будучи инструментом работы как для лингвистов, так и для стиховедов, он состоит преимущественно из силлабо-тонической поэзии.

Таким образом, анализ данных поэтического корпуса отражает актуальные языковые процессы, в которых по-разному реализуется установка как на семантический и синтаксический, так и на прагматический эксперимент. Это позволит выявить более широкий спектр значений и функций для языковых единиц по сравнению с обыденным языком.

С учетом тенденции современной поэзии к сближению с разговорной речью и использованию характерных для нее прагматических средств (подробнее о взаимодействии поэтического дискурса и обыденного языка см. в [7]), для исследования специфики функционирования прагматических единиц в новейшей поэзии на фоне их конвенционального использовались соответствующие корпуса (и подкорпуса) устной речи: НКРЯ (Национальный корпус русского языка, устный подкорпус), KIParla (L’italiano parlato e chi parla italiano) и COCA (Corpus of Contemporary American English, Spoken)⁴.

На втором этапе был составлен список прагматических единиц, при формировании которого первоочередное внимание было уделено показателям, релевантным для анализа языковых явлений на трех языках, с учетом различия их строя, в виду чего были отобраны иллоктивные глаголы (репрезентатив, директив, комиссив, экспрессив, декларатив, квеситив и др.), дейктические

³ Более подробное описание этого проекта и этапов проведенного анализа см. в [17].

⁴ О сопоставительном анализе разных типов дискурса с учетом корпусных данных см. [19].

показатели (личные, пространственные и временные) и дискурсивные маркеры (интерперсональные, метатекстовые и контекстуальные).

На третьем этапе анализа было проведено аннотирование корпуса с помощью разметки прагматических единиц. Были использованы квантитативные методы, включающие общий подсчет данных по количеству употреблений прагматических единиц в корпусе посредством автоматической и ручной обработки ПК с помощью программы AntConc, и квалификативные, которые представляли анализ функционирования отобранных единиц в поэтическом дискурсе на фоне их употребления в разговорной речи. Квалификативный анализ представлял составление «портретов» единиц, который включал указание источника контекста (автора и название текста) и особенности функционирования в поэзии. Далее был проведен сопоставительный анализ количественных показателей: данные ПК сравнивались с данными разговорных национальных корпусов, что позволило сделать выводы о частотности употреблений прагматических единиц в поэтическом и обыденном языке, исходя из количества вхождений на миллион слов. Сводная таблица, отражающая количественные данные по употреблению иллокутивных глаголов, приведена ниже.

Иллокутивные глаголы говорения

Поскольку далее мы рассмотрим в качестве кейса иллокутивные функции глаголов говорения, то здесь кратко охарактеризуем их специфику.

Глаголы говорения, или глаголы речи (лат. *verba dicendi*) – это глаголы, обозначающие сам акт речи или вводящие цитату. Термин «*verba dicendi*», объединяющий глаголы говорения, восходит к античным грамматикам, где он выделялся наряду с *verba iubendi* (глаголы приказания), *impediendi* (глаголы запрета) и др. Традиционно к этой группе относятся глаголы *говорить*, *сказать*, *рассказать*, однако многие исследования ограничиваются выделением наиболее типичных представителей этой группы, не приводя полные списки этих глаголов. В современной лингвистике сложились разные подходы к классификации *verba dicendi*: некоторые исследователи выделяют их как более общую группу, куда входят разные подгруппы глаголов [20, 21], в том числе иллокутивные глаголы [22].

Стремясь выделить глаголы говорения как особую подгруппу в рамках иллокутивных глаголов, а также опираясь на существующие классификации, можно отнести к *verba dicendi* более широкий и более узкий списки глаголов. Так, уточняя достаточно широкую классификацию Т. Де Мауро, в расширенный вариант классификации *verba dicendi* можно включить такие из выделенных им подгрупп, как общеязыковые глаголы: *dire*, *parlare*, *segnare*, глаголы, обозначающие общие коммуникативные и семиотические речевые действия: *comunicare*, *esprimere*, и глаголы, обозначающие фонетические формы выражения речи: *balbettare*, *bisbigliare*, *borbot-tare*, *gridare*, *sbraitare*, *strillare* и др. [22, с. 867–869]; подробнее о последней группе глаголов см. [23]. Эта классификация во многом пересекается с предложенной И.А. Ермолаевой таксономией, сформированной на основе подхода А. Вежбицкой, в рамках которой выделена группа «собственно глаголов речи» [21, с. 364].

Наиболее продуктивной для нашего исследования (учитывая специфику выбранных дискурсов и наполненность корпусов) представляется классификация А. Вежбицкой, создавшей для английского языка словарь глаголов речи в терминах примитивов [20], в рамках которого она выделяет «Tell-группу»⁵. Эта группа включает глаголы, соответствующие «ядерным» единицам глаголов говорения: *tell*, *report*, *narrate*, *relate*, *recount*, *describe* и *explain*⁶. Поскольку глагол *tell* описывается в Словаре через *say*, являющийся семантическим примитивом, последний не выделяется в виде отдельного глагола, но, согласно рассмотренным выше классификациям, *say*

⁵ Аналоги в русском языке: *говорить*, *сказать*, *сообщить*, *описать*, *рассказать*, *повествовать*, *изложить*, *объяснить*; в итальянском языке: *dire*, *parlare*, *informare*, *descrivere*, *raccontare*, *narrare*, *esporre*, *spiegare*.

⁶ В Словаре А. Вежбицкой также выделяется глагол *lecture*, но по причине редкого употребления в современном английском языке, мы не будем его рассматривать.

также относится к «ядру» группы глаголов говорения. Современные исследования [24, с. 155] предлагают новые классификации глаголов говорения, основанные на их семантических и синтаксических свойствах, выделяя, в частности, подгруппу REPORT, глаголы которой относятся к способу представления сообщения (*say*, *declare*, *assert* и др.), подгруппу INFORM, выражющую способ, которым сообщение передается адресату (*lecture*, *agree (with)*, *remind* и др.) и подгруппу TELL, которая относится и к сообщению, и к адресату (*tell*, *ask*, *request* и др.). При этом *tell* объединяет синтаксические характеристики двух других подгрупп [Там же]. Это позволяет сделать вывод об актуальности классификации Вежбицкой, принятой за основу нашего исследования.

Отметим, что рассмотрение глаголов, выделенных в рамках данных классификаций, на предмет соответствия их «ядру» группы *verba dicendi* требует отдельного подхода, основанного как на данных национального корпуса, так и на данных корпусов разных дискурсов, и не входит в рамки этого исследования.

Выделяя разные семантические компоненты *говорить* (произносить последовательность звуков; являться носителем смысла; считать, что *M*; хотеть, чтобы *Y* считал / знал, что *M*; хотеть, чтобы *Y* осуществил действие *M*), Анна А. Зализняк отмечает возможность их совмещения [25, с. 166–167].

Еще одной важной особенностью перформативов является их «автореферентность», т.е. способность обозначать то самое действие, которое происходит при осуществлении данного высказывания [11, с. 297] (ср. *Настоящим удостоверяю*; *I hereby declare*).

Исследование автореферентных высказываний при обращении к поэтическому дискурсу открывает новое измерение понимания перформативности, поскольку поэтический текст по своей природе является автореферентным, согласно функциональной модели Р. Якобсона, который выделяет среди прочих поэтическую функцию, определяя ее как направленность на сообщение и фокусирование внимания на сообщении ради него самого [26].

Можно сделать вывод, что поэтическое высказывание как речевой акт обладает двойной автореферентностью: с одной стороны, оно может обозначать само совершение речевого действия (высказывание в перформативной форме), с другой, благодаря внутренней саморефлексивности оно сосредоточивает внимание на самом факте языкового выражения, а в данном случае – на pragmaticском эксперименте с ним. Таким образом, используя речевые акты, поэтический дискурс, в отличие от обыденной коммуникации, где употребление перформатива означает совершение действия, рефлексивно сообщает о себе и как о действии, и как о форме, совмещая pragmaticский и эстетический уровни референции. Поэтическое высказывание интенциально заявляет о своем перформативном характере, осознанно демонстрируя, что оно само является действием, т.е. не просто сообщает нечто, а совершает речевой акт, и при этом рефлексирует его.

Например, в стихотворении Д. Давыдова: *ты не даешь ответ, но я не о тебе, / я говорю о том и с тем, чему названья нету, / поэтому не стоит нам на эту, / да и на ту вот даже начинать* двойная автореферентность реализуется за счет того, что во фразе *я говорю о том и с тем, чему названья нету* содержится прямая отсылка к самому речевому акту, т.е. говорение является темой высказывания. Но данный поэтический текст не только обозначает акт речи, он им и является, следовательно, в нем совпадают план высказывания и план действия, т.е. совершается автореференция и в предметном, и в коммуникативном плане.

Если в разговорной речи «я говорю» означает речевой акт, сигнализирующий, что сейчас последует определенная информация, неизвестная слушающему и важная для говорящего, то в поэтическом дискурсе у него появляются дополнительные значения: он становится актом самоопределения и самоописания субъекта как говорящего, может указывать на отношение с неопределенным адресатом (как в данном примере, *с тем, чему названья нету*), размывая традиционную адресацию речи, а также демонстрировать, что речь направлена на «ничто», на неизъяснимое, тем самым проблематизируя саму возможность речевого акта.

Для понимания иллокутивной природы глаголов говорения важным является утверждение Е.В. Падучевой о специфичности их функционирования: «Компонент ‘Я говорю, что’ с обычным значением глагола *говорить* возникает в контексте речевого акта в любом высказывании, и поэтому в произносимом предложении с обязательностью опускается. Следовательно, если компонент ‘Я говорю, что’ сохраняется в предложении, то это потому, что *говорить* имеет не обычное, а какое-то более богатое значение» [27, с. 138]. Говоря об избыточности эксплицитного выражения модуса говорения в настоящем времени, Р.А. Говорухо делает вывод о том, что этот «избыточный в семантическом отношении элемент выполняет строевую или стилистическую функцию» [28, с. 145].

Специфика функционирования глаголов говорения как показателей субъективности, связанная с экспликацией компонента «я говорю», помимо лингвопрагматического имеет и более широкое, лингвофилософское значение, что выражается в приведении Ю.С. Степановым нового положения «*Loquor, ergo sum*» как основы нового «антропоцентрического принципа» [1, с. 429]. Обращаясь к анализу связи речи и поведения, Н.Д. Арутюнова вводит понятие «речеповеденческих действий», которые оформляются с помощью перформативов, и выделяет в качестве ключевой их черты – адресованность, обращенность к другому, что отличает их от поступка, который может не иметь адресата [29, с. 643].

Таким образом, специфичность глаголов говорения обусловлена, с одной стороны, избыточностью их употребления в контексте, а с другой, расширением их функционирования по сравнению с остальными иллокутивными глаголами. Эта идея полностью подтверждается данными ПК, что проявляется в частотности их употребления и в выражении дополнительных функций.

Далее был проведен сопоставительный анализ количественных показателей (табл.): данные ПК сравнивались с данными разговорных национальных корпусов, что позволило сделать выводы о частотности употреблений прагматических единиц в поэтическом и обыденном языках, исходя из количества вхождений на миллион слов.

Отметим, что для удобства систематизации иллокутивных глаголов мы указывали их в таблице в инфинитивной форме, но при корпусном анализе мы рассматривали формы, которые соответствуют 1-му лицу единственного и множественного числа настоящего времени индикатива (в английском языке мы учитывали также настоящее продолженное время (*Present Continuous*)). Хотя исследователи относят к иллокутивным глаголам наряду с прямыми (или эксплицитными) перформативами также косвенные (или имплицитные, скрытые) перформативы, когда иллокутивное намерение говорящего не совпадает с буквальным значением высказывания, а выводится контекстуально (например, *Не могли бы вы передать мне соль* или *Курить запрещено*) [27; 30, с. 196; 31; 32]⁷, для корпусного анализа обширных групп единиц эксплицитные перформативы представляются наиболее репрезентативными.

Согласно данным квантиативного анализа, как в разговорной речи, так и в поэтическом дискурсе из всех иллокутивных глаголов наиболее частотными являются иллокутивные глаголы говорения (далее – ИГГ): *говорю, скажу, say, tell, dico, parlo*, которые употребляются чаще всех остальных глаголов говорения и других иллокутивных глаголов. Это связано как с их полисемией, так и с особой перформативной природой: выделенные Дж. Остиным требования конвенциональной ситуации и необходимость соблюдения условий успешности (условие искренности и другие предварительные и существенные условия), более строгие для остальных речевых актов, понижаются для глаголов речи, что позволяет употреблять их в функции других иллокутивных глаголов.

⁷ Анализ прямых и косвенных перформативов как ключевых прагматических феноменов в поэтическом и политическом дискурсах 1920–1930-х гг. см. в [33].

**Таблица. Частотность употребления иллокутивных глаголов
в ПК и разговорных национальных корпусах**
Table. Frequency of use of illocutionary verbs in the PC and colloquial national corpora

Иллокутивные глаголы (РЯ ⁸)	ПК (РЯ)	НКРЯ (РЯ)	Иллокутивные глаголы (АЯ ⁹)	ПК (АЯ)	СОСА (АЯ)	Иллокутивные глаголы (ИЯ ¹⁰)	ПК (ИЯ)	KIParla (ИЯ)
Глаголы говорения								
говорить	296	892	say	250	753	dire	267	1036
сказать	94	213	tell	81	328	parlare	155	193
сообщить	4	3	report	0	12	informare	1	2
описать	1	2	relate	3	5	descrivere	1	3
рассказать	26	56	recount	1	0	raccontare	63	37
повествовать	0	0	narrate	0	0	narrare	0	0
изложить	0	1	describe	12	3	esporre	2	1
объяснить	5	13	explain	4	2	spiegare	5	16
Другие иллокутивные глаголы (выборочно)								
просить	32	108	require	2	2	pregare	39	56
требовать	4	10	reject	9	1	raccomandare	5	10
клятьсяся	13	18	swear	8	52	giurare	19	49
предлагать	6	48	promise	4	2	promettere	9	4

Поскольку глагол *сказать* является глаголом совершенного вида, в русском языке он не образует форму настоящего времени, которая заменяется будущим временем: *скажу*. Однако мы включаем его в классификацию глаголов речевого действия, поскольку он обозначает акт высказывания и может выполнять иллокутивную функцию (например, *Я скажу тебе правду* – коммисив). Кроме того, форма *скажу* выполняет те же иллокутивные функции, что и формы настоящего времени несовершенного вида, и в обыденном языке часто употребляется в функции речеактного глагола: *Я тебе скажу; Скажу честно; Скажем прямо* и др.

Среди других ИГГ наиболее частотны в обоих дискурсах и во всех трех языках: *рассказать, recount, raccontare* и *объяснить, explain, spiegare*. Это связано с тем, что глагол *рассказать* маркирует акт нарратории, в рамках которого говорящий не просто сообщает факт (как в случае с *говорю*), а структурирует событие в виде законченного повествовательного высказывания. Таким образом, *рассказать* (а также *recount, raccontare*) совмещают репрезентативную функцию (описание действительности), а также (согласно [20, с. 293]) «воссоздает последовательность событий», что можно обозначить как метатекстовую функцию, обладая при этом большей субъективностью по сравнению с *narrate* «в подразумеваемом внимании к описываемым деталям, к тому, как развивались события». Частотность *объяснить* (а также *explain, spiegare*), возможно, связана с заложенным в нем перлокутивным эффектом – воздействием на восприятие слушающего, поскольку в этом глаголе заложено стремление говорящего устраниТЬ неясность, представить причины, цели или логические связи между событиями. Согласно А. Вежбицкой, «*объяснить что-либо (Х)* означает, возможно, сделать так, чтобы другие люди смогли понять это, то есть смогли узнать некоторые вещи об X, которые можно узнать, размышляя о нем» [Там же, с. 297].

Таким образом, высокая частотность глаголов *рассказать* и *объяснить* в поэтическом и разговорном дискурсах обусловлена их многофункциональностью как иллокутивов, способных одновременно выполнять функции репрезентации, интерпретации и речевой рефлексии, а

⁸ РЯ – русский язык.

⁹ АЯ – английский язык.

¹⁰ ИЯ – итальянский язык.

также их способностью нарушать или переопределять традиционные условия искренности и референции, особенно в поэтическом контексте.

Хотя иллокутивные глаголы в поэтическом дискурсе в целом употребляются реже, чем в разговорной речи, тем не менее заметна высокая частотность их употребления, а в некоторых случаях, как с глаголами говорения *raccontare*, *describe*, *explain*, *esporre* и другими ИГГ *promettere*, *promise*, *клясться*, *reject*, выявлено почти в два раза больше вхождений или близкое по частотности количества.

Результаты

Далее мы рассмотрим реализацию ИГГ по данным корпусов устной речи и ПК¹¹ с целью сопоставления специфики их употребления и различий в иллокутивной нагрузке при формировании поэтического и обыденного высказывания.

Основные функции, в которых используются ИГГ

1) **Репрезентатив** (констатив, ассертив) – тип речевого акта, с помощью которого говорящий описывает реальность, утверждает, констатирует, сообщает или выражает убеждение в истинности высказывания. Характерная синтаксическая структура: придаточное предложение с союзами *что*; *che*; (*that*)¹², косвенное дополнение с предлогами *o*; *di*; *about*, *of* или высказывание в форме прямой речи.

По данным национальных разговорных корпусов (НКРЯ (устный подкорпус), KiParla и COCA (Spoken))¹³:

РЯ: *Андерсон Кирилл Михайлович: Я говорю / что я как-то вот на собственном опыте я прихожу к выводу / что фатализм / это самое правильное* [К.М. Андерсон, Б.А. Прокудин. Беседа с К.М. Андерсоном. Запись Б.А. Прокудина (2013)]¹⁴

ИЯ: *il gatto si mangia le galline // sì *ti dico che* era un predatore // # e andavo da zio giacomo x vedi? quel gatto tuo sempre a mangia a chest gallina l'ha uccisa¹⁵* (KPS018)¹⁶

АЯ: *Yes. Well, I say that's right. I think that is a signal. And when the dog doesn't bark, you learn something, right?*¹⁷ (SPOK: CNN: CNN Newsroom)¹⁸

По данным ПК:

РЯ: *Я говорю, что сам приготовлю ужин, потому что / мне не хочется, чтобы она что-то пропустила* (И. Данишевский); **Я говорю / Что** оно всегда / Что мы / Увидим ее (Е. Костылева)

ИЯ: *spengo come posso ogni cosa e poi l'accendo / e poi la spengo / e poi? / dico¹⁹ che sono malate / cosa scriviamo?*²⁰ (S. Dibiase); *è il sole sotto vetro cade il tempo in pulviscolo al di / qua delle tendine io dico di questi chicchi in fila uno è il semprevivo dei tetti*²¹ (A. Lumelli)

АЯ: *I say the earth is porous and we fall constantly*²² (P. Gizzi); *Yes. In private, in bed, at night, with my head / turned sideways on the pillow. No wonder I say that I love to sleep*²³ (L. Scalapino)

¹¹ Все примеры приводятся на трех языках: русском (РЯ), итальянском (ИЯ) и английском (АЯ). Подстрочный перевод примеров сделан автором – ОС.

¹² В английском языке союз *that*, вводящий придаточное предложение, может быть опущен. Опущение русского *что* возможно, но не так свободно, как в английском: это допустимо в устной речи.

¹³ Ссылки на цитаты из национальных корпусов приводятся в том формате, который автоматически выдается в каждом из этих корпусов.

¹⁴ Здесь и далее русскоязычные примеры устной речи взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

¹⁵ Кот ест кур // да, я тебе говорю, он был хищником // # и я пошел к дяде Джакому, типа видишь? твой кот все время ест этих кур – он ее убил

¹⁶ Здесь и далее италоязычные примеры устной речи взяты из корпуса KiParla (<https://kiparla.it/>).

¹⁷ Да. Ну, я говорю, что это правильно. Я думаю, что это сигнал. И когда собака не лает, вы чему-то учитесь, верно?

¹⁸ Здесь и далее англоязычные примеры устной речи взяты из корпуса COCA (<https://www.english-corpora.org/coca/>).

¹⁹ Анализ итальянского речевого глагола *dire* см. [34].

²⁰ Я выключаю все, как могу, а потом включаю / и снова выключаю / а потом? / говорю, что они больны / что напишем?

²¹ это солнце под стеклом время падает в пыль по / эту сторону занавесок я говорю об этих зернах в ряд одно это бессмертник крыши

²² Я говорю, что земля пористая, и мы постоянно падаем

²³ Да, наедине, в постели, ночью, повернув голову / на подушку. Неудивительно, что я говорю, что люблю спать

2) ИГГ могут выполнять роль других речевых актов (например, декларатива, директива, комиссива и др.).

Как утверждал З. Вендлер, «некоторые глаголы могут выступать в разных случаях с разной иллокутивной целью». Например, *предупреждать*, в зависимости от контекста может обладать функцией и директива, и репрезентатива. Во фразе «Предупреждаю: отстань от моей жены!» – это директив, а в «Предупреждаю, что бык вот-вот бросится» – репрезентатив [35, с. 246].

Одна из наиболее распространенных функций, которую дополнительно выполняют ИГГ, это **вопрос (квеситив)**.

По данным национальных корпусов:

РЯ: Ольга Савельева: *Я говорю / что это меняет? Я не знаю вашего директора / я понимаю / что вы / наверное / знаете...* [Выступление на дискуссии «Грабли благотворительности» в Общественной палате РФ (2019)]

ИЯ: *eh vi ve~ fate mai cose non lo so qua a medicina ci sono mh a~ non dico attività però attrazioni?*²⁴ (KPS213)

АЯ: *I say what are you talking about, man? He says, yeah, well, you know, the “Airplane” movies* (SPOK: Fresh Air 12:00 AM EST)

По данным ПК:

РЯ: *A сказали, что здесь – предсчастье. Где же счастье? – я говорю. / И глазами уже горю. «В смерти ли? Но там...* (В. Соснора)

ИЯ: *Chiedo in giro e nessuno sa / cosa indichino – esattamente, dico – / che luogo sia, dove, se una fortezza / o una chiusa*²⁵ (V. Magrelli)

АЯ: *& I see a small face sticking out like a // to mesmerize, to suck you in to leave all out to include all, you gotta be ready you're ready, eyes / violate as I do every day, all born. Now you tell me, can I say that?*²⁶ (B. Mayer)

Дополнительные иллокутивные функции

Если базовые функции ИГГ, которые были рассмотрены выше, схожи по форме выражения и той перформативной роли, которую они выполняют в обыденном и в поэтическом высказываниях, то анализ дополнительных функций позволяет выявить установку на pragматический эксперимент в поэзии²⁷.

Такая склонность глагола *говорить* к одновременному выражению разных значений оказывается продуктивной в поэзии, стимулируя авторов к дальнейшему расширению полисемии и употреблению глаголов речи в новых значениях, вплоть до противоположных смыслов отказа от говорения или молчания. Это выражается с помощью активизации полисемии и полифункциональности этих глаголов.

3) **Автокоммуникативная функция** восходит к концепции автокоммуникации Ю.М. Лотмана [36] и выражает автоадресацию художественного сообщения. Это такой речевой акт, который ориентирован на адресата, в роли которого выступает сам адресант. Исходя из выделения Н.Д. Арутюновой адресованности как ключевой коммуникативной черты перформативов [29, с. 643], можно подчеркнуть особую важность автокоммуникативной функции, которая проявляется в поэтическом высказывании, повышая его иллокутивную силу.

Распространенная форма ее выражения – с помощью возвратного местоимения (*я говорю*) *себе* в русском языке и (*I say to*) *myself* в английском, а в итальянском – посредством местоимения первого лица в косвенном падеже *mi* с глаголом *dico*.

²⁴ э-э, вы когда-нибудь делали что-то, чего я не знаю, здесь, в медицине, есть же mx a~ Я не говорю о мероприятиях, а о достопримечательностях?

²⁵ Спрашиваю повсюду, и никто не знает, / на что это указывает – точно, **говорю** – / что это за место, где оно, крепость ли это / или ограда

²⁶ Я вижу маленькое лицо, выглядывающее, словно //, чтобы заворожить, втянуть, отбросить все и ворвать все, надо быть готовым, ты готов, глаза / нарушают, как я делаю каждый день, все рожденные. Теперь ты скажи мне, **могу ли я так сказать**

²⁷ О понятии «языкового эксперимента» в словесном творчестве как системном явлении, в котором взаимодействуют научный и художественный способы постижения реальности и который приводит к качественному изменению исходного материала, см. [37, с. 101].

По данным национальных корпусов:

РЯ: Ирина: *A? Не затягиваем. Говорю себе сама / да. Соответственно / с гостиницей: есть такое понятие hold option / да?* [Тренинг туристической фирмы (2007)]

ИЯ: *avendo sta certezza ho detto okay non è che stomh dando fastidio // mentre se ho il dubbio mi dico // vabbè sì // ti pesa // dico magari poi questo qua pensa che²⁸* (KPN030)

АЯ: *who at least give him some briefing about that. Nevertheless, I say to myself, what else do you have really to gain by sort of re-litigating this and²⁹* (SPOK: THE FIVE 9:00 PM EST)

В устной речи автокоммуникация носит регулирующий характер, когда говорящий «озвучивает» свои мысли, фиксируя аналитический процесс организации высказывания, или терапевтический, когда проговаривание используется с целью самоподдержки. Формально эти высказывания отличают простота и фрагментарность, они грамматически и интонационно ограничены (*Говорю себе сама / да; mi dico // vabbè sì*), они могут включать различные дискурсивные маркеры: хезитации, метатекстовые, выражающие отношение к собственному высказыванию (*конечно, ну, magari* и др.).

По данным ПК:

РЯ: *тянешься так / что рябь только мыслиться может: / что же? – себе говорю / место ль не тронуто бывшего взгляда / над смежною песнью ли гречки стуча по-воздушному / ау-проглянуло / и – нет?* (Г. Аиги); **Я говорю себе:** *пройдет, / пройдет зима, давленье войдет в норму, и я усну, и / солнце будет теплым* (Х. Закиров)

ИЯ: *che nutre il suo male: conoscere. Che sarà mai!, mi dico, / e intanto frugo avidamente per / rintracciare / la curva, segno e solco irreversibile³⁰* (V. Magrelli)

АЯ: *Am I not bound, I guess, (I say to myself) to regard him tenderly, / to concentrate on the man's trunk instead of his face, which in this case, / is so impassive³¹* (L. Scalapino); *As the alarm clocks go off we say to ourselves it's time / Or to each other we say it / And, elbows to bed, hands to head³²* (L. Hejinian)

Кроме того, в итальянской поэзии глагол *dire* может иметь возвратную форму *dirsi* в значении ‘называть’, ‘нарекать’, выступая при этом в роли декларатива, в поэтических контекстах актуализируется полисемия, когда он совмещает обе две функции:

Anch'io mi chiamo cane, anch'io mi dico bestia / per questa mia virtù di crescere nell'erba³³ (E. Isgrò)

В отличие от разговорной речи, в поэзии автокоммуникация носит не регулирующую, а рефлексивную функцию, направленную на осмысление когнитивных процессов порождения слова и языка, автономинации и границ внешней и внутренней коммуникации (*что же? – себе говорю...*). По сравнению с речевой конвенцией, где глаголы употребляются в одной функции во избежание двусмысленности (в примерах из разговорных корпусов, это в основном функция комиссива, обещания субъекта самому себе: *mi dico // vabbè sì*, или квеситива: *I say to myself, what else*), в поэтическом дискурсе речевой глагол теряет однозначную связь с типом речевого акта: он выражает разные функции, превращаясь в «контейнер» саморефлексии субъекта.

Например, *mi dico: che sarà mai!* (V. Magrelli) выражает функции экспрессива, направленного на самого субъекта и выражающего ироническое отношение к происходящему; автокоммуникативного директива в значении приказа самому себе ‘не придавать значения’; риторического вопроса, или квеситива с функцией утверждения в оценочной модальности. Схожее комплексное сочетание функций можно выделить в примере *что же? – себе говорю / место ль не тронуто*

²⁸ имея эту уверенность, я сказал хорошо, это не то, что меня беспокоит, // в то время как если у меня есть сомнения, я говорю себе хорошо, да, // это давит на тебя, // я говорю, может быть, тогда этот парень подумает, что

²⁹ кто, по крайней мере, даст ему некоторую информацию об этом. Тем не менее, я говорю себе, что еще вы действительно можете получить, снова оспаривая это и

³⁰ что питает свою боль: знание. Что в этом такого! – говорю я себе, / и тем временем жадно роюсь, / чтобы отыскать / изгиб, знак и необратимую борозду

³¹ Разве я не обязана, думаю, (говорю я себе) относиться к нему с нежностью, / сосредоточиваться на его теле, а не на лице, которое в данном случае / так бесстрастно

³² мы говорим себе, что пора / Или друг другу мы говорим это / И, локти к кровати, руки к голове

³³ Я тоже зову себя псом, я тоже называю себя зверем / за эту мою способность расти в траве

бывшего взгляда (Г. Айги): сочетание репрезентатива с неуверенной эпистемической установкой, квеситива и экспрессива, формирующего риторический вопрос.

Таким образом, автокоммуникативная функция в поэзии притягивает другие функции, формируя сложные речевые акты, в которых совмещаются директив и комиссив, риторический вопрос и разные виды эпистемической модальности.

4) **Метаязыковая функция**, согласно Р. Якобсону, ориентирована на код сообщения и сводится к толкованию его элементов [26, с. 203].

По данным национальных корпусов:

Она характерна как для обыденного, так и для поэтического языка, но в устной речи употребляется преимущественно с целью перефразирования и уточнения вышесказанного в значении ‘объясняю’, что выражается с помощью метатекстовых вставок, типа я имею в виду, *nel senso, in the sense*.

РЯ: Явлинский Григорий Алексеевич: *Когда я говорю / мы это сделаем / я имею в виду / что мы пройдем свою часть пути* [Григорий Явлинский. Выступление на XIX съезде партии «Яблоко» (2016)]

ИЯ: *io della loro // modalità di gestione di questa occupazione non ne condividevo un cazzo // nel senso che dico va bene tenerci il posto // io ero dell'idea di // ce lo occupiamo // tanto la porta è aperta // quando ti serve te la prendi // // ma quello³⁴* (PTD012)

АЯ: *Stegall,?? is a sensitive guy. I say that in the sense of being a perfectionist. He likes everything nice and³⁵* (SPOK: Fox Cavuto)

По данным ПК:

В силу обостренной «метаязыковой рефлексии», характерной для современной поэзии, способы ее проявления и дополнительные функции в поэтических текстах гораздо более разнообразны, чем в разговорной речи.

4.1) Метаязыковая функция может выражаться при употреблении метаязыковой лексики (*слова; parole*), а также с помощью повтора самого глагола говорения:

РЯ: *Эти слова, о которых / я говорю, не должны быть сложнее... не сложнее всего / прочего, что часто пишут на рождественских открытках* (И. Данилевский)

ИЯ: *spiegando / le tredici pieghe di un pensiero / decifro l'accorta sentenza che scende / sulle mie sentimentali parole che dico / che dico fingendo anche l'amore³⁶* (P. Cavalli)

АЯ: *What I say is what I meant / & what I saw is what I said / But neither seen nor spoke / Is what I think I thought³⁷* (Ch. Bernstein)

Прокомментируем англоязычный пример, в котором не только расширяется количество функций (репрезентативная, метаязыковая и автокоммуникативная), но и происходит своеобразная деконструкция речевого акта через «обнажение» (термин В.Б. Шкловского) его коммуникативной структуры. Здесь глаголы говорения, восприятия и мышления (*say, mean, see, think*) выстраиваются в логическую цепочку, но каждая следующая фраза ставит под сомнение достоверность предыдущей. Местоимение *what* с глаголом *I say*, которое традиционно вводит придаточные определительные предложения, уточняющие содержание высказывания, в данном контексте не соотносится с конкретной пропозицией или внеязыковой ситуацией, а выступает как маркер сбоя референции и как средство деавтоматизации восприятия. Если по Л. Витгенштейну значение слова – в его употреблении, то здесь осмысливается референциальный парадокс, когда язык утрачивает способность выражать значения и удостоверять мысль или опыт.

³⁴ я ни хрена // не согласен с их способом управления этим занятием // **в смысле, я говорю** ну, ладно, пусть мы и держим за собой это место // но я-то был за то, чтобы // мы его заняли // ведь дверь открыта // когда тебе нужно, приходишь и берешь

³⁵ Стегалл,?? чувствительный парень. **Я говорю это, в смысле,** перфекционист. Ему нравится все красивое и

³⁶ объясняя / тринадцать изгибов мысли / я расшифровываю осторожное предложение, которое нисходит / на мои **сентиментальные слова, которые я говорю / которые я говорю**, даже притворяясь, что люблю

³⁷ То, что я говорю, – это то, что я имел в виду, / а то, что я увидел, — это то, что я сказал. / Но ни увиденное, ни сказанное – / не то, что, как мне кажется, я думал.

4.2) Метаязыковая рефлексия может выражаться также через осмысление процессов грамматикализации и прагматикализации³⁸, связанных с процессами смыслового «выветривания», что выражается через сближение глаголов в иллокутивной и в дискурсивной функциях (т.е. в виде дискурсивных маркеров)³⁹:

РЯ: – какое дело но: *скажу / да: в месяц маков говорю и роз / чтоб – так сказать* – смягчить (Г. Айги); **Что ж. Я готов. Я говорю:** прощай, / жизнь обезжизненная, *так сказать* (В. Соснора); **Вот, говорю я, вот, говорю я, вот, / говорю, говорю, а в печенках – лай автомата: / Вадик Толяну весь магазин в живот / спяну всадил, мол, так тебе, пес, и надо** (О. Чухонцев)

АЯ: *They say mine was round. I say it was / central, awful, between that great bush and some stones she / had. We waited for our faces to come round, you know⁴⁰* (C. Coolidge); *Rapt attention / on a stalk, / surprised by thirst. / JUST SAYING / We're all saying the same thing now⁴¹* (R. Armantrout)

Этот прием реализуется с помощью повтора глагола говорения, который имеет омоним в виде дискурсивного маркера: *скажу, говорю и так сказать; I say, We're all saying и they say* в значении ‘поговаривают’, *JUST SAYING* в значении ‘просто к сведению’.

В примере из О. Чухонцева *говорю* реализует двойную функцию – как иллокутивный глагол и как дискурсивный маркер. В функции репрезентатива говорящий «действует» через высказывание, когда речь становится способом психического реагирования на травмирующее событие. Однако повтор (*вот, говорю я, вот, говорю я, вот, / говорю, говорю*) делает высказывание метакомментарием к собственному говорению, ослабляя семантически и переводя в категорию прагматикализованных единиц, на что указывает также постановка в независимой синтаксической позиции и выделение запятыми. На возможность прочтения *говорю* как дискурсивного маркера указывает и другая прагматическая единица – *мол*, которая здесь одновременно передает чужую речь и отстраненную речь самого субъекта.

4.3) Еще одна форма выражения – через контекстуальное сближение глаголов в личной и безличной форме, что связано с осмыслением границ эпистемической модальности и выражается через сдвиг между безличной формой *si dice* и личной формой *dico*:

(*la sinistra, sull'anca, mi fa un'ansa*): *non ho una testa, ma un preservativo, / così si dice (e si diceva) e dico: / [a tronco / di cono, che è come un pesce plissettato e rugoso⁴²* (E. Sanguineti)

При этом полисемия в поэзии не снимается, а остается неотъемлемой частью интерпретации.

5) Нарушение условия искренности

Один из основных признаков перформативов, выделенных Дж. Сёрлем, гласит, что «неприемлемым... будет соединение эксплицитного перформативного глагола с отрицанием выражаемого им психологического состояния. Так, нельзя сказать: „утверждаю, что р, но не думаю, что р“ и т.п.» [30, с. 174].

В поэзии, ориентированной на выражение внутреннего конфликта, в том числе (авто)коммуникативного, нарушение условия искренности и иллокутивное самоубийство являются распространенными способами выражения перформативности: это не просто отказ от коммуникации, а жест, в котором высказывание отменяет само себя, обнажая внутренний конфликт между говорящим субъектом и языком как таковым.

Для поэтического дискурса характерны разные формы нарушения условия искренности, в отличие от обыденной коммуникации, для которой необходимо соблюдение и поддержание речевых конвенций.

³⁸ Подробнее о контекстуальной ресемантизации и депрагматикализации в поэзии см. в [7].

³⁹ О грамматикализации глаголов говорения см. [38].

⁴⁰ **Говорят**, моя была круглой. **Я говорю**, она была / в центре, ужасная, между тем огромным кустом и камнями, что у нее / были. Мы ждали, пока наши лица появятся, понимаешь

⁴¹ Прикованное внимание к стеблю, удивленное жаждой. **ПРОСТО К СВЕДЕНИЮ** Мы сейчас все говорим одно и то же

⁴² (левая, на бедре, ко мне прымыкает): у меня не голова, а презерватив / **так говорят (и говорили), и я говорю:** / в форме усеченного / конуса, как рыба, в складках и морщинах

Аналогичным акту нарушения условия искренности, который выражается формулой «Я говорю, что я не говорю», в русском языке является устойчивая фраза *Я (уже) не говорю о*, которая имеет эквиваленты в других языках: в итальянском *Per non parlare di / Non ti dico* и в английском *Not to mention / And I won't even mention*. Однако эти конструкции означают не отказ от говорения, а ‘о чем говорить не хочется / излишне упоминать’ и используются в эмфатическом, усиливательном или ироническом значении. Это выражение часто употребляется после перечисления негативных фактов и вводит еще более критичный или очевидный пример: *У них света и отопления нет – я уже не говорю про воду!*

По данным ПК:

Нарушение условия искренности, выраженное формулой «Я говорю, что я не говорю»:

РЯ: *я убила всех своих первооткрывателей / за то что они сделали со мной / я теперь не говорю по-русски* (М. Малиновская); *Он. Если и вы понимаете то, о чем я не говорю, скажите «да» <...> Она. Вы не говорите мне, а я не говорю вам. / Он. Мы не говорим друг другу. Мы молчим* (С. Бирюков)

ИЯ: *dico che lascio parole d'amore: / dico quelle che scrissi e che non scrissi, / dico quelle che dissi e che non dissi*⁴³ (E. Sanguineti)

АЯ: *Chapter twenty-four. This represents my / having said so. I am saying the 6th. But not always as ready. The figurative / would seem aware of a trick deployed a couple of lines before. So I don't / say this*⁴⁴ (S. McCaffery)

В примере из М. Малиновской фраза *я теперь не говорю по-русски* выражает нарушение искренности, выраженное парадоксом: субъект утверждает, что не говорит по-русски, и делает это на том самом языке, от которого отказывается. В этом высказывании акт отказа субъектом от собственной идентичности выражается через отчуждение от языка, выраженное на этом языке. В тексте С. Бирюкова глагол *говорить* сохраняет иллоктивную форму, но pragmatically отрицает исполнение речевого акта. Во фразе *dico quelle che dissi e che non dissi* Э. Сангинетти выражается pragmatische расщепление высказывания, поскольку *dico* охватывает и сказанное, и несказанное, одновременно расширяя границы речевого действия и аннулируя его. Форма перформативного отрицания выражена во фразе *So I don't / say this* (С. Маккафери) в значении ‘я совершаю акт, одновременно отменяя его’, что приводит к переводу жеста «я не говорю» в актуальное речевое событие.

Выводы

Сочетание корпусного и дискурсивного методов при изучении pragmatischen единиц позволяет выявить более широкий спектр их значений и функций, а также активизацию полисемии в поэтическом дискурсе на фоне употребления в разговорной речи. Глаголы говорения, которые обладают не выраженным однозначно иллоктивным намерением, оказываются одними из наиболее часто употребляемых иллоктивных глаголов, по данным составленного нами корпуса новейшей поэзии и корпусов устной речи. Это связано с тем, что *verba dicendi* могут выражать разные значения и функции в высказывании, выступая в роли своеобразного «контейнера», способного участвовать в формировании разных речевых актов.

Употребление речевых глаголов в поэзии позволило сделать вывод об их двойной автореферентности, присущей как перформативам в целом (согласно Э. Бенвенисту), так и поэтическим высказываниям (согласно Р. Якобсону). Употребляя иллоктивные глаголы, и особенно глаголы говорения, субъект намеренно выводит на поверхность факт того, что речь – это действие, совершающееся в акте поэтической коммуникации и вовлекающее читателя в интеракцию. Однако, используя речеактные глаголы как единицы обыденной коммуникации, поэтический дискурс

⁴³ **Я говорю**, что оставляю слова любви: / говорю, что написал и что не написал, / говорю то, что сказал, и то, что не сказал

⁴⁴ Глава двадцать четвертая. Это означает, что / я так сказал. **Я говорю** шестое. Но не всегда с готовностью. Фигуративное / словно бы осознает уловку, примененную парой строк раньше. Так что я не / говорю это

подвергает их метаязыковой рефлексии и делает частью прагматического эксперимента, намеренно фокусируясь на перформативных особенностях поэтического речевого акта. Перформатив *я говорю* превращается в поэзии не только в средство фиксации речевого действия, но и в инструмент метаязыковой рефлексии, в том числе осмысливания границ и иллоктивных функций говорения, за счет чего высказывание приобретает экзистенциальное и онтологическое измерения, не характерные для обычной коммуникации.

В целом такое внимание поэтов к ИГГ связано с их полисемией и полифункциональностью, важной для формирования неоднозначности поэтического высказывания, с установкой поэтического дискурса на автокоммуникацию, согласно которой любое поэтическое высказывание адресовано как другому, так и самому себе, а также со стремлением современной поэзии на преодоление дистантной коммуникации и вовлечение адресата в интеракцию. Изменение коммуникативных условий высказывания (связанных как с преодолением границы между обыденным и поэтическим высказыванием, так и с влиянием новых медиа) часто выступает триггером для языкового эксперимента в поэзии, в силу чего можно говорить об активизации прагматического эксперимента в поэтическом дискурсе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
2. Золян С.Т. Семантика и структура поэтического текста. М.: URSS, 2014. 336 с.
3. Радбиль Т.Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотражения. М.: Языки славянской культуры, 2017. 592 с.
4. Kraxenberger M. Jakobson Revisited: Poetic Distinctiveness, Modes of Operation, and Perception // Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio. 2014. Vol. 8, No. 1. P. 10–21. DOI: 10.4396/20140603
5. Capone A. A pragmatic view of the poetic function of language // Semiotica. 2023. No. 250. P. 1–25. DOI: 10.1515/sem-2020-0012
6. Фещенко В.В. Язык в языке. Художественный дискурс и основания лингвоэстетики. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 368 с.
7. Соколова О.В., Захаркин Е.В. Прагматика и поэтика: поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 328 с.
8. Austin J.L. How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962. Oxford: Clarendon Press, 1962. 167 p.
9. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London: Longman, 1983. 250 p.
10. Levinson S.C. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. 420 p.
11. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 444 с.
12. Степанов Ю.С. Эмиль Бенвенист и лингвистика на пути преобразований. Вступительная статья // Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974.
13. Fraser B. Pragmatic markers // Pragmatics. 1996. Vol. 6, Iss. 2. P. 167–190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
14. Aijmer K., Simon-Vandenbergen A.-M. Pragmatic markers // Discursive Pragmatics / ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren. Amsterdam: John Benjamins, 2011. P. 223–247. DOI: 10.1075/hoph.8.13aij
15. Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 7–19.
16. Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New perspectives / ed. by C. Fedriani, A. Sansò. Amsterdam: John Benjamins, 2017. 492 p.
17. Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107

18. Beeching K. Pragmatic Markers in British English: Meaning in Social Interaction. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 255 p. DOI: 10.1017/CBO9781139507110
19. Зыкова И.В. Язык и дискурсы: на новых рубежах теории лингвокреативности // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р. Валент. 2021. С. 11–20.
20. Wierzbicka A. English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary. Sydney: Academic Press, 1987. 487 p.
21. Ермолаева И.А. Семантическая классификация глаголов речи в русском языке // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. Т. 14, Вып. 3. С. 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.306
22. De Mauro T. Intelligenti pauca // Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi / a cura di P. Cipriano, P. Di Giovine, M. Mancini. Roma: Il Calamo, 1994. Vol. 2: Linguistica romanza e Storia della lingua italiana. Linguistica generale e Storia della linguistica. P. 865–875.
23. Stoica I. The Syntax and the Semantics of Manner of Speaking Verbs. Bucharest: Bucharest University Press, 2021. 218 p.
24. Dixon R.M.W. A Semantic approach to English grammar. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2005. 542 p.
25. Зализняк А.А. Русская семантика в типологической перспективе. М.: Языки славянской культуры, 2013. 635 с.
26. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е.Я. Басина, М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
27. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Языки русской культуры, 1985. 293 с.
28. Говорухо Р.А. Глаголы речи в русском и итальянском текстах (пропозициональный аспект) // Проблемы итальянстики. Вып. 7: Итальянский язык и культура: связи, контакты, заимствования. М.: РГГУ, 2019. С. 135–160.
29. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
30. Сёрль Дж.Р. Косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов / общ. ред. Б.Ю. Городецкого. М.: Прогресс, 1986. С. 195–222.
31. Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкоznания. 2021. № 2. С. 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27
32. Козловский Д.В. Категория «эвиденциальность» как средство передачи фейковой информации в англоязычном медиадискурсе // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104
33. Соколова О.В. «Штык-язык остри и три!»: Языковые политики поэтического авангарда. М.: Культурная революция, 2024. 551 с.
34. Соколова О.В. Иллокуттивные функции итальянского глагола *dire*: корпусно-дискурсивный анализ // Когнитивные исследования языка. 2025. № 1 (62). С. 288–293.
35. Вендлер З. Иллокуттивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика / под ред. Е.В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. С. 238–250.
36. Лотман Ю.М. Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Семиосфера. М.; СПб.: Искусство, 2000. С. 159–165.
37. Фещенко В.В. Лаборатория логоса. Языковой эксперимент в авангардном творчестве. М.: Языки славянских культур, 2009. 392 с.
38. Подлесская В.И. Непрямые употребления глаголов речи и их грамматикализация // Логический анализ языка. Вып. 7: Язык речевых действий / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. М.: Наука, 1994. С. 42–45.

REFERENCES

- [1] Stepanov Yu.S., Yazyk i metod. K sovremennoy filosofii yazyka [Language and Method. Towards a Modern Philosophy of Language], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1998.
- [2] Zolyan S.T., Semantika i struktura poeticheskogo teksta [Semantics and structure of poetic text], URSS, Moscow, 2014.

- [3] Radbil T.B., *Yazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazheniya* [Language and World: Paradoxes of Mutual Reflection], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2017.
- [4] Kraxenberger M., Jakobson Revisited: Poetic Distinctiveness, Modes of Operation, and Perception, *Rivista Italiana di Filosofia del Linguaggio*, 8 (1) (2014) 10–21. DOI: 10.4396/20140603
- [5] Capone A., A pragmatic view of the poetic function of language, *Semiotica*, 250 (2023) 1–25. DOI: 10.1515/sem-2020-0012
- [6] Feshchenko V.V., *Yazyk v yazyke. Khudozhestvennyy diskurs i osnovaniya lingvoestetiki* [Language in language. Artistic discourse and foundations of linguaesthetics], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2022.
- [7] Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V., *Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media* [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [8] Austin J.L., *How to Do Things with Words: The William James Lectures delivered at Harvard University in 1955, 1962*, Clarendon Press, Oxford, 1962.
- [9] Leech G.N., *Principles of Pragmatics*, Longman, London, 1983.
- [10] Levinson S.C., *Pragmatics*, Cambridge University Press, Cambridge, 1983.
- [11] Benveniste É., *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], ed. by Yu.S. Stepanov, Progress, Moscow, 1974.
- [12] Stepanov Yu.S., Emil Benvenist i lingvistika na puti preobrazovaniy. Vstupitelnaya statya [Émile Benveniste and Linguistics in Transformation: Introductory Article], Benveniste É., *Obshchaya lingvistika* [General linguistics], ed. by Yu.S. Stepanov, Progress, Moscow, 1974.
- [13] Fraser B., Pragmatic markers, *Pragmatics*, 6 (2) (1996) 167–190. DOI: 10.1075/prag.6.2.03fra
- [14] Ajmer K., Simon-Vandenbergen A.-M., *Pragmatic markers, Discursive Pragmatics*, ed. by J. Zienkowski, J.-O. Östman, J. Verschueren, John Benjamins, Amsterdam, 2011, pp. 223–247. DOI: 10.1075/hoph.8.13aij
- [15] Bogdanova-Beglaryan N.V., Pragmatic Items in Everyday Speech: Definition of the Concept and General Typology, *Perm University Herald. Russian and Foreign Philology*, 3 (27) (2014) 7–19.
- [16] Pragmatic Markers, Discourse Markers and Modal Particles: New perspectives, ed. by C. Fedriani, A. Sansò, John Benjamins, Amsterdam, 2017.
- [17] Sokolova O.V., Feshchenko V.V., Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3) (2024) 706–733 DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [18] Beeching K., *Pragmatic Markers in British English: Meaning in Social Interaction*, Cambridge University Press, Cambridge, 2016. DOI: 10.1017/CBO9781139507110
- [19] Zykova I.V., *Yazyk i diskursy: na novykh rubezhakh teorii lingvokreativnosti* [Language and Discourses: On New Frontiers of the Theory of Linguocreativity], Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguocreativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities], ed. by I.V. Zykova, R. Valent, Moscow, 2021, pp. 11–20.
- [20] Wierzbicka A., *English Speech Act Verbs: A Semantic Dictionary*, Academic Press, Sydney, 1987.
- [21] Yermolayeva I.A., Semantic Classification of the Russian Speech Act Verbs. *Vestnik SPbSU. Language and Literature*, 14 (3) (2017) 362–375. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2017.306
- [22] De Mauro T., *Intelligenti pauca, Miscellanea di studi linguistici in onore di Walter Belardi*, a cura di P. Cipriano, P. Di Giovine, M. Mancini, Il Calamo, Roma, 1994, Vol. 2: *Linguistica romanza e Storia della lingua italiana. Linguistica generale e Storia della linguistica*, pp. 865–875.
- [23] Stoica I., *The Syntax and the Semantics of Manner of Speaking Verbs*, Bucharest University Press, Bucharest, 2021.
- [24] Dixon R.M.W., *A Semantic approach to English grammar*, 2nd ed., Oxford University Press, Oxford, 2005.
- [25] Zaliznyak A.A., *Russkaya semantika v tipologicheskoy perspektive* [Russian semantics in typological perspective], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2013.
- [26] Jakobson R., *Linguistics and Poetics, Strukturalizm: “za” i “protiv”* [Structuralism: pros and cons], ed. by Ye.Ya. Basin, M.Ya. Polyakov, Progress, Moscow, 1975, pp. 193–230.
- [27] Paducheva Ye.V., *Vyskazyvaniye i yego sootnesennost s deystvitelnostyu* [Statement and its correlation with reality], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1985. 293 s.
- [28] Govorukho R.A., *Glagoly rechi v russkom i italyanskem tekstakh (propozitsionalnyy aspekt)* [Verbs of speech in Russian and Italian texts (propositional aspect)], Problemy italyanistiki [Problems of Italian Studies], Iss. 7: *Italyanskiy yazyk i kultura: svyazi, kontakty, zaimstvovaniya* [Italian language and culture: connections, contacts, borrowings], RGGU, Moscow, 2019, pp. 135–160.

- [29] **Arutyunova N.D.**, Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1999.
- [30] **Searle J.R.**, Indirect speech acts, Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 17: Teoriya rechevykh aktov [Speech act theory], ed. by B.Yu. Gorodetskiy, Progress, Moscow, 1986, pp. 195–222.
- [31] **Rakhilina E.V., Bychkova P.A., Zhukova S.Yu.**, Speech acts as a linguistic category: The case of discourse formulae, Topics in the Study of Language, 2 (2021) 7–27. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.2.7-27
- [32] **Kozlovsky D.V.**, The category of “evidentiality” as a means of transmitting fake information in the English-language media discourse, Terra Linguistica, 15 (1) (2024) 49–62. DOI: 10.18721/JHSS.15104
- [33] **Sokolova O.V.**, “Shtyk-yazyk ostri i tri!”: Yazykovyye politiki poeticheskogo avangarda [“Bayonet-tongue, sharpen and rub!”: Language Politics of the Poetic Avant-garde], Kulturnaya revolyutsiya, Moscow, 2024.
- [34] **Sokolova O.V.**, Illokutivnyye funktsii italyanskogo glagola dire: korpusno-diskursivnyy analiz [Illocutionary functions of the Italian verb dire: a corpus-discourse analysis], Kognitivnyye issledovaniya yazyka [Cognitive studies of language], 1 (62) (2025) 288–293.
- [35] **Vendler Z.**, Illokutivnoye samoubiystvo [Illocutionary suicide], Novoye v zarubezhnoy lingvistike [New in foreign linguistics], Iss. 16: Lingvisticheskaya pragmatika [Linguistic pragmatics], ed. by Ye.V. Paducheva, Progress, Moscow, 1985, pp. S. 238–250.
- [36] **Lotman Yu.M.**, Avtokommunikatsiya: «Ya» i «Drugoy» kak adresaty (O dvukh modelyah kommunikatsii v sisteme kultury) [Autocommunication: “I” and “Other” as addressees (On two models of communication in the cultural system)], Semiosfera [Semiosphere], Iskusstvo, Moscow, St. Petersburg, 2000.
- [37] **Feshchenko V.V.**, Laboratoriya logosa. Yazykovoy eksperiment v avangardnom tvorchestve [Logos Laboratory. Language Experiment in Avant-garde Creativity], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2009.
- [38] **Podlesskaya V.I.**, Nepryamyye upotrebleniya glagolov rechi i ikh grammatikalizatsiya [Indirect uses of speech verbs and their grammaticalization], Logicheskiy analiz yazyka [Logical analysis of language], Iss. 7: Yazyk rechevykh deystviy [Language of speech acts], Nauka, Moscow, 1994.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Соколова Ольга Викторовна

Olga V. Sokolova

E-mail: olga.sokolova@iling-ran.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

Поступила: 14.07.2025; Одобрена: 09.09.2025; Принята: 19.09.2025.

Submitted: 14.07.2025; Approved: 09.09.2025; Accepted: 19.09.2025.

Научная статья

УДК 800

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>

EDN: <https://elibrary/EIDREN>

ПОЭТИКА ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОГО СЛОВА: КОРПУСНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АНАЛИЗ ЧАСТИЦЫ МОЛ

В.В. Фещенко

Институт языкоznания РАН,
Москва, Российская Федерация

takovich2@gmail.com

Аннотация. В статье предложен корпусный анализ частицы *мол* как одного из дискурсивных маркеров, употребляемых в самых разных речевых практиках — от повседневной речи до художественных дискурсов. Целью исследования является выяснение того, как ксенопоказатель *мол* функционирует в художественном дискурсе на фоне его употребимости в обыденной речи и других типах речи. Основной материал представлен поэтическим дискурсом как наиболее экспериментальным и лингвокреативным из художественных дискурсов с точки зрения языковой нормы и узуа. Методология исследования — корпусно-дискурсивный анализ прагматических единиц. В данном исследовании используются ресурсы НКРЯ, а также наш собственный корпус современного поэтического дискурса. Анализ ксенопоказателя *мол* по различным подкорпусам русского языка показал большую частотность его употребления в художественном дискурсе по сравнению с корпусами нехудожественных текстов и нехудожественных типов речи. Подсчеты демонстрируют, что хождение частицы *мол* не угасло ни в разговорной речи современности, ни в художественном дискурсе последнего времени. Полученные данные подтверждают гипотезу о возросшей роли лингвопрагматического инструментария в новейшем поэтическом дискурсе по сравнению с поэтическими текстами предшествующих периодов. При этом в поэтическом дискурсе употребление ксенопоказателей не столь конвенционально, как в других дискурсах. Примеры неконвенционального использования частицы в поэзии XX–XXI веков показывают ее большую сочетаемостную свободу, а также способность к ресемантизации. В поэтических текстах намеренно используется создание неоднозначности, при которой слово *мол* может интерпретироваться сразу несколькими способами. Для поэтического дискурса, в особенности современного, зыбкость границ между своим и чужим оказывается продуктивным способом смысло- и тексто- порождения и — с помощью дискурсивных маркеров — средством реализации креативного потенциала языковой прагматики.

Ключевые слова: корпусная прагматика, ксенопоказатель, поэтический дискурс, корпусно-дискурсивный анализ, обыденная речь.

Для цитирования: Фещенко В.В. Поэтика эгоцентрического слова: корпусно-дискурсивный анализ частицы *мол* // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 146–165. DOI: 10.18721/JHSS.16310

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16310>

EGOCENTRIC PARTICULARS IN POETRY: A CORPUS-BASED DISCOURSE ANALYSIS OF THE RUSSIAN PARTICLE *МОЛ*

V.V. Feshchenko

Institute of Linguistics, RAS,
Moscow, Russian Federation

takovich2@gmail.com

Abstract. The article proposes a corpus analysis of the Russian particle *мол* as one of the discourse markers used in a variety of speech practices – from everyday speech to literary discourses. The aim of the study is to find out how the xeno-marker *мол* functions in literary discourse against the background of its usage in ordinary speech and other types of speech. The study mainly explores poetic discourse as the most experimental and linguo-creative of literary discourses from the point of view of the language norm and usage. The methodology of the study is a corpus-based discourse analysis of pragmatic units. This study uses the resources of the Russian National Corpus, as well as our own corpus of contemporary Russophone poetic discourse. The analysis of the xeno-marker *мол* in various subcorpora of the Russian language showed a higher frequency of its use in literary discourse compared to corpora of non-literary texts and other types of speech. Calculations demonstrate that the use of the particle *мол* has not died out either in modern colloquial speech or in recent literary discourse. The obtained data confirm the hypothesis about the increased role of linguopragmatic tools in contemporary poetic discourse compared to poetic texts of previous periods. At the same time, in poetic discourse, the use of xeno-markers, although frequent, is not as conventional as in other discourses. Examples of the unconventional use of the particle in poetry of the 20th – 21st centuries show its greater freedom of collocation, as well as the ability to resemantize. In poetic texts, the creation of ambiguity can be deliberately used, in which the word *мол* can be interpreted in several ways at once. For poetic discourse, especially contemporary one, the fragility of the boundaries between the self and the other turns out to be a productive way of generating meaning and text and – with the help of discourse markers – a means of actualizing the creative potential of linguistic pragmatics.

Keywords: corpus pragmatics, xeno-marker, poetic discourse, corpus-based discourse analysis, everyday speech.

Citation: Feshchenko V.V., Egocentric particulars in poetry: a corpus-based discourse analysis of the russian particle *мол*, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 146–165. DOI: 10.18721/JHSS.16310

Введение. Постановка проблемы

В прагматическом измерении языка действуют законы и отношения, связанные с оборотом языковых средств вокруг субъекта. Этот постулат, сформулированный для науки о языке лингвистом Ю.С. Степановым вслед за семиотиком Ч. Моррисом, продолжает доказывать свою актуальность в эпоху больших языковых данных. Казалось бы, огромные массивы текстов, преобразованные в корпуса, нивелировали роль уникального авторского высказывания в связи с моментом коммуникативного акта, т.е. с прагматикой. Однако при всей развитости корпусных исследований последнего времени прагматические средства языка и дискурса если и оказались труднее всего формализуемыми, то совсем не утратили своей значимости наряду с единицами других формальных и содержательных уровней текста и дискурса.

В самое последнее время прагматические маркеры в широком понимании изучаются уже и на материале больших корпусов. В числе изучаемых единиц особенно популярны сейчас дискурсивные слова¹. В данной статье будет предложен анализ частицы *мол* как одного из дискурсивных маркеров, употребляемых в самых разных речевых практиках – от обыденной повседневной

¹ См., например исследования [1; 2]. Обзор актуальной литературы по дискурсивным маркерам см. в [3].

речи до дискурсов художественной коммуникации. Выступая в качестве прагматической единицы, *мол* служит словом-эгоцентриком, оформляющим субъективную модальность высказывания. Попадая в художественную литературу, эта частица становится частью того, что Ю.С. Степанов называл «поэтикой эгоцентрических слов» [4, с. 257].

Нас будет интересовать, как прагматический маркер *мол* функционирует в художественном дискурсе на фоне его употребимости в обыденной речи и в других типах речи. Мы сосредоточим внимание на дискурсе поэтическом как в большей мере направленном на лингвокреативность и языковой эксперимент. Как заметил Ю.С. Степанов, природа семиотических, а значит, и прагматических проблем такова, что «они обнаруживают свою суть, будучи заострены до предела, в экстремальной проблемной ситуации или в остром художественном эксперименте» [4, с. 5]. Объектом нашего рассмотрения и будет художественный дискурс как эксперимент с прагматикой высказывания, предметом же – функционирование прагматической единицы *мол* по данным существующих языковых корпусов на русском языке.

История и современное состояние исследований

Частицам, в том числе интересующим нас маркерам косвенной речи как грамматическим явлениям посвящались научные статьи, начиная с 1960-х годов. Т.М. Николаева [5] уже в рамках коммуникативно-дискурсивного подхода предложила описание типов ситуаций и типов функционирования частиц в основных славянских языках. Однако частицы косвенной речи не рассматривались в этой работе. Первую прагматическую трактовку их предложила Н.Д. Арутюнова, введя для данного класса прагматических явлений (частицы *де*, *дескать*, *мол* и подобные) термин «ксенопоказатели», т.е. «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира» [6, с. 437]². Их основная функция – в «маркировке присутствия Другого» [6, с. 448]. Однако это не всегда просто передача чужой речи, но часто и маркировка «скрытого смысла» чужого высказывания. Обращается внимание на то, что ксенопоказатели часто употребляются с глаголами речи и мысли, как в примерах из В. Даля: *Он говорит, я-де не пойду-де, хоть-де, что хошь делай; Он-де врет-де, а я-де перевираю-де*. Таким образом, заключается здесь, данные единицы маркируют не просто прямую или косвенную речь, а «вербализацию коммуникативного смысла речеповеденческого действия» [6, с. 444–445]. Подобные частицы входят в высказывание именно как речевые действия с определенным коммуникативным намерением, они «как бы превращают действие в речь» [6, с. 446]. Они выявляют, акцентируют «речеповеденческую цель» конкретного акта высказывания, и в этом смысле они метарефлексивны, т.е. служат не только коннекторами дискурса (метатекстуальными маркерами), но и показателями субъективной рефлексии по поводу приводимых слов.

Прагматические трактовки функционирования частиц-ксенопоказателей были поддержаны рядом исследователей. Были сделаны предположения о том, что частицы *мол* и *дескать* служат маркерами недостоверности, эпистемической модальности или эвиденциальности. Однако в ряде работ эти трактовки были оспорены. Так, Е.В. Падучева [8] предлагает семантическое толкование этих частиц и делает вывод о том, что *дескать* и *мол* главным образом выражают цитирование, при котором ответственность за содержание сказанного передается цитируемому лицу. Согласно А.Н. Баранову [9], частицы *мол* и *дескать* связаны с «расщеплением говорящего», при этом *мол* связано с удвоенной рефлексивностью, указывающей «на свое в чужом в своем».

Ведутся дискуссии о том, какой речевой акт стоит за употреблением ксенопоказателя: «цитатив», «инферентив», «ренарратив» и др. В частности, М.В. Копотов [10] называет *мол* «маркером ренарратива», а И.Б. Левонтина рассматривает целый спектр современных маркеров подобного типа (якобы, будто бы, ах, вот, типа, так и так, видите ли), связывая их с категорией

² Первая версия данной статьи Н.Д. Арутюновой вышла в 1992 году в составе коллективной монографии [7].

«пересказывательности» и отмечая, что под чужой речью здесь может пониматься и собственная речь говорящего субъекта, либо сказанная ранее, либо запланированная на будущее, либо просто оцениваемая «отстраненно», с другой позиции³. Ксенопоказатели, отмечается здесь же, выступают как «метатекстовые сигналы нарушения гомогенности речи, сигналы того, что текущий фрагмент претерпел какие-то манипуляции – в частности, был передан другому говорящему. <...> ...это средства определенного типа разметки, маркирующие снижение уровня авторизованности тех или иных фрагментов текста» [13, с. 54]. Такой же позиции придерживается и В.А. Плунгян [14], считающий *мол*, *дескать* и *якобы* маркерами ренарративности в большей степени, чем цитативности. Заметим, что исследование Плунгяна строится уже на материале данных Национального корпуса русского языка (далее – *НКРЯ*), т.е. с применением методов анализа больших данных (впрочем, без статистических выкладок). Диахронический анализ примеров из корпуса приводит к выводу о том, что данные частицы в последнее время становятся в большей степени модальными (показателями «субъективного щитирования») и в меньшей мере эвиденциальными и употребляются чаще всего для передачи трансформированного по сравнению с исходным текста. В частности, функцией частицы *мол* является «приблизительный пересказ первоначального текста»: «*Мол* в общем случае является просто сигналом того, что текст не воспроизводится говорящим точно: он некоторым образом трансформируется говорящим в соответствии с его коммуникативными задачами» [14, с. 7].

В целом выводы лингвистов сводятся к тому, что ксенопоказатели не утрачивают своей употребимости и прагматической эффективности как в разговорной речи, так и в художественной литературе на современном этапе. Частица *мол* является одним из наиболее распространенных в современном русском языке ксенопоказателей и дискурсивных маркеров. Для сравнения, *дескать* гораздо менее частотно: в Основном корпусе (далее – *ОК*) *НКРЯ* за все время для *мол* IPM (item per million – число употреблений на миллион) фиксируется 67,6, тогда как для *дескать* – 8,92, т.е. в семь с половиной раз меньше.

Все три традиционных ксенопоказателя в русском языке – *мол*, *де* и *дескать* – этимологически восходят к глаголам говорения (можно добавить в этот ряд еще и современный дискурсивный маркер *грит* (*грю*), образованный от *говорит* (*говорю*)). *Мол* образовалось в результате скороговорного усечения либо формы *молвит*, либо формы *молвил* (в диалектах фиксируются еще более краткие формы *мо* и *мл*). Прагматикализация этих частиц – давний процесс, восходящий к периоду не позднее XVII века. Интересно, что в белорусском и украинском языках этого усечения не произошло, и в качестве дискурсивов там и по сей день выступают глаголы третьего лица прошедшего времени *маўляў* и *мовляв* соответственно, ср. белорусские примеры из прозы С. Алексиевич: *Паказаў мне на галаву. маўляў, ты, друг, звіхнуўся; Усё маўляў, не-як уладзіца, як там яно будзе, але ўладзіца само па сабе, без ix, без іхняга ўдзелу;* и украинские из прозы С. Жадана: *Тут я попросив його розповісти детальніше, і він погодився, мовляв, окей, без проблем, це все давно в минулому, чому б і не розповісти; Гавріл ще здивувався, у чому тут, мовляв, переваги, але алкогольки потроху зібрались і можна було починати.* Из других славянских языков аналогичная форма ксенопоказателя существует в словенском: *češ* (сокращение от *hčeš* ‘хочешь’, т.е. в данном случае не от глагола говорения, а от модального глагола во втором лице). В большинстве европейских языков аналогов частицы *мол* не фиксируется, и в переводе с русского она передается, как правило, иными синтаксическими и прагматическими средствами.

Большинством общих толковых словарей *мол* характеризуется как разговорное, вводное слово, указывающее на чужую речь или на передачу косвенной речи. Например, у С. Ожегова определение значения частицы сводится лишь к пересказу чужой речи: «МОЛ², вводн. сл. и частица

³ В работе [11] отмечается, что ксенопоказатели, такие как *мол*, *дескать*, *типа*, в современной разговорной речи часто контаминируются, употребляются подряд, с целью подчеркнуть маркировку чужого, не собственного голоса или мнения. См. также данные по статистике ксенопоказателей в корпусе разговорной речи в [12].

(разг.). Употр. при передачи чужой речи, при ссылке на чужую речь⁴. Однако тем самым не формулируется отличие от синонимичных ей частиц *дескать*, *де* и некоторых других. Более нюансированное толкование дается в словаре, где выделяются одно общее и два частных значения: «МОЛ, част., разг. 1.0. Употр. для указания на то, что приводимые слова являются пересказом чужой речи или чужих мыслей... <...> 1.1. Употр. для указания на то, что приводимые слова сказаны самим говорящим, но в другое время. <...> 1.2. Употр. для указания на то, что приводимые слова объясняют значение указанного жеста, поведения...»⁵ В другом словаре эти значения суммируются в одном толковании: «Указывает на то, что сообщаемое является передачей чужой речи, чужих мыслей или слов говорящего, сказанных им в другое время: служит также для интерпретации жеста, поведения того, о ком рассказывается»⁶. При этом *мол* здесь имеет помету «метатекстовая частица», что указывает на ее роль в организации текста, устного или письменного.

Со времени написания этих словарных статей, впрочем, было выдвинуто несколько уточненных толкований *мол*, которые следовало бы учитывать при новых словарных описаниях. Вносят свои корректизы и корпусные данные и подсчеты, к анализу которых мы далее переходим.

Методология и методика исследования

Во многих работах, посвященных ксенопоказателям в русском языке, материалом выступают примеры из художественной литературы. Так, практически все иллюстрации в цитируемой выше статье Н.Д. Арутюновой взяты из русской классики, причем в период до Серебряного века; более современные литературные источники ею не привлекались. При этом исследователи, как правило, литературными примерами стремятся подтвердить свои тезисы, касающиеся языка в целом. Примеры из устной разговорной речи часто идут вперемешку с художественными, и отличие художественной речи от речи повседневной проводится редко. Реплики персонажей из романов и драм по умолчанию приравниваются к разговорным и общепринятым. В сущности же язык художественной литературы как минимум представляет собой особый функциональный стиль, подчас резко отличающийся от бытового стиля, а в коммуникативном рассмотрении является особым типом дискурса, главенствующей функцией языка в котором выступает функция эстетическая. Фраза, сочиненная писателем, – всегда результат эстетического задания автора и продукт авторского стиля. Учитывая это обстоятельство, целесообразнее было бы при анализе примеров из языка литературы акцентировать их дискурсивный статус как художественных. Род литературного дискурса – проза, драма или поэзия – также имеет значение. В каждом из них языковые средства, в том числе прагматические, реализуются в своих эстетических режимах. К примеру, в драматических текстах больше прямой речи в диалоговом режиме, в прозе больше несобственно-прямой речи и нарративного режима, а в поэзии высказывание наиболее монологично и зачастую авторкоммуникативно. Следовало бы ожидать, соответственно, большей частотности ксенопоказателей в дискурсе драмы, чем в прозе и поэзии. Кроме того, как эта статистика соотносится с бытованием частицы *мол* в дискурсе обыденного общения (как частного, так и публичного), и должен показать наш анализ.

Имея в виду указанные оговорки об особенностях разных дискурсов, мы в целях данного исследования обратимся к статистике и квазититативному анализу конкретных корпусов и подкорпусов литературного дискурса, чтобы выявить закономерности функционирования интересующего нас ксенопоказателя *мол* в дискурсах поэзии и прозы, а также в дискурсе обыденной коммуникации.

⁴ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. URL: <https://ozhegov.info/slovar/?ex=Y&q=МОЛ> (дата обращения: 30.09.2025).

⁵ Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель; АСТ, 2003. С. 194.

⁶ Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц / под ред. В. Гладрова. Берлин: Peter Lang, 1999. С. 86.

Особый фокус будет сделан на корпусах поэтических текстов, так как нашей основной задачей является корпусно-дискурсивный анализ поэтического дискурса как в существенной степени лингвоэкспериментального, т.е. допускающего авторские эксперименты на различных уровнях языка и текста⁷. Корпусно-дискурсивный анализ предполагает анализ не только массива языковых данных, но и обращение к конкретным текстам, содержащим вхождения языковых единиц⁸. В настоящее время активно развивается такое направление исследований, как корпусная прагматика⁹. В рамках этих направлений нами были предприняты шаги по изучению прагматических единиц в поэтическом дискурсе на материале составленного специально корпуса [18], там же подробно описана наша методика корпусного анализа поэтического дискурса. Ранее также при нашем участии проводилось основанное на корпусах текстов параметрическое исследование лингвокреативности в разных дискурсах (художественных, рекламных, политических, см. [19]). В настоящей статье мы придерживаемся методологии корпусно-прагматического анализа художественных дискурсов в рамках нового проекта «Лингвопрагматика художественных дискурсов» (участники О.В. Соколова, И.В. Зыкова и В.В. Фещенко, выполняется в Институте языкоznания РАН). Корпусно-дискурсивный анализ предполагает не только квантитативные данные, но и качественную интерпретацию конкретных примеров, т.е. дискурсивных контекстов, в которых функционируют языковые единицы, в том числе типовых контекстов, наиболее употребимых кластеров прагматических единиц, аномальных употреблений и т.д.

Корпусно-дискурсивный анализ предполагает в дополнение к обобщенной статистике по основным корпусам национальных языков специализированные подсчеты употребления языковых единиц в текстах конкретных речевых и литературных жанров (обыденный дискурс, публицистический дискурс, поэтический дискурс и т.д.) и модусов (устный и письменный дискурсы). В данном исследовании мы используем ресурсы НКРЯ, а также собственный корпус современного поэтического дискурса. НКРЯ из выделенных художественных корпусов содержит лишь поэтический подкорпус (далее – *ПК*), а корпус художественной прозы является составляющей ОК¹⁰. Поскольку ПК составлен в основном в целях стиховедческой разметки, в него включены преимущественно поэтические тексты силлабо-тонической системы стихосложения. Но современная русскоязычная поэзия не сводится лишь к метрически регулярной, кроме того, в ПК включены лишь некоторые канонические имена XVIII–XX веков, а поэзия XXI века, т.е. самая современная, представлена крайне скучно. Поэтому в целях корпусно-дискурсивного анализа нами составляется собственный рабочий корпус, который в перспективе должен охватить весь спектр современной поэзии на русском языке, с 1960-х годов до наших дней. Для настоящей статьи была взята выборка из этого корпуса, объемом в один миллион слов, представленная текстами ста авторов (по одной опубликованной в печати книге от автора), изданными с конца 1980-х годов по 2024 год. Данные этого Корпуса новейшей русскоязычной поэзии (далее – *КНРП*) будут сопоставлены с данными ПК и других подкорпусов НКРЯ с заданными параметрами по различным дискурсам.

Корпусной статистики по употреблению частицы *мол*, насколько нам известно, не проводилось, есть лишь анализ отдельных примеров из НКРЯ в статьях [13, 14], сопровождаемый

⁷ Поэтический текст в силу своей двойной горизонтально-вертикальной членности на строки и другие единицы стиха открыт к свободе языковых новшеств и аномалий в большей степени, нежели текст прозаический. Соответственно, языковой эксперимент указывает на высокую степень лингвокреативности в поэтическом (и особенно в авангардно-поэтическом) дискурсе по сравнению с другими типами дискурса. См. количественные и качественные данные по степени креативности в поэтическом дискурсе в сравнении с дискурсом рекламным на основе корпусов в статье [15].

⁸ О сочетании дискурсивного анализа текста с корпусными методами см. недавние обобщающие работы [16; 17].

⁹ См., например: *Corpus Pragmatics: A Handbook* / ed. by K. Ajmer, Ch. Rühlemann. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. 480 p. DOI: 10.1017/CBO9781139057493; Rühlemann Ch. *Corpus Linguistics for Pragmatics: A Guide for Research*. London; New York: Routledge, 2019. 220 p.

¹⁰ Ср., например, в Корпусе текстов украинского языка (КОРПУС УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ) разделение по принципу стилей речи или дискурсов: научные тексты, публицистика, художественная проза, поэтический язык (обратим внимание, что поэзия обозначена как отдельный функциональный «язык» («поетична мова»)).

важными выводами относительно семантики ксенопоказателя *мол*. Однако художественные и нехудожественные примеры здесь опять-таки не разграничиваются¹¹.

По данным М.В. Копотева [10], частица *мол* начала письменное хождение в конце XVII века (в частности, приводится пример из Протопопа Аввакума). Согласно данным НКРЯ, первое вхождение в ОК датируется 1784 годом, что характерно, в художественном тексте сказового характера – «Сказке о тафтяной мушке» М. Чулкова: *Распустил по окрестным местам слух, что в воскресенье спустится, мол, с неба в костёл дух святой*. Уже в этом примере ксенопоказатель указывает на способ пересказа чужой речи с сомнением в достоверности: *распустил слух*. Начиная с текстов А. Грибоедова и Н. Гоголя 1830-х годов, фиксируются обильные вхождения частицы *мол* в художественных текстах, как прозаических, так и драматических. У Гоголя часто *мол* употребляется нарочито, для усиления перформативного эффекта высказываний персонажа, см. примеры из «Мертвых душ»: *Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и подсобакой разумеется Наполеон: «Смотри, мол, говорит, если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!» – и вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию, будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков; И потом еще прибавил ему в пику для большей досады: «Да вот, мол, что!» Хотя он отбрал таким образом его кругом, обратив на него им же приданное название, и хотя выражение «вот, мол, что!» могло быть сильно, но, недовольный сим, он послал еще на него тайный донос.*

Обратимся теперь к нашему основному материалу – поэтическому дискурсу. Судя по данным ПК, первое вхождение интересующей нас частицы в поэтический текст относится к 1835 году, у П. Катенина в функции цитатива: *Он, как усердный делец и честный служивый, / Сыну всё показал: «Поправить, – мол, – надо». / Тот туда и сюда: «Без батюшки тестя / Мне-де нельзя; оно же вам, батюшка, трудно, / Мы уж кой-как...»* (себе на уме – «наплутуем»). Начиная с 1830-х годов, так же как и в художественной прозе, *мол* начинает активно функционировать в поэтических текстах. Рассмотрим теперь динамику частотности *мол* в широком диахроническом диапазоне. На графике (рис. 1) представлено распределение результатов поиска по датам за XIX–XX века. Интерпретацию мы предложим в следующем разделе, пока лишь заметим все возрастающую частотность *мол* от XIX к XXI веку. На сглаженном графике (рис. 2) это возрастание более наглядно. Аналогичная тенденция наблюдается и в динамике употреблений в других художественных дискурсах, отличных от поэтического (при задании параметра «художественные тексты» в ОК). При задании параметра «пьеса», впрочем, получаем не такой очевидный рост, скорее колебание на протяжении трех веков с некоторым угасанием в XX веке. В прозаических жанрах (роман, повесть, рассказ) динамика конгруэнтна с ПК. Такую же динамику возрастаания частотности демонстрирует ОК при задании параметра «некудожественные тексты». ПК демонстрирует аналогичную динамику (рис. 3).

Сравним теперь эти результаты с количественными показателями вхождений на миллион слов. По данным общей статистики ОК видно, что подавляющее большинство вхождений частицы *мол* приходится на категорию «художественная сфера функционирования» (60,96% от всех сфер), за ней следует публицистический дискурс и далее бытовая сфера, т.е. обыденный дискурс (табл. 1). По параметру же «тип текста» лидирует «роман» (27, 11%), по категории «жанр текста» – «нежанровая проза» (39,5%), по параметру «вид текста» – «художественный» текст (60,6% против 39,4% у «некудожественного»). Следовательно, большинство употреблений частицы встречается в прозаическом и драматургическом дискурсах (стихотворения в ОК не учитываются). Характерно, что в категории «тематика текста» лидирует «частная жизнь» (16,36%), что, очевидно, указывает на укорененность этого ксенопоказателя в обыденной коммуникации. Отметим также, что в публицистических текстах IPM частицы *мол* составляет 54, что близко к показателю в ПК. В текстах обиходно-бытовой сферы эта величина также

¹¹ Ср. также с корпусным анализом другого ксенопоказателя – *якобы* – в статье [20].

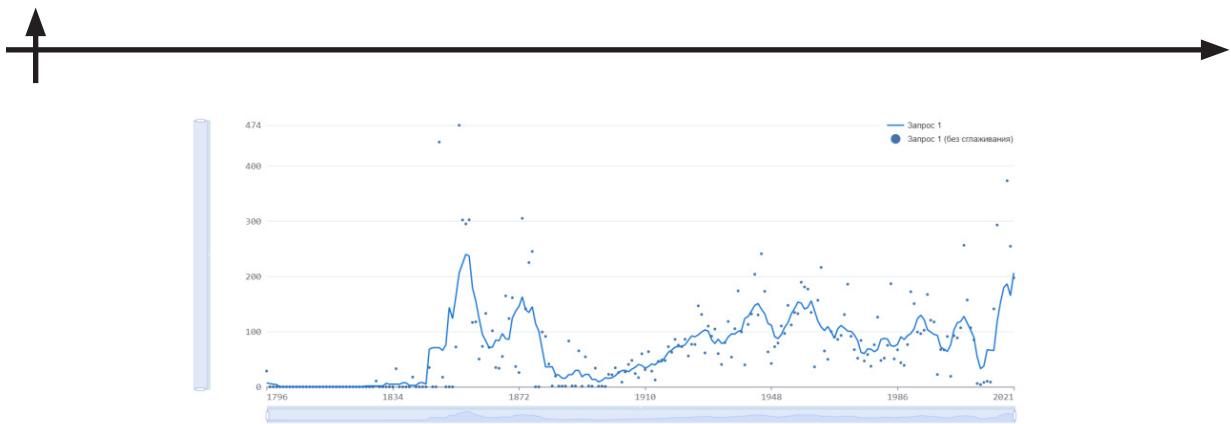

Рис. 1. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ОК НКРЯ за все время

Fig. 1. Distribution of search results for the particle *мол* in the MC RNC for all time

Рис. 2. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ОК НКРЯ за все время (сглаженный график)

Fig. 2. Distribution of search results for the *мол* particle in the MC RNC for all time (smoothed graph)

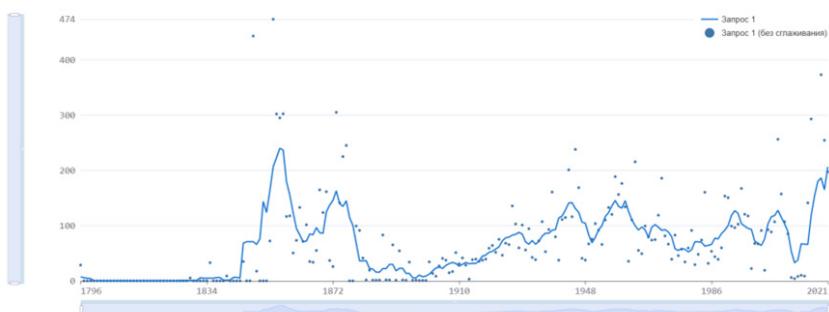

Рис. 3. Распределение результатов поиска частицы *мол* в ПК НКРЯ за все время

Fig. 3. Distribution of search results for the particle *мол* in the RNC PC for the entire period

ожидаemo высока – 67,22, так как эта сфера наиболее близка к обыденному дискурсу. Тем не менее IPM по художественным текстам в ОК (за все время) существенно выше – 101.

Для анализа употребимости интересующего нас слова в разговорной речи как таковой (во внехудожественных контекстах) можно обратиться к Устному подкорпусу (далее – УК) НКРЯ. Однако он охватывает тексты лишь последних десятилетий и при этом включает в себя множество примеров из художественной речи, что вряд ли можно приравнять к обыденному дискурсу. Впрочем, параметр «нехудожественная речь» можно задать при поиске. Получаются следующие результаты.

**Таблица 1. Статистика распределения результатов поиска частицы *мол*
в ОК НКРЯ за все время по сферам употребления**
**Table 1. Statistics for the distribution of search results for the particle *мол*
in the MC RNC for all time by area of use**

№	Значение атрибута	Тексты	Вхождения	IPM
1	художественная	3230	16048 (60,96%)	100,78
2	публицистика	3093	7574 (28,77%)	54
3	бытовая	538	2266 (8,61%)	67,22
4	электронная коммуникация	117	281 (1,07%)	83,08
5	учебно-научная	112	229 (0,87%)	5,18
6	церковно-богословская	20	46 (0,17%)	8,7
7	реклама	10	10 (0,04%)	11,85
8	производственно-техническая	8	8 (0,03%)	4,88
9	официально-деловая	6	8 (0,03%)	1,49

В УК частица *мол* встречается 561 раз в 359 текстах (IPM равен 37,77, тогда как в ОК – 67,6). *Мол* фиксируется здесь, начиная с «Войны и мира» Л. Толстого, т.е. в контексте художественного чтения. В нехудожественной устной речи (т.е. по параметрам «устная публичная речь» и «устная непубличная речь») первый пример датируется 1975 годом, всего по этой категории обнаруживается 355 примеров на 11 млн слов, в художественной же (включая «авторское чтение», «театральную речь», «художественное чтение» и «речь кино») – 206 примеров на 4 млн слов, т.е. соотношение IPM таково: 31,97 к 51. Причем в публичной устной речи данный маркер встречается гораздо чаще; очевидно, это связано с необходимостью произвести больший pragmatischeskiy effekt на массу слушателей. Для оценки частотности языковой единицы в обыденной речи можно также привести данные подкорпуса социальных сетей (далее – СС) НКРЯ; в нем как раз практически исключены художественные контексты, а устно-письменный модус коммуникации в интернете максимально приближен к разговорному узусу. Кроме того, СС отражает в полной мере именно современное состояние обыденного дискурса, так как включает тексты последних трех десятилетий и больше УК по объему более чем в десять раз. Поиск показал, что в СС частица *мол* имеет 8826 вхождений в 6106 текстах (IPM равен 50,96), что является показателем значительно большим, чем в УК. Особеностей употребления *мол* в соцсетях мы еще коснемся ниже.

Сравним теперь данные из УК и СС с данными по художественным дискурсам. В категории «художественные тексты» ОК частица *мол* встречается 101 раз на миллион словоупотреблений. В ПК IPM равен 59. В составленном нами КНРП IPM равен 89. Обратим внимание на эту существенную разницу: индекс частотности *мол* в современной поэзии приближается к индексу в прозаическом и драматическом дискурсах. При этом он оказывается также гораздо (в 2–3 раза) выше аналогичных индексов в корпусах разговорной речи УК и СС.

Пользуясь фильтром «по дате создания» в НКРЯ, зададим далее идентичный временному промежутку для данного сравнения, что позволит увидеть статистику по дискурсам в синхронии (современный период (2001–2025), табл. 2). Наличие увеличение индексов частицы *мол* в художественных текстах в современную эпоху по сравнению с данными за все время (с XVIII века); особенно бросается в глаза рост показателя в ПК.

Наконец, снова воспользовавшись НКРЯ, приведем статистику по ОК и ПК в сравнении двух временных периодов: современного (1961–2025) и предшествующего ему (1895–1960), чтобы подтвердить или опровергнуть наше предположение о росте частотности *мол* в современных художественных дискурсах (аналогичную статистику по нехудожественной разговорной

**Таблица 2. Статистика вхождений (на миллион словоформ) частицы *мол*
в различных подкорпусах за 2001–2025 гг.**

**Table 2. Statistics of occurrences (per million word forms) of the particle *mol*
in various subcorpora for 2001–2025**

ПОДКОРПУС, данные за 2001–2025 гг.	IPM
ОК (художественные тексты)	122,28
ПК	96,602
КНРП	104,38
УК (с художественными текстами)	29,14
УК (без художественных текстов)	27,93
СС	50,96

**Таблица 3. Статистика вхождений (на миллион словоформ) частицы *мол*
в различных подкорпусах за 1895–1960 и 1961–2025 гг.**

**Table 3. Statistics of occurrences (per million word forms) of the particle *mol*
in various subcorpora for 1895–1960 and 1961–2025**

ПОДКОРПУС	Данные за 1895–1960 гг., IPM	Данные за 1961–2025 гг., IPM
ОК в целом	45,69	87,22
ОК (художественные тексты)	71,07	125,49
ПК	66,07	76,56
КНРП	нет данных	89

речи провести, к сожалению, невозможно, так как разговорные корпуса фиксируют речь лишь с 1960-х годов). Подсчеты свидетельствуют, что рост индекса по литературным дискурсам подтверждается, причем особенно явственно в случае художественной прозы и драмы (почти двухкратный рост). Отметим, что данные нашего КНРП выше, чем данные ПК, на десять пунктов; показатели по широкому спектру новейшей поэзии превышают индекс предыдущего периода (поэзия Серебряного века, авангарда и послевоенных десятилетий). Также знаменательно, что практически в два раза возросла употребимость частицы *мол* в целом по ОК, что говорит остойкой тенденции к распространенности частицы *мол* в современной речи, как художественной, так и иных регистров.

Можно заключить на данном этапе, что художественная речь и в наше время (как и в предыдущие два века) остается преимущественной сферой бытования прагматической единицы *мол*, причем в поэтическом дискурсе частотность ее продолжает расти именно в последние десятилетия и превышает ее частотность (приблизительно в два раза) даже в обыденном дискурсе. Однако лидером из всех дискурсов продолжает оставаться художественно-прозаический. Маркер *мол* продолжает иметь высокую эстетическую ценность в прагматическом арсенале художественных типов речи.

Обсуждение результатов исследования

Проведенные подсчеты по корпусам демонстрируют два, как кажется, нетривиальных количественных обстоятельства: 1) хотя ксенопоказатель *мол* характерен именно для разговорной, диалогической речи в обиходно-бытовой (обыденный дискурс) и публичной (публицистический дискурс) сферах, его использование наиболее частотно в художественной литературе

(литературный дискурс); 2) в современной речи эта тенденция только усиливается: как в прозаическом, так и в поэтическом дискурсах IPM для *мол* повышается по сравнению со статистикой предыдущих периодов.

Обратимся к качественной интерпретации данных результатов применительно к интересующему нас в данной работе поэтическому дискурсу. Как и в целом по данным ОК (рис. 1, 2), так в частности по данным ПК (рис. 3), частотность маркера *мол* возрастает от конца XVIII к началу XXI века неравномерно. Особые всплески наблюдаются в XIX веке, с 1840-х по 1870-е годы; затем наблюдается некоторый спад, и уже на протяжении XX века IPM постепенно растет. Наблюдаемый в середине XIX века (1856 год) острый пик, оказывается, связан с количеством употребления частицы *мол* у одного-единственного автора, Я. Никитина, тексты которого переполнены ксенопоказателями. Они употребляются явно нарочито (так, в одной только поэме «Кулак» встречается 9 *дескать* и 32 *мол*), для экспрессивной стилизации разговорной речи. Отметим, что в ОК (художественные тексты) также примерно на это время приходится весьма резкий рост; на поверку выясняется, что он связан с утрированным использованием *мол* в одном сборнике М. Салтыкова-Щедрина 1858 года.

Из поэтов XIX века самыми активными «пользователями» частицы *мол* являются Я. Никитин, А. Толстой и А. Майков. По-видимому, популярность ксенопоказателей разделялась всеми видами литературы середины XIX века (прозой, драмой, поэзией); связано это было, скорее всего, с попытками эстетически значимой стилизации живой разговорной речи. Следующим таким всплеском дискурсивных маркеров в литературных дискурсах стал послереволюционный период. Более всего из представленных в ПК текстов этого периода частица *мол* встречается у В. Маяковского и М. Цветаевой¹². В послевоенной литературе лидерами по этому показателю являются А. Твардовский и А. Галич. В авторской песне позднесоветского времени (особенно у В. Высоцкого, тексты которого, впрочем, в ПК, кажется, не включены) весьма частотны дискурсивные слова и конструкции из-за приближенности к стихии разговорной, интимной коммуникации. Что касается литературы XXI века, ПК выявляет таких лидеров, как М. Степанова, Ю. Гуголев, О. Чухонцев, в то время как наш КНРП – Д. Пригова, Д. Давыдова, М. Галину. Однако абсолютными лидерами среди всех русских поэтов по употребимости в текстах частицы *мол* являются А. Твардовский (75 примеров в ПК) и В. Маяковский (66 примеров в ПК). При этом если у Твардовского она, как правило, сигнализирует о контекстах дружеской, приватной коммуникации героев, то у Маяковского *мол* чаще всего – маркер массовой коммуникации между поэтом и публикой. Далее мы рассмотрим особенности и доминанты прагмасемантики ксенопоказателя *мол* в поэтических примерах из ПК и КНРП. Выделим наиболее типовые контексты, в которых употребляется данный маркер, уделив особое внимание неконвенциональным случаям (по сравнению с конвенциональностью в обыденной речи).

1. Употребление в качестве маркера ренарратива (передача или пересказ чьей-либо речи)

В обыденной речи, а также в публицистическом дискурсе основная функция *мол* состоит в передаче чужой речи, и акторы коммуникации, как правило, четко определены (кто пересказывает чью речь, обычно понятно всем коммуникантам). В поэтическом дискурсе коммуникация часто не имеет четких субъективных границ (кто пересказывает чью речь, остается думать читателю). Тем не менее контексты цитирования чужой речи частотны и для поэтических текстов, особенно в традиционной поэзии: *Интересней было б, / Кабы кто сказал: / Вот, мол, пьян Данила, / Вот, мол, загулял* (А. Твардовский); *Вадик Толяну весь магазин в живот / спяну всадил, мол, так тебе, пес, и надо* (О. Чухонцев). У В. Маяковского эти контексты связаны с экспрессивными вкраплениями агитационного дискурса и сопровождаются целым арсеналом формальных

¹² «Словарь языка русской поэзии XX века» приводит несколько десятков употреблений частицы *мол* по десяти авторам этой эпохи: Словарь языка русской поэзии XX века. Т. 4: Кругл – М / отв. ред. В.П. Григорьев, Л.Л. Шестакова. М.: Знак, 2010. С. 569–570.

новшеств (паронимическая аттракция, окказионализмы и др.): *Товарищи, / бросим / замашки торгаши / – моя, мол, поэзия – / мой лабаз! – всё, что я сделал, / все это ваше – / рифмы, / темы, / дикция, / бас!; но индивидуум / не верит: / «А у меня / имеется, мол, / особое мненьице».*

В лирической поэзии при ее центрации на «я»-субъекте становится значимой ориентация на передачу не чужой, а своей речи. Это, разумеется, распространено и в повседневном обиходе, когда говорящий оценивает высказанные собой же мысли, поступки или слова. Однако в поэтической речи такая дискурсивная саморефлексия преследует эстетический смысл и направлена на внутренние уровни порождения и интерпретации текста. Во многом такая рефлексия связана с самой инстанцией «я» и его выраженностью в тексте. Так, в стихе С. Черного иронически передается «косвенность» дейктического маркера я в поэзии: *Когда поэт, описывая даму, / Начнет: «Я шла по улице. В бока впился корсет», / Здесь «я» не понимай, конечно, прямо – / Что, мол, под дамою скрывается поэт.* Современная поэзия, еще начиная с символизма XIX века, во многом ориентируется на принцип «Я – это другой» (высказанный Артуром Рембо), но начиная с XX века различные метаморфозы «я» и «другого», «своего» и «чужого» отражаются и на pragmatike поэтического высказывания.

В поэзии XX–XXI веков становятся очень частотными случаи передачи «своей же речи»: *Я бы / и агитки / вам доверить мог. Раз бы показал: / – вот так-то мол, / и так-то...; Я приду к нему, / я скажу ему: / «Вильсон, мол, / Вудро, / хочешь крови моей ведро?»* (В. Маяковский); *«Я-де, мол, старательно расчерчу, / Что ты тут передо мной ни развесь. / Развешиваю. Подавись. Чертесчур / Окно, чертесчур небо, чертесчур здесь»* (Г. Оболдуев); *Лететь до конца по почти что прямой кривой / и врыться в песок, без претензий, что я, мол, еще живой* (Б. Слуцкий); *Здравствуй – говорю – дружище / Узнаешь, мол? – Узнаю / Помнишь ли – я говорю / Как тебя чуть не сгубил я?* (Д. Пригов); *наступит конец – и что будут делать дети, / дети моих детей, мол, что я наделал?* (Х. Закиров); *Мне приснилось, что надо бы замкнуться до поры до времени, а там, мол, видно будет* (Л. Рубинштейн).

Своя речь, как видно из примеров, может остраняться и передаваться как высказанная либо в другое время, либо в другом состоянии, либо просто как отчужденная. В этой связи поэтический языковой материал убедительно подтверждает тезис А.Н. Баранова о том, что частица *мол* (в отличие от близкого ей маркера *дескать*) «фиксирует осознание близости чужого» и, более того, «свидетельствует об осознании своего в чужом, которое находится в своем» [9, с. 115]. В этом смысле она, действительно, вдвойне рефлексивна, так как не только маркирует *другую речь* (свою или чужую), но и дополнительно сигнализирует об этом отличии, об этой *другости*, в саморефлексии высказывающегося субъекта. Иногда в поэтических примерах из контекста неясно, передается ли своя речь или чужая: *Поэта / теснят / опереточные дивы, / теснят / киноный / размалеванный лист. / – Мы, мол, массой, / мы коллективом. / А вы кто?* (В. Маяковский). Может актуализироваться сам модус передачи сообщения, например «слушание»: *Я зашел, уснул, остался слушать, / Мол: на фронте! Тоже захотел? / Как израненная кровью пушка, / Где профессор резал потных тел.* (В. Кучерявкин). Из последних двух примеров нет однозначной маркировки, чья именно речь передается – говорящего или другого лица.

2. *Мол* как pragmatический маркер в составе метафоры

В поэтическом дискурсе в качестве цитируемого субъекта могут выступать объекты, образуя метафору. Можно сказать, что *мол* здесь используется и как показатель эвиденциальности, когда он передает чужое мнение и позволяет «говорящему» снять с себя эпистемическую ответственность, так как он не утверждает истинность сказанного. В некоторых случаях это сопряжено также с передачей иронической/отстраненной/непрямой оценки. Так, в роли «говорящих субъектов» в стихах могут выступать:

- «**моргающий маяк**»: *Поморгал — / и снова нет, / и опять зажегся свет. / Здесь, мол, тихо — / все суда / заплыvайте вот сюда*¹³ (В. Маяковский);
- «**презирающий портсигар**»: *A портсигар блестел / в окружающее с презрением: — / Эх, ты, мол, / природа!* (В. Маяковский);
- «**тверdzącyj стимул**»: *И я пою свобод / Великий стимул, / Который в нас живёт, / Твердя: «пу-сти, мол!»* (Г. Оболдуев);
- «**гравирующий штихель**»: *И гравирует штихель / Лбов медных стены — / De mortuis, мол, nihil / Помимо bene! / Как змий, мудёр, мол, / Хитёр, как сатана, / Умён, как бес: / Ну, прямо (вот-те на!)* (Г. Оболдуев);
- «**гласящий шрифт**»: *формально шрифт гласит мол «Воды. Семена» / в действительности он кричит «Воды!»* (С. Кирсанов);
- «**говорящие века**»: *Вот что говорят / века мне — / мол были / исчезли — / и все о них / забыли* (Г. Сапгир);
- «**подмигивающий глаз**»: *Замес бесовский крепок: / змеиное пьёт молоко, / заваривает в кипятке репейник, — / а глаз подмигивает: я, мол, око*¹⁴ (В. Гандельсман);
- «**поющая стрела**»: *Пела рана в груди у князя. / Или в ране его — стрела // Пела? — к милому не поспеть мол, / Пела, милого не отпеть —* (М. Цветаева).

Заметим также, что в текстах М. Цветаевой, наряду с мощной коммуникативной метафорой, мол используется в более свободном пунктуационном оформлении с целью экспрессии, маркируя эмоциональные оттенки передачи своей и чужой речи: — Небось, не расстаешь! Одна — мол — семья! — / Как будто и вправду — не женщина я!; И земли чужды пытаю, — / Ну, какова мол новь? — / Смеюсь, — все ты же, Русь святая, / Малиновая кровь!; Хлынет киль — / Хрип, кончающийся за морем /, что стерп / Мол с лица земли мол...; Знаю мол чья мол / Кровь в твоих жилах! Повторы частицы маркируют в этих примерах одновременно и разговорный регистр речи, и модальность интимной, исповедальной коммуникации, свойственной поэтике Цветаевой.

3. Ресемантизация и поэтическая этимологизация на основе частицы мол

В поэтических текстах XX–XXI веков с активизацией словотворческих экспериментов и формального изобретательства частица мол часто подвергается ресемантизации и поэтической этимологизации. Ресемантизация актуализирует, или «обнажает» исконную внутреннюю форму частицы мол как производной от глагола молвить: Гляди, мол, страна, как, молве вопреки, / Монарх о поэте печется! (В. Маяковский); того гляди промолвят мол / зачем пришел дай бог ушел (Д. Давыдов); встаёшь речь вста влена / в лен ность осью cross / cross река в рука врезь врось / в ром б / в мол влена (И. Краснопер). В последнем примере мол участвует в образовании неологизма вмолвлена.

Поэтическая этимологизация может идти вразрез с исторической лексикологией и паронимически сближать мол с глаголом молчать: Я, мол, ты, мол, мы, мол, баem, / Бусить бусы понимаем, / Любо тренькать дутым краем, — / Замолчать никак нельзя им (К. Бальмонт). В следующем примере частице мол предшествует сближенный с ней глагол молчать в аномальной сочетаемости молчать в лицо и молчать кому попало: Как будто смотришь, как растерянной толпой / Бегут, бегут молчать в лицо кому попало, / Мол, снова по стране пошел забой, / И радио «по коням» заиграло (В. Кучерявкин). В экспериментальной поэзии воображаемую ассоциацию мол и молчания может подключать фрагментация слова: млейта: уле уле тает убе убе гает / упо олзо ает / умо мол кает (С. Сигей); молчали меня молчали / молчали молчали / венчали меня кончали // меня мол / ча / ли / мол / ча / ли меня (Е. Мнацаканова); в отдалении стояла, лежала / п****ла, мол- / чаянием своим / по молчали и по молчали; за кожь / за кож дым усом. поле жсо / ли жсо. ле жса / жсолк. молк. у мол (И. Краснопер).

¹³ В данном стихотворении Маяковского очевидны автобиографические смыслы морских терминов маяк и мол. В этом примере частица может прочитываться и как существительное, что поддерживается семантическим контекстом «тихой гавани».

¹⁴ Отметим автонимное употребление частицы мол в данном примере, как часть поэтического каламбура.

Воображаемая этимологизация активизирует и аттракцию более далеких в семантическом отношении слов. Так, у В. Гандельсмана через *мол* сближаются корни слов *молодо* и *размолота*: — *И загадку жениху, мол, кто, мол, та, / что жена и дочь отцу, — и молодо / нам подмигивает так, — / а не отгадаешь, мол, размолота / твоя жисть, дурак.* Кроме того, семантическому сближению неродственных слов могут подвергаться омонимы, в частности *мол* как частица и *мол* как существительное. «Морская» семантика текста может создавать грамматическую и семантическую неоднозначность, при которой *мол* может прочитываться одновременно и как ксенопоказатель, и как имя существительное: *Ну дайте собачью голову / С открытою пастью — вот, мол, / Чтоб в зигзагах неба лилового / Я увидел морскую отмель* (И. Сельвинский); *С какою пальцу самолов / Умеет намекнуть без слов: / Вода, мол, вот и вся поимка. / Он сел на камень. Ни одна / Черта не выдала волненья, / С каким он погрузился в чтенье / Евангелья морского дна* (Б. Пастернак); *Мы без моря, мол, моряки,/ Без рыбы рыбаки: (Г. Оболдуев); Гор сияющие мамы / в белых шалях с баюромами, — / мол, теки, поток, теки / к ширине семьи-реки! (С. Кирсанов); О рыба розовая, лом-налым / осенний... / Рокот, мол, ночное море... / Уж месяц-мироносец мне не мил!* (В. Соснора). По аналогии с «аттракцией паронимической» можно в данном случае говорить об «омонимической аттракции», когда значения омонимичных единиц стягиваются друг к другу, вызывая семантическую (в данном случае еще и грамматическую) неоднозначность употребляемой единицы. Интересно, что значение существительного *мол* связано с «заграждением» какого-либо сооружения от морских волн. Ксенопоказатель *мол* также функционирует как hedge, или коммуникативная заслонка. Кажется, эту семантическую аналогию поэты могут закладывать в свой текст.

4. Маркировка «мерцающего субъекта» с помощью *мол*

Начиная с послевоенного андеграунда, *мол* все чаще появляется в поэтических контекстах без пунктуации, открывая свободу семантико-прагматических связей в тексте. У Д. Пригова часто *мол* выступает показателем иронии в адрес советского общества и его идеологии: *И между собою любовно шутили: / Идеологический вот мол объект; На этого бы Годунова / Да тот бы старый Годунов! / Не в смысле, чтобы Сталин снова. / А в смысле, чтобы ясность вновь. // А то разъездились балеты — / Мол, какие славные мы здесь! / Давно пора бы кончить это / Какие есть — такие есть.* У другого представителя концептуализма, Вс. Некрасова, *мол* включается в целый ассамбляж прагматических маркеров. Субъект здесь либо исчезает, либо «мерцает», но оставляет следы в виде дискурсивных маркеров: *вроде декабря / так это / а там / темнота / одна / одна / и другая / отдельно / в какой-то Мере / отдельно / и большой лай / ай да лай / немалый немалый / молодой / лай / давай давай мол / ты подумай / и опять / ты подумай.* От чьего лица произносится *давай давай мол* и кому предлагается «подумать», остается неясным, важен лишь сам коммуникативный акт высказывания в процессе его ритмического развертывания. Коммуникативная функция дискурсивных слов здесь подчиняется поэтической, сосредотачивающей внимание на «высказывательности» как таковой, как свойстве человеческой речи. Дискурсивные маркеры отсылают здесь не к субъектам, а к самому процессу создания и восприятия текста. В следующем тексте Некрасова «Непонятные стихи» автокоммуникация — еще и тема стихотворения: *Молчу молчу / Молчал молчал / Молчим молчим / Молчи молчи // Я думал думал / думал я мол думал я мол / думал ты мол думал ты мол / думал ты мол думал я мол / думал я мол думал ты мол / думал ты мол думал я мол / Мол думал мы мол думал ты. «Я» и «ты» становятся тут зеркальными, взаимозаменимыми эгоцентриками. В результате мантроподобного (или даже молитвенного) «бормотания» образуется окказионализм *ямол* — стяжение местоимения и частицы как знак слитности говорящего и его модуса говорения.*

Неологизация на основе дейтиков и ксенопоказателей имеет место и у других современных авторов. У В. Полозковой в результате этого процесса рождается целая серия неологизмы на основе местоимений *ты* и *тебя*: *Я твой щен: я скулю, я тычусь в плечо незряче, / Рвуся на звук поцелуя,*

тембр – что мглы бездонней; / Я твой глупый пингвин – я робко прячу / Свое тело в утесах теплых твоих ладоней; // Я картограф твой: глаз – Атлантикой, скулу – степью, / А затылок – полярным кругом: там льды; that's it. / Я ученый: мне инфицировали бестебье. / Тебядефицит. // Ты встаешь рыбной костью в горле моем – мол, вот он я. / Рвешь сетчатку мне – как брускатку молотят взвод. / И – надцатого марта – я опять животное, / Кем-то подло раненое в живот. Маркер мол выступает здесь как речевой оператор переходов между субъективностями я, ты и он¹⁵. Трансформации лирического и грамматического субъекта иллюстрируют следующие примеры с дейктическим сдвигом: Ты страстями жила и дурью, / Ты носила себя навыворот... / Говорили тебе: мол, вы бы вот / Поутихли, чем сеять бурю (Т. Бек); Напевай: я в тебе – / мова, мова... / Мол, такая нездешняя и без крова / была. А потом все, к чему прикасалась, / растило ее подкидышей «я не я» – / ими-нами, этими именами и откликалось / на любой оклик: «мама», «огонь», «колос», / а по имени-отчеству – дом бытия... (С. Соловьев); Пусть волят: мол не я, не я! / Но Господь как молния – / в пламени от головы до пят! / Неистов! – / (по утверждению специалистов) (Г. Сапгир). Таким образом, отмеченное В.А. Плунгяном [14] значение частицы мол как показателя субъективной модальности в современном поэтическом дискурсе утрачивается и порой доводится до предела, когда сама идея субъективности ставится под вопрос и подвергается эксперименту.

5. Сближение поэтического дискурса с устно-письменным модусом повседневной коммуникации

Наконец, материал корпусного анализа позволяет сделать вывод о том, что тексты последних десятилетий открывают навстречу тенденциям в повседневной речи. В частности, это выражается в «освобождении» частицы мол от знаков препинания. Континуальный, слабо расчлененный поток речи, характерный для устно-письменной коммуникации эпохи Интернета, переносится и в поэтические тексты с использованием ксенопоказателей: *тот даже с горя спел по-итальянски / стена вслед упущенной добыче / в окошко тыча справку и печать / мол дескатъ que faro senza euridice / что дескатъ делать и с чего начать* (А. Цветков); *в среду днём позвонить что мол знаешь – скучаю / положить трубку выйти и посмотрев минут пять на проезжающие / машины сразу же позвонить ещё раз ещё раз сказать* (С. Львовский); и на кухню уже поэту не зайти / все локтями пихаются и шикают / тише мол не мешай / мы тут поэзию обсуждаем (Р. Осьминкин); *Аристофан троллит Гомера в сетях / мол в списке кораблей не нашел / мистралей / странно* (С. Бирюков); *ловеласы / бесцеремонно меняют лыжи / им не на что тратить пенёны / мол ваши друзья звуковые визуальные и семантические образы* (П. Жагун). Ср. с примерами из СС: *Спрашиваю у него мол как назовём котёнка; Мне пишет когда пытаюсь скакать вк или что-то от вк мол недоступно объект изменён; Уже даже квартиру купили, а она мол как я там одна жить буду.*

Как показал наш статистический анализ, частица мол достаточно частотна для устно-письменного дискурса общения в социальных сетях, ее IPM в СС (50,96) выше, чем в УК (29,14). Показатель же ее частотности в современной поэзии почти в два раза выше, чем в СС и в три раза выше, чем в УК – 89. Устно-письменные формы интернет-коммуникации с их телеграфным стилем явно влияют и на организацию поэтических текстов (см. об этом [22]). При этом вхождение дискурсивных маркеров, включая ксенопоказатели, в поэтический дискурс всегда связано с множественными обертонами значения этих единиц, иногда с наложением разных значений и функций, т.е. с эстетически значимым приращением смысла за счет всей семантической, грамматической и прагматической структуры стихотворения.

К поэтической функции эгоцентрических слов подключается часто и функция металингвистическая, когда содержанием стиха становится сама рефлексия по поводу языка, как в этом примере из стихотворения М. Дремова: *зубы, язык, застревающий при речевом акте, залитая воском, металлом или забитая аравийским песком гортань – всегда казалось, мол, прикольно шуршит,*

¹⁵ См. обсуждение этого примера с точки зрения «номадического субъекта» в статье [21, с. 120–121].

забавно гремит, позванивает. Обыденной устной речи или обиходному интернет-общению не свойственна рефлексия, затормаживающая восприятие говорящих-слушающих (метатекстовые маркеры употребляются скорее для связности речи, чем для глубокой рефлексии над ней). Это бывает в случаях языковой игры или комизма, но такие употребления в быту окказиональны, прагматически-сиюминуты и не несут эстетической ценности. В дискурсе обыденном *мол* в подавляющем большинстве случаев используется как «цитатив», реже – как выражение субъективной модальности. В отличие от поэтического дискурса, в обыденной («здравой») коммуникации субъект не бывает расщепленным. Обращение к своей речи оценочно-остраненно возможно (пример из соцсетей от первого лица: *Поначалу тоже переживал, мол некрасиво и может быть обидно например кому-то*), но все же функция передачи чужой речи здесь преувеличивается. В художественном дискурсе последнего времени, будь то поэзия, проза или драма, ксенопоказатели служат инструментом *отчуждения* своей и чужой речи, что согласуется с отмеченной Н.А. Николиной тенденцией «сделать передачу чужой речи графически как можно более неотчетливой и «сглаженной», максимально растворенной в потоке действительности» [23, с. 44]. Активное употребление в современной литературе дискурсивных слов как маркеров коммуникативной действительности – одно из следствий этой тенденции.

Заключение

Анализ ксенопоказателя *мол* по различным подкорпусам русского языка, таким образом, показал большую частотность его употребления в художественном дискурсе по сравнению с корпусами нехудожественных текстов и нехудожественных типов речи. Эта частица, указывающая на передачу чужой или своей речи, служит в художественной литературе выразительным прагматическим маркером, характеризующим субъекта в тексте (будь то рассказчик, персонаж, лирический герой, внутреннее «я», сам автор, читатель, какие-либо посторонние лица или даже «говорящие» предметы) с точки зрения манеры или модальности его высказывания. Часто она выступает «регулятором ритма» (как отмечалось в [6]) художественного повествования, драматургического диалога или поэтической просодии.

Наши подсчеты по корпусам художественных текстов НКРЯ и собственному корпусу современной русскоязычной поэзии убедительно демонстрируют, что хождение частицы *мол* не угасло ни в современной разговорной речи, ни в художественном дискурсе последнего времени. Это подтверждает данные В.А. Плунгяна о высокой частотности этого и других ксенопоказателей в корпусах современной речи, а также тезис Н.А. Николиной о том, что «современная письменная речь характеризуется активизацией употребления частиц *мол*, *де*, *дескать* в текстах разных стилей и жанров» и «наблюдается экспансия именно частицы *мол*» [23, с. 41]. По нашим подсчетам, как диахроническим, так и синхроническим, в первой четверти XXI века употребимость *мол* остается высокой, а в художественной литературе, в том числе в поэзии, продолжает возрастать. В ряде предыдущих работ [3; 18; 24; и др.], высказывалась гипотеза о возросшей роли лингвопрагматического инструментария в новейшем поэтическом дискурсе по сравнению с поэтическими текстами предшествующих периодов. Полученные в ходе настоящего корпусного анализа данные полностью подтверждают это предположение на примере одного из наиболее употребимых дискурсивных маркеров.

При этом в поэтическом дискурсе употребление ксенопоказателей хотя и частотно, но не столь конвенциально, как в других дискурсах. Примеры неконвенционального использования частицы в поэзии XX–XXI веков показывают ее большую сочетаемостную свободу, а также способность к ресемантизации (когда актуализируется этимологическое значение «молвы»). Поэтическая функция языка фокусирует внимание на самом сообщении, деавтоматизирует восприятие, а используемые ксенопоказатели, среди которых *мол* – самый распространенный, часто отстраняют сам способ говорения субъекта, а зачастую и остраниют,

отчуждают самого субъекта. В поэзии ксенопоказатели – в большей степени знаки «отчуждаемой речи» (по Н.Д. Арутюновой). Занимая «блуждающую позицию» в речи, они берутся на вооружение поэтами для презентации «блуждающей позиции» самого субъекта говорения. Маркер *мол* связывается не столько с говорящим и чужой речью, сколько с автоадресацией и самим способом оформления сообщения. В этой связи они более, чем в повседневной речи, служат «маркерами внутренней диалогичности текста» [25], динамизуя субъектную и образную структуру стихотворения.

В поэтических текстах намеренно используется создание неоднозначности, при которой слово *мол* может интерпретироваться сразу несколькими способами. Этого не допускает обыденная коммуникация с ее установкой на кооперативное речевое поведение. Поэтический дискурс не направлен на передачу сообщения здесь и сейчас с однозначной трактовкой, поэтому в нем часто снимаются оппозиции чужой и своей речи, эвиденциальности и модальности, коммуникации и автocomмуникации. В этом плане Н.Д. Арутюнова проницательно заметила, что частицы-ксенопоказатели не просто становятся маркерами чужой речи, но и «очерчивают границы анклавов на территории говорящего. Границы оказываются, впрочем, весьма зыбкими и проницаемыми: говорящий безнаказанно их нарушает, вторгаясь на чужую территорию» [6, с. 437]. Для поэтического дискурса, в особенности современного, эта зыбкость границ между *своим* и *чужим* оказывается продуктивным способом смысло- и тексто- порождения и – с помощью дискурсивных маркеров – средством реализации креативного потенциала языковой pragmatики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Fraser B.** What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31, Iss. 7. P. 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
2. Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост. и отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. 520 с.
3. **Соколова О.В., Захаркин Е.В.** Прагматика и поэтика. Поэтический дискурс в новых медиа. М.: Новое литературное обозрение, 2025. 328 с.
4. **Степанов Ю.С.** В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. Изд. стереотип. М.: URSS, 2021. 334 с.
5. **Николаева Т.М.** Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 169 с.
6. **Арутюнова Н.Д.** Показатели чужой речи *де*, *дескать*, *мол*. К проблеме интерпретации речеповеденческих актов // Язык о языке / под ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
7. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис / отв. ред. Т.В. Булыгина. М.: Наука, 1992. 280 с.
8. **Падучева Е.В.** Показатели чужой речи: МОЛ и ДЕСКАТЬ // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 3. С. 13–19. DOI: 10.7868/S0000616-0-1
9. **Баранов А.Н.** Заметки о *дескать* и *мол* // Вопросы языкоznания. 1994. № 4. С. 114–124.
10. **Копотев М.В.** Эволюция русских маркеров ренarrатива: синтаксис или лексика? // ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. 2014. № 10 (2). С. 712–740.
11. **Богданова-Бегларян Н.В.** Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. 2019. № 7. С. 14–19.
12. **Богданова-Бегларян Н.В.** Маркеры-ксенопоказатели в русской повседневной речи: аннотирование речевого корпуса, типология и количественные данные // Труды международной конференции «Корпусная лингвистика – 2021». СПб., 2021. С. 183–190.
13. **Левонтина И.Б.** Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкоznания. 2020. № 3. С. 52–77. DOI: 10.31857/S0373658X0009413-3

14. **Плунгян В.А.** О показателях чужой речи и недостоверности в русском языке: мол, якобы и другие // Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen / hrsg. von B. Wiemer, V.A. Plungjan. München: Sagner. S. 285–311.
15. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Лингвокреативность авангарда: языковые функции в художественном и рекламном дискурсах // Слово.ру: Балтийский акцент. 2021. Т. 12, № 4. С. 7–36. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-4-1
16. **Gillings M., Mautner G., Baker P.** Corpus-Assisted Discourse Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 78 p. DOI: 10.1017/9781009168144
17. **Чернявская В.Е., Хохлова М.В.** Дискурсивный анализ текста и корпусные методы. М.: Ленанд, 2024. 224 с.
18. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // Russian Journal of Linguistics. 2024. Т. 28, № 3. С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
19. Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности / под ред. И.В. Зыковой. М.: Р. Валент, 2021. 564 с.
20. **Апресян В.Ю., Шмелев А.Д.** «Ксенопоказатели» по данным параллельных корпусов и современных СМИ: русское якобы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2017. Вып. 16 (23). С. 17–30.
21. **Фатеева Н.А.** К проблеме «номадического субъекта» в современной поэзии // Субъект в новейшей русскоязычной поэзии – теория и практика / сост. и ред. Х. Шталь, Е. Евграшкина. Berlin: Peter Lang, 2018. С. 117–128.
22. **Соколова О.В., Фещенко В.В.** Где граница между повседневным и поэтическим высказыванием? // Язык – текст – дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбилья): Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород, 2024. С. 451–461.
23. **Николина Н.А.** Ксенопоказатели мол, де, дескать в современной русской речи // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Russologica. 2013. Vol. 6. S. 41–46.
24. **Feshchenko V.** The Performative Turn in Philosophy and Verbal Art: Moscow Conceptualism's Linguistic (Non-?)Creativity // Зборник Матице српске за славистику. 2020. Vol. 2020, No. 97. P. 87–104. DOI: 10.18485/ms_zmss.2020.97.6
25. **Ярыгина Е.С.** Чужое слово как способ аргументации: функции частиц мол, дескать, де в конструкциях вывода-обоснования // Русский язык в школе. 2016. № 2. С. 52–58.

REFERENCES

- [1] **Fraser B.**, What Are Discourse Markers?, Journal of Pragmatics. 31 (7) (1999) 931–952. DOI: 10.1016/S0378-2166(98)00101-5
- [2] Pragmatische markery russkoy povsednevnoy rechi [Pragmatic markers of Russian everyday speech], ed. by N.V. Bogdanova-Beglaryan, Nestor-History, St. Petersburg, 2021.
- [3] **Sokolova O.V., Zakharkiv Ye.V.**, Pragmatika i poetika: poeticheskiy diskurs v novykh media [Pragmatics and poetics: poetic discourse in new media], Novoye literaturnoye obozreniye, Moscow, 2025.
- [4] **Stepanov Yu.S.**, V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskiye problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art], Publ. stereotype, URSS, Moscow, 2021.
- [5] **Nikolaeva T.M.**, Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavyanskikh yazykov) [Functions of particles in the utterance (based on the material of Slavic languages)], Nauka, Moscow, 1985.
- [6] **Arutyunova N.D.**, Pokazateli chuzhoj rechi de, deskat', mol. K probleme interpretacii rechepovedencheskih aktov [Indicators of someone else's speech de, deskat', mol. On the problem of interpretation of speech behavioral acts], Jazyk o jazyke [Language about language: collection of articles], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 2000, pp. 437–452.
- [7] Chelovecheskiy faktor v jazyke. Kommunikatsiya, modalnost, deyksis [The human factor in language. Communication, modality, deixis], ed. by T.V. Bulygina, Nauka, Moscow, 1992.

- [8] **Paducheva E.V.**, Particles MOL and DESKAT' as markers of somebody else's speech, *Izvestiia Rossiiskoi akademii nauk. Seriia literatury i iazyka*, 70 (3) (2011) 13–19. DOI: 10.7868/S0000616-0-1
- [9] **Baranov A.N.**, Remarks on the Russian words “deskat” and “mol”, *Voprosy Jazykoznanija*, 4 (1994) 114–124.
- [10] **Kopotev M.V.**, Evolyutsiya russkikh markerov renarrativa: sintaksis ili leksika? [Evolution of Russian Renarrative Markers: Syntax or Lexicon?], *ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA*, 10 (2) (2014) 712–740.
- [11] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, One in the Field is not a Warrior: On the “Magnetizm” of Pragmatic Markers in the Russian Speech, *Socio- and psycholinguistic studies*, 7 (2019) 14–19.
- [12] **Bogdanova-Beglaryan N.V.**, ‘Xeno’-markers in Russian Everyday Speech: Annotation of the Speech Corpus, Typology and Quantitative Data, Proceedings of the International Conference “Corpus Linguistics – 2021”, St. Petersburg, 2021, pp. 183–190.
- [13] **Levontina I.B.**, The repertory of xenomarkers in Russian, *Voprosy Jazykoznanija*, 3 (2020) 52–77. DOI: 10.31857/S0373658X0009413-3
- [14] **Plungyan V.A.**, O pokazatelyakh chuzhoy rechi i nedostovernosti v russkom yazyke: mol, yakoby i drugiye [On the Indicators of Foreign Speech and Unreliability in the Russian Language: Mol, Yakoby, and Others], *Lexikalische Evidenzialitäts-Marker in slavischen Sprachen*, hrsg. von B. Wiemer, V.A. Plungjan, Sagner, München, 2008, pp. 285–311.
- [15] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Linguistic creativity of the avant-garde: language functions in literary and advertising discourses, *Slovo.ru: Baltic accent*, 12 (4) (2021) 7–36. DOI: 10.5922/2225-5346-2021-4-1
- [16] **Gillings M., Mautner G., Baker P.**, Corpus-assisted discourse studies, Cambridge University Press, Cambridge, 2023. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781009168144>
- [17] **Chernyavskaya V.E., Khokhlova M.V.**, Diskursivnyy analiz teksta i korpusnyye metody [Discourse analysis of text and corpus methods], Lenand, Moscow, 2024.
- [18] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Pragmatic markers in contemporary poetry: a corpus-based discourse analysis, *Russian Journal of Linguistics*, 28 (3) (2024) 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [19] Lingvokreativnost v diskursakh raznykh tipov: Predely i vozmozhnosti [Linguocreativity in Discourses of Different Types: Limits and Possibilities], ed. by I.V. Zykova, R. Valent, Moscow, 2021.
- [20] **Apresyan V.Yu., Shmelev A.D.**, “Xeno” Markers in the light of the data of Parallel Corpora and contemporary Mass Media: the Case of the Russian Word Jakoby, Computer linguistics and intellectual technologies, 16 (23) (2017) 17–30.
- [21] **Fateeva N.A.**, K probleme “nomadicheskogo subyekta” v sovremennoy poezii [On the Problem of the “Nomadic Subject” in Contemporary Poetry], Subyekt v noveyshey russkoyazychnoy poezii – teoriya i praktika [The Subject in the Newest Russian-Language Poetry – Theory and Practice], comp. and ed. by H. Stahl, E. Evgrashkina, Peter Lang, Berlin, 2018, pp. 117–128.
- [22] **Sokolova O.V., Feshchenko V.V.**, Gde granitsa mezhdru povsednevnym i poeticheskim vyskazyvaniyem? [Where is the Boundary between Everyday and Poetic Utterances?], *Yazyk – tekst – diskurs v novykh usloviyakh kommunikatsii (k 60-letiyu professora T.B. Radbilya)* [Language – text – discourse in the new conditions of communication (on the 60th anniversary of Professor T.B. Radbil)]: Collection of articles based on the materials of the International scientific conference, Nizhny Novgorod, 2024, pp. 451–461.
- [23] **Nikolina N.A.**, Xeno-indicators mol, de, deskat' in modern Russian speech, *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Russologica*, 6 (2013) 41–46.
- [24] **Feshchenko V.**, The Performative Turn in Philosophy and Verbal Art: Moscow Conceptualism’s Linguistic (Non-?)Creativity, *Zbornik Matice Srpske Za Slavistiku – Matica Srpska Journal of Slavic Studies*, 2020 (97) (2020) 87–104. DOI: 10.18485/ms_zmss.2020.97.6
- [25] **Yarygina E.S.**, Chuzhoye slovo kak sposob argumentatsii: funktsii chastits mol, deskat, de v konstruktsiyakh vyvoda-obosnovaniya [Someone Else’s Word as a Way of Argumentation: Functions of the Particles Mol, Deskat’, De in the Constructions of Inference-Justification], *Russian Language at School*, 2 (2016) 52–58.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Фещенко Владимир Валентинович

Vladimir V. Feshchenko

E-mail: takovich2@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1323-4220>

Поступила: 12.07.2025; Одобрена: 19.09.2025; Принята: 24.09.2025.

Submitted: 12.07.2025; Approved: 19.09.2025; Accepted: 24.09.2025.

Научная статья

УДК 81'42

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16311>

EDN: <https://elibrary/ERJWJI>

ОТВЕТ НА БЛАГОДАРНОСТЬ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ: «НЕ ЗА ЧТО» КАК ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

А.Н. Черняков , Т.В. Цвигун

Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта,
г. Калининград, Российская Федерация

a_chernyakov@mail.ru

Аннотация. В статье предложен анализ идиоматической речевой формулы «не за что» как фрагмента коммуникативного сценария «ответ на благодарность». Многозначность и контекстуальная зависимость данной формулы позволяют рассматривать ее как «прагматическую переменную», которая используется в речи для реализации целого ряда различных иллоктивных установок. Воспринимаемая на поверхностном уровне как нейтральный формализованный ответ на благодарность, речевая формула «не за что» может восприниматься коммуникантами как способ вербального обесценивания оказанной услуги или установления скрытых иерархических отношений между собеседниками. Методология исследования включает корпусный анализ примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), а также систематизацию данных эксперимента, участникам которого было предложено отражать свои оценки данной речевой формулы в проекции на различные коммуникативные ситуации. На основании данных НКРЯ описываются основные прагматические сценарии речевого употребления формулы «не за что» в диапазоне от нейтрального ритуального ответа на благодарность до выражения отказа от благодарности, отложенной благодарности, смены коммуникативных ролей и др. Эти сценарии обрисовывают широкую гамму коммуникативных установок, что подтверждает концепцию формулы «не за что» как «прагматической переменной». Результаты эксперимента показывают, что многие респонденты осознают потенциальную неуместность фразы в зависимости от социального статуса собеседников, в частности, использование «не за что» в асимметричных коммуникативных ситуациях может оцениваться как неэтичное или невежливое. Авторы приходят к выводу, что речевая формула «не за что» является многозначным и контекстуально зависимым выражением, учет семантики и прагматики которого требует от носителей языка осознанного подхода в выборе речевых формул в зависимости от контекста и социального статуса участников общения.

Ключевые слова: лингвистическая прагматика, дискурсивный и корпусный анализ, языковая рефлексия, речевые формулы, прагматика благодарности.

Для цитирования: Черняков А.Н., Цвигун Т.В. Ответ на благодарность в русской лингвокультуре: «не за что» как прагматическая переменная // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 166–182. DOI: 10.18721/JHSS.16311

Research article

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16311>

THE RESPONSE TO GRATITUDE IN RUSSIAN LINGUOCULTURE: “YOU’RE WELCOME” (NE ZA CHTO) AS A PRAGMATIC VARIABLE

A.N. Chernyakov , T.V. Tsvigun

Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kalininingrad, Russian Federation

a_chernyakov@mail.ru

Abstract. The article offers an analysis of the idiomatic speech formula “you’re welcome” (ne za chto) as a fragment of the communicative scenario “response to gratitude”. The ambiguity and contextual dependence of this formula allow us to consider it as a “pragmatic variable” that is used in speech to implement a number of different illocutionary attitudes. Perceived on a superficial level as a neutral formalized response to gratitude, the verbal formula “you’re welcome” (ne za chto) can be perceived by communicants as a way of verbally devaluing the service rendered or establishing hidden hierarchical relationships between interlocutors. The research methodology includes a corpus analysis of examples from the National Corpus of the Russian language (NCRL), as well as the systematization of experimental data, the participants of which were asked to reflect their assessments of this speech formula in projection on various communicative situations. Based on the data of the NCRL, the main pragmatic scenarios of the verbal use of the formula “you’re welcome” (ne za chto) are described, ranging from a neutral ritual response to gratitude to the expression of refusal of gratitude, deferred gratitude, exchange of communicative roles, etc. These scenarios outline a wide range of communicative attitudes, which confirms the concept of the “you’re welcome” (ne za chto) formula as a “pragmatic variable”. The results of the experiment show that many respondents are aware of the potential inappropriateness of the phrase depending on the social status of the interlocutors, in particular, the use of “you’re welcome” (ne za chto) in asymmetric communication situations can be assessed as unethical or impolite. The authors conclude that the speech formula “you’re welcome” (ne za chto) is a multi-valued and contextually dependent expression, taking into account the semantics and pragmatics of which requires native speakers to take a conscious approach to choosing speech formulas depending on the context and social status of the participants in communication.

Keywords: linguistic pragmatics, discursive and corpus analysis, linguistic reflection, speech formulas, pragmatics of gratitude.

Citation: Chernyakov A.N., Tsvigun T.V., The response to gratitude in Russian linguoculture: “you’re welcome” (ne za chto) as a pragmatic variable, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 166–182. DOI: 10.18721/
JHSS.16311

Введение. Постановка проблемы

В русской и ряде других национальных лингвокультур существует особый коммуникативный сценарий «ответ на благодарность», в широком смысле предопределенный тем, что «человек, к которому обратились, согласно этикету обязан отреагировать на обращение, показать, что он „принял“ обращение» [1, с. 43]. В числе наиболее частотных речевых формул, обслуживающих данный коммуникативный сценарий, особое место занимает идиома «не за что», представляющая собой результат эллиптического сокращения выражения «[меня] не за что [благодарить]». Если принять во внимание мысль С.Г. Воркачева о том, что «в семантическом плане благодарность – категория мультифацетная, раскрывающая свои грани в зависимости от точки зрения на нее» [2], следует признать, что мультифацетность речевой формулы «не за что» почти что энантиосемична: для разных носителей русского языка и в разных коммуникативных ситуациях ее иллокуттивная сила колеблется от нейтрального ответа на благодарность с целью завершить речевой акт до выражения того, что сейчас принято называть «токсичностью».

В работах, посвященных исследованию языковых и коммуникативных репрезентаций категории благодарности в таких ее аналитических ипостасях, как «речевая формула» [3–5], «концепт» [6], «речевой жанр» [3, 6–8], «семантическая категория» [2, 9], «понятийная сфера» [10], «концептуальное поле» [11, 12] и др., коммуникативный сценарий «ответ на благодарность» регулярно попадает в «слепую зону»: составляющие его вербальные единицы либо не рассматриваются вовсе, либо упоминаются вскользь как своего рода маргиналии, факультативные элементы комбинаторики речевых формул благодарности; работы, непосредственно посвященные рассматриваемому явлению, единичны [13–15]. В целом такой подход объясним тем, что собственно благодарность и «ответ на благодарность» достаточно существенно различаются по своей прагматике. Так, «основной прагматической целью коммуникативного акта благодарности является подача сигнала о том, что высказывания или действия собеседника поняты и приняты говорящим», его второстепенная прагматическая цель – «подчеркивание значимости того хорошего, что было сделано для говорящего, либо значимости и ценности партнера по коммуникации как источника благодеяния» [16, с. 106], а само выражение благодарности полностью локализовано в коммуникативной позиции объекта так называемого бенефактивного эффекта (т.е. лица, которому оказана услуга, предполагающая благодарность), тогда как прагматика «ответа на благодарность» составляет исключительно прерогативу бенефактора, который оценивает собственные действия как заслуживающие или не заслуживающие благодарности. Благодарность, которую Дж. Остин относил к разряду бехабитивов, а Дж. Сёрль – экспрессивов, представляет собой отчасти парадоксальный пример реактивного [17, 18] речевого акта, не обязательно предполагающего (а чаще даже не предполагающего) наличие «левого контекста» (его субститутом нередко выступает невербальное действие); в этом смысле «ответ на благодарность» можно понимать как «реактивность в квадрате»: такой речевой акт есть реакция на реакцию, существовать вне вербального контекста он не может.

Вместе с тем представляется, что детальное исследование речевых формул «ответа на благодарность» позволяет существенно уточнить и детализировать представления о поле благодарности в русском коммуникативном поведении уже хотя бы потому, что использование этих формул часто ощущается носителем языка как рекомендованное или желательное действие, как то, без чего речевой акт благодарности оказывается как бы лишенным необходимого point'a. Как отмечает М.В. Влавацкая, наряду с принятием или неприятием благодарности «в отношении ситуации ответа на благодарность возможен и третий вариант – игнорирование благодарности», однако такой сценарий реализуется в коммуникации «достаточно редко. Как правило, русские реагируют на благодарность, используя характерные именно для данной ситуации единицы речевого этикета» [13, с. 10].

Методологические принципы исследования

Речевые формулы коммуникативного сценария «ответ на благодарность» следует трактовать в логике так называемых коммуникативов, которые И.А. Шаронов определяет как «единицы, которые оказались „заряженными“ прагматически и семантически пустыми», «краткие ответные реплики диалога, репликовые слова и сочетания реактивного типа». У коммуникативов «постепенное превращение... в стандартизованное речевое действие сопровождается частичным разрушением... формы и значения, переходом репликового слова или сочетания исключительно в функциональную область использования в качестве реакции на тот или иной „вызов“» [19, с. 115], что существенно сближает их с речевыми формулами этикета [20, 21].

В случае с речевой формулой «не за что» отдельно следует отметить, что она представляет собой характерный пример «грамматической идиомы в качестве коммуникативов». Согласно наблюдениям И.А. Шаронова, «отшлифованные в бытовых диалогах до штампов, коммуникативы воспринимаются людьми с детства и используются автоматизированно, ниже порогового

уровня осознанного употребления. Носитель языка, даже лингвист, не всегда осознает, почему он использовал в речи тот или иной коммуникатив»; и одновременно с этим «коммуникативы имплицитно содержат информацию о диалоге и конкретных тактиках его развития. Без выявления дискурсивных условий употребления описание коммуникативов будет неполным» [21, с. 110].

Наблюдение за речевым поведением русскоязычных коммуникантов дает основания предположить, что речевая формула «не за что» часто балансирует между рефлексивным и нерефлексивным речеупотреблением. С одной стороны, она может использоваться говорящим как семантически пустой формальный штамп, позволяющий собеседнику сделать в диалоге заключительный шаг; с другой стороны, в силу своей внутренней формы («не за что благодарить») эта формула может ощущаться коммуникантом как неуместная в том или ином pragmaticальном контексте или при определенной конфигурации социально-коммуникативных ролей участников диалога, что побуждает его сделать выбор в пользу более нейтрального варианта «пожалуйста». Новизна развиваемой в настоящей статье концепции определяется тем, что рассмотренная под таким углом зрения (т.е. как рефлексивное и нерефлексивное высказывание) речевая формула «не за что» понимается нами как своего рода pragmaticальная переменная, отношение к которой – а следовательно, и ее употребление в речи – может мотивироваться не только вербальной позицией коммуниканта, но и широким комплексом внешних факторов, рекомендующих/допускающих/исключающих ее использование говорящим в весьма широком диапазоне контекстуально и ситуативно обусловленных функций и pragmaticальных ролей.

Любопытным примером такого «соскальзывания в рефлексию» может служить спонтанно возникшая заочная полемика между порталом «Грамота.Ру» и Информационным порталом Екатеринбурга. Комментируя вопрос «Как отвечаю за „Спасибо“? „Не за что“ или „Пожалуйста“» (вопрос № 282206 от 29.04.2015 г.), справочная служба «Грамоты.Ру» указала: «*Пожалуйста* – наиболее распространенный и стилистически нейтральный вежливый ответ на благодарность. *Не за что* – разговорный ответ на благодарность, часто имеющий целью признать говорящим значимость своей услуги, оказать которую ему якобы не составило никакого труда¹, представив варианты «пожалуйста» и «не за что» как стилистически дифференцированные, но равно употребимые. Годом позднее, 14.06.2016 г., Информационный портал Екатеринбурга в рамках проекта «Екатеринбург говорит правильно», комментируя аналогичный вопрос, дословно процитировал ответ «Грамоты.Ру», однако дополнил его собственным выводом: «Таким образом, правильно: *пожалуйста*², – в результате чего «не за что» из общеприменимой речевой формулы фактически (хотя и без специальных помет) переместилось в зону «не рекомендовано».

Комментарии лингвистов относительно семантики и pragmatики «не за что» также далеки от единодушия. Так, В.А. Ефремов приводит отказ от использования «не за что» как характерный пример проявления так называемого «грамматического нацизма», наивной речевой гиперкоррекции носителей языка, тем самым нивелируя саму возможность трактовать эту формулу как ограниченную в употреблении: «Зачастую рассуждения граммарнаци безапелляционны и фантастичны с точки зрения настоящей лингвистики, например: „На «спасибо» отвечать «не за что» не есть вежливо. Спасибо – вежливое слово, используемое для выражения благодарности. Произошло от «спаси Бог». Отвечая «не за что», мы как бы отказываемся от доброго желания»³. М.В. Влавацкая, рассматривая «не за что» в ряду других формул сценария «ответ на благодарность», склонна считать ее ритуальной и столь же стилистически нейтральной,

¹ Ответы справочной службы – вопрос № 282206 // Грамота. <https://gramota.ru/spravka/vopros/282206#question> (дата обращения: 14.05.2025).

² Как правильно отвечать на «спасибо»: «не за что» или «пожалуйста»? // Информационный портал Екатеринбурга. <https://www.ekburg.ru/news/18/60839-kak-pravilno-otvechat-na-spasibo-ne-za-cto-ili-pozhaluysta/> (дата обращения: 14.05.2025).

³ Ефремов В. Русский язык в Интернете // Октябрь. 2013. № 5. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/5/russkij-yazyk-v-internete.html> (дата обращения: 15.05.2025).

как и наиболее употребимое «пожалуйста». «Ее употребление, – отмечает автор, – варьируется по сферам общения от той, где социальный статус коммуникантов диаметрально противоположен, например, профессор и студент, до той, где превалируют весьма близкие отношения, например, между родственниками и друзьями» [13, с. 13], а прагматика «не за что» «в семантическом плане свидетельствует об успешности коммуникативного акта», фраза «используется в данном контексте ситуации для завершения контакта. Говорящий представляет ситуацию так, будто для него совершённый поступок не являлся трудновыполнимым» [13, с. 14]. С.С. Краева, напротив, считает, что подобный «ответ на благодарность реализует стратегию минимизации значимости бенефактивного поступка, если оказана незначительная услуга, или когда коммуникант, совершивший бенефактивное действие, из вежливости или скромности склонен приносить значимость своей услуги... а также если коммуниканты близко знакомы, равны по статусу, одного возраста или адресат услуги младше» [15, с. 121], т.е. рассматривает данную формулу как прагматически асимметричную и предусматривающую определенные ограничения в использовании.

Не менее любопытно, насколько от позиции лингвистов отличается точка зрения психологов, которые в силу специфики своего рода деятельности вынуждены учитывать социальные и прагматические контексты речевого взаимодействия значительно глубже и детальнее. На ряде русскоязычных интернет-ресурсов представлен комментарий психолога Анны Гарш, согласно которой «фраза „не за что“ может иметь несколько негативных смыслов. В частности, она подсознательно демонстрирует превосходство над собеседником и этим может вызвать у него отрицательные эмоции. <...> Кроме того, человек при произнесении слов „не за что“ показывает и себе, так и окружающим, что не ценит собственные умения и потраченное время. <...> Также, по словам Гарш, у использующих эту фразу людей подсознательно возникает синдром упущеной выгоды»⁴. Позиция психолога, таким образом, полностью отказывает речевой формуле «не за что» в коммуникативной нейтральности и трактует ее не просто как показатель асимметрии социального положения коммуникантов, но уже как знак потенциальной имплицитной речевой агрессии, причем двунаправленной – ориентированной одновременно и на адресата, и на самого адресанта.

Таким образом, в исследовании прагматики речевой формулы «не за что» отчетливо выделяются два круга вопросов: первый из них связан с необходимостью проследить на реальном речевом материале, в каких контекстах употребляется «не за что» и какие прагматические сценарии (далее *ПС*) может обслуживать и/или продуцировать эта речевая формула, второй касается установления и описания основных точек языковой рефлексии, возникающей у носителей языка в связи с данной формулой. Такая двойственность фокуса стала методологической основой проведенного исследования.

На первом этапе исследования нами были обработаны контексты употребления «не за что» по материалам Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ) (первые 600 из 1697 примеров основного корпуса). Отдельно следует отметить, что омонимия формулы-коммуникатива «не за что» и грамматически свободного употребления аналогичной предложно-падежной формы с отрицательной частицей *не* (ср. примеры из НКРЯ типа: «То есть вас казнить *не за что*» (Е. Гришковец), «Хотя глупо – может быть, он прожил прекрасную, счастливую жизнь, и его жалеть *не за что* вообще, только позавидовать можно» (Е. Голованова), «Там ты кровь проливал,

⁴ Почему нельзя говорить «не за что» в ответ на «спасибо»? // Аргументы и факты. 02.06.2024. URL: <https://aif.ru/society/education/pochemu-nelzya-govorit-ne-za-cto-v-otvet-na-spasibo> (дата обращения: 15.05.2025). Ср. также: «...Вариант, когда мы не принимаем и говорим: „Не за что“ Или: „Не стоит благодарности“». Про что это? Про то, что мы, может быть, стесняемся принять благодарность, потому что нам кажется, что ничего такого мы и не сделали. Ничего важного. Так, ерунда какая-то. А по сути это – про обесценивание. <...> Мы фактически говорим человеку, который нас благодарит, что то, что мы для него сделали, никакой ценности из себя не представляет. <...> Ну, в общем-то, обесцениваем свои действия. А по сути – обесцениваем себя» (Балахонская Г.В. Что происходит, когда на «спасибо» мы отвечаем «не за что».. URL: <https://www.b17.ru/article/cto-proishodit-kogda-na-spasibo-mi-otv/> (дата обращения: 15.05.2025)).

а здесь *не за что*» (И. Грекова) и т.п.) потребовала дополнительной обработки массива примеров de visu и соответствующей «ручной» выборки релевантных примеров. Наблюдение над этими примерами дало возможность выделить и описать наиболее частотные и значимые ПС, в которых проявляется статус речевой формулы «не за что» как pragматической переменной, обслуживающей разные коммуникативные ситуации.

Вторым этапом исследования стало проведение эксперимента с использованием онлайн-технологий (Google Forms), в котором приняло участие 108 респондентов преимущественно из числа студентов Балтийского федерального университета им. И. Канта, обучающихся на профильных программах бакалавриата и магистратуры. Данная часть исследования была направлена на установление того, как «не за что» воспринимается носителями речи в роли формулы вежливости; вопросы были сформулированы таким образом, чтобы по возможности активизировать непрямые, неявные формы языковой рефлексии и при этом различить активную и пассивную роль говорящего (как субъекта речи и как адресата), а также поставить респондентов в ситуацию разных по статусу коммуникативных ролей. Общие результаты проведенного исследования представлены ниже.

Результаты исследования

1. «*Не за что*» по данным Национального корпуса русского языка

Систематизация примеров употребления речевой формулы «не за что» по материалам НКРЯ показывает, что ее pragматический потенциал вовсе не исчерпывается выражением ответа на благодарность (хотя, несомненно, в этой коммуникативной роли данная речевая формула используется чаще всего).

Рассмотрим наиболее значимые ПС употребления «не за что» в диалоговых и нарративных контекстах, представленных в НКРЯ. Особый интерес в этом случае будет представлять иллокуттивная установка говорящего, которая может быть эксплицирована из контекста употребления речевой формулы (о влиянии контекста на иллокуттивную силу высказывания см., например, [22]). При этом, как отмечает И.А. Шаронов, «значительную роль для описания адекватного использования единицы играет „левый контекст“: тип иллокуттивного акта стимулирующей реплики, реже – ее формальные и семантические особенности» [23, с. 221], поскольку именно «левый контекст» устанавливает для коммуникативов «дискурсивные характеристики, предопределяющие и ограничивающие их употребление в той или иной ситуации» [19, с. 121]. Однако у речевой формулы «не за что» контекстуальная pragматическая мотивировка, как представляется, скорее противоположна: для нее сильным средством pragматической конкретизации, как правило, выступает не «левый» (типовой, представленный той или иной формой выражения благодарности), а «правый» контекст – именно в нем могут заключаться значимые семантико-pragматические обертоны, влияющие на тип pragматического сценария. Можно предположить, что повышенная роль «правого контекста» при речеупотреблении «не за что» связана с тем, что говорящий достаточно часто испытывает, условно говоря, неуверенность в «не за что», точнее, в том, что собеседник интерпретирует его иллокуттивную установку корректно. Возможно, именно этим мотивировано возникновение многочисленных ситуаций, когда употребление «не за что» требует дополнительной комбинаторики с разного рода каузаторами.

ПС «POINT» реализует наиболее нейтральную иллокуттивную установку, в которой «не за что» «свидетельствует об успешности коммуникативного акта, используется... для завершения контакта» [13, с. 14]: говорящий реагирует на благодарность, принимая на себя финальную реплику в диалоге. «Правый контекст» в данном ПС может (но не обязательно) содержать обозначение неречевых действий говорящего или его собеседника, свидетельствующих об исчерпании коммуникативного акта:

- (1) Нет, говорю, он ушел. Когда? Полчаса назад. Спасибо. Не за что. Кладу трубку (М. Палей);

(2) Спасибо, дуб! – поклонился до земли Ёжик. Спасибо за Волченьку, – сказал Медвежонок. *Не за что*, – прохрипел дуб. И уставился в небо (С. Козлов);

(3) Надя не оправдала надежд Лукашина, потому что ответила: Счастливого пути! Лукашин мямлялся, не зная, что бы еще сказать. Большое спасибо... *Не за что...* – кивнула Надя. Ну, я пошел! (Э. Рязанов, Э. Брагинский);

(4) Спасибо, Лев Казимирыч! *Не за что*. Выпьете, Лев Казимирыч? (В. Шукшин).

ПС «БУКВАЛИЗАЦИЯ». В контекстах данного типа «не за что» реализуется в буквальном смысле: благодарить не за что, так как нет причины или объекта для благодарности; наблюдается определенный сдвиг от чистой ритуальности речевой формулы к ее дополнительной семантизации, в целом характерной для стратегий «наивной лингвистики». Обоснование отсутствия причины для благодарности, инициирующее реплику «не за что», прямо или косвенно должно присутствовать в «левом» (5, 7) или «правом» (6) контекстах:

(5) Я пересказывал историю, как Пирон будто бы вдруг подал на вакансию в ненавистную ему Академию. Друзья удивлялись, он говорил: «А вот меня выберут, произнесут в честь меня речь, будут ждать ответной, а я вместо этого только скажу: «Спасибо, господа!» – и послушаю, как они мне ответят *«Не за что...»* (М. Гаспаров);

(6) Племянник: «Благодарю вас, тетушка, за подарок» Тетушка: «О! *Не за что*» Племянник: «Я тоже так думаю, но мама сказала, чтобы я вас все равно поблагодарил» (анекдот);

(7) О лире, которую я передал Бродскому, широкая публика знает не хуже нас с вами. А как я получал эту лиру из рук Пастернака и Ахматовой, уже слишком много сказано, чтобы повторять еще раз. Выражаю признательность жюри: столь точно и незашоренно выбирать кандидатов на Государственную премию! Благодарю за незаслуженно высокую оценку и моих трудов... *Не за что...* Присылайте, присылайте. Опускает трубку (А. Найман).

Коммуникативным вариантом данного сценария может быть **ПС «НИВЕЛИРОВАНИЕ (ОБНУЛЕНИЕ) БЛАГОДАРНОСТИ»**, при котором говорящий не просто буквализирует смысл идиомы «не за что», но и дополнительно подчеркивает (в том числе невербально, ср. (8)) отсутствие необходимости в благодарении:

(8) Он был шорником и старшим конюхом – догадался я и поблагодарил его за приют. *Не за что, не за что*, парень, – отмахнулся шорник и еще нашел минуту между делом бросить: – Катерине Петровне поклон скажи (В. Астафьев);

(9) Расцвел от радости. Спасибо, – говорит. *Не за что*. Спасибо мне твоего не надо. Мне б как-нибудь тебя живого домой отпустить (Г. Владимов).

Следующие два ПС обслуживают реализацию иллоктивной установки «отказ от благодарности» и определяются тем, что бенефактор для соблюдения коммуникативного протокола испытывает необходимость в той или иной мотивировке своего ответа «не за что».

ПС «КАУЗАЛЬНАЯ НARRATIVIZAЦIЯ». Используя «не за что» в буквальном смысле, говорящий усиливает семантику речевой формулы отсылкой к причине такого речевого акта, что приводит к развертыванию из нее самостоятельного нарратива разной длины в «правом контексте»; любопытно, что каузатор «потому что» в подобном сценарии обычно не используется и уходит в имплектируюю высказывания:

(10) Садовник слотнул и полил ступню из лейки обильно, рискуя обделить сакуру. Спасибо, – поблагодарил Семен. *Не за что*, – отозвался Михалыч. Нам воды не жаль (Д. Липскеров);

(11) Тынэна положила часы на ладонь. Они громко тикали с чуть слышным звоном. По нижнему краю циферблата виднелись четкие буквы – Мозер. Спасибо, – тихо поблагодарила она за подарок. *Не за что*, – ответила Елена Ивановна. Я рада, что именно в твои руки попали часы Ивана Андреевича (Ю. Рытхэу);

(12) Настя, – произнес Сауляк негромко. Это был второй раз, когда он назвал ее по имени. Да? Спасибо вам. *Не за что*. Я старалась (А. Маринина);

(13) Спасибо, Черный, – говорит он. Черный пожимает плечами. *Не за что. Просто хотелось, чтобы ты был в курсе* (М. Петросян).

ПС «ПРОТОКОЛЬНЫЙ ОТВЕТ». За высказыванием «не за что» следует фраза типа «это моя работа» (или ее варианты), которая, возможно, сформировалась под влиянием англоязычной (в первую очередь американской) лингвокультуры, в частности кинематографа. Собеседник аргументирует выраженный формулой «не за что» отказ от благодарности тем, что действие, в отношении которого высказывается благодарность, входит в его должностные обязанности («не стоит благодарить за то, за что мне платят деньги»). Как и в предыдущем случае, каузация отказа от благодарности реализуется в «правом контексте» и является обязательным компонентом высказывания, без которого иллокутивная установка не может быть реализована:

(14) Я к вам скоро зайду. Спасибо, доктор. *Не за что. Это моя работа.* Софья Константиновна сняла перчатки, вымыла руки и вышла в коридор (Т. Соломатина);

(15) Могу, например, еще сделать хорошую погоду. Завтра, к примеру, подарю тебе солнечный день. Солнечный день? Хороший подарок, спасибо. *Не за что. Это моя работа, ведь я работаю волшебником* (А. Ростовский);

(16) От лица всего городского совета вам большое спасибо! *Да не за что!* – отмахнулся шеф-риф Лапа. *Это моя прямая обязанность.* Я, с вашего позволения, отключаюсь (Д. Липскеров).

Один из вариантов каузации «не за что» может быть связан с тем, что бенефактор ощущает преждевременность благодарения – такая иллокутивная установка реализуется в **ПС «ОТЛОЖЕННАЯ БЛАГОДАРНОСТЬ»**. Данный ПС относится к числу тех нечастых случаев, когда иллокутивная установка высказывания задается «левым контекстом» – наречием «пока», образующим с «не за что» особое по семантике идиоматическое единство, своего рода импликатуру «пока <благодарить> не за что <но потом я приму благодарность>». Каузация «отложенной благодарности» может предполагать преждевременность благодарности как фактически, так и фигуративно, а также включать в себя «опровергающее продолжение» (18, 19) либо усиление (20):

(17) Напомни, какие конфеты были? Птичье молоко, шоколадные, мои самые любимые, спасибо тебе! Благодарить пока не за что, – отмахнулась я (Д. Донцова);

(18) Спасибо тебе, – пробормотала Лика. Перестань, – пробормотала я, – пока не за что. Тычусь, словно слепой котенок, в разные стороны без особого толка. Очень даже есть за что, – прошелестела Лика (Д. Донцова);

(19) Прощаюсь, я сказал ему «спасибо», а он сказал «пока не за что», но я подумал, что все-таки есть за что – что хотя бы не стал пересчитывать (В. Левенталь);

(20) Спасибо, – сказал доцент и зычно икнул. Не благодари. Пока не за что! Но мы им покажем, дай мне только вернуться из Гондураса! (Н. Дежнев).

Прагматической противоположностью сценариев «отказа от благодарности» можно считать **ПС «УДВОЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ»**, в иллокутивной установке которого проявляется неудовлетворенность собеседника ответом «не за что». Благодаритель не считает, что благодарность является избыточной (т.е. в контексте коммуникативного акта интерпретирует «не за что» буквально, при том что бенефактор употребляет эту речевую формулу скорее фигуративно), и вербализует это несогласие, обычно фразой «есть за что», которую часто сопровождает каузальный нарратив. Возникает ситуация «второго спасибо», в которой финальная реплика возвращается к благодарителю:

(21) Спасибо, Ростислав Романович, от всей души. Мне? *Не за что. Есть за что. За урок. Глядя на вас, я поняла, что значит быть настоящим врачом. Я не волшебник* (И. Грекова);

(22) Володя, я... Не знаю даже, как сказать... Спасибо тебе. *Не за что. Нет, есть за что. Ты меня спас. Ты взял на себя мою вину* (А. Маринина);

(23) Спасибо, Саша, – сказала Нина Георгиевна и посмотрела Дюку в глаза – не как учитель ученику, а как равный равному. *Не за что, – смущился Дюк. Есть за что, – серьезно возразила*

Нина Георгиевна. Учить уроки, участвовать во внеклассной работе и хулиганить могут все. А быть талисманом, давать людям счастье – редкий дар (В. Токарева).

Особым проявлением иллокутивной позиции бенефактора является **ПС «ВОЗВРАТ БЛАГОДАРНОСТИ»**. Формулой «не за что» собеседник может «возвращать» благодарность говорящему, тем самым как бы инверсируя сам объект благодарения (в том числе имплицитно, не мотивируя возврат благодарности вербально, ср. (25)) и корректируя роли бенефактора и благодарящего:

(24) Спасибо вам большое за помощь, – вытаскивая из трюма золотой саркофаг, сказал французский археолог. *Не за что*, – ответил Самоделкин. Это вам спасибо за интересную экскурсию, нам у вас очень понравилось (В. Постников);

(25) Спасибо. Будьте здоровы. *Не за что*. Это вам спасибо (И. Грекова).

Отдельного внимания заслуживают ПС, за которыми стоит не столько специфическая иллокутивная установка говорящего (она может так или иначе совпадать с вышеперечисленными), сколько особый тип комбинаторных отношений, в которые включается речевая формула «не за что». В простейших случаях мы можем говорить о **ПС «УСИЛЕНИЕ»**, в котором «не за что» сопровождается разного рода интенсификаторами (26–28), обращением к собеседнику (29–31), а также редупликацией (31):

(26) Спасибо за то, что хотя бы отвечаешь, все-таки классно иметь «друзей» в разных частях нашего маленького шарика такой большой Галактики. Ну что ты, не за что, мне самой интересно узнавать новых людей (из переписки);

(27) Спасибо, что, вообще-то, ты меня спас. А, что от балбесов этих увел? Да не за что, – он отмахивается от моей благодарности в своей привычной легкой и самоуверенной манере (Е. Мицкерская);

(28) Благодарю вас, – царственно кивнула Марина Степановна, – очень обязана. Абсолютно не за что, Матрена Селиверстовна, – ответил Олег, – всегда рад помочь (Д. Донцова);

(29) Спасибо, – сказала Лариса. *Не за что, дорогая*. Нелли Сергеевна явно повеселела (М. Трауб);

(30) Я говорю: Спасибо, что предупредил. Лэри говорит: *Не за что, старик* (М. Петросян);

(31) «Спасибо!» – шепнул мне Быльчихин, когда мы сели. *Не за что*, Быльчихин, не за что! (Д. Стахов).

В более сложных случаях, которые мы условно объединим в **ПС «МУЛЬТИПЛИЦИРОВАНИЕ»**, прослеживается удлинение формулы «не за что» вариативным речевым дублетом с повышением (32) или понижением (33) стилистической интонации – очевидно, чтобы дополнительно убедить благодарителя в том, что благодарность не является обязательной:

(32) А спасибо? – обиделся Шакал. Спасибо, – сказал я. Спасибо, что промахнулся! *Не за что*, – с удовольствием ответил он. Не стоит благодарности! (М. Петросян);

(33) Вот так, – сказал мужчина. Я зазор тут оставил, и, если опять дверь сядет, все равно закроются. Спасибо, – улыбнулся Жека. *Не за что*. Пустяки (Э. Шим); ср. также **нейтральное мультиплицирование + каузальность**:

(34) Он сказал: «Спасибо тебе большое». Я сказал: «Совсем не за что, потому что для меня это пара пустяков». Я спас человек пятьдесят или сто (В. Голявкин).

Завершая обзор примеров из НКРЯ, отметим, что в нарративных (недиалоговых) контекстах «не за что» достаточно регулярно может употребляться и вне pragmatики благодарности. В таких случаях эта речевая формула обнаруживает грамматическую связность: «не за что» чаще всего употребляется в паттернах «не за что + инфинитив». Хотя в примерах такого типа «не за что» представляет собой не идиому, а свободное грамматическое употребление предложно-падежной формы (в связи с чем такие контексты исключались из рассмотрения в рамках ПС), формальный характер «не за что» так или иначе проявляется даже в них. Это связано не только с регулярностью самой грамматической модели, но и с тем, что в форме инфинитива при «не за

что» чаще других употребляются глаголы, связанные со сферой речевых, ментальных или этических действий, ср.:

(35) Конечно, – сказал Гильнар и повернулся к своей команде. Простите меня, друзья. Судьбу своей женщины решаешь ты сам, – сказал варвар. *Не за что извиняться* (С. Лукьяненко);

(36) Многие боготворят перестройку... Все на что-то надеялись. Мне любить Горбачева *не за что* (С. Алексиевич);

(37) Собственно, как следует из послания, правительство особенно *не за что критиковать* (А. Рыклинов);

(38) Эх, деточки, не вовремя вы родились, – говорила она. Мы уж пожили. А вас и *судить* пока *не за что* (А. Белозеров);

(39) Лишь когда действия ребёнка связаны с опасностью для его жизни и он этого не осознаёт, можно и прикрикнуть. Хотя на этих детей, кажется, и *ругаться не за что* (Н. Вылегжанина);

(40) Тут Аля снова заставила себя вспомнить, что *сердиться* на него совершенно *не за что* (А. Берсенева);

(41) А без того русскому человеку вроде и *уважать* себя *не за что*; и жизнь-то ему не в жизни, и радость-то не в радости (В. Галактионова).

Наконец, антоним анализируемой речевой формулы – «есть за что», обязательный компонент ПС «**УДВОЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ**», – даже не будучи реактивной репликой, регулярно употребляется в конструкциях с инфинитивом в составе косвенных речевых актов благодарности, что также косвенно может свидетельствовать о том, что pragmatika речевой формулы «не за что» преимущественно связывается носителями русского языка с коммуникативной зоной благодарности, ср.:

(42) Позвонишь? Конечно. Мне *есть за что сказать тебе «спасибо»* (А. Терехов);

(43) Вы думайте при этом: «Где еще я этакое идиотство услышу? Не забыть бы записать. Пригодится». А выслушав, искренно *поблагодарить*. *Есть за что* (С. Алешин);

(44) *Есть за что и поблагодарить* этот мучительный год (Ю. Нагибин);

(45) Митрий истово, сняв картуз, перекрестился. *Есть за что благодарить* Бога: больше трех десятин для себя, полторы десятины для шахтера (Г. Гребенщиков);

(46) Мы имеем все основания считать евреев нашими друзьями, нам *есть за что благодарить* их (М. Горький).

2. «*Не за что*» по данным моделирования языковой рефлексии

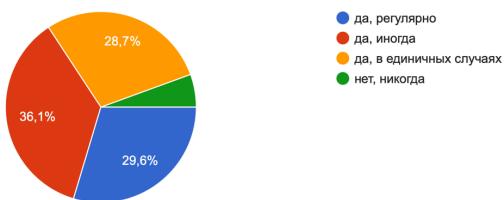
Характер речевой формулы «не за что» как pragmatической переменной становится особенно наглядным в ситуациях, когда носитель языка поставлен перед необходимостью проанализировать свое отношение к данной речевой единице, вывести ее в поле языковой рефлексии. Для установления того, какие pragmatические факторы учитывает говорящий при речеупотреблении «не за что», был проведен эксперимент, в рамках которого респонденты (108 человек) должны были соотнести себя с разными коммуникативными и социальными ролями; кроме того, респондентам было предложено в свободной форме сформулировать, как они понимают смысл фразы «не за что» в качестве ответа на благодарность.

Вопросы предусматривали: различие коммуникативных позиций респондента как субъекта/адресата речи (вопросы 1–4); различие «вежливости речи» и «этики речи» (вопросы 5–6); различие коммуникативных ситуаций как симметричных/асимметричных по социальному статусу коммуникантов (вопросы 7–9); формулирование респондентом прямого метаязыкового комментария (вопрос 10). Формулировки вопросов и варианты ответов приведены на диаграммах ниже. Результаты опроса распределились следующим образом.

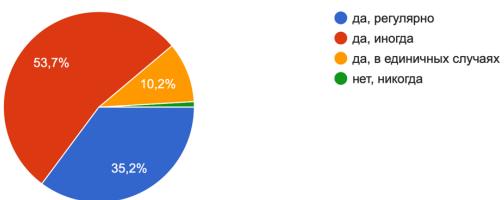
Вопросы 1–4: «я-говорящий» vs. «я-реципиент» (рис. 1). В данной группе вопросов учитываются следующие коммуникативные установки респондента: «использую в речи сам vs. слышу от других» / «готов использовать в речи сам vs. готов принять от других».

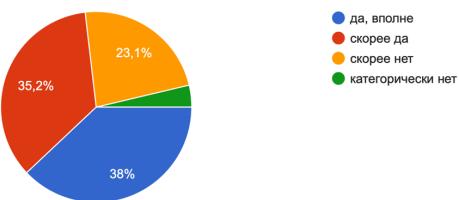
1. Используете ли вы в речи выражение «не за что» в качестве ответа на чью-либо благодарность?
108 ответов

2. Приходится ли вам слышать выражение «не за что» в качестве ответа на вашу благодарность?
108 ответов

3. Считаете ли вы допустимым использовать выражение «не за что» в качестве ответа на чью-либо благодарность?
108 ответов

4. Готовы ли вы услышать выражение «не за что» в качестве ответа на вашу благодарность?
108 ответов

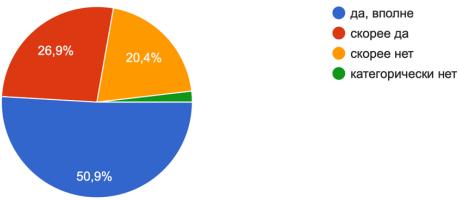

Рис. 1. Распределение результатов по ключевым метрикам «я-говорящий» vs. «я-реципиент»
Fig. 1. Distribution of results by key metrics “I-speaker” vs. “I-recipient”

Вариант ответа «нет, никогда» / «категорически нет» для всех четырех вопросов ожидаемо дал наименьшие результаты: 5,6% (для вопроса 1), 0,9% (для вопроса 2), 3,7% (для вопроса 3), 1,9% (для вопроса 4), что демонстрирует активную включенность «не за что» в повседневные

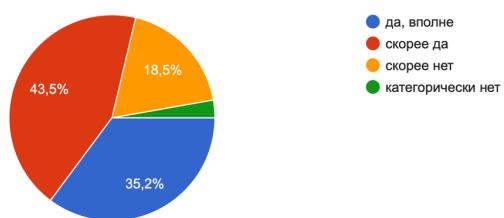

речевые практики респондентов. Вместе с тем ответы респондентов обозначили показательную асимметрию между активной и пассивной коммуникативными ролями: для вопросов 1 и 3 (позиция «я-говорящий») варианты ответов «да, регулярно / вполне», «да, иногда / скорее да» и «да, в единичных случаях / скорее нет» распределяются в достаточно близкой пропорции, в то время как для вопросов 2 и 4 (позиция «я-реципиент») предпочтения респондентов явно сдвигаются в сторону ответа «да, иногда» (53,7%) и «да, вполне» (50,9%) соответственно. Иначе говоря, оценивая себя с позиций говорящего/реципиента, респонденты как будто ощущают прагматическую «неправильность» «не за что» применительно к себе как говорящему, но не к себе как реципиенту: они чаще слышат эту формулу от других, чем употребляют сами, а также в большей мере готовы принять ее в качестве ответа на свою благодарность, чем использовать ее как ответ на чужую благодарность. Очевидно, в этих установках прослеживается то самое принижение персональной коммуникативной позиции, о которой говорят психологи: для носителя языка «не за что» выступает как своего рода психологический триггер, скорее не нейтральное выражение.

Вопросы 5–6: «вежливость речи» vs. «этика речи» (рис. 2). Способен ли респондент растождествлять эти коммуникативные характеристики речи, если учесть, что они не совпадают? И насколько «не за что» может быть оценено как вежливая/этическая речевая формула? Как показывают результаты эксперимента, более чем для $\frac{2}{3}$ респондентов «не за что» не нарушает критерий вежливости (78,7% в сумме для ответов «да, вполне» и «скорее да») и критерий этичности (74,1% в сумме для ответов «да, вполне» и «скорее да»), причем четкого различия респондентами этих категорий как будто не наблюдается.

Оценка респондентами формулы «не за что» как «скорее/категорически невежливой» и «скорее/категорически неэтичной» также достаточно близка по количественным показателям;

5. Считаете ли вы вежливым выражение «не за что» в качестве ответа на благодарность?
108 ответов

6. Считаете ли вы этичным выражение «не за что» в качестве ответа на благодарность?
108 ответов

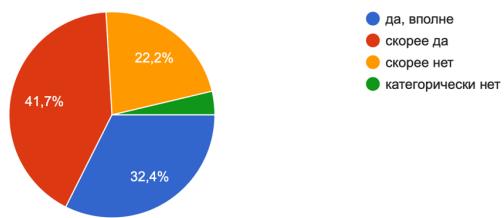

Рис. 2. Распределение результатов по ключевым метрикам: «вежливость речи» vs. «этика речи»

Fig. 2. Distribution of results by key metrics: “politeness of speech” vs. “speech ethics”

вместе с тем свыше $\frac{1}{5}$ респондентов (21,3%) оценивает формулу как «скорее/категорически невежливую» и свыше $\frac{1}{4}$ респондентов (25,9%) – как «скорее/категорически неэтичную». Хотя эта асимметрия не так уж существенна, она интересна не только сама по себе, сколько в проекции на следующую группу вопросов, связанных с дифференциацией социального статуса коммуникантов, для которой прагматические параметры речевой этики более важны и «осозаемы», чем соблюдение критерия вежливости.

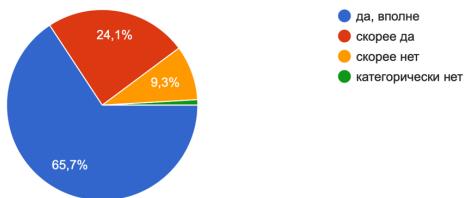
Вопросы 7–9: симметрия vs. асимметрия коммуникативных статусов (рис. 3). Эта часть эксперимента должна ответить на следующий вопрос: склонен ли респондент дифференцировать и прагматически регулировать употребление «не за что» в разных социально-коммуникативных ролях и разных по статусу моделях коммуникации?

Распределение ответов на вопросы 7–9 показывает, что в ситуации «общения на равных», т.е. при симметрии коммуникативных статусов участников общения, «не за что» ощущается респондентами как формула с минимальным ограничениями (65,7% – «да, вполне», 24,1% – «скорее да», т.е. в сумме почти 90%). Однако, как только коммуникативная ситуация обнаруживает статусный дисбаланс в любую сторону (собеседник «старше или выше по статусу» либо «моложе или ниже по статусу»), возможность употребления «не за что» резко снижается. Так, использование «не за что» в качестве ответа на благодарность менее статусного собеседника вполне допускают или скорее допускают 72,3% (т.е. почти $\frac{2}{3}$ респондентов), 22,2% скорее не допускают, а 5,6% – категорически не допускают. Существенно ниже порог допустимости использования «не за что» в ответ на благодарность более статусного собеседника: использовать эту формулу считают возможным 46,2% респондентов (по 23,1% на варианты «да, вполне» и «скорее да»), а так или иначе не допускают такой возможности 52,8%, из них 13,9% – «категорически нет», что составляет максимальный показатель в «отрицательной зоне» по всем данным эксперимента. Таким образом, самой уязвимой оказывается коммуникативная роль «низкостатусного собеседника»: ответить «не за что» начальнику или старшему скорее нельзя, однако не рекомендуется отвечать так и подчиненному или младшему. С учетом ответов на вопросы 5 и 6 можно предположить, что для говорящего в случае асимметричной модели коммуникации срабатывает примерно следующая установка: ответить «не за что» начальнику скорее невежливо, а подчиненному – скорее неэтично.

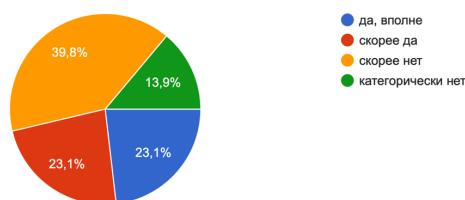
Ответы респондентов на заключительный вопрос 10 «Каков, на ваш взгляд, смысл выражения „не за что“ в качестве ответа на благодарность?», в ряде случаев говорят о восприятии респондентами данной речевой формулы как нейтральной: «Мне кажется, это выражение носит ритуальный характер, является формальной заменой слова „пожалуйста“». Я не вкладываю в него буквальное обесценивание поступка, за который благодарю / за который благодарят меня. Рассматриваю это выражение как нейтральное и допустимое в ситуации общения с лицами, равными по статусу», «Смысл в том, что сказать что-то нужно, но в голову после благодарности ничего никогда не идет», «Скромное принятие благодарности» и т.п. Однако по преимуществу при ответе на данный вопрос респонденты проявляют достаточно активный уровень языковой рефлексии, в том числе с эксплицированной мотивацией отказа от употребления «не за что» как выражения, обесценивающего благодарность: «Сказав „не за что“, я либо показываю, что мне было несложно... либо что для меня это пустяк... а другому человеку с этим понадобилась помочь – я будто показываю свое превосходство. Поэтому эта фраза не должна быть ритуальной, за ней вполне себе кроется смысл и наше отношение к произошедшему», «Человек обесценивает, во-первых, свой труд и, во-вторых, обесценивает чувство благодарности другого человека», «Человек, которому выражают благодарность, принижает значимость своих действий, будто он ничего такого не сделал, чтобы ему выражали благодарность», «В последнее время, после того как мне сказали, что фраза „не за что“ обесценивает твои силы, потраченные на помочь, стала редко его использовать, а раньше оно просто было автоматическим ответом на

7. Считаете ли вы допустимым выражение «не за что» в качестве ответа на благодарность при общении с равным по статусу собеседником (например, другом/подругой)?
108 ответов

8. Считаете ли вы допустимым выражение «не за что» в качестве ответа на благодарность при общении с собеседником, который старше и... (например, с родителями или начальником)?
108 ответов

9. Считаете ли вы допустимым выражение «не за что» в качестве ответа на благодарность при общении с собеседником, который моложе ... у (например, с ребенком или подчиненным)?
108 ответов

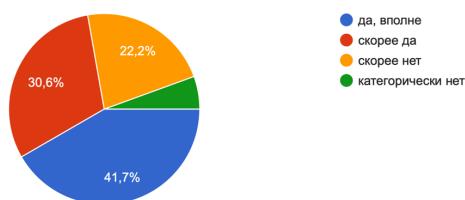

Рис. 3. Распределение результатов по ключевым метрикам: симметрия vs. асимметрия коммуникативных статусов
Fig. 3. Distribution of results by key metrics: symmetry vs. asymmetry of communication statuses

благодарность, показывающее, что я рада помочь», «Раньше не придавала значения этой фразе и считала её простой формальностью, а когда вдумалась, что по сути своей это обесценивание своего/чьюго-либо труда, перестала её использовать и заменила на „пожалуйста“, «Я считаю, эту фразу надо потихоньку вытеснять из разговорного языка, чтобы люди понимали цену поступка, за который их поблагодарили».

Выводы

Наблюдения над pragматическими характеристиками речевой формулы «не за что» на основании данных НКРЯ и примеров языковой рефлексии носителей русского языка подтверждают предположение о том, что при использовании в речи эта формула выступает как pragматическая переменная, прагмасемантическое наполнение которой напрямую зависит от иллокутивной установки говорящего, особенностей контекста, языковой позиции говорящего, социально-коммуникативных ролей коммуникантов и ряда других факторов. В рамках коммуникативного сценария «ответ на благодарность» эта речевая формула способна обслуживать

широкий спектр речевых ситуаций, таких как завершение коммуникативного акта, усиление, нивелирование или возврат благодарности и др.; она позволяет коммуникантам (благодарителю и бенефактору) меняться своими коммуникативными позициями, предполагает широкую и разнообразную комбинаторику и в целом может быть охарактеризована как исключительно сложный фрагмент русской лингвокультуры, требующий от говорящего особого внимания при использовании в разных pragматических контекстах.

Подводя итоги, обозначим возможные перспективы дальнейшего исследования речевой формулы «не за что» в pragматическом аспекте. Как представляется, pragматический портрет «не за что» может быть существенно уточнен за счет введения в эксперимент дополнительной стратификации респондентов по таким параметрам, как возраст (как на отношение к «не за что» влияет — и влияет ли — возраст говорящего?), социальные роли (как на отношение к «не за что» влияет — и влияет ли — социальная роль говорящего?), социальная дистанция (как на отношение к «не за что» влияет — и влияет ли — ближний/дальний круг общения?) и т.п. Отдельного внимания также заслуживает более детальное уточнение того, какое место занимает «не за что» в кругу смежных формул («пожалуйста», «на здоровье», «пустяки», «не стоит благодарности», «обращайтесь [если что]», «мне не сложно» и т.п.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Стернин И.А. Русский речевой этикет. Воронеж: ВОИПКРО, 1996. 73 с.
2. Воркачев С.Г. Благодарность в лексикографическом представлении // Русистика без границ. 2018. Т. 2, № 1. С. 9–15.
3. Шаронов И.А. Этикетные формулы речевого жанра «благодарность» // Говорящий и пишущий: К 100-летию со дня рождения Татьяны Григорьевны Винокур / отв. ред. Е.В. Какорина, А.Р. Пестова. М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, 2024. С. 387–401.
4. Линевич Н.Ю. Прагматика благодарности (на материале шведского языка) // Вестник РГУ им. И. Канта. Серия: Филологические науки. 2008. Вып. 2. С. 84–90.
5. Савенкова В.А. Стереотипные формулы выражения благодарности в современном русском речевом этикете // Гуманитарный акцент. 2024. № 4. С. 43–53.
6. Карасик В.И. Благодарность: концепт и жанр // Жанры речи. 2011. № 7. С. 235–253.
7. Федосеева С.В. Речевой жанр благодарности // Культура. Литература. Язык: мат. междунар. конф. «Чтения Ушинского» факультета русской филологии и культуры. Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского / под ред. М.Ю. Егорова. Ярославль: ЯрГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. С. 346–356.
8. Меламедова Е.А. Авторское выражение благодарности в свете теории речевых жанров // Вестник Самарского государственного университета. 2008. № 5/2 (64). С. 76–82.
9. Воркачев С.Г. Великое слово: лингвоконцептуальный анализ благодарности в научном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 4 (32). С. 55–61. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-55-61
10. Яковлева С.Л. Метафорические модели понятийной сферы «благодарность» в русском паремическом дискурсе // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 3 (108). С. 133–141. DOI: 10.37972/chgpu.2020.108.3.015
11. Колесникова С.М., Ма Тунтун. Лексическая и семантическая организация концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке // Преподаватель XXI век. 2024. № 4. Ч. 2. С. 406–417. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-406-417
12. Колесникова С. М., Ма Тунтун. Структурная организация концептуального поля «БЛАГОДАРНОСТЬ» в русском языке: ядро и периферия // Отечественная филология. 2024. № 4. С. 51–60. DOI: 10.18384/2949-5008-2024-4-51-60
13. Влавацкая М.В. Комбинаторика единиц речевого этикета в контексте ситуации «ответ на благодарность» в русском языке // Научный диалог. 2016. № 7 (55). С. 9–22.

14. **Влавацкая М.В.** Комбинаторика формул речевого этикета в ситуации общения «ответ на благодарность» в английском языке // Научный диалог. 2017. № 2. С. 19–31. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-2-19-31
15. **Краева С.С.** Типология реакций на выражение благодарности // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2, № 7 (7). С. 121–123.
16. **Краева С.С.** Когнитивный и прагматический аспекты исследования высказываний с семантикой благодарности // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Филология. Искусствоведение. 2013. Вып. 82, № 24 (315). С. 104–109.
17. **Трофимова Н.А.** Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
18. **Бочкарев А.И.** Косвенные речевые акты в семиотическом аспекте. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2016. 208 с.
19. **Шаронов И.А.** Коммуникативы в естественных и художественных диалогах // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 3. С. 114–127.
20. **Шаронов И.А.** Русский речевой этикет и коммуникативы // Русское слово в многоязычном мире: Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. М., 2019. С. 724–728.
21. **Шаронов И.А.** Коммуникативы в русском речевом этикете // Русский язык и литература в славянском мире: История и современность: Материалы Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 185–192.
22. **Бочкарев А.И.** Косвенные речевые акты в реактивных репликах вопросно-ответных единиц // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2011. № 4. С. 28–33.
23. **Шаронов И.А.** Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика. 2020. Вып. 14. С. 217–231. DOI: 10.25688/2619-0656.2020.14.14

REFERENCES

- [1] Sternin I.A., Russkiy rechevoy etiket [Russian speech etiquette], VOIPKRO, Voronezh, 1996.
- [2] Vorkachev S.G., Blagodarnost v leksikograficheskem predstavlenii [Gratitude in lexicographic representation], Russian studies without borders, 2 (1) (2018), 9–15.
- [3] Sharonov I.A., Etiketnyye formuly rechevogo zhanra “blagodarnost” [Etiquette formulas of the speech genre “gratitude”], Govoryashchiy i pishushchiy: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Tatyany Grigoryevny Vinokur [Speaker and writer: On the 100th anniversary of the birth of Tatiana Grigorievna Vinokur], V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Moscow, 2024, pp. 387–401.
- [4] Linevich N.Y., Pragmatika blagodarnosti (na materiale shvedskogo yazyka) [The pragmatics of gratitude (based on the material of the Swedish language)], IKRSU’s Vestnik, Philological Sciences, 2 (2008) 84–90.
- [5] Savenkova V.A., Stereotipnyye formuly vyrazheniya blagodarnosti v sovremennom russkom rechevom etikete [Stereotypical formulas of gratitude expression in modern Russian speech etiquette], Humanitarian Accent, 4 (2024), 43–53.
- [6] Karasik V.I., Blagodarnost: kontsept i zhanr [Gratitude: concept and genre], Genres of Speech, 7 (2011), 235–253.
- [7] Fedoseeva S.V., Rechevoj zhanr blagodarnosti [The speech genre of gratitude], Kultura. Literatura. Yazyk: mat. mezdunar. konf. «Chteniya Ushinskogo» fakulteta russkoj filologii i kultury. Yaroslavskiy gosudarstvennyy pedagogicheskiy universitet im. K.D. Ushinskogo [Culture. Literature. Language: Proceedings of the international conference of the Faculty of Russian Philology and Culture], K.D. Ushinsky’s Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, 2013, pp. 346–356.
- [8] Melamedova E.A., Avtorskoye vyrazheniye blagodarnosti v svete teorii rechevykh zhanrov [The author’s expression of gratitude in the light of the theory of speech genres], Bulletin of Samara State University, 5/2 (64) (2008), 76–82.
- [9] Vorkachev S.G., The Great Word: Linguistic and Conceptual Analysis of Gratitude in Scientific Discourse, Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 4 (2018), 55–61. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-4(32)-55-61

- [10] **Yakovleva S.L.**, Metaphorical Models of the Conceptual Sphere «Gratitude» in Russian Paro-
emic Discourse, Bulletin of the I.Ya. Yakovlev's Chuvash State Pedagogical University, 3 (108) (2020),
133–141. DOI: 10.37972/chgpu.2020.108.3.015
- [11] **Kolesnikova S.M.**, Ma Tongtun, Lexical and Semantic Organisation of the Conceptual Field
‘Gratitude’ in the Russian Language. Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education, 4 (2), 2024,
406–417. DOI: 10.31862/2073-9613-2024-4-406-417
- [12] **Kolesnikova S.M.**, Ma Tongtun, Structural Organisation of the Conceptual Field “Gratitude”
in Russian: Core and Periphery, Russian Studies in Philology, 4 (2024), 51–60. DOI: 10.18384/2949-
5008-2024-4-51-60
- [13] **Vlavatskaya M.V.**, Speech Etiquette Units Combinatorics in Context of Situation of “Re-
sponse to Gratitude” in Russian Language, Nauchnyi dialog, 7 (55), 2016, 9–22.
- [14] **Vlavatskaya M.V.**, Combinatorics of Speech Etiquette Formulas in Communicative Situation
“Response to Gratitude” in English Language, Nauchnyi dialog, 2 (2017), 19–31. DOI: 10.24224/2227-
1295-2017-2-19-31
- [15] **Kraeva S.S.**, Tipologiya reakcij na vyrazhenie blagodarnosti [Typology of reactions to expres-
sions of gratitude], Eurasian Scientific Association, 2 (7 (7)) (2015) 121–123.
- [16] **Kraeva S.S.**, Kognitivnyj i pragmaticheskij aspekty issledovaniya vyskazyvaniij s semantikoj bla-
godarnosti [Cognitive and pragmatic aspects of the study of statements with the semantics of gratitude],
Bulletin of the Chelyabinsk State University, Philology. Art History, 82 (24 (315)) (2013) 104–109.
- [17] **Trofimova N.A.**, Ekspressivnyye rechevyye akty v dialogicheskem diskurse. Semanticcheskiy,
pragmaticheskiy, grammaticheskiy analiz [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, prag-
matic, and grammatical analysis], VVM Publ., Saint Petersburg, 2008.
- [18] **Bochkarev A.I.**, Kosvennyye rechevyye akty v semioticheskem aspekte [Indirect speech acts in
the semiotic aspect], NSTU Publ., Novosibirsk, 2016.
- [19] **Sharonov I.A.**, Communicatives in Real and Fiction Dialogues, Ecology of Language and Com-
municative Practice, 3 (2017) 114–127.
- [20] **Sharonov I.A.**, Russian Speech Etiquette and Communicatives, Russkoe slovo v mnogoyazychnom
mire. Materialy XIV Kongressa MAPRYaL [The Russian word in the multilingual world: Proceed-
ings of the 14th MAPRYAL Congress], Moscow, 2019, pp. 724–728.
- [21] **Sharonov I.A.**, Communicatives in Russian Speech Etiquette, Russkiy jazyk i literatura v
slavyanskom mire: Istorya i sovremennoст [Russian language and literature in the Slavic world: His-
tory and modernity]: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow,
2020, pp. 185–192.
- [22] **Bochkarev A.I.**, Indirect Speech Acts in Reactive Utterances of Question-Answer Pairs, Bul-
letin of Surgut State Pedagogical University, 4 (2011) 28–33.
- [23] **Sharonov I.A.**, Communicative Function of Language and Communicatives, Bulletin of the
Moscow City Pedagogical University. Series: Pedagogy and Psychology, 14 (2020) 217–231. DOI:
10.25688/2619-0656.2020.14.14

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Черняков Алексей Николаевич

Alexey N. Chernyakov

E-mail: a_chernyakov@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1531-5780>

Цвигун Татьяна Валентиновна

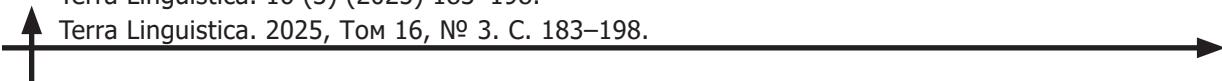
Tatiana V. Tsvigun

E-mail: ttsvigun@kantiana.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7941-7236>

Поступила: 04.08.2025; Одобрена: 15.09.2025; Принята: 25.09.2025.

Submitted: 04.08.2025; Approved: 15.09.2025; Accepted: 25.09.2025.

Research article

UDC 81'22

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16312>

EDN: <https://elibrary/DAFADI>

PRAGMATIZATION OF SPATIAL DEIXIS IN MULTIMODAL SPOKEN DISCOURSE

M.I. Kiose

Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation

maria_kiose@mail.ru

Abstract. Adopting the framework of multimodal discourse analysis, the study explores the pragmatization of spatial deixis in first-person perspective utterances in monologues. It aims to reveal the possible discourse construal patterns, which contribute to enhancing the pragmatic potential of spatial deixis. Following the postulates of cognitive, linguistic, and gestural approaches to spatial deixis, the study develops a multi-dimensional framework encompassing ontological, functional, and multimodal dimensions of spatial deixis pragmatization. It further identifies their pragmatic effects in the collected corpus (111 minutes long comprising 725 clauses in the first-person perspective and 1959 cases of co-speech gesture) featuring 147 clauses with spatial deixis and 259 cases of co-speech gesture use. In ontological dimension, the deictic markers expressing the coordinate ‘here’ display high potential for pragmatization since they more frequently construe farther space. In functional dimension, pragmatization is less common with a quarter of deictic markers being pragmatized. Meanwhile, in multimodal dimension, pragmatic gestures are used far more frequently than deictic or representational gestures with spatial deixis markers, which evidences of high pragmatic potential of multimodal spatial construal. The results show that pragmatization is both multi-dimensional and scaled; additionally, each of the three dimensions contributes differently to enhancing spatial deixis pragmaticity in multimodal discourse. The study paves the way for an integrated cognitive, linguistic, and multimodal view of pragmaticity in discourse, which helps scale the pragmaticity effects in different discourse types.

Keywords: spatial deixis, pragmatization, deictic coordinate, multimodal discourse, spoken monologue, gesture.

Acknowledgements: The research presented in Theoretical Framework section is part of the project No. 125032004223-6 “Sociopragmatic factors of verbal and kinetic behavior adaptation in Russian spoken and gesture language”, conducted at the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. The research presented in Methods and Procedure and Results and Discussions sections is part of the project No. 125031904195-0 “Creativity in everyday communication: Multimodal analysis of spoken language”, conducted at Moscow State Linguistic University.

Citation: Kiose M.I., Pragmatization of spatial deixis in multimodal spoken discourse, *Terra Linguistica*, 16 (3) (2025) 183–198. DOI: 10.18721/JHSS.16312

Научная статья

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.16312>

ПРАГМАТИКАЛИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ДЕЙКСИСА В ПОЛИМОДАЛЬНОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ

М.И. Киосе

Московский государственный лингвистический университет,
Москва, Российская Федерация

maria_kiose@mail.ru

Аннотация. С применением методологии полимодального анализа дискурса исследуются возможности прагматикализации пространственного дейксиса в монологических высказываниях от первого лица. Цель работы заключается в установлении особенностей конструирования пространственной информации в полимодальном дискурсе, свидетельствующих о прагматикализации дейктических слов. С опорой на положения когнитивных, лингвистических и жестовых концепций пространственного дейксиса разрабатывается комплексный методологический подход, в рамках которого факт прагматикализации дейктических слов определяется в онтологическом, функциональном и полимодальном измерениях. Материалом анализа является записанный полимодальный корпус (общей продолжительностью 111 минут, включающий 725 клауз с маркерами первого лица и 1959 случаев использования жестов с ними), содержащий 147 высказываний с дейктическими маркерами пространственного дейксиса и 259 случаев использования жестов с ними. В онтологическом измерении дейктические маркеры, реализующие координату «здесь», демонстрируют большой прагматический потенциал, проявляющийся в конструировании отдаленного пространства или пространства вне коммуникации более, чем в половине случаев. В функциональном измерении прагматикализация, проявляющаяся в функционировании дейктиков как прагматических слов, обнаружена в четверти случаев. В то же время в полимодальном измерении степень прагматикализации пространственного дейксиса наиболее высокая, что проявляется в значительном преобладании прагматических жестов над дейктическими и репрезентирующими. Результаты показывают, что прагматикализация происходит в разных измерениях конструирования информации и подвергается шкалированию; при этом каждое из трех измерений имеет разные возможности в ее стимулировании. Исследование вносит вклад в разработку методов комплексной – когнитивной, лингвистической и полимодальной – оценки прагматического потенциала дискурса с применением процедур шкалирования этого потенциала в разных типах дискурса.

Ключевые слова: пространственный дейксис, прагматикализация, дейктическая координата, полимодальный дискурс, устный монолог, жест.

Финансирование: Исследование, представленное в разделе «Теоретические основы», является частью проекта № 125032004223-6 «Социопрагматические факторы адаптации вербального и кинетического поведения в русской разговорной и жестовой речи», выполняемого в Институте языкоznания РАН. Исследование, представленное в разделах «Методы и методика» и «Результаты и обсуждение», является частью проекта № 125031904195-0 «Креативность в повседневном общении: мультимодальный анализ разговорной речи», выполняемого в Московском государственном лингвистическом университете.

Для цитирования: Киосе М.И. Прагматикализация пространственного дейксиса в полимодальном устном дискурсе // Terra Linguistica. 2025. Т. 16. № 3. С. 183–198. DOI: 10.18721/JHSS.16312

Introduction

This study addresses the problem of identifying the pragmatic potential of spatial deixis in multimodal spoken discourse. While multiple studies explore its pragmaticity expressed in language [1–4], in spatial construal as a cognitive operation [5, 6], in co-speech gesturing¹ [7, 8], these dimensions have not been integrated within a multimodal discourse research to contrast their pragmatic potential. Consequently, this study aims to establish a multimodal discourse framework for exploring the pragmaticity in spatial deixis and to establish the extent of its performance in first-person perspective spoken discourse. We hypothesize that the dimensions of spatial deixis pragmaticity contribute to its overall pragmatic potential to a different extent. To validate this hypothesis, we appeal to a collected corpus of multimodal (speech and co-speech gestures) behavior, in which the speakers report on their creative experience and shape their opinion on creativity; therefore, their discourse is highly personalized and highly pragmatized.

The work is structured as follows. In Theoretical Framework section, we relate the major postulates of different approaches to spatial deixis pragmaticity, which serve to develop their integral view in the research framework. In Methods and Procedure section, we present the multimodal experiment design and describe the research procedure. In Results and Discussion section, the deictic markers and co-speech gestures distribution and alignment patterns are shown, which allows to contrast the effects of three dimensions, ontological, functional, and multimodal in enhancing spatial deixis pragmaticity in discourse.

Theoretical Framework

Spatial deixis has been explored as a semiotic, cognitive, linguistic, and multimodal phenomenon. In semiotics, it is addressed within the framework of deictic categories of the deictic centre (zero-point, origo) being the speaker ('I'), place ('here'), time ('now'). In attribution to language, deixis is related via "Ego-oriented" markers [9, p. 382]; the Ego-center serves to construe the coordinates 'I', 'here', 'now' in space and time, which display variance appearing in three dimensions, which are 'I – here – now' // 'you – next to you – at present' // 'he – there – then'. Further linguistic studies of these coordinates appeal to their functional view [10–12]. For instance, Baranov et al. [13] and Shiffrin [14] address the deictic markers in terms of their functions in discourse, while Apresyan [11] distinguishes their functions as related to the construal of time and discourse space. It is notable that the key interest of contemporary discourse studies of deixis in language lies within their functioning as pragmatic markers [1–3, 10, 12, 15, 16]. Bogdanova-Beglarian et al. [1] distinguish several groups of discourse markers, which can develop non-spatial meanings in discourse. These are A – marker-approximators, G – boundary markers including starting, final, and navigational markers, D – deictic markers, Z – replacement markers referring to some whole set or its part, R – rhythm-forming markers, H – hesitation markers. For instance, four possible functions are attributed to the deictic marker *вот* ("vot"); it can serve as a boundary marker, a deictic marker within expressions given in transliteration like "вот этот vot" (this very one), "vot takoj vot" (sort of), a rhythm-forming marker and a hesitation marker [1, p. 435]. It is notable that in [16], pragmaticity (alongside with grammaticalization and idiomatization) is explored as a scale, where higher degree of pragmaticity (e.g., of a pronoun *самый*, "samij" (the most)) was identified if it lost its semantic meaning but conserved its grammatical forms, and the highest in case it lost both its semantic meaning and grammatical variance in form. Sokolova, Feschenko [3] address the deictic markers in their pragmatic meanings alongside with other pragmatic units, implicatures, presuppositions, speech acts, performatives, propositions. In [4], pragmatization of discourse markers is found as displayed in pragmatic regularity ("pragmatically

¹ Bressem J., Müller C., A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions, Body – Language – Communication: An International Handbook on Multimodality in Human Interaction, Vol. 2., ed. by C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem, De Gruyter Mouton, Berlin, München, Boston, 2014, pp. 1575–1592. DOI: 10.1515/9783110302028.1575; Ladewig S.H., Recurrent Gestures: Cultural, Individual, and Linguistic Dimensions of Meaning-Making, The Cambridge Handbook of Gesture Studies, ed. by A. Cienki, Cambridge University Press, Cambridge, 2024, pp. 32–55. DOI: 10.1017/9781108638869.003

obligatory meanings") and loss of semantic meaning ("semantic bleaching"), which supports the views expressed in [16] on pragmaticity scales.

Further pragmatic explorations of deictic categories 'here' and 'there' in cognitive linguistics (and cognitive poetics) allowed to reveal the cognitive operations underlying spatial deixis and the types of construed space; additionally, they led to the extension of deictic markers typology since deixis has ceased to be restricted to a specific language unit but is viewed within a cognitive framework of indexicality. Stockwell [5] proposes the idea of cognitive deixis (encompassing perceptual, spatial, temporal, relational, textual, compositional types), which helps frame knowledge in discourse. He introduces the notion of a deictic projection as a capacity "to shift our viewpoint to see things as others do or as characters in literature would" [5, p. 43]. Spatial deixis, in his view, is projecting the deictic center so as to construe the location of the speaker. Stockwell extends the list of spatial deictic expressions, which includes spatial adverbs *here/there*, *nearby/far away*, and locatives *in the valley*, *out of Africa*, demonstratives *this/that*, verbs of motion *come/go*, *bring/take*. The focus on spatial construal typology is found the works of Levinson [6, 17]. For instance, Levinson [17] differentiates between egocentric and allocentric space, where the first is centered around Ego, the speaker, and the second (further differentiated into object-centered and absolute) assumes that a speaker positions himself in relation to objects. In his later study [6], two types of space, restricted and not to the communicative situation with its present and absent situation participants, object, acts. Pragmaticity in spatial construal therefore appears in viewpoint shifts in the construal of the communicative situation. Grishina [18], Iriskhanova et al. [8], Kiose [19] extended this framework of spatial construal to multimodal studies and experimentally proved that pragmaticity in spatial construal mediated the use of deictic markers in speech and co-speech gestures.

In gesture studies, both formal and functional gesture classifications identify a specific gesture type with pointing form and movement characteristics (index finger pointing, pointing with the whole hand or a thumb; directed pointing)² [8, 18, 20]. Indexical or deictic gestures are one of major gesture groups alongside with iconic or representational gestures, pragmatic gestures and adaptors (e.g.,³ [21, 22]). Their classifications identify deictic (pointing) gestures as prototypically pointing at an object in communication (cf. the earlier studies of deictic gestures [18, 21, 23, 24]. In⁴, deictic gestures are described as being used to point at both concrete and abstract object location. Meanwhile, Leonteva [25] showed that in dialogical communication, pointing gestures (a subtype of deictic gestures) can serve for contact-establishing, intensification, and evaluation, apart from mere pointing at an object. Taking this view further, we can presume that deictic gestures can also be pragmatized similarly to deictic markers. Therefore, pragmatization in multimodal discourse can appear in two directions: this can be the pragmatization of deictic markers and deictic gestures. In this paper, we adhere to the first approach and explore the discourse pragmaticity of speech deixis, which can occur both in one mode (speech) and multimodally (e.g., in speech and gesture).

Overall, discourse pragmaticity of speech spatial deixis is seen as a cognitive phenomenon of attributing pragmatic meaning to speech units, which is expressed in the ontological spatial construal, the functional construal in speech, and the multimodal construal in speech and gesture. Therefore, we adhere to the scaled view of discourse pragmaticity [4, 16]; meanwhile, we presume that it can appear in several dimensions to a different extent. Fig. 1 shows the methodological decision developed to explore discourse pragmaticity of speech deixis in multimodal discourse.

² Bressem J., Müller C., A repertoire of German recurrent gestures with pragmatic functions, *Body – Language – Communication: An international Handbook on Multimodality in Human Interaction*, Vol. 2., ed. by C. Müller, A. Cienki, E. Fricke, S.H. Ladewig, D. McNeill, J. Bressem, De Gruyter Mouton, Berlin, München, Boston, 2014, pp. 1575–1592. DOI: 10.1515/9783110302028.1575; Ladewig S.H., Recurrent Gestures: Cultural, Individual, and Linguistic Dimensions of Meaning-Making, *The Cambridge Handbook of Gesture Studies*, ed. by A. Cienki, Cambridge University Press, Cambridge, 2024, pp. 32–55. DOI: 10.1017/9781108638869.003; Cienki A., *Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics: Issues of Dynamicity and Multimodality*, Brill, Leiden, Boston, 2017.

³ Cienki A., *Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics: Issues of Dynamicity and Multimodality*, Brill, Leiden, Boston, 2017.

⁴ Ibid.

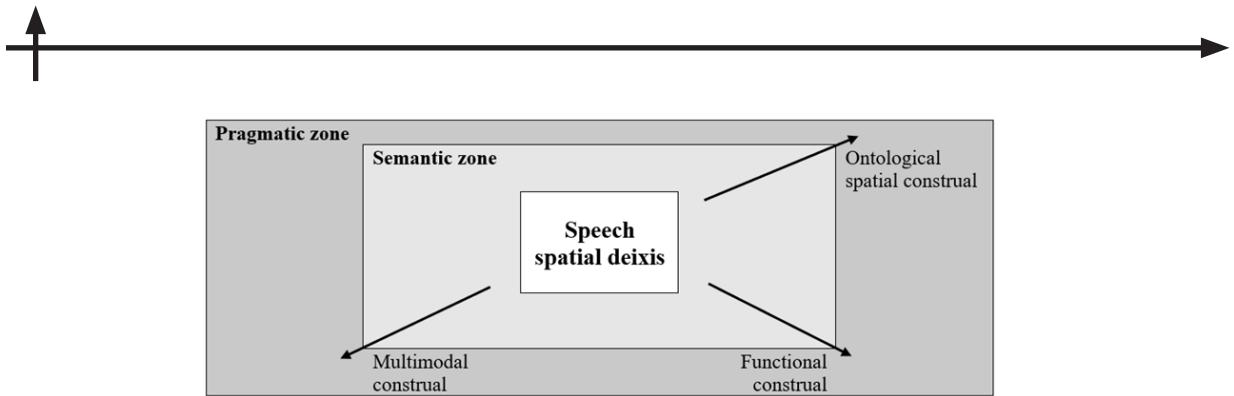

Fig. 1. Pragmatization dimensions of speech deixis in multimodal discourse

Following this multi-dimensional framework, we presume that pragmatization can appear in: 1) ontological spatial construal, which will be found in the use of deictic words marking close space (coordinate ‘here’) for the construal of farther space, and vice versa; 2) functional construal when deictic markers cease to fulfil their indexical function and start to act as nominals performing iconic function or as discourse markers performing symbolic function; 3) multimodal construal found in case other than deictic gesture types are used to co-occur with spatial deictic markers. Adopting this framework, this study aims to identify the extent of speech spatial deixis pragmaticity in each of the three dimensions in the first-person perspective monologue, which is highly reflexive or metapragmatic [26]. As shown in [27], the two spatial deictic coordinates ‘here’ and ‘there’ display pragmaticity in spontaneous dialogue, where ‘here’ is often used to construe farther space and ‘there’ (although far more seldom) – close space. Presumably, in first-person perspective monologue, the pragmatic effects exposed in these coordinates will be even higher.

Methods and Procedure

To explore the effects of discourse pragmaticity as a multimodal phenomenon expressed in speech as in co-speech gesture, we use the data from a recorded corpus, where the participants, 20 young people (average age 20), answered a series of questions on their creative experience, their view on creativity as a capability, creative jobs. In the experiment, the interviewer posited the questions to the participants; their speech and manual gesture behavior were videorecorded; next, the speech was automatically transcribed using WhisperTool and the gestures were annotated by a group of 10 coders. The total duration of the collected corpus was 111 minutes long, each interview duration varied from 2:04 to 12:14 minutes. The speech was segmented into clauses, or elementary discourse units (EDUs); only the EDUs containing direct reference to the speakers’ viewpoint expressed in first-person singular personal pronoun *I*, e.g., in *я бы хотела продолжить этим заниматься* (*I would like to carry on doing this*), verbs in first-person singular, e.g., *но уже чувствую какой-то творческий вайб в этой работе* (*however, I already feel some creative vibe in this work*), first-person singular possessive pronouns, e.g., in *и вот недавно у меня появилась просто внезапная идея связать лисичку* (*and all of a sudden an idea came to me to knit a toy-fox*). Overall, 725 cases of first-person perspective utterances were subjected to analysis, which contained 1959 cases of co-speech gesture use.

At Step 1, within this corpus, we selected the EDUs with the spatial deictic markers, which included the words: i) *этом / эта / эти* used both as pronouns and nominals, e.g., in *я уже настолько привыкла ко всей этой движухе* (*I have already got used to all this move*) and *я сделаю под это что-то стоящее* (*I will do for this something worthy*); ii) *тот / та / тот*, e.g., *и в том момент я подумал* (*and at that moment I had an idea*); iii) *тут / там / вон / здесь*, e.g., in *вот этот порыв у меня как раз и был* (*I had this very flash of emotion*); iv) *это* as either a deictic word or as a linking word within a copular clause, which in spoken language cannot be unmistakably identified, e.g., in *ну для меня наверное креативность это* (*эта? этот?*) *вот конкретно* (*конкретный? конкретная?*)

возможность что-то такое прям новое делать (well probably for me creativity is a definite chance to do something really new).

Next, we identified the type of spatial construal in these EDUs and the function – indexical, iconic, or symbolic (discourse) – which the deictic words preformed in these EDUs. It is notable that deictic markers can occasionally act as multifunctional and to decide in favor of either function is difficult. For instance, in EDU *вот наверно вот по поводу изюминки тоже добавлю* (probably about the gist I must also add) the first *вот* is more likely functioning as a discourse marker since it is followed by *вероятно* (probably), which is accentuated. The second *вот* in all probability acts as a deictic word since the word *изюминки* (the gist) is articulated. We additionally presume that the use of co-speech gesture can serve to distinguish their functions.

At Step 2, within the corpus of EDUs including deictic markers, we identified the co-speech gestures synchronized with these words. Meanwhile, it is notable that gestures more commonly occur not with single words but with meaningful speech segments commonly accentuated; therefore, we considered the accent distribution in EDU and developed the following regulations for identifying the multimodal unit of analysis. Co-speech gestures were explored as aligned with the nominal or verbal groups including deictic words if the post-position nominal or verbal component immediately following it was accentuated, e.g., *вот его тяга* (this very inclination of his) in *и меня как-то вдохновила вот его тяга к искусству* (and I was impressed with this very inclination of his towards art) and *я пошла* (went) in *и вот после этого я пошла к родителям* (and after this I went to see my parents). In case the first accentuated component appeared not in immediate post-position, we addressed the EDU fragment including this accentuated component, e.g., in *и вот у меня бывают периоды* (and I meet with different periods) the nominal component *периоды* (periods) is the first accentuated word after *вот*; therefore, the fragment *вот у меня бывают периоды* is explored as aligned with gesture use. However, if the deictic word was accentuated, which often occurred when it acted as a nominal, the unit of analysis was restricted to this very word, e.g., in *этим* (something, conditionally) in *я прям этим так наполняюсь* (this is something I am full with).

To annotate the co-speech manual gestures within these units of analysis, we used the functional classification of gestures developed in [7, 8, 20]. To proceed, we identified four gesture groups with their differentiation: 1) deictic gestures further classified as pointing, touching, directing; 2) representational gestures as holding, molding, enacting, embodying, enlining; 3) pragmatic gestures as discourse structuring, discourse representational, emphatic, contact-establishing, evaluative, negation, word search; 4) adaptors as self-adaptors, object-adaptors. Fig. 1 shows an example of annotation carried in ELAN software (Fig. 2).

Fig. 2. ELAN annotation of co-speech gesture used with *этот* (this) in *я не буду на этом сильно фокусироваться* (I will not focus on this)

188

The speaker uses a pragmatic gesture of negation (coded 2306) while pronouncing *этот* (this), which is accentuated. Therefore, the pragmatic gesture both focalizes the object of reference (his thought or idea which is inferred from the prior clause *я думаю* (I think)) and the speaker's attitude towards this object. *Этот* (this) can relate to some idea; in this case, we can treat it as occurring at the moment of speech, like in *я этого очень сильно боюсь* (I am much afraid of this), whereas in multiple cases, *этот* is clearly embodied in some object or action, which cannot appear at the moment of speech at the place of speech, e.g., in *А для меня, наверное, креативность – это вот когда как раз-таки человек делает действительно что-то новое* (Creativity for me probably is when a man does something really new), or in *этот приносит мне удовольствие* (this brings me pleasure).

At Step 3, we obtained the data on speech and co-speech gesture distribution within the units of analysis and identified their alignment in enhancing pragmaticity appearing in: 1) ontological spatial construal; 2) functional construal in speech; 3) multimodal construal.

Results and Discussion

In this Section, we first present the results describing spatial deixis pragmaticity exposed in ontological and functional dimensions via the distribution of deictic markers in speech, next we address its multimodal dimension via the distribution of gestures and their alignment patterns with deictic markers.

In the compiled subcorpus of 725 EDUs with first-person perspective, we identified 147 EDUs with one or two (rarely three) deictic words, which expressed two deictic coordinates 'here' and 'there'. These were used within nominal or verbal groups to construe two types of space, close and farther space. Within these groups, the deictic markers acted as either deictic pronouns, nominal substitutes, or discourse markers, thus fulfilling indexical, iconic and symbolic (discursive) function. In Table 1, we show the distribution of two deictic coordinates, 'here' and 'there', expressing: 1) two types of spatial construal, close space (the objects are present in the communicative situation of the interview) and farther space (the construed objects are absent from the communicative situation of the interview); 2) three functions, indexical (where the deictic word acts as a deictic pronoun), iconic (where the deictic word acts as a nominal or names a place or direction by means of a deictic adverb), 'symbolic', or discursive (where the deictic word serves as a pragmatic discourse marker).

Table 1. Distribution of deictic coordinates exposing ontological and functional dimensions

Deictic coordinates	Frequency, Abs	Types of space		Types of functions		
		Close space	Farther space	Indexical	Iconic	Symbolic (discursive)
Here	132	54	78	29	86	33
There	15	1	14	4	3	8

As seen, the deictic coordinate 'here' predominates, while in a larger number of clauses, it construes the farther space. For instance, in *что я этим попробовала заняться* (that I tried taking it up), the deictic nominal *этим* (this) relates to a hobby the participant tried to do; while neither of its manifestation nor the act of its use is present in the construed communicative situation, where a speaker and an interviewer are at the studio. In *я не буду на этом сильно фокусировать внимание* (I will not focus my attention on this), *этот* (this) refers to some idea expressed in the communicative situation, additionally, the act expressed in *фокусировать* (focusing) also manifests the action, which is performed by the speaker and is oriented onto the interview or another potential listener; therefore, in this case, close space is construed. Overall, the data show that discourse pragmatization of the coordinate 'here' is very common; it occurs more often than its non-pragmatic use, which agrees

with the results obtained in [8, 27]. Meanwhile, its frequent pragmatization also serves to claim that its pragmatic functioning has become conventional. The deictic coordinate ‘there’ is used to construe farther space, which consequently means that it is not pragmatized in spoken discourse at least of the considered type. It is notable although that its occasional possible uses to construe close space will possess high pragmatic potential due to their unconventionality. The revealed differences evidence of the efficacy of the distinction of two types of spatial construal proposed by Levinson [6, 17] as a cognitive benchmark for assessing pragmatic effects.

Addressing the distribution of the ways of pointing at the referent, we observe that the coordinate ‘here’ most frequently acts as iconic, which both points at the referent and substitutes it, for instance, in *потому что мне это как-то помогает* (therefore this helps me somehow), or *и мне это так в голову билось* (and this gave strong pangs into my head). More than twice less frequent is its use as discourse marker, e.g., in *вот наверно вот по поводу изюминки тоже добавлю* (probably concerning the specific point I must also add), where the first *вот* serves as a boundary marker to start or more possible to navigate the discourse construal, or in *я тут не знаю* (I don’t know), where *тут* is used as a hesitation marker. A little less common is the use of this coordinate in indexical function, e.g., in *я как будто бы не выдержала этого испытания* (it seemed I failed this test), where *этого* (this) acting as a deictic pronoun, points at the referent, which is the test. Meanwhile, the coordinate ‘there’ in most cases serves as a discourse marker, e.g., in *я возвожусь там китайскую стену* (I am building a Chinese wall), where *там* followed with a pause serves as a discourse marker of hesitation. Less frequent (however, this coordinate is used far less frequently) is its use as indexical, e.g., in *мне было в то время очень сложно* (that time was difficult for me), or iconic, e.g., in *я люблю пойти туда* (I like to go there). The results specify the frequency of pragmatic discourse markers in terms of their types [1, 2] in the considered discourse type. For instance, we observe that the spatial deictics in their discursive function more often act as boundary markers and markers of hesitation.

Overall, assessing the pragmatic potential of spatial deictic words in ontological and functional dimensions, we can claim that: 1) the deictic words expressing the coordinate ‘here’ are more frequently pragmatized in the spatial construal of referent as being absent from the situation of communication; additionally, they more commonly substitute for this referent and serve as discourse markers; 2) the deictic words expressing the coordinate ‘there’ are rarely if ever pragmatized in the spatial construal of referent as present in the situation of communication; additionally, they more commonly serve as discourse markers.

Next, we address the multimodal dimension of exploring deixis pragmaticity via the distribution of gestures. Out of 1959 cases of co-speech gesture use in the compiled corpus of first-perspective discourse, the units of analysis in 147 EDUs with deictic markers contained 259 cases. In Fig. 3, we present the overall distribution of all gestures with these 147 EDUs.

Fig. 3 shows that self-adaptors were highly frequent in the compiled subcorpus, meanwhile this is a feature of spontaneous communication⁵ [8, 19]; therefore, the distribution of other three gesture groups will be addressed next. The frequency of deictic gestures can be overall found as low in contrast with pragmatic gestures, which means that even in case of using the deictic markers in speech, the participants were mostly engaged not in specifying the object of reference in space but identifying its location in discourse (using discourse representational gestures) or emphasizing its role in discourse (using emphatic gestures). Representational gestures were as infrequent as deictic ones; however, we noticed relatively higher frequency of holding and enacting gestures, which shows that the participants in their nonverbal behavior mostly appealed to palpable features of objects or their actions with them to construe them. Below, several examples of relatively frequent co-speech gestures are presented (Fig. 4).

⁵ Cienki A., Ten Lectures on Spoken Language and Gesture from the Perspective of Cognitive Linguistics: Issues of Dynamicity and Multimodality, Brill, Leiden, Boston, 2017.

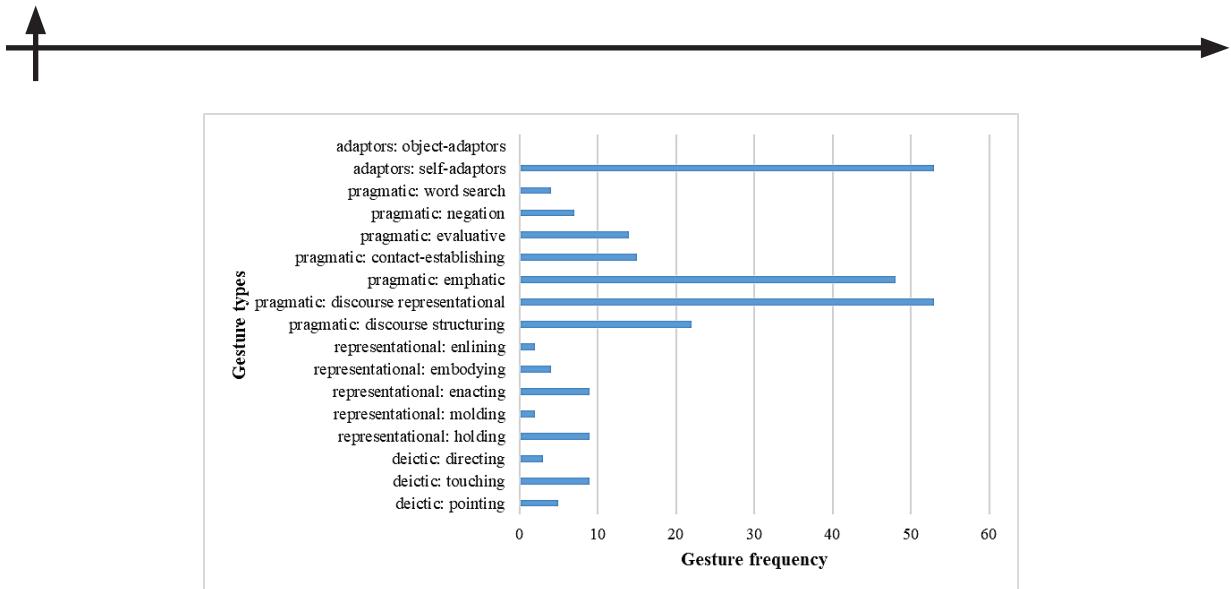

Fig. 3. Gestures distribution in the subcorpus of deictic markers in 147 EDUs

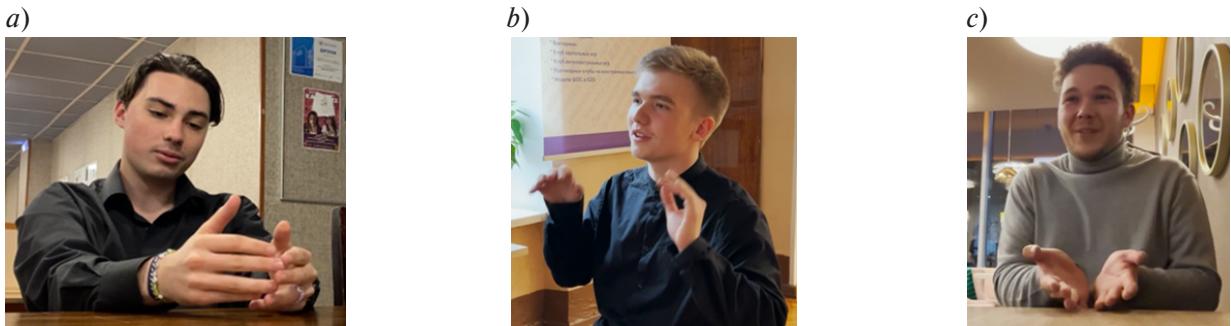

Fig. 4. a – Representational holding gesture with EDU *что я решил все эти формы отобразить в стихе*;

b – Deictic touching and pragmatic emphatic gestures with EDU *я вдохновлен сделать именно это*;

c – Multifunctional gesture with EDU *я буду это использовать потом в какой-нибудь игре*

In Fig. 4, a, while pronouncing *эти формы* (these forms) within the clause *что я решил все эти формы отобразить в стихе* (so that I decided to express all these forms as poems), the speaker uses the deictic word *эти* to point at *формы* (forms), therefore, *эти* is used as a deictic word in its indexical function. The unit of analysis *эти формы* (these forms) is aligned with a representational holding gesture. Fig. 4, b shows the speaker using EDU *я вдохновлен сделать именно это* with a deictic word *это* (it) in iconic function co-referent with the action expressing viewpoint and feelings expressed in prior context in the clause *Для меня творчество – это выражение собственной мысли, собственных чувств* (For me, creativity is expressing your viewpoint, your feelings). Two gestures co-occur with this word, which are a deictic touching gesture performed with the left hand and a pragmatic emphatic gesture performed with both hands. While presenting EDU *я буду это использовать потом в какой-нибудь игре* (I will use this later in some game), the speaker in Fig. 4, c employs the deictic word *это* (this) in its iconic function; it co-occurs with a multifunctional gesture which is deictic touching, representational holding and pragmatic discourse representational.

Next, we contrasted the gesture distribution within the first-person perspective corpus and the subcorpus of units of analysis with deictic markers (Fig. 5).

Student's *t*-test revealed the statistically significant difference in the distribution of gestures in the first-person perspective corpus and in the subcorpus of units of analysis with deictic markers, with

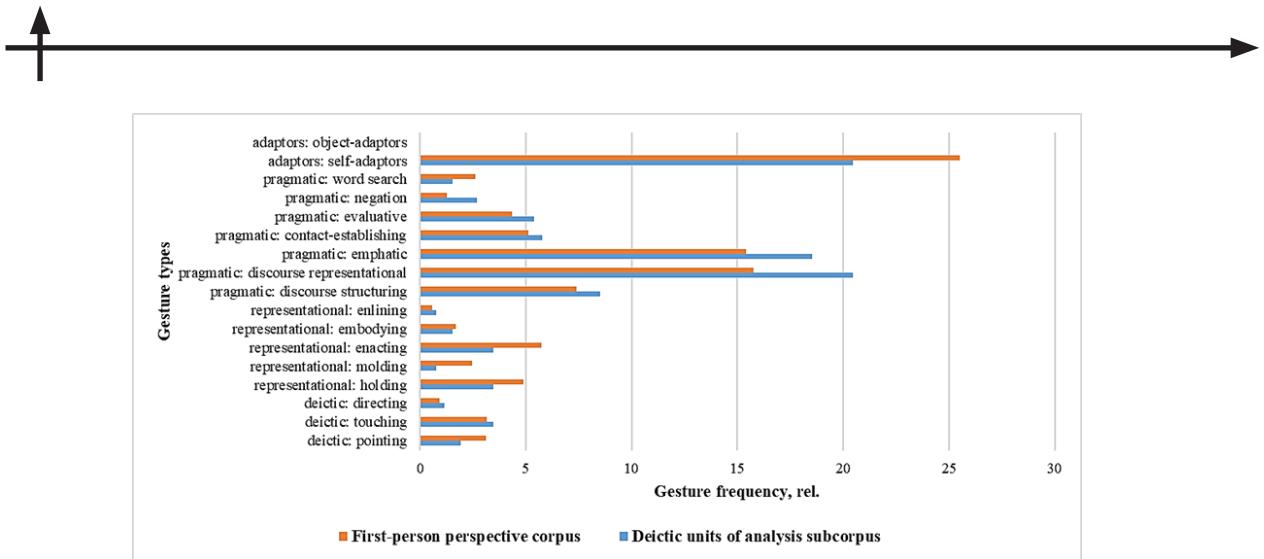

Fig. 5. Contrastive gestures distribution in the first-person perspective corpus in 725 EDUs and the subcorpus of units of analysis with deictic markers in 147 EDUs

$t(16) = -3.54$ at $p = 0.003$. Contrasting the distribution of adaptors, we noticed that their relative frequency is significantly higher in the first-person perspective corpus, which evidences that in using deixis in speech, the participants are less hesitant in forming their view even provided that a large number of deictic markers served as discourse markers not directly pointing at an object. Surprisingly although was that the number of deictic gestures was similar in the overall corpus and in the subcorpus of deictic units of analysis; pointing gestures were even more frequent in the corpus. A possible explanation is that deictic gestures were mostly used not for enhancing deixis in speech but for focalizing while not using deixis in speech, i.e., for deictically complementing non-deictic speech units. This observation seems important since it specifies the functioning of deictic gestures in discourse, since as shown in [25], they can perform other functions apart from pointing. The frequency of representational gestures in the subcorpus was also lower than in the overall corpus, which also evidences of their complementary function since the units of analysis within the subcorpus in all cases involved the nominals or the whole propositions and it was expected that we would have observed the higher use of representational gestures used with them, which did not occur. Meanwhile, we observed a marked increase in all pragmatic gestures, apart from word-search gestures, used with deictic units of analysis, which means that this was the pragmatization in nonverbal object construal, which complemented its pointing in speech. Below, we present several examples of nonverbal pragmatization of speech deixis (Fig. 6).

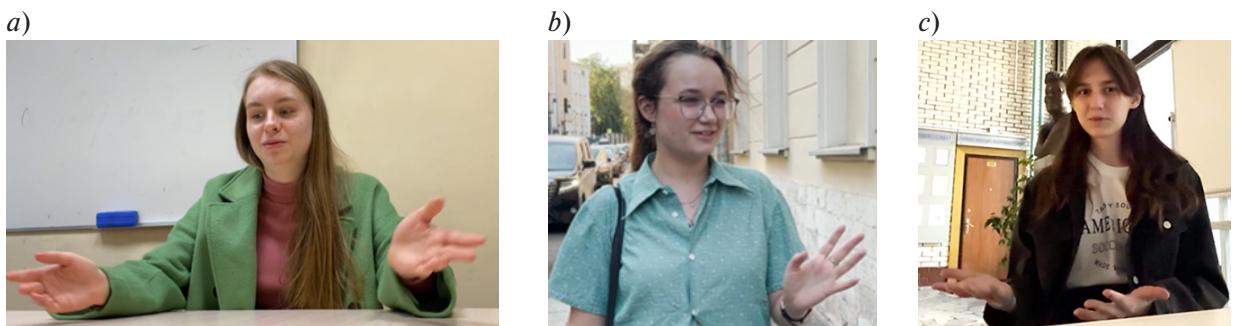

Fig. 6. a – Pragmatic emphatic gesture with EDU *я возвожу там китайскую стену*;

b – Pragmatic emphatic gesture with EDU *и теперь я об этом жалею*;

c – Pragmatic discourse structuring and contact-establishing gestures with EDU *я прямо услышала вот одну группу*

In Fig. 6, *a*, while pronouncing *там китайскую стену* (there a Chinese wall) within the clause *Я возвожу там китайскую стену* (I am building a Chinese wall), the speaker uses a pragmatic emphatic gesture. *Там* (there) does not have a direct co-referent word in prior context *я считала, что это очень масштабное что-то* (I thought that this was something very big); therefore, the word *там* (there) does not indicate a location, it functions as displaying the meaning ‘something of the sort’ or as A – marker-approximator (sort of, like, etc.) [1]. Additional pragmatization of the deictic word with a clear pragmatic function is achieved with a pragmatic emphatic gesture. In Fig. 6, *b*, in pronouncing *и теперь я об этом жалею* (And now I regret this), the speaker uses a deictic word *этом* (this), its referent is expressed in the actionalized object of the music school’s leaving expressed in prior context in *я бросила музыкальную школу* (I left the music school). While using the deictic word, the speaker performs a co-occurring pragmatic emphatic gesture. Therefore, we observe the cross-modal pragmatization of speech deixis. In Fig. 6, *c*, in using *вот* as combining indexical and discursive functions, the speaker uses a co-occurrent pragmatic gesture, which is simultaneously discourse structuring (since it presents a discourse component, here in *одну группу* (one group)) and contact-establishing due to the interviewer directed movement of her right hand.

Next, we addressed the distribution of gestures with the discourse markers expressing two coordinates, ‘here’ and ‘there’. In the subcorpus, the units of analysis in 147 EDUs with deictic markers contained 259 cases of gesture use, which means that each unit of analysis was aligned on average with 1.76 cases of gesture use. Since the number of EDUs displaying the use of ‘there’ coordinate was 8.8 times smaller, the contrastive analysis of gesture distribution with markers of two deictic coordinates was not valid. Meanwhile, we can specify that the gesture use with ‘here’ coordinate was 11.95 times higher; bearing in mind the difference in the number of EDUs with two types of deictic markers, we can claim that gestures are more frequently used with deictic markers expressing ‘here’ coordinate, which conforms to the results received in [8, 18, 19] but specifies them in contrastive aspect.

Finally, we observed the distribution of gestures in the subcorpus with three functional types of deictic markers, expressing indexical, iconic, and symbolic (discursive) function; the obtained results (in ratio) are displayed in Fig. 7.

Non-parametric ANOVA test revealed significant difference in the gesture distribution, with $F(2; 16) = 12.9$ at $p = 0.02$, which evidences that gesture use “differentiates” the functional types of deixis in speech. Considering each gesture type, we noticed that major differences were observed in the representational enacting gestures being more frequent with discourse markers, pragmatic discourse representational gestures more frequent with indexical markers, pragmatic evaluative and self-adaptor

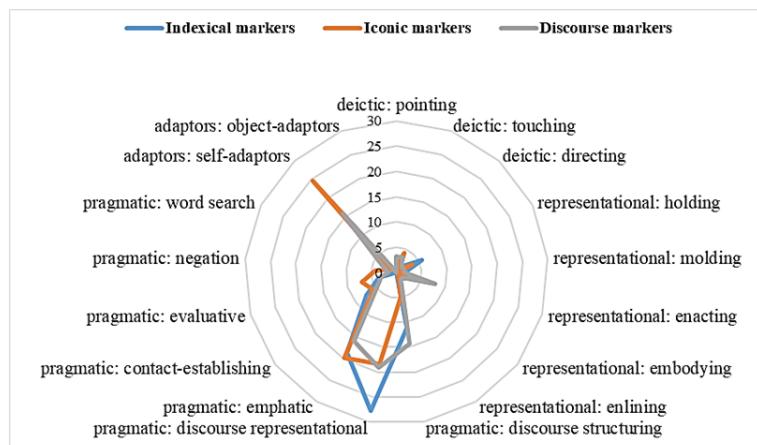

Fig. 7. Contrastive gestures distribution with deictic units of analysis in their indexical, iconic, and symbolic (discursive) functions

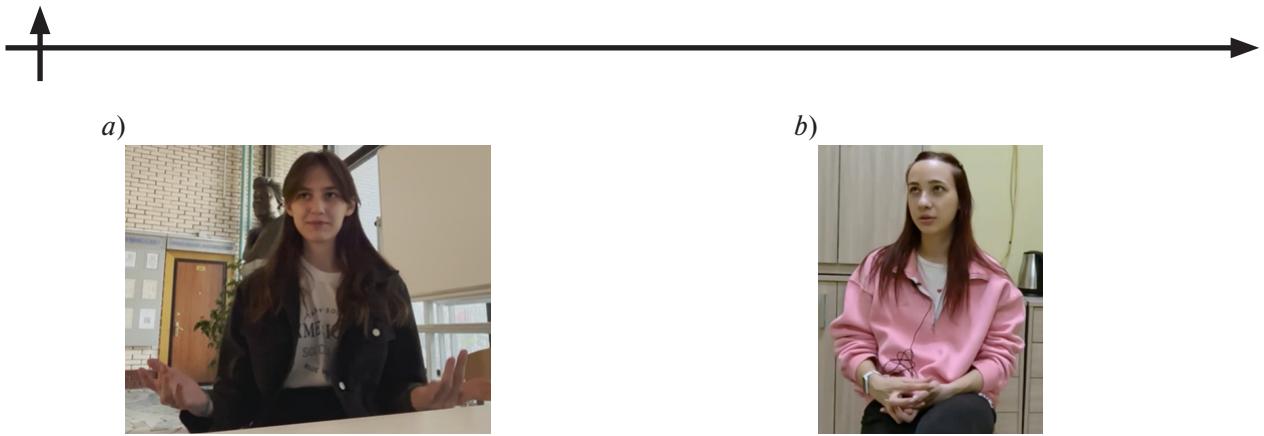

Fig. 8. a – Pragmatic discourse representational and emphatic gestures with EDU и *вот* после этого я пошла к родителям;
b – Self-adaptor with EDU и *вот* у меня бывают периоды

gestures both more frequent with iconic markers. Additionally, some gestures appear less frequently with several deictic markers (not considering very infrequent gestures); these are pragmatic discourse structuring gestures infrequent with iconic markers, pragmatic emphatic and contact-establishing gestures infrequent with discourse markers. The results show that while using indexical markers, a speaker mostly represents the role of the object of reference in discourse; using iconic markers, he additionally forms a view of objects of reference and evaluates them in gesture; using discourse markers, a speaker focuses on enacting the situation with the object of reference. Importantly, the obtained results can help differentiate the functions of deictic words in spoken discourse, which is of a special interest in terms of differentiating between indexical and discursive functions [3, 4], of which Fig. 8 can serve an example.

In Fig. 8, a, the speaker produces a clause *и вот после этого я пошла к родителям* (*and after it I went to my parents*), where the word *вот* can potentially be a discursive marker (a hesitative [2]). While pronouncing *вот*, the speaker employs a pragmatic discourse representational and emphatic gestures, which can serve to pragmatize either the time (*после*, after), the event (*этого*, it), or the referred action (the participant's coming to see the parents). In the latter case, *вот* will act as discourse marker since it will be attributed to the conceptualized proposition. Meanwhile, in the present case, the accentuated word is *этого* (it), which represents the event of reference; in pronouncing it, the participant is still employing the same gestures; therefore, the word *вот* is used here in its deictic function. In Fig. 8, b, we observe a speaker using a self-adaptor as co-occurring with *вот у меня бывают периоды* (*I have periods*), where *периоды* (periods) is the first accentuated word in the clause; consequently, *вот* clearly serves as a boundary discourse marker.

Meanwhile, other meanings expressed in the units of analysis can be focalized in the gestures apart from the deictic meaning; for instance, the meaning of the noun in the post-position to the deictic word (Fig. 9).

In pronouncing *вот самовыражение* (self-expression), a component of EDU *то есть для меня это как такое вот самовыражение* (that is for me this is a sort of self-expression), the speaker employs *вот* as part of *такое вот* (sort of), which functions as a replacement marker [1]; therefore, it constitutes a component of a discourse marker. Importantly, it co-occurs with a representational embodiment gesture, which manifests iconically the process of the speaker's self-expressing, where the hands act as embodying the speaker's performance. It is notable that this gesture is attributed to the noun *самовыражение* (self-expression) while being started at the moment of the speaker's pronouncing *вот*; therefore, the stages of gesture performance could be additionally considered for exact identification of deictic words functions.

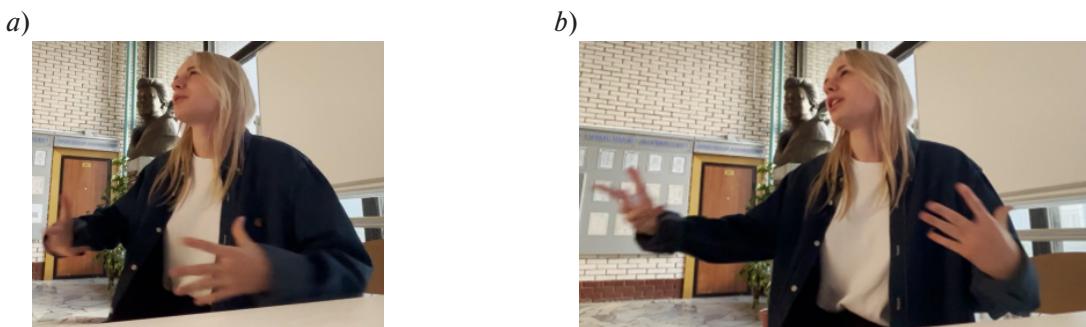

Fig. 9. Representational embodying gesture with EDU *то есть для меня это как такое вот самовыражение*

Conclusion

The study aimed to explore the pragmatization of spatial deixis in multimodal discourse has shown that pragmatization is both multi-dimensional and scaled. Considered within three dimensions, ontological spatial construal, functional construal, and multimodal construal, the study showed that each of these dimensions as well as their integration contribute to enhancing the pragmaticity of spatial deixis in speech. Meanwhile, their role in the construal of first-person perspective discourse varies. Whereas in ontological construal, the deictic markers expressing the coordinate ‘here’ display higher potential for pragmatization and the construal of farther space (60% of deictic markers), the markers expressing the coordinate ‘there’ mostly serve the semantic needs of communication in the construal of farther space. In functional construal, only approximately 25% of all deictic markers are used as pragmatic markers, which shows that their indexical and iconic potential is rather high even in the observed discourse type. In multimodal dimension, we observed very infrequent use of deictic gestures aligned with spatial deictic markers in speech, while other gestures groups, mostly pragmatic are often found. These results evidence that co-speech gestures in this case perform a complementary function; notably, in 147 EDUs under analysis 163 pragmatic gestures aligned with deictic units were found, which means that multimodal pragmaticity is expressed to a relatively higher extent than ontological and functional.

Consequently, the study has several major contributions. First, it developed the methodological framework for exploring spatial deixis pragmaticity in discourse as a cognitive, functional, and multimodal phenomenon, appearing in three dimensions. This framework may serve to establish the extent of discourse pragmaticity in application to spatial deixis in different discourse types. Additionally, if extended to explore other speech categories, provided that their specific construal operations were considered, it can serve the same purpose. Second, the study allowed to identify the extent of pragmaticity in spatial deixis construal within these dimensions in first-person perspective discourse. Importantly, we found that the pragmatic potential of these dimensions varies considerably, which should be considered in planned discourse tasks. Third, the results evidence of a high pragmatic potential of gestures in attaining the discourse pragmaticity. This observation shows that this is the complementary function of gestures, which contributes to discourse pragmaticity and which can be explored further, and not the function of enhancing the meanings expressed in speech with the same gestural meanings. Additionally, the study paves the way for an alternative approach in exploring multimodal pragmaticity taking as an origo the speaker’s position expressed in gesture and searching for its “co-gestural” meanings expressed in speech semantics.

REFERENCES

- [1] Bogdanova-Beglarian N.V., Sherstinova T.Ju., Blinova O.V., Martynenko G., Pragmatic markers distribution in Russian everyday speech: Frequency lists and other statistics for discourse modeling, Lecture Notes in Computer Science, Vol. 11658: Speech and Computer. SPECOM 2019, ed. by A. Salah, A. Karпов, R. Potapova, Springer, Cham, 2019, pp. 433–443. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_44
- [2] Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Sherstinova T.Ju., Troshchenkova E.V., Gorbunova D.A., Zajdes K.D., Popova T.I., Sulimova T.S., Pragmatic markers of Russian everyday speech: Quantitative data, Computational Linguistics and Intellectual Technologies, Moscow, 2021, pp. 119–126. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-119-126
- [3] Sokolova O.V., Feshchenko V.V., Pragmatic markers in contemporary poetry: A corpus-based discourse analysis, Russian Journal of Linguistics, 28 (3) (2024) 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
- [4] Shmelev A.D., Pragmaticalization in everyday speech, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 3 (41) (2024) 374–388. DOI: 10.31912/pvrl-2024.3.30
- [5] Stockwell P., Cognitive Poetics: An Introduction, Routledge, London, 2002.
- [6] Levinson S.C., Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing, Trends in Cognitive Sciences, 20 (1) (2016) 6–14. DOI: 10.1016/j.tics.2015.10.010
- [7] Cienki A., From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions, Languages and Modalities, 1 (2021) 17–30. DOI: 10.3897/lamo.1.68914
- [8] Iriskhanova O.K., Kiose M.I., Leonteva A.V., Agafonova O.V., Polimodal'nyj prostranstvennyj dejksis v rechi i zhestah: sistemy koordinat v jekspplanatornom diskurse [Multimodal spatial deixis in speech and gesture: frames of reference in explanatory discourse], Issues of Cognitive Linguistics, 4 (2022) 17–31. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-17-31
- [9] Stepanov Yu.S., Jazyk i metod. K sovremennoj filosofii jazyka [Language and method. Towards modern philosophy of language], Yazyki russkoi kul'tury, Moscow, 1998.
- [10] Demyankov V.Z., Sintaktika, semantika i pragmatika v nauchnom tvorchestve Ju.S. Stepanova [Syntactics, semantics and pragmatics in the scientific heritage of Yu.S. Stepanov], Jazykovye parametry sovremennoj civilizacii [Language parameters of modern civilization], Institute of Linguistics RAS, Moscow, 2013, pp. 6–13.
- [11] Apresjan V.Yu., Tut ‘right here’, zdes’ ‘here’, and sejčas ‘now’. On temporal meanings of spatial deictics, Russian Language and Linguistic Theory, 1 (27) (2014), 9–41.
- [12] Feshchenko V.V., Experimental deixis in the space of poetic text, Slovo.ru: baltic accent, 14 (2) (2023) 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
- [13] Baranov A.N., Plungyan V.A., Rakhlina E.V., Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo jazyka [Russian discourse words guide], Pomovskij and partnery, Moscow, 1993.
- [14] Shiffrin D., Discourse markers, Cambridge University Press, Cambridge, 1987.
- [15] Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Martynenko G.Ya., Sherstinova, T.Yu., Zajdes K.D., Popova T.I., Annotirovanie pragmaticeskikh markerov v russkom rechevom korpusse: problemy, poiski, reshenija, rezul'taty [Annotation of pragmatic markers in the Russian Speech Corpus: Problems, searches, solutions, results], Computational Linguistics and Intellectual Technologies, 18 (25) (2019) 72–85.
- [16] Bogdanova-Beglarian N.V., Metodika shkalirovaniya kak instrument opisanija grammatiki sovremennoj russkoj rechi [Method of scaling as an instrument to describe the grammar of contemporary Russian speech], Russkaja grammatika v dialoge nauchnyh shkol, napravlenij, metodov [Russian grammar in the dialogue of scientific schools, directions, approaches], Vladivostok, 2022, pp. 179–187.
- [17] Levinson S.C., Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity, Cambridge University Press, Cambridge, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511613609
- [18] Grishina E.A., Ukažanija rukoj kak sistema (po dannym Mul'timedijnogo russkogo korpusa) [Manual pointing as a system (featuring Multimedia Russian Corpus)], Voprosy Yazykoznanija (Topics in the Study of Language), 3 (2012) 3–50.
- [19] Kiose M.I., Polimodal'nyj prostranstvennyj dejksis v spontannom dialoge [Multimodal spatial deixis in spontaneous dialogue], Slovo i zhest [Word and gesture]. Proc. of conf., Moscow, 2025, pp. 16–26.
- [20] Kok K.I., Cienki A., Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges, Cognitive Linguistics, 27 (1) (2016) 67–100. DOI: 10.1515/cog-2015-0087

- [21] McNeill D., Pointing and Morality in Chicago, *Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet*, ed. by S. Kita, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, NJ, London, 2003, pp. 293–306.
- [22] Goldin-Meadow S., *Hearing Gesture: How Our Hands Help Us Think*, Harvard University Press, Cambridge, MA, 2005. DOI: 10.2307/j.ctv1w9m9ds
- [23] Clark H., *Pointing and Placing, Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet*, ed. by S. Kita, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, NJ, London, 2003, pp. 243–268.
- [24] Kita S., *Pointing: A Foundational Building Block of Human Communication, Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet*, ed. by S. Kita, Lawrence Erlbaum Associates Publishers, Mahwah, NJ, London, 2003, pp. 1–8.
- [25] Leontjeva A.V., *Ukazatel'nye zhesty v dialogicheskem jekspozitornom diskurse: funkci i formy [Pointing gestures in dialogical expository discourse: functions and forms]*, Slovo i zhest [Word and gesture]. Proc. of conf., Moscow, 2025, pp. 39–49.
- [26] Chernyavskaya V.E., Metapragmatics: When the author brings meaning and the addressee context, *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 17 (1) (2020) 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
- [27] Kiose M.I., Spatial deixis in spontaneous expository dialogue: Experimental study, *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3 (897) (2025) 73–80.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Bogdanova-Beglarian N.V., Sherstinova T.Ju., Blinova O.V., Martynenko G. Pragmatic markers distribution in Russian everyday speech: Frequency lists and other statistics for discourse modeling // Lecture Notes in Computer Science. Vol. 11658: Speech and Computer. SPECOM 2019 / ed. by A. Salah, A. Karlov, R. Potapova. Cham: Springer, 2019. P. 433–443. DOI: 10.1007/978-3-030-26061-3_44
2. Bogdanova-Beglarian N.V., Blinova O.V., Sherstinova T.Ju., Troshchenkova E.V., Gorbunova D.A., Zajdes K.D., Popova T.I., Sulimova T.S. Pragmatic markers of Russian everyday speech: Quantitative data // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. Moscow, 2021. P. 119–126. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-119-126
3. Соколова О.В., Фещенко В.В. Прагматические маркеры в современной поэзии: корпусно-дискурсивный анализ // *Russian Journal of Linguistics*. 2014. № 28 (3). С. 706–733. DOI: 10.22363/2687-0088-40107
4. Шмелев А.Д. Прагматикализация в разговорной речи // Труды Института русского языка имени В.В. Виноградова. 2024. № 3 (41). С. 374–388. DOI: 10.31912/pvrli-2024.3.30
5. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2002. 193 p.
6. Levinson S.C. Turn-taking in human communication – Origins and implications for language processing // *Trends in Cognitive Sciences*. 2016. Vol. 20, Iss. 1. P. 6–14. DOI: 10.1016/j.tics.2015.10.010
7. Cienki A. From the finger lift to the palm-up open hand when presenting a point: A methodological exploration of forms and functions // *Languages and Modalities*. 2021. Vol. 1. P. 17–30. DOI: 10.3897/lamo.1.68914
8. Иришанова О.К., Киосе М.И., Леонтьева А.В., Агафонова О.В. Полимодальный пространственный дейксис в речи и жестах: системы координат в экспланаторном дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2022. № 4. С. 17–31. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-17-31
9. Степанов Ю.С. Язык и метод. К современной философии языка. М.: Языки русской культуры, 1998. 784 с.
10. Демьянков В.З. Синтаксика, семантика и прагматика в научном творчестве Ю.С. Степанова // Языковые параметры современной цивилизации. М., Институт языкоznания РАН, 2013. С. 6–13.
11. Апресян В.Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов // *Русский язык в научном освещении*. 2014. № 1 (27). С. 9–41.
12. Фещенко В.В. Экспериментальный дейксис в пространстве поэтического текста // Слово.ru: балтийский акцент. 2023. № 14(2). С. 49–66. DOI: 10.5922/2225-5346-2023-2-3
13. Баранов А.Н., Плунгян В.А., Рахилина Е.В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М.: Поморский и партнёры, 1993. 205 с.

14. Shiffrin D. Discourse markers. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 364 p.
15. Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю., Зайдес К.Д., Попова Т.И. Аннотирование pragматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и информационные технологии. 2019. № 18 (25). С. 72–85.
16. Богданова-Бегларян Н.В. Методика шкалирования как инструмент описания грамматики современной русской речи // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов. Владивосток, 2022. С. 179–187.
17. Levinson S.C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 414 p. DOI: 10.1017/CBO9780511613609
18. Гришина Е.А. Указания рукой как система (по данным Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкоznания. 2012. № 3. С. 3–50.
19. Киосе М.И. Полимодальный пространственный дейксис в спонтанном диалоге // Слово и жест: мат. конф. М., 2025. С. 16–26.
20. Kok K.I., Cienki A. Cognitive Grammar and gesture: Points of convergence, advances and challenges // Cognitive Linguistics. 2016. № 27 (1). P. 67–100. DOI: 10.1515/cog-2015-0087
21. McNeill D. Pointing and Morality in Chicago // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet / ed. by S. Kita. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003. P. 293–306.
22. Goldin-Meadow S. Hearing Gesture: How Our Hands Help Us Think. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2005. 304 p. DOI: 10.2307/j.ctv1w9m9ds
23. Clark H. Pointing and Placing // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet / ed. by S. Kita. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003. P. 243–268.
24. Kita S. Pointing: A Foundational Building Block of Human Communication // Pointing: Where Language, Culture, and Cognition Meet / ed. by S. Kita. Mahwah, NJ; London: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2003. P. 1–8.
25. Леонтьева А.В. Указательные жесты в диалогическом экспозиторном дискурсе: функции и формы // Слово и жест: мат. конф. М., 2025. С. 39–49.
26. Чернявская В.Е. Метапрагматика коммуникации: когда автор приносит свое значение, а адресат свой контекст // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2020. Т. 17, № 1. С. 135–147. DOI: 10.21638/spbu09.2020.109
27. Киосе М.И. Пространственный дейксис в спонтанном экспозиторном диалоге: экспериментальное исследование // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 3 (897). С. 73–80.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Maria I. Kiose
Киосе Мария Ивановна
E-mail: maria_kiose@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Поступила: 31.07.2025; Одобрена: 04.09.2025; Принята: 19.09.2025.
Submitted: 31.07.2025; Approved: 04.09.2025; Accepted: 19.09.2025.